K80 1/77

R 8077

ПУБЛИЧНЫЯ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЛЕКЦІИ

О

ПРЕПОДАВАНІИ ВЪ ШКОЛАХЪ ДЛЯ СОЛДАТЪ,

ЧИТАННЫЯ

ВЪ КАЗАНСКОМЪ ПѢХОТНОМЪ ЮНКЕРСКОМЪ УЧИЛИЩѢ,

для ознакомленія юнкеровъ училища и гг. офицеровъ съ правилами методики элементарныхъ наукъ, законоучителемъ училища и преподавателемъ русскаго языка священникомъ Кремлевской церкви военнаго вѣдомства

П. Заринскимъ.

1351

КАЗАНЬ.
Типограф. **М. А. Гладышевой**, на Воскр. ул., въ д. Месетникова.
1870 г.

К 80 1/xx

ПУБЛИЧНЫЯ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЛЕКЦІИ

О

ПРЕПОДАВАНІИ ВЪ ШКОЛАХЪ ДЛЯ СОЛДАТЪ,

читанныя въ Казанскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ, для ознакомленія юнкеровъ училища и гг. офицеровъ съ правилами методики элементарныхъ наукъ, законоучителемъ училища и преподавателемъ русскаго языка священникомъ Кремлевской церкви военнаго вѣдомства

П. Заринскимъ.

1351

КАЗАНЬ.
Типографія М. А. Гладышевой, на Воскр. ул., въ д. Месетникова.
1869 г.

Цензурою дозволено. Казань, 1 Сентября 1869 г.

БИБЛИОТЕКА
Государ Историч. Музея
№ 14864
16 а VIII 1932

* * *

Гг! Содержаніемъ настоящихъ лекцій [1]) будетъ порядокъ и способы первоначальнаго обученія въ солдатскихъ школахъ, о которыхъ въ настоящее время особенно заботится наше просвѣщенное Правительство, находя въ нихъ единственное средство къ умственному развитію солдатъ, составляющему одинъ изъ основныхъ камней современной тактики. Съ другой стороны въ самомъ правильномъ развитіи солдатскихъ школъ нельзя не видѣть одного изъ средствъ для распространенія просвѣщенія въ народныхъ массахъ, изъ среды которыхъ временно поступаетъ въ военную службу нашъ простолюдинъ. Приступая къ изложенію способовъ первоначальнаго обученія, мы не можемъ не высказать той мысли, что всякая учительская дѣятельность — совершается ли она въ подготовленной или совершенно неразвитой средѣ—есть дѣло серьёзное, всегда требующее отъ преподавателя полнаго вниманія: всякій преподаватель долженъ усвоить себѣ извѣстныя качества, необходимыя для успѣшнаго хода школьнаго дѣла, прежде чѣмъ примется за дѣло преподаванія. Тѣмъ болѣе такого рода подготовка требуется для преподавателя

[1]) Лекціи читаны авторомъ въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1868 г., по вечерамъ въ залѣ Казанскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища; отзывы о настоящихъ лекціяхъ помѣщены въ Рус. Инвал. 1869 г. № 11 стр. 5 въ Голос. 1869 г. № 12 стр. 2 и 3.

солдатской школы, которая должна имѣть не одно только образовательное, но и отчасти воспитательное значеніе для нашего солдата. Послѣднее значеніе солдатской школы будетъ понятно для насъ, когда мы вспомнимъ, съ какими грубыми понятіями поступаетъ часто нашъ простолюдинъ въ военную службу, какъ бываютъ не полны и не правильны его нравственныя и умственныя понятія, его взгляды на свои обязанности и права. Потому прежде изложенія способовъ преподаванія мы выскажемъ нѣсколько общихъ педагогическихъ замѣчаній, большая часть которыхъ провѣрена нашимъ 16-ти лѣтнимъ опытомъ, о качествахъ, необходимыхъ для преподавателя. Опытная наука объ обученіи (педагогическая дидактика) для многихъ изъ насъ—terra incognita (заповѣдная земля), между тѣмъ умѣнье вести школу облегчаетъ тяжкій трудъ преподаванія на половину.

Современная наука о методахъ преподаванія (методика) всѣ способы преподаванія весьма разумно основываетъ на знаніи способностей человѣческой души, а главнымъ образомъ: на законахъ умственной дѣятельности человѣка. Дѣйствительно безъ знанія этихъ законовъ учитель никогда не съумѣетъ понять сущности и цѣли того или другаго учебнаго пріема, никогда не будетъ въ состояніи успѣшно примѣнить къ дѣлу ни одной методы преподаванія или провѣрить ея правильность. Потому прежде сужденія о методахъ мы рѣшились сдѣлать краткій, доступный для всякаго, болѣе практическій, чѣмъ теоретическій, обзоръ познавательныхъ способностей души человѣка.

Послѣ этого обзора будутъ разсмотрѣны нами всѣ извѣстныя своею практичностью и остроуміемъ методы элементарнаго преподаванія, какъ вообще, (т. е. общеметодическія), такъ и въ частности (частно-методиче-

скія) чтенію, письму, ариѳметикѣ и т. п., съ сужденіями о примѣнимости или негодности каждой изъ нихъ для нашихъ солдатскихъ школъ. Чтенія наши будутъ закончены указаніемъ способовъ дальнѣйшаго умственнаго развитія солдатъ, указаніемъ матеріала для школьныхъ бесѣдъ съ солдатомъ, съ цѣлію сообщить ему полезныя для его быта свѣдѣнія по исторіи, географіи и естествознанію, наконецъ критикой книгъ, которыя могутъ войти въ составъ солдатскихъ библіотекъ. Такимъ образомъ наши чтенія будутъ главнымъ образомъ раздѣлены на двѣ части: теоретическую и практическую, или общую и частную.

Наконецъ своимъ долгомъ мы считаемъ просить снисхожденія вашего, Гг!, что наши чтенія не будутъ имѣть блестящей формы публичныхъ лекцій. Публичность настоящихъ лекцій дѣло случая [2]); первоначально же онѣ назначены были для классныхъ бесѣдъ съ учениками юнкерскаго училища [3]). Не наша вина, если нѣкоторые отдѣлы лекцій покажутся для нашихъ слушателей отвлеченными и потому скучными: въ этомъ виновата наука, которая прежде всего заботится о точности вывода, а каждый выводъ въ свою очередь требуетъ со стороны слушателя вниманія и значительной доли умственнаго труда. Всякое положеніе, высказываемое голословно, а не прямо вытекающее изъ

---

[2]) Командующему войсками Казанскаго военнаго округа Г. Генералъ-Адъютанту, Генералу отъ Инфантеріи Б. Г. Глинкѣ-Маврину, угодно было извѣщеніемъ по гарнизону г. Казани, отъ 6 Октября 1868 года, лекціи эти сдѣлать доступными для всѣхъ лицъ военнаго званія, пригласивъ къ слушанію ихъ всѣхъ желающихъ Гг. Генераловъ и Штабъ и Оберъ Офицеровъ войскъ, въ Казани расположенныхъ, и удостоить лектора своимъ присутствіемъ при чтеніи лекцій.

[3]) Инціатива лекцій принадлежитъ Управленію Военно-Учебныхъ Заведеній, въ которомъ еще въ 1867 году было предположено ознакомить юнкеровъ училищъ съ элементарнымъ преподаваніемъ.

добытыхъ наукою фактовъ, не прочно и не логично. При составленіи лекцій насъ руководило одно желаніе, чтобы, по выслушаніи ихъ офицеръ-преподаватель получилъ понятіе о всемъ томъ, что нужно знать, чтобы правильно вести школу и разумно владѣть способами обученія; [4]) а въ случаѣ напечатанія лекцій—имѣлъ бы книгу, гдѣ онъ бы нашелъ готовый отвѣтъ на всякій вопросъ, рѣшеніе котораго ему необходимо для веденія полковой школы. Лекціи эти, какъ первый трудъ въ этомъ родѣ, не могутъ не имѣть нѣкоторыхъ пробѣловъ: исправленіе ихъ возможно только при правильной дальнѣйшей разработкѣ вопроса о грамотныхъ школахъ русской арміи.

---

[4]) Мы слышимъ и сами повторяемъ слова: мониторіальная или ланкастерская метода, метода Золотова, ариѳметика по Грубе; но большая часть этихъ названій для насъ слова безъ значенія.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ

о томъ, какое значеніе имѣетъ развитіе грамотности въ войскахъ и что требуется со стороны офицера, преподавателя солдатской школы, чтобы эта школа имѣла успѣхъ.

Содержаніе лекціи: Что должно разумѣть подъ словомъ: «грамотность»; важное значеніе грамоты для человѣка необразованнаго; распространеніе грамотности въ войскахъ должно имѣть ближайшею своею цѣлью—умственное развитіе солдата, дальнѣйшая его цѣль—распространеніе грамотности въ народѣ. Высокая цѣль всякой учительской дѣятельности—своимъ трудомъ способствовать къ развитію людей необразованныхъ, польза дѣятельности офицера, какъ учителя солдатъ, и ея слѣдствіе—нравственное вліяніе офицера на солдата, о пріобрѣтеніи котораго офицеръ долженъ заботиться прежде всего. Качества, необходимыя для учителя: твердость убѣжденій; искреннее желаніе принести пользу своимъ преподаваніемъ; настойчивость и терпѣніе, неспособное раздражаться кажущимся неуспѣхомъ дѣла; полное вниманіе къ дѣлу или заботливость въ обученіи, а оттуда стараніе пріобрѣсти умѣнье пользоваться къ мѣсту и времени пріемами преподаванія; воздержность въ преподаваніи или умѣнье сообразовать сообщаемыя свѣдѣнія со степенью пониманія и духовнаго развитія учащихся; уваженіе къ себѣ и самообладаніе; частное примѣненіе этихъ качествъ къ преподаванію въ солдатской школѣ; необходимость для учителя дальнѣйшаго самообразованія и средства къ тому.

Подъ словомъ «грамотность» разумѣется нѣчто большее, чѣмъ простое умѣнье читать и писать. Подъ словомъ: «грамотѣй» народъ разумѣетъ человѣка, получившаго первоначальное образованіе, достаточное для того, чтобы съ толкомъ читать книгу, съ толкомъ излагать свои мысли. Въ болѣе обширномъ смыслѣ

подъ именемъ грамотѣя разумѣютъ начетчика, преимущественно священныхъ книгъ, — человѣка, сужденія котораго имѣютъ нѣкоторый авторитетъ въ извѣстномъ кругу. Въ этомъ отношеніи, какъ весьма справедливо замѣчаетъ нѣмецкій путешественникъ по Россіи Адольфъ Эрманъ [5]), понятіе нашего простонародья о грамотности есть остатокъ древняго византійскаго идеала, перенесеннаго цѣликомъ на русскую почву еще въ XI вѣкѣ. Въ обществѣ нашемъ пока не сложилось опредѣленнаго понятія о значеніи слова: «грамотность», что особенно замѣтно изъ преній въ земскихъ собраніяхъ. Когда былъ поднятъ въ земскихъ собраніяхъ вопросъ о народномъ образованіи, нѣкоторые члены земства въ своихъ рѣчахъ положительно отдѣляли грамотность отъ первоначальнаго народнаго образованія, понимая ее, какъ средство къ сему послѣднему, и полагая грамотность, ожидаемую отъ народныхъ школъ, въ кое-какомъ умѣньи читать и писать; другіе же подъ грамотностью разумѣли правильное первоначальное образованіе, т: е: болѣе простаго постиженія процесса чтенія, письма и счета. Большинство земскихъ собраній высказалось за грамотность въ этомъ послѣднемъ цивилизующемъ ея значеніи. Такъ понимается слово: «грамотность» большею частію и въ нашей литературѣ; напримѣръ, подъ словами: «грамотность въ войскахъ», «грамотность въ народѣ» разумѣется умѣнье читать и правильно понимать прочитанное, причемъ книга становится доступной простолюдину, а чтеніе дѣлается любимымъ его занятіемъ. Вмѣстѣ съ этимъ грамотность должна дать простолюдину умѣнье въ связи и толково изложить свои мысли на бумагѣ и примѣнить къ жизни ариѳметическія познанія.

Грамотность, принимается въ такомъ смыслѣ, есть начало умственнаго развитія человѣка, — основной камень науки, безъ котораго не мыслимъ ни умственный, ни нравственный прогрессъ человѣка. Уже первый духовный трудъ, подъ условіемъ котораго неграмотный пріобрѣтаетъ умѣнье читать и писать, развиваетъ умъ простолюдина, пріучая его самого къ самодѣя-

---

[5]) Reise T. I. s. 95—96.

тельности, къ увѣренности въ своихъ духовныхъ силахъ, и разомъ ставитъ необразованнаго за ту грань, которая, какъ китайская стѣна, отдѣляетъ невѣжество отъ образованности, — умственный мракъ отъ свѣта. Вотъ чѣмъ объясняется та наивная радость, которую выказываетъ нашъ солдатъ или взрослый крестьянинъ, когда ему удается выучиться разбирать печатное или въ первый разъ записать что-нибудь со словъ учителя на бумагу [6]). Грамота — великое дѣло для простолюдина: въ нашемъ крестьянствѣ есть повѣрье, что въ обученіи грамотѣ много таинственнаго, что для этого даже нужно имѣть особый складъ головы [7]). Повѣрье это доказываетъ уваженіе народа къ грамотѣ. Простолюдинъ нашъ, незнающій грамотѣ, называетъ себя: «человѣкомъ темнымъ», т: е: слѣпымъ; мы люди темные, говорятъ наши мужики; «ученье — свѣтъ, а неученье — тьма», гласитъ наша народная поговорка. Весьма удачное сравненье придумалъ русскій народъ, чтобы очертить умственное состояніе человѣка неграмотнаго. Въ самомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ неграмотный не имѣетъ такого разительнаго сходства, какъ съ слѣпорожденнымъ. Слѣпому вовсе неизвѣстенъ Божій міръ, съ его стройною красотою: при отсутствіи чувства зрѣнія никакое человѣческое искусство не дастъ человѣку понятія о томъ, что можетъ быть постигнуто зрѣніемъ. Точно такъ и безгра-

[6]) Г. Даниловъ разсказываетъ, что въ школѣ для взрослыхъ, открытой на академической фермѣ села Петровскаго-Разумовскаго (Ясн. Пол. школа журн. педагог. Гр. Толстаго 1862. Мс. №8 стр. 69). когда ученикамъ, научившимся писать азбуку, говорили легкія, короткія слова и просили написать ихъ, они исполняли это съ какою-то нерѣшительностью. «Когда напишетъ ученикъ-крестьянинъ требуемое слово и прочтетъ, то на лицѣ его можно замѣтить безпредѣльное удивленіе и даже недовѣріе къ самому себѣ—что онъ умѣетъ писать». Въ одной изъ Казанскихъ воскресныхъ школъ мы сами были свидѣтелями, какъ одинъ пожилой мѣщанинъ, въ первый разъ разобравъ нѣсколько словъ въ книгѣ, съ умиленіемъ началъ молиться Богу.

[7]) Однажды проходя по Бобруйскому лагерю, гдѣ стоялъ въ 1850 году нашъ полкъ, я былъ свидѣтелемъ такой сцены. Въ палатку къ грамотному старику—гренадеру пришелъ рекрутикъ, съ слезной просьбой научить его грамотѣ; при этомъ проситель выразилъ сомнѣніе, что грамота едва ли ему дастся. Старикъ внимательно посмотрѣлъ ему въ глаза, ощупалъ ему голову и съ важностью сказалъ: «Вздоръ! выучиться грамотѣ можешь», и они сѣли за азы.

мотному недоступенъ міръ отвлеченный, духовный, о которомъ онъ можетъ только получать свѣдѣнія отъ другихъ; слѣдовательно долженъ принимать все на вѣру, а не отъ собственнаго опыта. Слѣпой ходитъ ощупью, зависитъ вполнѣ отъ вожатаго; безграмотный долженъ до всего доходить однимъ тяжелымъ жизненнымъ опытомъ, съ которымъ неразлучны ошибки, между тѣмъ какъ образованный приходитъ къ той же цѣли вдвое скорѣе путемъ науки; въ своихъ частныхъ занятіяхъ, безграмотный долженъ зависѣть отъ другихъ. «Ученый водитъ,» говоритъ народная мудрость, «а неученый слѣдомъ ходитъ». Грустно бываетъ видѣть въ нашемъ отечествѣ, иногда цѣлыя мѣстности, погруженныя въ безъисходное невѣжество. Неумѣнье высказывать понятно самую нехитрую мысль, толково передать немудреное порученіе, незнаніе, какъ отличить безнравственное повѣрье отъ добраго,—законное дѣйствіе отъ противозаконнаго, словомъ—повсюду умственное безсиліе и безпомощность, высказывающаяся въ неумѣньи защититься отъ наглаго сторонняго произвола и эксплоатаціи кровнаго своего труда, наконецъ лѣнь и животная наклонность найти забвеніе въ пьянствѣ служатъ обыкновенными послѣдствіями такого невѣжества [8]). Печальныя думы возбуждаетъ подобная картина. Но что же дѣлать обществу? На подобныя вещи никто не въ состояніи смотрѣть, сложа руки: такъ въ нихъ много отрезвляющаго и грубо-сталкивающаго съ прозаическою дѣйствительностью. Неужели же обществу успокоиваться выводами ученыхъ, въ родѣ Бокля, [9]) что грамотность есть слѣдствіе матеріальнаго довольства и потому при благосостояніи народа уровень образованности неминуемо поднимется? Оно можетъ быть и такъ; но кто же будетъ отрицать, что школы и грамотность поднимаютъ въ массахъ народную мысль, что книги пріучаютъ народъ къ разумному труду и такимъ образомъ въ свою очередь способствуютъ къ матеріальному благосостоянію.

[8]) Кому знакома повѣсть Рѣшетникова: «Подлиповцы» или бытъ нашихъ бѣлорусскихъ крестьянъ, тотъ согласится, что мои слова—не пустыя фразы.

[9]) Афоризмъ Бокля: «Безъ богатствъ нѣтъ досуга, безъ досуга нѣтъ знаній». См. Ист. цивил. въ Англіи изд. 2. Спб. 1864. Т. I. ч. 1. стр. 31.

Когда человѣкъ тонетъ, не время разсуждать, въ силахъ-ли мы его спасти; а всего естественнѣе браться за то средство, которое подъ рукой. Грамотность, какъ одно изъ условій, при которыхъ возможенъ выходъ изъ невѣжества для нашего простонародья, будетъ великимъ даромъ нашему народу,—будетъ ли онъ ниспосланъ свыше отъ Правительства, или же принесенъ частнымъ доброхотствомъ русскаго общества.

Съ освобожденіемъ нашихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости начинается стремленіе Правительства и сочувствіе русскаго общества къ великому дѣлу образованія народа. Понятно, что это стремленіе разлить свѣтъ образованія на народныя массы не могло не отразиться и на войскахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ просвѣщенныхъ правительственныхъ мѣръ—развить грамотность между солдатами, большинство которыхъ выходитъ изъ простонародья, находится въ связи съ общимъ народнымъ образованіемъ. Рядъ правительственныхъ узаконеній: уменьшеніе срока военной службы, увольненіе большей части солдатъ арміи на родину во временный и безсрочный отпуски, наконецъ Высочайше утвержденное въ 25 день Іюня 1867 года Положеніе, по которому лица, городскаго и сельскаго сословія, вступая въ военную службу, продолжаютъ числиться въ составѣ тѣхъ обществъ, изъ которыхъ они поступили на службу, и сохраняютъ всѣ права, принадлежащія имъ въ составѣ общества, (гл. 1 п. 1) дѣлаютъ солдата тѣмъ же поселяниномъ, членомъ наравнѣ съ прочими сельскаго общества, «мірскимъ человѣкомъ», какъ выражается Погоскій, временно взятымъ только на службу, а по окончаніи ея, становящагося въ ряды того же простонародья, объ устроеніи быта котораго и объ образованіи заботится Правительство. Солдатъ пересталъ быть отрѣзаннымъ ломтемъ, онъ и дѣти его члены русскаго земства, онъ имѣетъ право на всѣ тѣ благодѣянія Правительства, которыя падаютъ на народъ. Потому если въ народѣ принимаютъ мѣры къ развитію грамотности, то она должна развиться и между солдатами.

Съ другой стороны коренное измѣненіе взгляда на обученіе и развитіе солдата имѣло своимъ неминуемымъ послѣдствіемъ

введеніе грамотности въ войскахъ. Перестали смотрѣть на войско, какъ на безсознательную массу, которая страшна только дисциплиной и штыкомъ. Опыты послѣднихъ европейскихъ войнъ показали, что умственно развитое войско, въ которомъ каждый солдатъ проникнутъ сознаніемъ своего долга, отличается отчетливымъ знаніемъ своего ремесла, всегда беретъ верхъ надъ войскомъ мало-развитымъ, хотя въ этомъ послѣднемъ строга и дисциплина и приняты всѣ внѣшнія мѣры, обусловливающія успѣхъ войны. Такимъ образомъ въ настоящее время одиночное обученіе солдата и умственное его развитіе сосредоточиваютъ на себѣ все вниманіе и заботу людей, призванныхъ начальствовать арміею. Между тѣмъ *умственное и нравственное развитіе солдата вполнѣ обусловливаются его грамотностію, потому что нельзя не признать той истины, что однимъ изъ могущественныхъ средствъ такого развитія есть литература, а орудіе ея—грамотность.* Вотъ почему въ число занятій солдата, какъ непремѣнное слѣдствіе общихъ, государственныхъ и частныхъ, военныхъ реформъ послѣдняго времени, какъ прямой выводъ новаго взгляда на солдата, вошла грамотность. Рядомъ приказовъ по военному вѣдомству приняты были мѣры къ заведенію въ войскахъ ротныхъ, баталіонныхъ и полковыхъ школъ, ассигнованы были извѣстныя суммы на пріобрѣтеніе для этихъ школъ учебныхъ пособій, для покупки книгъ въ составъ ротныхъ библіотекъ и т. д. Мы должны сознаться, что дѣло обученія грамотѣ, какъ всякое нововведеніе, сначала встрѣчало не мало препятствій и со стороны солдатъ, и со стороны начальниковъ, привыкшихъ къ старымъ порядкамъ и видѣвшихъ въ попыткахъ образовать солдата непрактическую, идеальную мѣру, но впослѣдствіи дѣло распространенія образованія въ войскахъ начинаетъ давать болѣе или менѣе утѣшительные результаты: войска начинаютъ сами мало по малу обзаводиться грамотными и достаточно развитыми унтеръ-офицерами; школы, заведенныя при резервныхъ баталіонахъ, приготовляютъ писарей [10]), сдѣлавъ ненужными

[10]) Прик. Г. Воен. Мин. 1866 № 297. См. Замѣтка о писар. клас. при рез. батал. В. Зубова Воен. Сбор. 1867 г. Декабрь стр. 242.

значительныя затраты суммъ на поддержаніе другихъ, на этотъ предметъ, военныхъ учрежденій. Къ удовольствію людей, заинтересованныхъ дѣломъ благосостоянія арміи, одновременно съ развитіемъ грамотности, поднимается уровень нравственности въ войскахъ: постепенно уменьшаются побѣги нижнихъ чиновъ, эта язва арміи въ былое время, уничтожается безобразное пьянство, и въ самомъ солдатѣ возникаетъ чувство законности и неуклоннаго исполненія своихъ обязанностей не изъ одного страха, русскій простолюдинъ видитъ въ военной службѣ честную службу царю и отечеству. Все это, вмѣстѣ съ отмѣной тѣлеснаго наказанія въ войскахъ и съ воспрещеніемъ обществамъ отдавать въ солдаты за пороки, какъ это дѣлалось прежде, обѣщаетъ еще болѣе поднять образованіе и нравственность въ арміи. Нельзя не согласиться съ однимъ нашимъ военнымъ писателемъ, что мы, служащіе при войскахъ въ настоящую эпоху, славную мудрыми правительственными распоряженіями, присутствуемъ при совершеніи жизненнаго процесса, переживаемъ самый любопытный періодъ, самый впечатлительный моментъ русской арміи. Армія наша переходитъ отъ дѣтства къ юношеству, отъ безсознательности и безотвѣтности къ пониманію чувства долга, отъ преобладанія формы къ духовному развитію [11]). При этомъ конечно нельзя не сознаться, что развитіе грамотности въ войскахъ еще заставляетъ желать многаго [12]); но доброе начало—половина дѣла.

Этимъ просвѣщеннымъ мѣрамъ Военнаго Министерства, старающагося поднять грамотность въ войскахъ, не можетъ не сочувствовать какъ все наше военное сословіе, такъ и образованное большинство русскаго общества. Образованіе нашего простонародья, какъ мы замѣтили выше, есть насущный вопросъ для Россіи; но успѣшное разрѣшеніе его тормозятъ: бѣдность сельскаго населенія, недостатокъ учителей и далеко не уничтожившаяся, странная, объясняемая только историческими

[11]) См. Воен. Сборн. 1866 г. № 6. «О грамотности въ войскахъ» ст. А. Погоскаго стр. 251.

[12]) По оффиціальнымъ отчетамъ въ нѣкоторыхъ войскахъ (напр: кавказской арміи) грамотныхъ не болѣе 47% и 49%.

обстоятельствами, склонность нашего народа къ умственному отщепенству, вѣковое отвращеніе его отъ свѣта науки, особенно такъ рѣзко проявляющееся въ средѣ раскола. По этому поводу, въ нашей литературѣ [13]) нѣсколько разъ съ 1857 года былъ поднятъ и обсуживаемъ вопросъ: не можетъ ли нашъ простой народъ въ хорошо обученныхъ солдатахъ полковыхъ школъ пріобрѣсть годныхъ *на первый разъ* учителей грамотности? Попытаемся рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли сбыточны подобнаго рода надежды.

Всякій, кто хорошо знакомъ съ нашимъ простонароднымъ бытомъ, не задумываясь, рѣшитъ, что подобнаго рода надежда не лишена основанія. Правильно организованныя школы въ войскахъ могли бы, безъ всякаго сомнѣнія, дать даровыхъ учителей грамотности нашимъ сельскимъ обществамъ, учителей, которымъ нашъ простой народъ болѣе сочувствовалъ бы, чѣмъ учителямъ изъ другихъ сословій; потому что при настоящихъ узаконеніяхъ солдатъ, по возвращеніи на родину, становится въ ряды того же простонародья, дѣлается опять одною съ нимъ плотью и кровью. Послѣднее обстоятельство весьма важ-

---

[13]) Въ статьѣ Отеч. Зап. 1862 года № 2: «Неужели упадутъ воскресныя школы» Г. Водовозовъ указываетъ на пользу допущенія къ преподаванію въ воскресныхъ школахъ унтеръ-офицеровъ и вообще лицъ простаго сословія. «Знакомство ихъ съ потребностями народа могло бы принести пользу прочимъ преподавателямъ воскресныхъ школъ», замѣчаетъ авторъ. Точно такая же мысль была высказана, по поводу воскресныхъ школъ, въ Военномъ Сборникѣ 1861 года № 5. «Фейерверкеры Артиллерійскихъ школъ, исполняя свои обязанности помощниковъ офицеровъ при преподаваніи различныхъ предметовъ въ дивизіонныхъ и окружныхъ школахъ, доказали, съ какимъ терпѣніемъ и добросовѣстнымъ стараніемъ выполняютъ они свои обязанности. Но если фейерверкеры имѣютъ большое вліяніе на успѣхъ образованія нижнихъ чиновъ; то они могутъ быть хорошими преподавателями и въ воскресныхъ школахъ». Въ одномъ изъ засѣданій Московскаго земскаго собранія 1868 года гласный Г. Самаринъ заявилъ фактъ, что большая часть сельскихъ школъ Московской губерніи основана отставными солдатами. (Вѣстн. Европ. 1868 года № 5, Современ. Хроника, стр. 366). Маіоръ Лишинъ въ статьѣ: «Образованіе рекрутъ», помѣщенной въ Воен. Сборн. 1866 г. № 3 (стр. 87) замѣчаетъ: «Мы смотримъ на обученіе солдатъ грамотѣ съ особеннымъ уваженіемъ, потому что этимъ путемъ вносится образованіе въ массу народа».

но: при настоящихъ своихъ предубѣжденіяхъ противъ образованія, при недовѣрчивости своей къ учителямъ, назначаемымъ безъ согласія общинъ, нашъ простой народъ готовъ питать безграничное довѣріе къ своему брату грамотѣю. Этимъ объясняется существованіе повсюду частныхъ грамотныхъ школъ рядомъ съ школами отъ Правительства и даже успѣшная конкурренція первыхъ школъ со вторыми. Мысль объ участіи грамотныхъ солдатъ въ распространеніи образованія въ сельскомъ населеніи не можетъ не оправдываться также недостаткомъ учителей для сельскихъ школъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія долго не будетъ въ состояніи удовлетворить этой потребности посредствомъ своихъ педагогическихъ школъ. Участіе въ народномъ образованіи нашего сельскаго духовенства, при занятіяхъ его своими прямыми обязанностями и сельскимъ хозяйствомъ, точно также представляютъ мало надежды на успѣшный ходъ образованія въ сельскомъ населеніи: порядокъ школы обусловливается возможно частымъ присутствіемъ учителя среди учениковъ. Такимъ образомъ просвѣщеніе народа должно по прежнему остаться въ рукахъ нашихъ доморощенныхъ грамотѣевъ, роль которыхъ въ образованіи народа давно признана вредною. Спрашивается, почему же не допустить къ преподаванію въ наши сельскія школы нашихъ заслуженныхъ солдатъ, если только они получатъ правильное первоначальное образованіе, если только большая часть изъ нихъ займется дѣломъ обученія съ охотой и любовью. Что касается до этой охоты, до этого доброжелательства въ дѣлѣ обученія, то его въ нашемъ солдатѣ очень много. Не разъ, не два намъ случалось наблюдать, какъ наши солдаты, стоя на просторныхъ квартирахъ по селеніямъ, съ охотой и успѣхомъ занимались обученіемъ грамотѣ не только дѣтей, но и взрослыхъ поселянъ. Говорятъ, что «солдату, прослужившему 20 лѣтъ въ военной службѣ, не легко пріучиться обходиться съ дѣтьми кротко и привязать ихъ къ себѣ; а сельская школа должна развить не только умъ, но и сердце ученика» [14]). Противъ этого возра-

[14]) Слова Г. Барона Н. Корфа въ статьѣ: «Вопросъ о народномъ образованіи въ Московскомъ земскомъ собраніи 1868 г.» Вѣстн. Европ. 1868 г. № 5 стр. 366.

женія должно замѣтить, что отсутствіе въ современныхъ нашихъ войскахъ тѣлесныхъ наказаній, гуманное обращеніе большинства начальниковъ съ солдатомъ не должны служить къ развитію въ современномъ русскомъ солдатѣ безсердечія и грубости, которыми иногда отличался солдатъ стараго времени. Замѣчательно, что и въ былое время нашъ солдатъ особенно любилъ дѣтей; этотъ психологическій фактъ, прослѣженный Г. Погоскимъ и перенесенный въ большую часть его повѣстей [15]), дѣйствителенъ какъ нельзя болѣе. Г. Зиновьевъ [16]), описывая штурмъ Джизага, разсказываетъ, что при въѣздѣ въ только-что штурмованный городъ онъ встрѣтилъ среди солдатъ, возвращавшихся въ лагерь съ добычей, одного, который несъ на рукахъ годовалаго ребенка: онъ нашелъ между непріятельскими трупами маленькаго Сарта, сжалился и пріютилъ его.

Обратимся къ фактической сторонѣ вопроса. Обыкновенно нашъ грамотный солдатъ, возвратившись на родину, всегда находитъ время и выгоду при другихъ занятіяхъ обучать грамотѣ дѣтей, если не занимается этимъ дѣломъ исключительно. Если учитель оказывается кроткимъ и свѣдущимъ, крестьяне охотно поручаютъ ему дѣтей; при этомъ для нихъ та выгода, что ребенокъ не будетъ заглазно отъ родителей обучаться въ сельской школѣ: извѣстно, что эти школы, при разбросанности и малонаселенности нашихъ деревень, всегда почти устроиваются въ центрѣ прихода или на погостѣ, гдѣ живетъ причтъ. Сельскіе священники, съ которыми мнѣ удавалось объ этомъ говорить, постоянно отзывались съ похвалой о безсрочныхъ и отставныхъ солдатахъ, какъ о своихъ пособникахъ въ распространеніи грамоты между крестьянами. Во многихъ мѣстностяхъ школы, основанныя солдатами, идутъ такъ правильно и успѣшно, что выдерживаютъ конкурренцію казенныхъ школъ [17]). Часть инородческихъ школъ, состоящихъ подъ покровительствомъ брат-

---

[15]) Напр. въ разсказахъ: «Сибирлетка» «Господинъ колодникъ», «Подосинновики», «Мірскія дѣтки», «Пасестра-Танька» и др.

[16] Русск. Вѣстн. 1868 г. «Осада Ура-Юбе и Джизага», № 6. стр. 356.

[17]) Вотъ нѣкоторые изъ собранныхъ нами фактовъ: 1) Уфимскаго уѣзда, въ селѣ Енгалычевѣ грамотная школа открыта отставнымъ солдатомъ Ст.

ства Св. Гурія, въ Казанской губерніи основана отставными и безсрочно-отпускными солдатами [18]). При правильной организаціи полковыхъ школъ процентъ грамотныхъ солдатъ, возвращающихся на родину, увеличится; вмѣстѣ съ увеличеніемъ процента, должна возвышаться и цифра грамотныхъ въ сельскомъ населеніи. Мы знаемъ, какъ быстро развивается грамотность въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ часть молодыхъ людей занимается отхожими ремеслами и должна по необходимости жить подолгу въ городахъ и столицахъ. Примѣръ заразителенъ: онъ вліяетъ больше убѣжденій. Вспомнимъ, что часть этихъ грамотныхъ солдатъ придется и на такія мѣстности, гдѣ потребность грамоты мало сознается. Можетъ быть, примѣръ въ силахъ будетъ пробудить отъ сна это темное царство, тронуть его непочатыя силы... Будемъ надѣяться, что типъ стараго

Өед. Меркуловымъ; въ школѣ было до 40 учениковъ, но какъ скоро училище это сдѣлали казеннымъ и поручили другому, число учениковъ въ немъ тотчасъ на половину уменьшилось. 2) Мензелинскаго уѣзда, въ селѣ Мордовскомъ Акташѣ училище частное открыто солдатомъ и имѣетъ 35 учениковъ; рядомъ училище казенное—7 учениковъ. 3) Въ черемиской деревнѣ неизвѣстнаго имени, въ которой находится послѣдняя почтовая станція отъ Мензелинска къ Бирску, сельское училище, основанное отставнымъ солдатомъ, идетъ очень успѣшно. Мы беремъ такія мѣстности, гдѣ потребность грамоты мало сознается. Выписки эти сдѣланы нами изъ дневника Г. К...е, который ревизовалъ эти школы оффиціально.

[18]) Такъ чувашская школа Тетюшскаго уѣзда, въ дер. Бол. Яльчикахъ основана отставнымъ солдатомъ Ефимомъ Петровымъ; учениковъ 40 (См. Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 2, стр. 12). Свіяжскаго уѣзда, прихода Өедоровскаго, въ дер. Башанчѣ основана школа безсрочно-отпускнымъ рядовымъ Кириломъ Степановымъ, учениковъ 25, въ школѣ учатся русскіе и чуваши, изъ крещенныхъ и не крещенныхъ. Чебоксарскаго уѣзда, въ дер. Вторые Тойси, прихода Байгильдина, школу основалъ безсрочно-отпускной рядовой, изъ чувашъ, Леонтій Борисовъ. Въ татарской школѣ Г. Ильминскаго, въ Казани, приготовляется въ сельскіе учители безсрочно-отпускной рядовой Степанъ Даниловъ. Лаишевскаго уѣзда, въ деревнѣ Елышевой основатель школы, отставной солдатъ, изъ крещеныхъ татаръ, Кондратій Филиповъ своими убѣжденіями удержалъ въ 1866 году отъ отпаденія отъ православія своихъ однодеревенцевъ. Инспекторъ Казанскихъ чувашскихъ школъ Н. И. Золотницкій, которому мы обязаны этими фактами, говоритъ, что вліяніе грамотныхъ солдатъ на инородцевъ всегда благотворно: крестьяне отдаютъ имъ въ ученье своихъ дѣтей съ охотою. Какъ было бы благодѣтельно для народа, если бы солдаты, учители этихъ школъ, получали правильное первоначальное образованіе!

французскаго солдата, съ такой наивной серьёзностью запятаго дѣломъ обученія дѣтей, очерченный такъ задушевно перомъ французскаго писателя въ извѣстномъ стихотвореніи: «Урокъ,» (Leçon de lecture) [19]), повторится и въ жизни нашего сельскаго населенія. *Распространеніе грамотности въ войскахъ желательно и по тому обстоятельству, что оно можетъ быть одною изъ мѣръ къ распространенію грамотности въ народѣ.*

Въ виду важнаго значенія развитія правильныхъ элементарныхъ познаній въ войскахъ, военная администрація въ настоящее время изыскиваетъ средства къ распространенію свѣдѣній, необходимыхъ для правильнаго и успѣшнаго хода солдатскихъ грамотныхъ школъ, между офицерами, преподавателями этихъ школъ.

И такъ вамъ, Г.г! предстоитъ посвятить свой досугъ и умѣнье на *великое дѣло просвѣщенія нашего солдата,* а чрезъ него и нашего простонародья. Дѣло просвѣщенія я назвалъ *великимъ;* потому что не сомнѣваюсь, что всякій образованный человѣкъ такъ, а не иначе относится къ нему. Образованіе другихъ есть великая обязанность въ нравственномъ отношеніи. Не даромъ наша святѣйшая вѣра, въ числѣ дѣлъ милосердія, вмѣняетъ каждому христіанину: «невѣжду научить». Дѣйствительно наученіе невѣжды, забота о просвѣщеніи другихъ есть высокая христіанская добродѣтель, въ которой много самопожертвованія, много святаго. Изъ отчета братства Св. Гурія видно, что даже нашъ простой, по общему мнѣнію, темный людъ не иначе понимаетъ трудъ обученія другихъ грамотѣ, какъ «дѣло Божіе»: многіе изъ нашихъ крестьянъ, даже инородцы, берутъ на себя обязанность обучать въ сельскихъ школахъ, по обѣту, ради спасенія души [20]). Мы видимъ въ этомъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій здравой народной мысли. При взглядѣ на всеобщее косненіе въ невѣжествѣ нашего добраго народа, невольно приходятъ на память слова Великаго Учителя,

---

[19]) См. Христ. Филонова, 2 ч. стр. 105, перев. Курочкина и примѣч: къ нему.

[20]) Казан. Губ. Вѣд. 1868 г. №№ 19 и 20.

высказанныя Имъ при взглядѣ на подобную же картину невѣжества и узкаго пониманія религіозныхъ и общечеловѣческихъ интересовъ: «жатвы много, а дѣлателей мало; просите господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву свою». [21]) Пусть усилія разлить свѣтъ образованія будутъ единичны, но въ великомъ дѣлѣ образованія всякое усиліе имѣетъ цѣну и заслугу: въ дѣлѣ просвѣщенія, какъ и въ дѣлѣ религіи, одинъ учитель массъ сѣетъ, другой пожинаетъ; но и жнущій и сѣющій получаютъ награду, и вмѣстѣ будутъ радоваться [22]).

Повторяю фразу, которая давно варьируется всѣми моралистами міра: «доброе дѣло награждаетъ само себя». Въ процессѣ обученія необразованнаго человѣка есть много интересующаго и для самого учителя. Этотъ умственный интересъ ни съ чѣмъ сравнить нельзя: учитель переживаетъ много счастливѣйшихъ минутъ въ жизни, когда видитъ, что сѣмена, которыя сѣетъ онъ въ душу ученика, упадаютъ на благодарную почву и приносятъ плодъ; сѣмена взойдутъ, если посѣвъ сдѣланъ тщательно. Опять вспомнимъ таинственныя слова Христовы: «Человѣкъ броситъ сѣмя въ землю, и спитъ и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ» [23]). Если занимателенъ для насъ процессъ возрастанія растенія, то не восто-ли разъ благороднѣйшее наслажденіе присутствовать при процессѣ умственнаго развитія великаго изъ Божіихъ твореній — человѣка? Опытъ показалъ мнѣ, что особенно пріятна педагогическая дѣятельность среди нашихъ простолюдиновъ, среди нашихъ солдатъ. Въ солдатской школѣ вы становитесь лицомъ къ лицу съ такимъ простымъ и безграничнымъ довѣріемъ къ вамъ, съ такимъ искреннимъ желаніемъ научиться отъ васъ чему-либо полезному, что вы сами не можете не чувствовать къ вашимъ ученикамъ душевнаго расположенія; вы съ удовольствіемъ замѣчаете духовную связь, которая возникаетъ между вами и вашимъ классомъ. Что слова мои не идеализація, въ этомъ, Г.г! увѣряетъ васъ соб-

---

[21]) Еванг. отъ Матѳ. IX, 37—38.

[22]) Еванг. отъ Іоан. IV, 36—37. [23]) Еванг. отъ Мар. IV, 26—27.

ственный опытъ [24]). Многіе изъ васъ вынесли изъ своихъ занятій въ полковыхъ школахъ съ нижними чинами много пріятныхъ воспоминаній о любви солдатъ къ занятіямъ грамотою, и о той привязанности къ вамъ солдатъ, которая была слѣдствіемъ добросовѣстныхъ занятій преподавателей. Ваши будущія занятія въ солдатскихъ школахъ непремѣнно должны имѣть слѣдствіемъ ваше нравственное сближеніе съ солдатомъ. Въ полковой школѣ вы пріобрѣтете довѣріе солдата, изучите его характеръ, его взгляды и понятія, словомъ—пріобрѣтете средства господствовать надъ умами солдатъ. Кому не извѣстно, что подобнаго рода нравственное господство есть одно изъ могущественныхъ средствъ, заручающихъ успѣхъ боя. Чего не въ силахъ совершить любовь и довѣріе солдата къ своему начальнику? Эта любовь будетъ служить вамъ всегдашней и самой надежной охраной при всѣхъ опасностяхъ боевой жизни; она же будетъ служить для васъ ручательствомъ вашихъ будущихъ успѣховъ по службѣ. Любая страница изъ нашей военной исторіи, любой эпизодъ изъ военныхъ записокъ докажутъ вамъ, какъ нужно высоко цѣнить любовь русскаго солдата.

Но для того, чтобы ученикъ охотно васъ слушалъ и оказывалъ успѣхи, какія нужны условія со стороны учителя? Не обязанъ ли добросовѣстный учитель стараться усвоить себѣ не только извѣстныя знанія, но и извѣстныя качества? Это вопросъ первой важности и на немъ стоитъ остановиться. Современная наука объ обученіи пришла къ тому заключенію, что весь успѣхъ школы зависитъ отъ способности или неспособности учителя: учитель, не усвоившій себѣ извѣстныхъ качествъ, необходимыхъ для педагога, никогда не можетъ разумно и успѣшно вести ввѣренную ему школу.

---

[24]) Прошу читателя припомнить, что настоящія лекціи были читаны среди юнкеровъ, потому обращенія автора къ слушателямъ и указанія примѣровъ изъ ихъ собственной службы будутъ понятны сами собою. Въ прошломъ учебномъ 1867 году, по желанію Начальства Военно-Учебныхъ Заведеній, юнкерамъ дана была тема для сочиненія: «о грамотности въ войскахъ». Многія изъ этихъ сочиненій были написаны съ такой разумностію и любовью къ солдату, что они дѣлали честь нашей военной молодежи.

Для правильнаго веденія солдатской школы, по нашему мнѣнію, болѣе необходимы слѣдующія качества для преподавателя: твердость нравственныхъ убѣжденій; искреннее желаніе принести своимъ преподаваніемъ пользу; настойчивость и терпѣніе, неспособное раздражаться кажущимся неуспѣхомъ дѣла, полное вниманіе къ дѣлу или заботливость въ обученіи, и оттуда происходящее стараніе пріобрѣсти умѣнье пользоваться къ мѣсту и времени пріемами преподованія, выработанными наукой; воздержность въ преподаваніи или умѣнье сообразовать сообщаемыя свѣдѣнія со степенью пониманія и развитія учащихся; наконецъ уваженіе къ себѣ и самообладаніе.

При этомъ исчисленіи качествъ учителя многимъ покажется несообразнымъ—стараться усвоить ихъ себѣ только для того, чтобы примѣнить къ уровню солдатской школы, которая отличается и скуднымъ умственнымъ развитіемъ учениковъ, и немудреностью самой программы преподаванія. Напротивъ мы думаемъ, что всякій, кому знакомо преподаваніе въ первоначальныхъ школахъ, согласится, какъ драгоцѣнны исчисленныя качества для преподавателя; сколько разъ они спасаютъ его отъ грубыхъ и неисправимыхъ ошибокъ, равно и отъ охлажденія къ своему дѣлу. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ одинъ изъ компетентныхъ знатоковъ нашей народной школы. [25]) «Нѣтъ ничего легче, какъ быть профессоромъ университета, и ничего нѣтъ труднѣе, какъ быть народнымъ учителемъ: въ первомъ случаѣ всѣ вопросы и трудности уже предвидѣны, во второмъ — ширина требованій поражаетъ». Къ сожалѣнію у насъ повсюду распространена самая ложная мысль, что научить грамотѣ всякій сможетъ, безъ всякой подготовки, безъ всякихъ правилъ. Подобнаго рода легкомысленное отношеніе наше къ дѣлу преподаванія не разъ приносило вредъ и народнымъ, [26]) и войсковымъ школамъ. Мы не дума-

---

[25]) Ясн. Пол. 1862 г. № 8 стр. 31.

[26]) Такъ оно принесло неоспоримый вредъ нашимъ воскреснымъ школамъ въ 1862 году; подобное небреженіе тормозитъ и до сихъ поръ наши полковыя школы.

емъ проводить той мысли, что для преподаванія въ солдатской школѣ нужно быть педагогомъ въ полномъ значеніи этого слова; наше желаніе слишкомъ скромно — мы желали бы, чтобы нашъ офицеръ - преподаватель знакомъ былъ, по крайней мѣрѣ, съ первыми буквами той великой, опытной науки обученія, надъ составленіемъ которой трудились лучшіе умы всего человѣчества. Какъ-бы ни узка была программа преподаванія въ той школѣ, гдѣ офицеру придется примѣнять свои педагогическія познанія; но ходъ, порядокъ и пріемы преподаванія, отношенія преподавателя къ ученикамъ въ этой школѣ будутъ одинаковы и съ самой высшей школой. Уже одно то, что наша солдатская школа должна служить средствомъ къ выдѣленію изъ среды солдатъ достойныхъ унтеръ-офицеровъ, вліяніе которыхъ на своихъ подчиненныхъ было бы основано на умственномъ и нравственномъ ихъ превосходствѣ, одно это должно заставить насъ смотрѣть на школу для солдатъ съ полнымъ уваженіемъ. Войсковая школа должна помогать способному и доброй нравственности солдату поднять уровень своихъ познаній до той степени, какая необходима къ постоянному повышенію его по службѣ. Послѣ изданія незабвеннаго для арміи приказа Г. Военнаго Министра, отъ 24 Марта 1869 года, № 103-й, нижніе чины обязательнаго срока службы могутъ поступать въ юнкерскія училища, и по окончаніи въ нихъ курса удостоиваться производства въ офицеры.

I. Первымъ свойствомъ, необходимымъ для преподавателя, мы назвали *твердость или зрѣлость нравственныхъ убѣжденій.* Твердость убѣжденій выражается въ полномъ соотвѣтствіи нашихъ поступковъ, нашей внѣшней дѣятельности съ нашими нравственными правилами, съ нашими духовными вѣрованіями. Твердость убѣжденій бываетъ слѣдствіемъ глубокой вѣры въ Бога, неизмѣнной любви къ отечеству, искренней преданности законной власти и сознанія полезности той служебной дѣятельности, которую мы избрали. Твердость убѣжденій есть желанное достояніе каждаго; тѣмъ болѣе она должна быть непремѣннымъ свойствомъ того человѣка, который беретъ на себя святую обязанность руководить другихъ. Къ

сожалѣнію въ настоящее время люди, даже мало образованные, изъ желанія подражать пытливости и страсти къ изслѣдованіямъ, которая составляетъ честь ученыхъ людей XIX вѣка, если и не принимаютъ на себя смѣлость судить о предметахъ, которые превышаютъ ихъ пониманіе, то очень часто отъ непривычки задумываться надъ рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ жизни, привыкаютъ относиться съ легкомысленнымъ неуваженіемъ ко всему великому и священному. По замѣчанію Куртмана, при отсутствіи въ обществѣ людей, получившихъ высшее образованіе, при непривычкѣ большинства къ серьёзной умственной дѣятельности, такое увлеченіе новизной и внѣшнею одеждой чужихъ мыслей весьма понятно [27]). Особенно глубоко отвращается отъ подобныхъ людей здравый смыслъ нашего простолюдина, нашего солдата. Глубоко вѣрующій, непоколебимо преданный законной власти, онъ скоро понимаетъ подобную шаткость убѣжденій офицера, особенно при преподавательской дѣятельности этого послѣдняго, которая заставляетъ учителя быть какъ можно чаще среди учениковъ; въ такомъ случаѣ солдатъ скоро теряетъ всякую духовную связь съ своимъ учителемъ, а при такомъ условіи успѣхъ преподаванія не мыслимъ. Необходимость для офицера-преподавателя имѣть выработанныя опытомъ и размышленіемъ, твердыя убѣжденія какъ религіозныя, такъ и нравственныя видна изъ самой цѣли преподаванія въ солдатской школѣ: его цѣль не только образовать, но и воспитать солдата. Въ народѣ нашемъ существуетъ множество самыхъ нелѣпыхъ, самыхъ вопіющихъ предразсудковъ и ложныхъ понятій. Возьмемъ для примѣра странныя понятія нашего народа о честности. Требованія народа въ особенности серьёзны и строги въ отношеніи честности въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, напр. въ отношеніи къ семьѣ, къ деревнѣ, къ міру; въ отношеніи же къ постороннимъ — съ публикой, съ государствомъ, съ казною, въ особенности съ иностранцемъ для него смутно представляется приложимость общихъ правилъ честности. Между тѣмъ въ

---

[27]) См. Руков. къ восп. и обучен. Д-ра Куртмана. Спб. 1867 г. стр. 65, 84.

этомъ виноватъ не самъ нашъ простолюдинъ, а виноваты историческія условія его прошлаго быта, которыя выработали въ его умѣ только понятія семьи и общины, но не выработали идеи о правильномъ гражданственномъ устройствѣ [28]) Если хотятъ сдѣлать изъ войска массу сознательную; то нужно вложить въ эту массу убѣжденія правильныя и твердыя. Солдатская школа точно такъ же, какъ и народная, должна уяснить и развить религіозное чувство ученика, сдѣлать сознательными и крѣпкими его нравственныя правила, усвоенныя имъ безсознательно съ дѣтства, утвердить его лучшія качества: преданность власти и любовь къ родинѣ, къ своему званію. Въ этомъ случаѣ нашъ рекрутъ своею воспріимчивостію, даже безсознательностью и наивностію своихъ нравственныхъ воззрѣній, наконецъ своимъ здравымъ смысломъ представляетъ самую удобную для благонамѣреннаго учителя почву. Въ нашихъ полковыхъ школахъ часто встрѣчаются здравомыслящія и понятливыя личности, такъ разумно относящіяся къ жизни, что онѣ и для насъ могутъ служить примѣромъ зрѣлости и разумности убѣжденій.

II. Другое качество, столь же необходимое для наставника какъ и первое, есть *искреннее желаніе принести пользу своимъ ученикамъ*. Нигдѣ не нужно такой искренности, такого желанія исполнить добросовѣстно свою обязанность, какъ въ дѣлѣ обученія. Потому если вы, принимая на себя обученіе солдата, хотите исполнить только волю Начальства, а сами не находите себя способнымъ добросовѣстно посвятить свой досугъ дѣлу преподаванія; въ такомъ случаѣ вы принесете себѣ и другимъ больше вреда, чѣмъ пользы. Занятія въ школѣ будутъ казаться вамъ несносными, а школа — кошмаромъ, который мало по малу отравитъ вамъ жизнь. Ученики при такомъ преподаваніи не только утрачиваютъ охоту къ занятіямъ, но выбиваются изъ силъ и теряютъ терпѣніе. Нельзя не сознаться, что именно такое преподаваніе и было сначала въ нашихъ войсковыхъ школахъ. Учителями ихъ были офицеры и унтеръ-офицеры, люди незнакомые вовсе съ дѣломъ препода-

[28]) См. Вѣст. Европ. 1866 г. Т. 2. «Мыс. и зам: о Рус. ист.» Кавелина стр. 348 и 362.

ванія, не убѣжденные въ необходимости умственнаго развитія солдата и весьма часто неблагопріятно смотрѣвшіе на попытки военной администраціи распространить грамотность въ войскахъ, видѣвшіе въ этомъ дѣлѣ одну прихоть ученыхъ военныхъ теоретиковъ, неприносящую пользы, напротивъ прямо ведущую, по ихъ мнѣнію, къ упадку дисциплины. Слава Богу — мы пережили это грустное время, какъ пережили въ послѣдніе годы много такого, что можетъ служить для поученія намъ и нашимъ преемникамъ. Муча солдата своимъ невѣжествомъ и придирчивою взыскательностью, начальники этихъ школъ, не желая сознаться, что весь неуспѣхъ преподаванія зависитъ отъ ихъ неумѣнья взяться за обученіе, приписывали, по свойственной имъ привычкѣ—относится къ солдату свысока и небрежно, плохой ходъ школъ единственно тупости, упрямству солдатъ и отсутствію въ нихъ всякаго желанія научиться чему-либо. Мы позволяемъ себѣ указать на одинъ подобный примѣръ, характеризующій дѣло. [29]) Юнкеръ Р-скій, по поступленіи въ Н-ій полкъ, назначенъ былъ для обученія солдатъ въ ротную школу, и здѣсь въ первый разъ познакомился съ офицеромъ, который завѣдывалъ школой. Поручикъ, какъ начальственное лицо, не замедлилъ отрекомендовать своихъ учениковъ юнкеру, своему будущему помощнику; при этомъ онъ не скупился на самыя некнижныя выраженія: онъ называлъ солдатъ своими мучителями, мѣдными лбами и т. п. Въ чемъ же состояло мученіе поручика, которымъ онъ обязанъ былъ школѣ?... Приходя ежедневно въ школу довольно поздно, поручикъ садился обыкновенно въ уголъ и весь погружался въ чтеніе газетъ, предоставляя унтеръ-офицерамъ учить солдатъ, какъ они умѣютъ, считая единственною своею обязанностью по временамъ покрикивать на учителей и учениковъ. При подобномъ взглядѣ на свои обязанности, офицеръ никогда не можетъ имѣть успѣха въ преподаваніи, хотя школа можетъ выставить и значительную цифру учащихся, а можетъ быть и...

---

[29]) Выписка сдѣлана изъ юнкерскихъ сочиненій, о которыхъ мы упомянули выше.

выучившихся грамотѣ. Вотъ оборотная сторона медали, вотъ живая картина одной ротной школы, въ которой пришлось заниматься юнкеру Ш-му. По наружному виду школа представляла видимо блестящіе успѣхи: двѣ трети солдатъ читали по верхамъ и одна — по складамъ. Когда спрашивали ученика, онъ смѣло вставалъ и бойко читалъ находившуюся у него въ рукахъ книжку журнала: «Чтеніе для солдатъ». Если солдатъ читалъ по складамъ, то онъ также бойко складывалъ слова по старинному буквослагательному способу, называя буквы по церковно-славянски. Но что особенно поразило юнкера, такъ это манера складывать слова: ученики называли вовсе не тѣ буквы, которыя стояли въ данномъ словѣ, а какія имъ приходили на умъ, между тѣмъ въ результатѣ выходило все-таки то слово, которое нужно было сложить. Озадаченный этимъ мудренымъ пріемомъ складыванія, юнкеръ попробовалъ заставить читать солдатъ, перемѣнивъ у нихъ книжки, и получилъ уклончивые отвѣты, что они-де по чужой книжкѣ читать не могутъ. Дѣйствительно ни одинъ солдатъ по чужой книжкѣ ничего не разобралъ. Дѣло объяснилось тѣмъ, что солдаты, читая каждый одну и туже книгу по нѣсколько мѣсяцевъ, заучили ихъ наизустъ и читали по книгѣ совершенно механически. Причиной такого нелѣпаго обученія было то обстоятельство, что школа въ этой ротѣ была не болѣе какъ терпимымъ зломъ, а вовсе не средствомъ къ развитію солдата; она была предоставлена унтеръ-офицерамъ, которые, не умѣя выучить солдатъ читать въ одну зиму, придумали подобный фокусъ для обмана экзаменаторовъ. Спрашивается, каково было положеніе несчастныхъ учениковъ, читавшихъ, по выраженію Фонъ-Визина, «безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ?» [30]) Къ такимъ грустнымъ результатамъ непремѣнно должна привести школа, въ преподавателѣ которой нѣтъ искренняго желанія заняться своимъ дѣломъ добросовѣстно. Искренностью преподавателя обусловливаются и другія качества преподаванія а именно:

---

[30]) Соч. Фонъ-Визина. изд. Смирд. 1852 г. стр. 137.

III. *Настойчивость и терпѣніе, неспособное раздражаться кажущимся неуспѣхомъ дѣла.* Терпѣніе въ учителѣ предъ многими другими нравственными его качествами заслуживаетъ со стороны его полнаго вниманія. Преподавая въ солдатской школѣ, вы будете имѣть дѣло не съ одними избранными натурами, но чаще съ людьми бездарными, или малоразвитыми, которымъ каждое усиліе ума, каждый новый шагъ въ обученіи стоитъ не малыхъ трудовъ; потому-то вамъ прежде всего нужно запастись большою дозою терпѣнія. Никогда не выходя изъ себя, вы должны пріучить себя хладнокровно выслушивать ошибки ученика, терпѣливо его исправляя. Да будетъ вашею обязанностью поощрять слабаго, съ полной снисходительностью относиться къ незрѣлымъ трудамъ учащагося, руководить его мыслью и отъ будущаго ждать съ надеждой успѣха. Въ большинствѣ случаевъ такого рода нашего офицера-преподавателя одолѣваетъ нестерпимая скука и то неумѣстное раздраженіе, которое впереди не обѣщаетъ ничего, кромѣ разочарованія и охлажденія къ своему дѣлу. Причиной такого раздраженія и недовольства своимъ преподаваніемъ бываетъ мысль учителя-офицера объ отвѣтственности за ученика при экзаменахъ. Дѣйствительно большая часть военныхъ экзаменаторовъ слишкомъ неправильно смотрятъ на экзаменъ. Не имѣя часто сами понятія о трудѣ преподаванія, они требуютъ отъ солдатской школы весьма многаго, и потому нерѣдко относятся съ неуваженіемъ къ самому добросовѣстному преподаванію, не замѣчая тѣхъ достоинствъ его, которыя опытному экзаменатору въ правильно веденной школѣ съ перваго раза бросаются въ глаза. Убѣжденіе, что всякое добросовѣстное преподаваніе всегда выкажетъ само себя и отразится самымъ положительнымъ образомъ если не на всѣхъ, то на большинствѣ учениковъ; убѣжденіе, что ваше преподаваніе принесло пользу вашимъ ученикамъ, есть лучшее лекарство противъ подобнаго рода разочарованія. Учитель солдатской школы долженъ имѣть въ виду, что неровность и ненужная раздражительность, въ которую впадаетъ онъ при преподаваніи, можетъ имѣть самое вредное вліяніе на преподаваніе:

рѣзкій упрекъ учителя солдату часто лишаетъ этого послѣдняго энергіи и охоты къ умственному труду, который для человѣка необразованнаго всегда тяжелъ, — глубоко оскорбляетъ его и уничтожаетъ расположеніе и довѣріе къ учителю. Въ такомъ случаѣ преподаватель сдѣлаетъ благоразумно, если обратитъ вниманіе на свое душевное состояніе въ минуту раздражительности. Въ одно время мы бываемъ гораздо требовательнѣе, чѣмъ въ другое; ошибки ученика въ одно время намъ представляются непростительными, между тѣмъ какъ въ иное время мы отнеслись бы къ нимъ гораздо снисходительнѣе. Вспомнимъ, отъ сколькихъ постороннихъ вліяній зависитъ наше душевное настроеніе, какое явное и неотразимое вліяніе оказываютъ на нашу душу: разстройство здоровья, неблагопріятныя обстоятельства, даже дурная погода. Отъ учителя не далекъ переходъ и къ ученику: нужно и его поставить въ такія же неблагопріятныя условія и въ нихъ-то искать причинъ неуспѣха дѣла. И у опытнаго преподавателя, который умѣетъ вести дѣло, умѣетъ занять ученика и возбудить его энергію, часто выпадаютъ такіе черные дни, когда классъ дѣлается истиннымъ мученіемъ для учителя. При этомъ мы должны имѣть въ виду, что неуспѣхъ обученія менѣе всего зависитъ отъ нерадѣнія нашего солдата, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ. Слѣдовательно причинъ неуспѣха преподаванія здѣсь нужно искать не въ ученикѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Прилежаніе нашихъ солдатъ при сколько-нибудь сносномъ преподаваніи удивительно, какъ и вообще удивляетъ имъ всякій нашъ взрослый простолюдинъ. Одинъ преподаватель въ школѣ для взрослыхъ замѣчаетъ: «Въ занятіяхъ моихъ съ учениками грамотностью я постоянно удивлялся труду и способностямъ ихъ, и убѣдился, что наши начальныя занятія не выдержатъ конкурренціи съ ихъ занятіями: у нихъ они естественны, вытекаютъ изъ желанія учиться; а у насъ на первомъ планѣ принужденность» [31]).

---

[31]) Яси. Пол. 1862 г. № 8. стр. 77.

а) Въ большинствѣ случаевъ офицеръ, наскучивъ преподаваніемъ въ солдатской школѣ, сдаетъ своихъ учениковъ унтеръ-офицерамъ, и только тогда замѣчаетъ свой промахъ, когда въ преподаваніе вкрадываются неисправимыя ошибки. Причиной этого бываетъ скучливость, непривычка повторять терпѣливо съ учениками одно и тоже. Вотъ что говоритъ объ этомъ опытный нѣмецкій педагогъ Куртманъ: «Въ большей части «случаевъ учитель теряетъ терпѣніе не столько отъ слабыхъ «успѣховъ ученика, сколько отъ того, что ему надоѣдаетъ «вѣчное повтореніе умопредставленій легкихъ, которыя не мо«гутъ занимать его мыслящій духъ. Дѣйствительно при перво«начальномъ обученіи растояніе между двумя степенями обра«зованія наивеличайшее, а потому и самоотреченіе для обуча«ющаго здѣсь гораздо труднѣе; однако же въ этомъ виновата «и избалованность наша, перенимаемая отъ высшихъ сословій. «Большая часть людей посвящаетъ себя занятіямъ, въ ко«торыхъ еще больше однообразія и механизма, чѣмъ въ «первоначальномъ обученіи [32]) (возьмемъ однообразныя занятія «ремесленниковъ)».

б) Въ войсковой школѣ терпѣливость учителя должна имѣть своимъ слѣдствіемъ внимательное и ласковое обращеніе съ солдатомъ. Запуганность солдата, его постоянное нахожденіе на-сторожѣ, чтобы чѣмъ-либо не оскорбить начальника-учителя, имѣетъ самое неблагопріятное вліяніе на дѣло преподаванія. Солдаты удерживаются въ такомъ случаѣ отъ всякихъ вопросовъ учителю, боятся спросить учителя разрѣшить какое-нибудь недоумѣніе, встрѣчающееся при урокѣ; отвѣчаютъ: «знаю» и «понимаемъ», когда вовсе ничего не поняли изъ объясненій учителя, а потомъ при слѣдующемъ урокѣ снова выводятъ изъ терпѣнія учителя неумѣньемъ повторить того, что имъ преподано прежде. При подобныхъ отношеніяхъ къ учителю, отвѣты солдатъ дѣйствительно бываютъ очень странны и очень нелѣпы. Видно, что ученики старались изо всѣхъ силъ

---

[32]) См. Руков. къ восп. и обуч. Куртмана Спб. 1867 г. ч. 2. стр. 137.

понять то, что имъ сказали; но поняли одни отдѣльныя слова, а не мысли, и эти слова они кое-какъ собираютъ и связываютъ для отвѣта. Потому *очень полезно, если офицеръ, находясь въ школѣ между солдатами, забудетъ на время свою роль начальника* и будетъ стараться водворить здѣсь полную свободу занятій и отсутствіе всякаго стѣсненія.

в) Отсутствіе стѣсненія въ солдатской школѣ выражается ближе всего отсутствіемъ всякаго рода взысканій. «Не выучитъ школа, а выучитъ охота», учитъ насъ народная мудрость Пусть въ войсковой школѣ господствуетъ тотъ свѣтлый взглядъ на свободу школы, который проводитъ современная наука объ обученіи; пусть будетъ правиломъ для учителя-офицера: «добиваться всего охотой, а не вынуждать наказаніемъ». Наказанія никогда не достигаютъ своей цѣли. Они, пожалуй, могутъ быть еще умѣстны въ школѣ для малолѣтнихъ; но не имѣютъ положительно никакого успѣха при занятіяхъ съ людьми взрослыми, изъ которыхъ каждый можетъ судить о пользѣ того, чему его учатъ. Мѣры наказанія въ солдатскихъ школахъ, какъ мы имѣли случай наблюдать, какъ-то: ставленье на часы, назначеніе не въ очередь дежурнымъ или дневальнымъ по ротѣ и т. п., положительно не ведутъ ни къ чему. Оставимъ нашему грустному прошлому подобнаго рода поговорки: «безъ муки нѣтъ науки»; «безъ палки нѣтъ ученья»; «за битаго двухъ не битыхъ даютъ»; «дерево нѣмо, а вѣжеству учитъ» и т. п.

г) Часть офицеровъ, учителей въ солдатскихъ школахъ, считаютъ необходимымъ, для успѣха преподаванія, возможно чаще внушать солдатамъ необходимость и пользу науки, и держатъ по этому поводу въ школѣ пространныя рѣчи. Послѣ подобныхъ рѣчей они ждутъ полнаго пониманія и успѣховъ со стороны солдатъ, и сильно оскорбляются, когда дѣло не идетъ на ладъ. Польза науки высказывается въ правильномъ и понятномъ преподаваніи, а не въ толкахъ о пользѣ науки. Пріемъ этотъ напоминаетъ наши старинные учебники, которые на первыхъ же страницахъ пространно трактуютъ о пользѣ науки, излагаемой учебникомъ. Не странно ли будетъ, если

бы кто-нибудь, начиная строить домъ, вздумалъ держать пространную рѣчь къ плотникамъ о пользѣ жилищъ?... Меньше словъ, но больше дѣла!

IV. *Внимательность къ преподаванію*, предполагающая въ наставникѣ готовое желаніе заниматься обученіемъ разумно, вдумываться и понимать своеобразныя, единичныя явленія школьной жизни, есть лучшее средство прогнать скуку при преподаваніи и пріобрѣсть нужный для преподавателя запасъ опытности и терпѣнія. Слѣдствіемъ подобнаго рода внимательности учителя къ дѣлу обученія бываетъ: *пріобрѣтеніе умѣнья примѣнить ко времени и лицу тотъ или другой пріемъ преподаванія*, что составляетъ одну изъ первыхъ задачъ обученія. Всякій, кто занимался въ школѣ первоначальнымъ обученіемъ, знаетъ по опыту, какъ много значитъ при различныхъ затруднительныхъ случаяхъ школьной практики эта внимательность учителя къ своему дѣлу, это умѣнье его оказать вовремя ученику нужную помощь въ наукѣ. Въ школѣ бываютъ очень часто случаи подобнаго рода. Не смотря на ваши старанія возбудить самодѣятельность учениковъ, иной ученикъ совершенно не подвигается впередъ; онъ усильно старается понять науку, но неспособность и неуспѣхъ дѣла его обезкураживаютъ и ослабляютъ напряженную энергію. Такого рода случаи особенно бываютъ часты въ солдатской школѣ, гдѣ крайняя неразвитость учениковъ, ихъ непривычка къ умственному труду бываютъ причиной подобныхъ явленій. Учитель, какъ медикъ, не въ правѣ оставить ученика безъ помощи. Въ этомъ случаѣ помогаетъ учителю его внимательность къ преподаванію. Отыскивая причину неуспѣха, онъ нападаетъ на мысль употребить новый, не примѣнявшійся въ его школѣ пріемъ преподаванія, извѣстный ему изъ книгъ или изъ опыта, и дѣло тотчасъ же принимаетъ благопріятный оборотъ: пріемъ какъ разъ пришелся по умственному складу ученика, для котораго становится сразу понятнымъ механизмъ обученія, сущность того или другаго рѣшенія задачи, и затѣмъ дѣло идетъ очень успѣшно. Особенно часты подобные случаи при обученіи чтенію, которое для нашего простолюдина иногда пред-

ставляетъ непобѣдимыя затрудненія. Въ такомъ случаѣ одинъ урокъ рѣшаетъ все дѣло, это — тотъ урокъ, когда вы съумѣли какимъ бы то ни было образомъ сдѣлать понятными для вашего ученика звукъ и букву; все остальное при дальнѣйшемъ обученіи чтенію дается легче. Вотъ почему говорятъ у насъ, что во всемъ преподаваніи первые уроки - самые трудные или что для первыхъ уроковъ нужно особое умѣнье учителя преподавать. При другихъ случаяхъ школьной жизни подобный спасительный переворотъ въ безплодныхъ дотолѣ занятіяхъ нашего солдата происходитъ отъ одной, удачно выраженной учителемъ мысли и, еще страннѣе, отъ одного удачнаго сравненія. Всякому, кто имѣетъ дѣло съ нашимъ простолюдиномъ и былъ поставленъ въ необходимость толковать простому человѣку сущность какого-либо правительственнаго нововведенія, очень хорошо извѣстно, что въ такомъ случаѣ удачное выраженіе или сближеніе, заимствованное изъ простонароднаго быта, а потому своею близостью къ понятіямъ слушателей возбуждающее вполнѣ доступное имъ умопредставленіе, просвѣщаетъ ихъ умы лучше всякой долгой и умной рѣчи. Замѣчательнѣйшій изъ педагоговъ Жакото сказалъ, что въ дѣлѣ преподаванія—«Les comparaisons voilá tout», т. е. сравненія - вотъ все преподаваніе. Чтобы удачно пользоваться этими средствами, облегчающими преподаваніе, учителю непремѣнно нужна наблюдательность и любовь къ своему дѣлу; но за то всякій преподаватель пусть будетъ увѣренъ, что при добросовѣстномъ преподаваніи эта опытность явится сама собою. Сколько разъ каждому добросовѣстному преподавателю случается, при самомъ примѣненіи той или другой методы обученія въ школѣ, наталкиваться на способъ болѣе лучшаго и разумнаго ея развитія, даже усовершенствованія. Бываетъ и такъ, что во время самого преподаванія извѣстный образъ выраженія ученика, показывающій его своеобразный взглядъ на предметъ обученія, причемъ самый предметъ обученія дѣлается для него понятнѣе и легче удерживается въ памяти, наводитъ преподавателя на новый учебный пріемъ. Такъ были изобрѣтены всѣ лучшіе пріемы обученія: всѣ изобрѣтатели

лучшихъ учебныхъ методъ были сами школьными учителями. Что касается до солдатской школы, то наблюдательность учителя тѣмъ умѣстнѣе здѣсь, что методы для преподаванія элементарныхъ наукъ взрослымъ у насъ мало разработаны. Изъ вашихъ воспоминаній, Гг! о преподаваніи въ солдатскихъ школахъ видно, что искреннее желаніе развить солдата заставляло васъ самихъ изобрѣтать оригинальные способы обученія, которые, не смотря на всю своеобразность, приносятъ честь находчивости изобрѣтателя. [33]) Съ другой стороны они живо рисуютъ намъ ротную школу, страдающую прежде всего недостаткомъ средствъ для обученія. Иногда этотъ недостатокъ происходитъ вовсе не отъ неимѣнія матеріальныхъ средствъ: всѣ предметы для первоначальнаго обученія нынѣ стоятъ баснословно дешево; но на чемъ ихъ возить въ походѣ, и гдѣ ихъ добыть? Полкъ иногда стоитъ въ такой трущобѣ, отъ которой, по выраженію Гоголевскаго городничаго, до губернскаго города гонецъ въ три года не доѣдетъ. Здѣсь-то особенно важно это умѣнье учителя преподавать, потому что при немъ учитель можетъ найти прекрасное средство для обученія во всемъ, что находится подъ рукой: если есть у учителя листъ кортона, подъ его руководствомъ, ученики надѣлаютъ подвижныхъ буквъ; если есть въ школѣ порядочная книга, чтеніе этой книги, при объясненіяхъ учителя, принесетъ ученикамъ значительную пользу. Въ солдатской школѣ, Гг! пусть будетъ вашимъ неизмѣннымъ правиломъ: наблюдать съ участіемъ за преподаваніемъ, вдумываться въ частные случаи школы, внимательно прислушиваться къ выраженіямъ

[33]) Юнкеръ Н-го полка Т-къ разсказываетъ, что онъ, желая пріучить своихъ учениковъ отличать буквы одна отъ другой въ разбивку, вырѣзалъ на кускѣ кортона небольшое квадратное отверстіе и, накладывая кортонъ на строки печатной книги такъ, чтобы буквы одна за другой показывались въ отверстіи, заставлялъ своихъ учениковъ поочередно называть эти буквы и такимъ способомъ выучилъ ихъ азбукѣ. Въ этой школѣ подвижныхъ буквъ не было; но въ другихъ солдатскихъ школахъ юнкера сами писали на кортонѣ, буквы азбуки, или вырѣзывали ихъ изъ черной бумаги и наклеивали на бѣлую, и этими способами сами съумѣли приготовить подвижную азбуку для своей школы.

ученика и стараться пріобрѣсть умѣнье владѣть способами обученія.

V. Другой весьма важный недостатокъ въ учителѣ, совершенно противоположный невнимательности, есть *желаніе сообщить своимъ ученикамъ все, что онъ знаетъ, не обращая вниманія на степень развитія учениковъ.* Недугомъ этимъ страдаетъ болѣе или менѣе всякій ретивый и неопытный преподаватель, и недугъ этотъ вполнѣ извинителенъ, потому что происходитъ отъ благороднаго желанія подѣлиться съ другими всѣмъ своимъ умственнымъ богатствомъ. При этомъ учитель часто впадаетъ въ нѣкоторое самообольщеніе. Небольшой успѣхъ учениковъ, удачно исполненная ими задача даютъ учителю самое выгодное понятіе объ ихъ развитіи и заставляютъ его приложить особыя заботы объ ихъ дальнѣйшемъ образованіи. При слѣдующихъ урокахъ учитель обременяетъ умы учениковъ новыми свѣдѣніями, новыми фактами и только чрезъ нѣсколько времени подмѣчаетъ свою ошибку. Причиной такого самообольщенія бываютъ случайныя обстоятельства: напримѣръ, учитель въ продолженіи нѣсколькихъ уроковъ съ вопросами обращался къ болѣе развитымъ ученикамъ, и потому мало по малу потерялъ изъ вида неразвитость большинства. И такъ первымъ правиломъ здѣсь должно быть: стараніе держаться постепенности; быть воздержну, какъ выражаются нѣмецкіе педагоги, въ дѣлѣ преподаванія; не обременять умъ ученика непосильной работой, при этомъ давать ему только тѣ познанія, которыя могутъ быть ему пригодны въ жизни; вести дѣло такъ, чтобы ученикъ самъ себя образовывалъ Особенно эти замѣчанія должны быть всецѣло примѣняемы къ нашей солдатской школѣ, гдѣ ученики въ большинствѣ мало развиты, гдѣ занятія производятся не постоянно, но урывками; потому что солдатъ, кромѣ грамотности, имѣетъ много прямыхъ служебныхъ обязанностей. Въ обученіи солдата должно дѣлаться все для пользы, а не для блеска; потому должно выкинуть за бортъ все, что не идетъ къ дѣлу, въ чемъ не видится осязательной пользы. У насъ часто говорятъ, что всякое знаніе полезно, что оно не тяготитъ плечъ; но это мнѣніе не

благоразумно и не практично. Неблагоразумное желаніе развить человѣка выше его состоянія, сообщить ему свѣдѣнія, ненужныя въ его быту, приноситъ человѣку болѣе вреда, чѣмъ пользы; потому что такое многознаніе не можетъ быть основательнымъ, и между тѣмъ для него теряютъ изъ вида все то, что стоитъ на первомъ планѣ. Получивши массу знаній безполезныхъ, нахватавшись однихъ верховъ, подобные люди бываютъ большею частію не довольны своею судьбою и своимъ положеніемъ, дѣлаются заносчивыми, неуживчими и несправедливыми къ другимъ. Народъ нашъ мѣтко характеризуетъ такого человѣка пословицами: «и самъ не радъ, что грамотѣ гораздъ»; «недоученый хуже неученаго, а переученый хуже недоученаго». Нѣчто подобное въ нашихъ войскахъ представлялъ еще такъ недавно исчезнувшій типъ унтеръ-офицеровъ изъ учебныхъ полковъ. Типъ этотъ, съ его всезнайствомъ, съ его манерой обо всемъ судить свысока, и вездѣ держать себя съ видомъ человѣка образованнаго, прекрасно очерченъ въ повѣсти Г. Погоскаго—«Сибирлетка» и въ «Военныхъ разсказахъ» Гр. Толстаго, именно въ личностяхъ: учебнаго унтеръ-офицера егерьскаго полка и фейерверкера Антонова [34]). Люди подобнаго рода не пользуются большимъ почетомъ солдатъ, которые, не смотря на свою простоту, чувствуютъ невольно ихъ нравственное уродство.

Нашъ короткій обзоръ нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для офицера, какъ преподавателя солдатской школы, показываетъ самъ собою, что *учитель долженъ обращать большое вниманіе на свой характеръ*: наблюденіемъ за собой, а иногда и усильною работой надъ собою онъ долженъ стараться, *чтобы характеръ его пріобрѣлъ тѣ качества, которыя необходимы при преподаваніи*. Впрочемъ эти качества характера столь же необходимы для жизни въ обществѣ, какъ и для управленія школой. Съ другой стороны нашъ обзоръ показываетъ, что для успѣха преподаванія *офицеръ-учитель долженъ стараться о пріобрѣтеніи необходимыхъ познаній*.

---

[34]) См. Пов. и разс. Погоскаго Спб. 1866 г. часть I, кн. 2. стр. 70; Воен. разс. Гр. Толстаго: «Рубка лѣса» стр. 69.

VI. Характеръ преподавателя, который имѣетъ своею обязанностью умственно и нравственно руководить другихъ, долженъ обладать сдержанностью и увѣренностью въ себѣ или самоуваженіемъ. Всякій учитель долженъ превосходить своихъ учениковъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Потому принимаясь за образованіе другихъ, должно предположить впередъ, что вы уже пользуетесь авторитетомъ своихъ учениковъ. Потому дѣлается понятною необходимость нравственнаго господства учителя надъ учениками, а это нравственное господство обусловливается умѣньемъ учителя владѣть собою въ совершенствѣ. Ничто не должно развлекать учителя въ его преподаваніи; онъ долженъ идти въ своемъ преподаваніи по разъ начертанному плану твердо и неуклонно. Внимательность учителя къ преподаванію и неизмѣнность его учебной системы однѣ только могутъ поддерживать внимательность и энергію учениковъ. Учитель долженъ быть господиномъ своихъ страстей; успѣхъ и неуспѣхъ ученика не долженъ возбуждать ни особой его радости, ни огорченія: первая пріучаетъ ученика, котораго хвалятъ, къ самонадѣянности, послѣднее отнимаетъ у слабыхъ учениковъ и послѣднюю энергію; у него не должно быть особыхъ любимцевъ между учениками. Въ исполненіи своихъ обязанностей учитель долженъ быть точенъ и строгъ къ самому себѣ; только этимъ однимъ можно пріучить къ исполнительности и учениковъ.

VII. *Необходимость дальнѣйшаго самообразованія для офицера-преподавателя очевидна сама собою.* Преподаваніе въ солдатскихъ школахъ имѣетъ цѣлью, кромѣ механическаго обученія чтенію, письму и т. п., еще развитіе солдата; слѣдовательно здѣсь учитель долженъ заботиться объ образованіи себя; во 1-хъ, съ цѣлію облегчить себѣ преподаваніе узнаніемъ легчайшихъ его способовъ, во 2-хъ для того чтобы толково и съ пользою вести классную бесѣду съ солдатами. Для того чтобы умѣть ясно сообщить нашему простолюдину полезныя для него научныя свѣдѣнія, нужно самому быть достаточно знакому съ наукой. Въ самомъ дѣлѣ въ какое невыгодное положеніе будетъ поставленъ офицеръ-преподаватель и предъ самимъ собою

и предъ учениками, когда, при постепенномъ успѣхѣ своего преподаванія, онъ увидитъ себя не въ состояніи ясно отвѣчать на вопросы учениковъ; потому что въ его собственныхъ познаніяхъ существуютъ пробѣлы. Чтобы правильно и занимательно вести въ солдатской школѣ объяснительное чтеніе, необходимо самому преподавателю имѣть многія ясныя и точныя познанія. Знакомясь съ солдатомъ въ школѣ болѣе и болѣе, учитель будетъ глубоко пораженъ его предразсудками, его почти не христіанскими предвзятыми понятіями, заимствованными изъ той среды, откуда поступаетъ на службу нашъ солдатъ; но чтобы вліять на его духовное просвѣщеніе, нужно объяснить ему въ религіи, природѣ и жизни то, чего самъ онъ понять не въ силахъ; а для этого развѣ мало нужно умѣнья и образованія?... Такимъ образомъ слѣдствіемъ добросовѣстнаго вашего преподаванія въ солдатской школѣ должно непремѣнно явиться желаніе продолжать свое образованіе. Средствъ къ самообразованію много, была бы охота: въ настоящее время, можно сказать, еженедѣльно издается масса книгъ по всѣмъ отраслямъ познаній, въ которыхъ научныя истины популяризуются самымъ удачнымъ образомъ. Полковыя библіотеки, наряду съ книгами военнаго и беллетристическаго содержанія, имѣютъ много книгъ научнаго и общеобразовательнаго содержанія. Преимущественное же вниманіе офицера-учителя должно быть обращено на изученіе статей и книгъ для народнаго чтенія, въ такомъ множествѣ изданныхъ въ послѣднее время. Такими же статьями богаты наши военные журналы, спеціально издаваемые для чтенія солдатъ. И такъ продолжать свое самообразованіе офицеру, и какъ преподавателю, есть необходимая потребность. Даже нашъ простолюдинъ также смотритъ на обязанность учителя—учиться самому. «Учи другихъ, и самъ поймешь», говоритъ пословица, т е. «берись учить другаго,—ты и самъ научишься тому, чего не понималъ прежде; а пониманія этого ты непремѣнно добьешься, потому что не захочешь краснѣть предъ ученикомъ». Вотъ золотой совѣтъ одного изъ замѣчательныхъ современныхъ педагоговъ, Дистервега: «До тѣхъ поръ только можно образо-«вывать другихъ, пока мы сами трудимся надъ своимъ само-

«образованіемъ». «Стремись» — даетъ онъ совѣтъ учителю — «по-«стоянно къ образованію и тогда, когда ты трудишься надъ «образованіемъ другихъ: школа и для тебя пусть будетъ шко-«лой. Въ противномъ случаѣ, если ты не будешь стре-«миться къ высшему совершенству, къ болѣе свободной дѣя-«тельности въ служеніи истинѣ и добру, какими бы ты не об-«ладалъ совершенствами, ты будешъ мѣдью звенящею; но ни-«когда не будешь принадлежать къ тѣмъ, чрезъ которыхъ раз-«вивается и совершенствуется человѣчество [35])». Только такой человѣкъ, который не имѣетъ желанія быть полезнымъ другимъ, для котораго интересы знанія не существуютъ, можетъ считать дѣломъ законнымъ—покинуть всякую мысль о самообразованіи; но такихъ отсталыхъ людей никто уважать не можетъ.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ [36])

о томъ, на чемъ основываются пріемы первоначальнаго обученія и о способахъ преподаванія вообще.

Содержаніе лекціи: Необходимость для всякаго преподавателя имѣть свѣдѣнія о познавательной дѣятельности человѣческой души, чтобы съумѣть избрать и примѣнить къ дѣлу тотъ или другой способъ преподаванія. I. Способности человѣческой души; какимъ образомъ человѣкъ усволяетъ впечатлѣнія отъ внѣшняго міра; понятія о внѣшнихъ и внутреннемъ чувствахъ: способность представленій, ассоціація представленій, память; разсудочный процессъ: образованіе понятій, сужденій и умозаключеній; анализъ или индуктивный методъ и синтезъ или дедукція. II. Эпохи духовнаго развитія человѣка и оттуда вытекающая необходимость особыхъ пріемовъ первоначальнаго обученія для людей взрослыхъ, и именно—для солдатъ; общіе выводы или правила преподаванія въ школахъ для взрослыхъ. На основаніи этихъ выводовъ примѣненіе къ солдатскимъ школамъ спеціальныхъ педагогическихъ

---

[35]) Журн. «Учитель» 1864 г., № 4, стр. 134.

[36]) Лекція при чтеніи была раздѣлена на два отдѣла, и составила два особыя чтенія: здѣсь помѣщаются обѣ лекціи въ одномъ отдѣлѣ, по единству ихъ содержанія.

методъ: повѣствовательной или учебнаго разсказа, описательной, объяснительной и наконецъ учебнаго разговора или катехизаціи; связь катехизаціи со способомъ наглядnаго обученія, по методѣ Песталоцци; Песталоцци, какъ талантливый педагогъ; цѣль введенія имъ особой системы преподаванія; рѣшеніе вопроса, возможно-ли примѣненіе этой методы къ солдатскимъ школамъ. III. Методы общія, относящіяся къ школьной дисциплинѣ, именно: мониторіальная Белля и Ланкастера и преподаваніе кружками; примѣненіе къ солдатскимъ школамъ того и другаго способа обученія.

Предметомъ предшествующей лекціи было рѣшеніе вопроса, какое значеніе должны имѣть для офицера его занятія въ солдатской школѣ, иначе сказать, съ одинаковымъ-ли вниманіемъ долженъ офицеръ относиться къ обязанности преподавателя войсковой школы, какъ и къ другимъ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Внимательное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ привело насъ къ выводу, что преподаваніе въ солдатской школѣ, если съ перваго раза и не представляется столь же обязательнымъ для офицера, какъ и прочія прямыя его обязанности по службѣ; тѣмъ не менѣе къ добросовѣстнымъ занятіямъ грамотою съ солдатами должно обязывать офицера желаніе способствовать развитію людей непросвѣщенныхъ, къ числу которыхъ относится и нашъ солдатъ.

Прошу васъ, Гг! на этотъ разъ внимательно выслушать изложеніе тѣхъ законовъ человѣческаго познанія, на которыхъ главнымъ образомъ основываются всѣ образовательные пріемы. Прежде изложенія способовъ обученія, которое мы начнемъ со слѣдующей лекціи, весьма естественно указать ихъ причину, ихъ основаніе, ихъ общій, наукою выработанный, планъ. При усвоеніи всякаго знанія, какого-бы рода оно ни было, всегда на первомъ мѣстѣ долженъ стоять вопросъ о томъ, ведетъ-ли оно къ цѣли, или въ слѣдствіе какихъ причинъ явилось оно именно въ такой, а не въ другой формѣ. Нельзя изучить основательно простыхъ первоначальныхъ пріемовъ обученія, если мы не знаемъ ихъ внутренней основы. Задача начальнаго обученія, какъ показываетъ самое названіе,—положить начало

наукѣ, потому здѣсь всего важнѣе знать, сообразно-ли это основаніе съ природой, прочно-ли оно. Метода обученія есть чисто духовное орудіе учителя Если онъ хочетъ, чтобы это орудіе достигало своей цѣли, — онъ долженъ пріучиться сознательно владѣть имъ; а это не возможно безъ пониманія смысла самой методы Все это приводитъ къ той мысли, что изложенію способовъ преподаванія необходимо должно предшествовать изложеніе законовъ, по которымъ душа человѣка дѣйствуетъ при усвоеніи того или другаго знанія или навыка, чтобы каждый преподавательскій пріемъ получилъ полную ясность для самого учителя.

При рѣшеніи подобнаго рода вопросовъ практическимъ путемъ, иногда много поучительнаго представляютъ намъ отчеты о преніяхъ, происходившихъ въ тѣхъ собраніяхъ земства, гдѣ былъ поднятъ вопросъ о народномъ образованіи. Въ одномъ изъ такихъ собраній, — въ видахъ скораго распространенія грамотности въ сельскомъ населеніи, — однимъ изъ членовъ былъ предложенъ проэктъ — ознакомить съ простѣйшими пріемами первоначальнаго обученія тѣхъ сельскихъ грамотѣевъ, которые занимаются по селамъ и деревнямъ обученіемъ дѣтей. На это предложеніе большинство членовъ возразило, что успѣхъ распространенія грамотности зависитъ не отъ одного знанія правильныхъ учебныхъ пріемовъ, а отъ умѣнья владѣть ими, что въ свою очередь обусловливается бо́льшею или ме́ньшею степенью развитія учителя, бо́льшею или ме́ньшею его подготовкой къ своей профессіи; потому собраніе положило — не смотря на значительность расходовъ земства — учредить, для образованія сельскихъ учителей, учительскую семинарію. [37]) Здравая мысль, высказанная въ этомъ земскомъ собраніи, должна быть поучительна и для насъ въ данномъ случаѣ. Чтобы способы преподаванія сдѣлались болѣе или менѣе понятны преподавателю и чтобы онъ могъ свободно и сознательно примѣнять ихъ, необходимо ему знать, на чемъ основываются всѣ способы преподаванія.

Всѣ способы преподаванія основываются на изученіи души человѣка.

---

[37]) Вѣстн. Европ. 1868 г. № 5. «Современ. Хроника», стр. 366.

I.

Наука, трактикующая о способностяхъ человѣческой души, называется *психологіею*, или въ переводѣ съ греческаго — «наукою о душѣ человѣка». Только съ тѣхъ поръ какъ ученые преподаватели примѣнили изученіе души человѣческой къ воспитанію и образованію человѣка, и самое преподаваніе упростилось и сдѣлалось основательнѣе, и сами преподаватели, до тѣхъ поръ ходившіе ощупью, почувствовали, что они стали на твердую почву, Честь примѣненія психологіи къ наукѣ объ обученіи принадлежитъ нашему великому, по развитію наукъ, XIX вѣку, а первый починъ дѣла — незабвенному труженику науки, Песталоцци. [38])

Способности человѣческой души съ давнихъ поръ (около 2000 лѣтъ) дѣлятъ на три отдѣла или на три области: на область способностей *познавательныхъ*, область способностей *желательныхъ*, т. е. стремленій и страстей, и область *чувствованій*. Способности познавательныя называютъ обыкновенно общимъ именемъ «человѣческаго ума»; потому что посредствомъ этихъ способностей мы воспринимаемъ впечатлѣнія отъ внѣшняго міра, иначе сказать, понимаемъ насъ окружающее, думаемъ, судимъ. Мѣстопребываніемъ ума или мышленія, кажется, долженъ быть мозгъ головной, въ чемъ насъ удостовѣряетъ непосредственный опытъ. Дѣйствительно когда мы размышляемъ, то чувствуемъ, что напряженіе происходитъ въ головѣ; въ мозгу головномъ мы чувствуемъ тяжесть послѣ трудной умственной работы. Область способностей желательныхъ заключаетъ въ себѣ: наши навыки, склонности, страсти, отвращенія. Наконецъ область чувствованій называютъ «сердцемъ», потому что внѣшнимъ образомъ эти способности чаще всего проявляются въ сердцѣ: учащеннымъ или медленнымъ біеніемъ сердца проявляются въ насъ чувства — страха, скорби, радости и т. п. Мы говоримъ: «забилось сердце отъ радости; замираетъ сердце отъ страха» Въ способности чув-

---

[38]) См. Очеркъ истор. восп. и образов. Л. Модзалевскаго. Вып. 2-й. Спб. 1867 г. стр. 491.

ствованій, въ образѣ ся развитія лежитъ начало нашихъ добрыхъ, благородныхъ стремленій и чувствованій: кротости, доброты, мечтательности, а равно и начало чувствованій худыхъ, низкихъ: жестокости, звѣрства и т. п. Человѣкъ милостивый и въ народномъ говорѣ называется «милосердымъ», т. е. имѣющимъ сердце милующее, любящее, а человѣкъ безжалостный — «жестокосердымъ» или, по церковно-слявянски, — «жестосердымъ». [39]) Происхожденіе подобнаго рода сложныхъ словъ въ языкѣ очень древне: нашъ народъ издавна сердце человѣческое почитаетъ источникомъ добрыхъ и худыхъ чувствъ и дѣяній. Основаніе этого мы видимъ и въ свящ. писаніи [40]). По народному живописному выраженію, сердце—«ретивое», т. е. чутко откликается на всякое впечатлѣніе; человѣкъ, къ которому мы относимся задушевно: называется, «сердечнымъ».

Раздѣляя способности души на три области, ученые вовсе не представляютъ душу человѣка чѣмъ-то такимъ, что можно дѣлить на части; душа человѣка есть нѣчто единичное, не дѣлимое. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ она проявляетъ вся, а не по частямъ; такое единство сознанія доказываетъ недѣлимость души. Раздѣленіе же силъ души на три области указываетъ только тѣ направленія, въ которыхъ она можетъ дѣйствовать и проявляться. Въ краткомъ нашемъ психологическомъ очеркѣ мы ограничимся разборомъ дѣятельности нашей души въ области познавательной: дѣло учителя солдатской школы или школы для взрослыхъ заключается большею частію въ умѣньи направить познавательныя способности учениковъ, иными словами, — научить человѣка чему-либо, заставить его работать умомъ, для усвоенія того или другаго познанія; хотя нельзя отрицать и того факта, что въ познаніи и въ обученіи не малую долю играетъ и наше сердечное чувство, наши симпатіи. Для достиженія той цѣли, которую мы предположили, покажемъ, какъ человѣкъ учится.

---

[39]) Еван. Мар. XVI, 14, по Слав. тск.
[40]) Еван. Лук, VI, 45; Мат. XV, 19.

Всякій человѣкъ приходитъ въ міръ съ зачатками всѣхъ способностей въ своей душѣ, которая, по ученію Слова Божія, богоподобна, но для того чтобы познакомиться съ видимымъ міромъ, установить свои отношенія къ другимъ людямъ, наконецъ чтобы развить самыя способности,—ему нужно научиться многому. Есть два рода или источника знанія: познаніе, пріобрѣтаемое опытомъ внутреннимъ и познаніе, пріобрѣтаемое опытомъ внѣшнимъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы посредствомъ внѣшнихъ чувствъ узнаемъ то, что находится внѣ насъ; въ первомъ случаѣ своимъ *внутреннимъ чувствомъ* мы постигаемъ то, что совершается въ насъ самихъ: внутреннимъ чувствомъ душа познаетъ самоё себя. Вотъ примѣръ дѣятельности внутренняго чувства. Положимъ, что-нибудь возбудило въ насъ раздраженіе, но мы желали бы его скрыть, тогда своимъ внутреннимъ чувствомъ мы наблюдаемъ за собою, чтобы не дать нашему раздраженію высказаться наружу. Въ жизни наблюденіями нашего внутренняго чувства постоянно пополняются внѣшнія наблюденія. По взгляду человѣка мы судимъ и догадываемся о его мысляхъ и намѣреніяхъ; потому что мы знаемъ, по опыту внутреннему, что такіе именно взгляды или тѣлодвиженія соотвѣтствуютъ извѣстному нашему душевному состоянію. Основаніемъ этому служитъ то неизмѣнное правило, что извѣстное душевное состояніе проявляется въ тѣлѣ извѣстнымъ знакомъ. Такъ движенія разгнѣваннаго рѣзки, лице мрачно, голосъ звучитъ особенно не естественными нотами. Русская пѣсня отличаетъ по походкѣ удалаго, беззаботнаго молодца... Внутренній опытъ въ рукахъ учителя есть одно изъ надежныхъ средствъ образованія. Заставляя ученика углубляться въ себя самого,—допрашивать себя, понялъ-ли онъ предметъ обученія, учитель двигаетъ его внутреннимъ чувствомъ. Людямъ взрослымъ подобнаго рода повѣрку болѣе должно поручать самимъ, между тѣмъ какъ ученикъ малолѣтній въ подобномъ случаѣ требуетъ непосредственнаго руководства учителя. Человѣкъ плохо развитый самъ не съумѣетъ дать себѣ отчета въ томъ, что отъ васъ слышалъ въ классѣ, не съумѣетъ самъ заучить заданнаго урока. Въ этомъ случаѣ учитель

помогаетъ ему, т. е. старается возбудить въ его душѣ мысли въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ являлись въ умѣ учителя при объясненіи учебнаго предмета.

Для сообщенія съ видимымъ міромъ, отъ Бога даны человѣку *внѣшнія чувства*; этихъ чувствъ пять: *зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе, вкусъ*. Первыя два чувства называются высшими, послѣднія три — низшими. Способности человѣка, посредствомъ которыхъ онъ соприкасается съ видимымъ міромъ, т. е. способности — видѣть, слышать, осязать называются психологами основными условіями познаванія внѣшняго міра; потому что при помощи ихъ начинаютъ свое развитіе всѣ прочія внутреннія силы души. Первоначальное развитіе человѣка совершается подъ вліяніемъ внѣшнихъ чувствъ; отъ внѣшнихъ же чувствъ начинается всякое научное обученіе. На этомъ положеніи основывается существенное правило всякаго обученія: *прежде вещь, а потомъ ея знакъ*; *сперва учебное дѣйствіе, а потомъ отчетъ въ дѣйствіи*. Въ обученіи, особенно первоначальномъ, теорія не должна никогда предупреждать практику. Первыя практическія упражненія ученика необходимо бываютъ чисто подражательныя и часто лишены для ученика смысла (напримѣръ, первоначальное заучиваніе буквъ, цифръ, пріемы письма и т. п.); но такія механическія упражненія не избѣжны.

Внѣшнія чувства передаютъ намъ видъ, звукъ, объемъ и вкусъ предметовъ видимаго міра; но для того чтобы образы предметовъ были усвоены нашею душею, нужно, чтобы мы, какъ говорится, обратили на нихъ *вниманіе*. Вниманіе, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ книги: «Человѣкъ какъ предметъ воспитанія», [41]) по своему словопроизводству, есть *взиманіе*, т. е. воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній нашимъ *сознаніемъ*. Когда душа сильно и сосредоточенно занята какими-либо мыслями, она не видитъ и не чувствуетъ, какъ бы сильно ни были потрясены наши внѣшнія чувства. Люди, бывшіе въ сраженіяхъ, разсказываютъ, что въ пылу боя раненые не чув-

[41]) Челов. какъ пред. воспит. Ушинскаго 1868 г. Спб. т. 1 стр. 202.

ствуютъ сильныхъ, даже смертельныхъ ранъ; но тотчасъ падаютъ безъ чувствъ, когда замѣтятъ текущую изъ нихъ кровь. Обратимся къ собственному вашему опыту. Сколько разъ, сидя въ классѣ, вы не слышали обясненій учителя, потому что умъ вашъ былъ занятъ другимъ; между тѣмъ вѣрный слуга вашъ, слухъ доносилъ вамъ, что идетъ лекція, повтореніе которой есть одна изъ вашихъ существенныхъ обязанностей. Доказательствомъ этому то, что едва вы перестали думать о постороннемъ, докучливый голосъ учителя проникъ въ ваше ухо и вотъ вы опять вслушиваетесь въ разсказъ. Дѣйствительно наши внѣшнія чувства суть наши вѣрные слуги: они одарены природнымъ стремленіемъ воспринимать внѣшнія впечатлѣнія. Внѣшній міръ, можно сказать, насильно вторгается въ нашу душу, или, какъ живописно выражается наша русская сказка, «въ очью видится, въ глаза мечется». Отсюда произошло самое названіе «предметъ», т. е. что мечется въ глаза. Красота творенія не можетъ не поражать нашей души; не даромъ русскій человѣкъ съ понятіемъ видимаго міра соединяетъ понятіе о согласіи, о стройности, о мирѣ. Извѣстно, что различное правописаніе слова: *міръ (и миръ)* есть позднѣйшая выдумка книжниковъ.

Замѣчанія, высказанныя нами, что сосредоточенная умственная дѣятельность мѣшаетъ намъ воспринимать впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ, а также то, что дѣятельность одного чувства притупляетъ другое, показываетъ намъ, что душа не можетъ устремлять свои внутреннія силы въ различныя стороны. На знаніи этого факта основывается искусство учителя управлять вниманіемъ учениковъ. Вниманіе, долго устремленное на одинъ предметъ, долговременное упражненіе одной способности преимущественно предъ другой утомляетъ вниманіе даже взрослаго человѣка, особенно если онъ не привыкъ къ умственной дѣятельности. *Преподаватель долженъ разнообразить занятія учениковъ*, чтобы поддержать интересъ познанія постоянною перемѣной предметовъ преподаванія. Въ вашей грамотной школѣ дѣлайте такъ, чтобы чтеніе смѣняло письмо, а письмо уступало мѣсто занятіямъ ариѳметикою. При самыхъ первыхъ урокахъ чтенія Золотовъ совѣтуетъ примѣ-

нять наглядное преподаваніе: на 1-мъ урокѣ учитель, набравши изъ подвижныхъ буквъ нѣсколько словъ, объясняетъ ихъ значеніе ученикамъ; такимъ образомъ вниманіе ученика на первый разъ не слишкомъ утомляется механическимъ заучиваніемъ слоговъ и буквъ. При толкованіи учителемъ значенія выставленныхъ на доскѣ словъ, заняты умъ и воображеніе учениковъ, а не одна только память, какъ это бываетъ при простомъ заучиваніи. На этомъ же основаніи лучшіе педагоги совѣтуютъ давать солдатамъ, для первоначальнаго чтенія, статьи легкаго, занимательнаго и удобопонятнаго содержанія. Для нашего необразованнаго простолюдина вещь далеко не легкая уже выучиться читать плавно. Сколько со стороны его нужно напряженія памяти, чтобы имѣть постоянно предъ глазами въ теченіи всего чтенія весь запасъ буквъ и ихъ сочетаній? А тутъ еще нужно, чтобы вниманіе было устремлено на уразумѣніе мудреныхъ мыслей!... Понятно, что подобное раздвоеніе вниманія не можетъ привести ни къ чему хорошему.

Выше мы сказали, что вниманіе, долго сосредоточенное на одномъ предметѣ, теряетъ свою силу. Особенно это замѣчается на нашихъ простолюдинахъ. Сельскій житель, находясь близко къ природѣ, отдается весь внѣшнимъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, не останавливаясь подолгу ни на одномъ предметѣ, возбудившемъ его вниманіе. Находясь при своихъ полевыхъ работахъ, вѣчно одинъ среди окружающей его природы, нашъ крестьянинъ привыкъ болѣе размышлять, нежели слушать другихъ или дѣлиться своими мыслями. Посадите вы на школьную скамью вновь поступившаго на службу солдата, заставьте его слушать послѣдовательное преподаваніе учителя, и онъ ничего не усвоитъ. Въ такомъ случаѣ у учителя единственное средство занять вниманіе ученика — какъ можно чаще заставлять ученика разсказывать и повторять слышанное, такимъ образомъ заставлять его самого размышлять. Отсюда правило: *чтобы занять вниманіе класса, нужно чаще обращаться съ вопросами къ каждому ученику по очереди.* — Правило это основывается на томъ психологическомъ фактѣ, что человѣкъ чрезъ упражненіе можетъ пріобрѣсти полную власть надъ сво-

нмъ вниманіемъ. Чѣмъ болѣе накопляется въ душѣ слѣдовъ побѣдъ нашей воли надъ упорствомъ непроизвольнаго вниманія, тѣмъ власть наша надъ вниманіемъ дѣлается сильнѣе, и новыя побѣды для нея становяться легче [42]).

Впечатлѣнія отъ внѣшняго міра могутъ быть тогда только вѣрны дѣйствительности, когда здоровы наши внѣшнія чувства. Особенно въ томъ отношеніи первостепенную важность имѣетъ цѣлость зрѣнія и слуха. Если наши внѣшніе органы больны, то процессъ умственнаго развитія нашего задерживается: полуглухому не доступно устное преподаваніе, плохое зрѣніе мѣшаетъ читать и писать. Болѣе или менѣе значительная развитость внѣшнихъ чувствъ есть даръ природы: многіе отъ природы способны различать самые тихіе звуки, видѣть самые незначительные предметы. Но нѣтъ сомнѣнія, что неразвитость, внѣшнихъ чувствъ часто зависитъ отъ неупражненія ихъ. Въ солдатскихъ школахъ мнѣ часто случалось встрѣчать, что неумѣнье ученика отличить одну букву отъ другой зависѣло отъ плохо развитаго зрѣнія предметовъ мелкихъ. Высказанное нами положеніе служитъ основаніемъ педагогическому правилу: *всякій предметъ обученія показывать не торопливо*, давать разсматривать его ученикамъ подробно. Этимъ объясняется требованіе, чтобы въ классѣ, гдѣ идетъ преподаваніе по системѣ звуковой, было не свыше 20-ти учениковъ; если же ихъ болѣе, то они должны быть раздѣлены на нѣсколько параллельныхъ отдѣленій. По этой же причинѣ метода Золотова, по которой выставляются сначала на доску буквы самаго крупнаго размѣра, сдѣланныя отчетливо, весьма полезна для солдатскихъ школъ, потому что даетъ солдатамъ возможность хорошо ознакомиться съ формою буквъ.

Не смотря на относительную важность познаній, сообщаемыхъ внѣшними чувствами, познанія эти, взятыя сами по себѣ, бѣдны, если не освѣщены разсудкомъ человѣка. Внѣшнія чувства сообщаютъ намъ отдѣльныя, разрозненныя ощущенія, напримѣръ: чернаго, шероховатаго и т: п: Всякое познаніе

---

[42]) Челов. какъ предм. восп. Ушинскаго Спб. 1868 т. I стр. 221.

связное, напримѣръ: «эта бумага бѣлѣе другой;» «этотъ домъ старъ,» — есть уже произведеніе нашего мыслящаго духа. Даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ самомъ наблюденіи внѣшнихъ чувствъ замѣчается дѣйствіе нашего ума. Вотъ примѣры: мы видимъ глазами одинъ передній фасадъ дома и заключаемъ, что этотъ фасадъ не декорація, а передняя сторона жилаго строенія; мы отличаемъ пространственныя отношенія предметовъ, находящихся на одной линіи, не зрѣніемъ, а разсудкомъ. [43]) Для обученія весьма большую важность имѣетъ выводъ, что *внѣшнія чувства* суть *простые проводники впечатлѣній* отъ внѣшняго міра, потому *все видимое и слышимое* должно быть *провѣряемо разсудкомъ*. Отъ тѣсной связи наблюденія внѣшнихъ чувствъ съ разсудкомъ зависитъ разумность всѣхъ попытокъ педагогики осмыслить для ученика даже простыя механическія пріемы обученія, насколько это возможно. Здѣсь же имѣютъ свое основаніе: группированіе буквъ по ихъ сходству, или по органамъ произношенія, при изученіи алфавита, — генетическій способъ письма и большая часть ариѳметическихъ дѣйствій. Система наглядnаго обученія (Anschaugsunterricht) основана также на разумномъ наблюденіи предметовъ обученія, при которомъ отстраняется изъ наблюденія всякая темнота или невѣрность.

Какимъ образомъ все, воспринятое внѣшними чувствами, становиться собственностію души? — Какъ скоро внѣшнія чувства, при полномъ вниманіи человѣка, восприняли предметъ, подлежащій нашему наблюденію, тотчасъ вслѣдъ за этимъ въ душѣ образуется *слѣдъ*. При усвоеніи слѣда нашею душею замѣчаются собственно два акта: воспріятіе слѣда душею, что называется нѣкоторыми психологами *чувственнымъ созерцаніемъ* или наблюденіемъ и полное сознаніе душею самого *слѣда* или *представленіе* предмета, [44]) хотя бы предметъ и пересталъ

---

[43]) 1728 году Лондонскій медикъ Чесельденъ вылѣчилъ слѣпорожденнаго 14-тилѣтняго мальчика, который первоначально всѣ предметы видѣлъ въ одинаковомъ растояніи.

[44]) Г. Вессель въ своей «Опытной Психологіи», усвоивъ систему Бенеке, не полагаетъ здѣсь двухъ актовъ, напротивъ у него предметъ, дѣйствуя на

дѣйствовать на наши чувства. Чувственное созерцаніе есть воспріятіе или усвоеніе нашею душею предмета видимаго или слышимаго, иначе сказать, это образъ предмета, происходящій въ душѣ, когда предметъ дѣйствуетъ на органы чувствъ. Представленіе есть то же самое познаніе, тотъ же образъ предмета, только существующій въ душѣ въ то время, когда предметъ уже не дѣйствуетъ на внѣшнія чувства. Это-то и есть собственно «слѣдъ». *Отчетливость и неизгладимость слѣда* вполнѣ *зависятъ* отъ *силы и ясности* самого *впечатлѣнія* или чувственнаго созерцанія. Проѣзжая въ осеннія сумерки мимо зданія, мы можемъ разсмотрѣть его только въ однѣхъ общихъ чертахъ; такимъ образомъ и слѣдъ, оставшійся отъ него въ нашей душѣ, будетъ смутный и не полный. Если вы покажете предметъ обученія вашему ученику и не дадите ему возможности хорошо его разсмотрѣть и усвоить образъ его; вѣрьте,—онъ его скоро забудетъ, иначе сказать, представленіе, о предметѣ въ душѣ вашего ученика не будетъ ясно и отчетливо. Какъ образуется въ нашемъ сознаніи представленіе и какъ оно можетъ надолго оставаться въ душѣ,—это составляетъ тайну нашего духа. Только ясно сознанное впечатлѣніе предмета на нашу душу оставляетъ неизгладимый невещественный слѣдъ или представленіе его образа въ нашемъ сознаніи. Съ тѣхъ поръ этотъ слѣдъ дѣлается достояніемъ нашей души. Надолго-ли?

Рѣшить этого положительно нельзя; мы можемъ сказать только утвердительно, что чѣмъ съ большею ясностью слѣды эти усвоены душею, тѣмъ долѣе они пребываютъ въ ней. Образъ представленія или слѣдъ рѣзко отличаются отъ образа чувственнаго созерцанія; во 1-хъ тѣмъ, что представленіе не

внѣшнія чувства, прямо производитъ слѣдъ или предетавленіе. Ушинскій справедливо замѣчаетъ, что у Бенеке явный пробѣлъ между нервнымъ впечатлѣніемъ и душевнымъ ощущеніемъ. Опытъ говоритъ намъ, что въ душѣ нашей остаются слѣды только тѣхъ впечатлѣній, которыя уже нами сознаны. См. Челов. какъ пред. восп. I. стр. 201. Замѣтку эту мы дѣлаемъ по той причинѣ, что Психологія Г. Веселя есть книга педагогическая.

имѣетъ богатства чувственнаго созерцанія: въ представленіи остаются только черты предмета крупныя и сильно замѣченныя нами, но за то эти крупныя черты представляются съ большею отчетливостью и опредѣленностью; во 2-хъ все, что особенно пріятно поражало душу при чувственномъ созерцаніи, оставляетъ глубокій слѣдъ въ ней, хотя самый слѣдъ или представленіе предмета не возбуждаетъ пріятнаго чувства. Обученіе имѣетъ главною и прямою своею цѣлью изощреніе способности представленій; слѣдовательно наука объ обученіи должна, руководствуясь знаніемъ законовъ, по которымъ въ нашей душѣ возникаютъ представленія,—помогать ученику составлять такія представленія, которыя бы надолго сохранялись въ нашей душѣ. Все первоначальное обученіе основывается на изощреніи этой способности. При обученіи чтенію учитель пріучаетъ ученика къ отчетливому представленію буквъ; обучаясь ариѳметикѣ, ученикъ выучивается представлять числа въ извѣстномъ порядкѣ и связи. При дальнѣйшемъ развитіи учитель передаетъ ученику готовыя представленія, выбирая ихъ по мѣрѣ надобности изъ того огромнаго запаса умопредставленій, которыя умъ человѣческій въ теченіи тысячелѣтій собралъ, провѣрилъ и завѣщалъ намъ, какъ драгоцѣнное сокровище. Потому на первомъ планѣ всякаго обученія должны быть средства, облегчающія передачу этихъ умопредставленій.

Если вы въ своемъ обученіи *помогаете ученику усвоивать въ предметѣ* преподаванія *существенныя и крупныя черты*, то, нѣтъ сомнѣнія, что и *представленіе* его будетъ *полно*, а потому *прочно*. Примѣръ: взглянувъ бѣгло на большую картину, на которой нарисовано множество лицъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, мы сохранимъ въ душѣ самое неясное понятіе о ней; если же мы всмотримся въ картину, замѣтимъ въ ней первостепенныя лица, поймемъ основную идею картины, тогда представленіе о ней будемъ имѣть полное и прочное. Мы сказали, что все, что пріятно дѣйствуетъ на душу, то оставляетъ въ ней глубокій слѣдъ; потому если въ обученіи участвуетъ сердце или воображеніе, то умопредставленія глубже напечатлѣваются въ душѣ. *Что сообщено въ при*

влекательной формѣ, то оставляетъ въ душѣ *неизгладимое впечатлѣніе.* Тотъ разсказъ, который увлекъ учениковъ своею поэзіею и изяществомъ, надолго останется въ памяти ихъ. На этомъ же положеніи основывается правило обученія — давать ученикамъ при обученіи возможно красивые и изящные образцы: будетъ ли это пропись, или картина для наглядnаго обученія и т. п. Небрежно издаваемыя прописи скорѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу. Всякое представленіе, имѣющее изящество, непремѣнно увлекаетъ воображеніе ученика, которое въ свою очередь помогаетъ живости представленія. Представленіе такого рода скорѣе усвояется и удерживается душею, чѣмъ представленіе сухое и отвлеченное. На этомъ послѣднемъ правилѣ основывается метода изученія буквъ по картинкамъ, и вообще иллюстрированные учебники.

Способность души удерживать слѣды внѣшнихъ впечатлѣній называется *памятью.* Большая или меньшая способность памяти удерживать и надолго сохранять впечатлѣнія зависитъ отъ природы; [45]) но несомнѣнно и то, что память совершенствуется отъ разумнаго упражненія ея. Память укрѣпляется разумнымъ повтореніемъ: изъ соединенія одинаковыхъ слѣдовъ или представленій возникаетъ въ душѣ нашей ясный образъ предмета, т. е. предметъ усвояется вполнѣ нашею памятью. *Чѣмъ болѣе въ нашей душѣ остается одинаковыхъ слѣдовъ, тѣмъ яснѣе* становятся въ душѣ *образы видѣннаго и слышаннаго*; слѣдовательно тѣмъ болѣе данныхъ, для того чтобы предметъ остался всегдашнею собственностью нашей души. «Повтореніе,» говоритъ старинное латинское изрѣченіе, »есть мать науки» [46]) Если вы хотите лучше и прочнѣе образовать

---

[45]) Вотъ историческіе примѣры богатой памяти: Митридатъ зналъ 22 языка; Юлій Кесарь зналъ, будучи въ Галліи, всѣхъ солдатъ своихъ легіоновъ; Англичанинъ Букстонъ въ одной памяти умножилъ число, состоявшее изъ 39-ти цифръ, само на себя, безошибочно; Голландецъ Дезе, взглянувши на доску и отвернувшись, произносилъ на память 188 цифръ не только впередъ, но и назадъ.

[46]) Repetitio est mater studiorum.

ученика, чаще повторяйте. Повтореніе не должно быть только механическое, а непремѣнно осмысленное, разумное. При рядѣ новыхъ понятій, которыя вы хотите сообщить ученику, припоминать прежнія, привязывать къ старому, уже укоренившемуся, новое — это такое педагогическое правило, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ успѣхъ всякаго ученья. На этомъ основываются успѣхи методъ Жакото и Золотова. Выше мы видѣли, какъ правильное, разумное усвоеніе представленій способствуетъ ихъ удержанію въ памяти; укажемъ еще нѣкоторые способы, облегчающіе память при усвоеніи представленій. *Впечатлѣнія отъ зрѣнія яснѣе всѣхъ другихъ* и преимущественно удерживаются памятью. *Предметъ легче запомнить, чѣмъ слова.* Вотъ почему мы не довольствуемся чѣмъ, что слышимъ, но желаемъ и видѣть то, о чемъ говорятъ. Въ этомъ же лежитъ причина, почему люди грамотные скорѣе могутъ запомнить названіе предметовъ умственныхъ, чѣмъ люди безграмотные: у первыхъ всегда остается въ душѣ внѣшній видъ понятія, т. е. изображеніе его буквами; между тѣмъ у безграмотнаго усвоеніе названія отвлеченнаго предмета зависитъ отъ одного слуха. Мы скорѣе можемъ усвоить памятью рядъ мыслей, если каждая изъ нихъ обозначена извѣстной цифрой. На этомъ свойствѣ памяти основывается и извѣстный пріемъ: если что вы хотите тверже запомнить, перепишите это нѣсколько разъ и оно у васъ надолго останется въ памяти. Отсюда стремленіе каждаго учителя обозначить свой разсказъ какою-нибудь картой или планомъ, а объясненія—цифрами или знаками. Знаменитый философъ Куно-Фишеръ, читая свои самыя отвлеченныя лекціи, чертитъ ихъ сначала на доскѣ различными линіями: чрезъ эти линіи онъ показываетъ, какъ понятія выходятъ одно изъ другаго, сливаются и раздѣляются. На способѣ обозначать каждое понятіе, которое требуется удержать въ памяти, какимъ—нибудь условнымъ знакомъ основывается наука памяти (мнемоника). [47])

---

[47]) Мнемоника изобрѣтена ученымъ грекомъ Симонидомъ. Попытки возобновить ее повторялись впослѣдствіи. Еще недавно одинъ бельгійскій учи-

Стенографическое искусство представляетъ подобную же попытку, въ видахъ сохраненія времени и сокращенія письменныхъ знаковъ. На этомъ же основывается употребленіе историческихъ, орографическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ картъ.

Вся масса предметныхъ представленій или образовъ видѣннаго и слышаннаго находится въ нашей душѣ въ безсознательномъ состояніи; но эти представленія могутъ быть приведены въ сознаніе, какъ скоро до нихъ дойдетъ дѣло. Представленія сохраняются въ душѣ во все время нашей жизни: опытъ показываетъ, что мы въ старости отчетливо припоминаемъ впечатлѣнія нашего дѣтства. Бывали примѣры, что люди въ горячечномъ бреду припоминали цѣлыя тирады изъ прочитаннаго или слышаннаго ими прежде и о чемъ, казалось имъ, они совершенно забыли [48]). Если мы видѣли предметъ нѣсколько разъ и если онъ снова представится нашему взору, то мы его узнаемъ тотчасъ, т. е. мы представляемъ его образъ внутренно, посредствомъ *воспоминанія*. Процессъ этотъ повторяется каждый разъ, когда мы беремся за книгу, дѣлаемъ сложныя ариѳметическія выкладки и т. п. Устремляя наше вниманіе на строки раскрытой книги, мы тотчасъ вызываемъ въ нашей душѣ представленія о буквахъ, о способѣ ихъ сочетанія, о значеніи прочитанныхъ нами словъ, которое уже извѣстно изъ прежнихъ наблюденій. При умноженіи чиселъ въ сознаніи нашемъ возникаетъ рядъ цифръ, который называется таблицею умноженія и т. п. Люди, занимающіеся изслѣдованіемъ че-

---

тель представилъ экзаменаторамъ своей школы блистательные опыты мнемоники: его ученики записывали на аспидной доскѣ продиктованныя имъ посѣтителями 60 словъ, даже неизвѣстнаго для нихъ языка, и чрезъ четверть часа повторяли ихъ наизустъ. Попытки примѣнить мнемонику къ наукѣ видимъ — въ изображеніи родословной царствующихъ династій въ видѣ дерева, — параллельныхъ историческихъ событій въ различнаго размѣра клѣточкахъ и — развитіе историческихъ событій въ видѣ рѣки.

[48]) Бенеке приводитъ нѣсколько примѣровъ (Neve Seelenlehre von Raue. 1855. s. 11.) хотя какъ авторъ теоріи примитивныхъ способностей, и съ другою цѣлью.

ловѣческой души, подмѣтили законы, по которымъ душа наша возобновляетъ тѣ или другія представленія, которыя дотого какъ-бы покоятся въ нашемъ сознаніи. Основной законъ, по которому *возобновляются* эти представленія, называется *закономъ содружества* (ассоціаціи) представленій. Ассоціація представленій есть такое соединеніе различныхъ представленій, по которому они взаимно вызываютъ себя изъ памяти. *Одновременность* или *послѣдовательность* двухъ какихъ-либо дѣйствій, *мѣстная близость* предметовъ, ихъ *сходство и противоположность* бываютъ причиной того, что одна вещь напоминаетъ другую, одно понятіе вызываетъ другое. Причина ассоціацій та, что въ нашей душѣ представленія ложатся въ непрерывной связи, какъ звенья цѣпи. Припоминая видѣнную нами картину, мы припоминаемъ, по закону совмѣстности, ту обстановку, при которой намъ ее показывали. Ученикъ, видя печатную букву, по закону сходства, припоминаетъ и ея письменное начертаніе; на этомъ основывается метода обученія чтенію посредствомъ письма. Если напомнить намъ начало знакомаго стихотворенія, то мы прочитаемъ и все стихотвореніе, въ слѣдствіе закона послѣдовательности. Еще болѣе блестящій примѣръ ассоціаціи представляетъ намъ объяснительное чтеніе, которое есть тройная связь мыслей, языка устнаго и письменнаго. Какъ только мы видимъ письменныя знаки, то тотчасъ представляемъ словесные звуки, а съ этимъ вмѣстѣ и самыя мысли. Возобновленіе въ нашей памяти прежде видѣннаго и слышаннаго нами большею частію не подлежитъ нашей волѣ. Какъ часто мы, при всемъ стараніи что-либо вспомнить, никакъ этого не можемъ сдѣлать; напротивъ въ другое время, когда намъ и не думается вспоминать о какомъ-либо предметѣ, онъ самъ невольно приходитъ намъ на память, по какому-либо случайному обстоятельству. Вотъ почему при воспоминаніи какихъ-либо представленій мы прежде всего стараемся припоминать тѣ обстоятельства, при которыхъ въ душѣ нашей возникли эти представленія, чтобы, перебирая эти обстоятельства, воспроизвести въ головѣ желаемыя представленія. Вообще же разсудокъ нашъ стремится перераб-

тать чисто механическія ассоціаціи въ разсудочныя, — найти между представленіями логическую связь причины и явленія. Такъ переработанныя представленія прочнѣе удерживаются въ душѣ и скорѣе возобновляются при воспоминаніи.

На непроизвольныхъ законахъ возобновленія нашихъ представленій основываются нѣкоторыя пріемы первоначальнаго обученія. Чтобы ученику запомнить буквы по буквосочетательному способу обученія, педагоги группировали буквы азбуки по сходству или по противоположности ихъ начертанія. Напримѣръ, буква д, по сходству, возбуждаетъ представленіе буквъ: л, м, а; буквы: р, ч, по закону противоположности, вызываютъ представленіе буквъ: ь, к, ф, ж. По методѣ Гедикѣ буквы окрашиваются различными цвѣтами, для того чтобы ученикъ могъ ихъ скорѣе запомнить, по закону противоположности. По способу Грубе основныя ариѳметическія дѣйствія надъ отдѣльными числами производятся одновременно и, на основаніи своей противоположности, легко усвоиваются учениками. Знать законы содружества понятій и умѣть примѣнять ихъ къ дѣлу составляетъ великое искусство учителя.

Образы предметовъ, сознанные душею нашею, суть, такъ сказать, сырой матеріалъ для послѣдующей творческой дѣятельности нашей души. По мѣрѣ накопленія въ сознаніи нашемъ представленій, начинается въ душѣ внутренній процессъ, болѣе любопытный, болѣе творческій, — процессъ абстракціи или образованія *понятій*. Общій законъ нашего духа что все высшее, все совершеннѣйшее образуется изъ низшаго, менѣе совершеннаго. Изъ нашихъ представленій, изъ подготовительныхъ работъ нашего духа образуются понятія. Мы видимъ различные цвѣта: зеленый, красный, голубой, и составляемъ о нихъ представленія. При всемъ разнообразіи цвѣтовъ душа наша находитъ въ нихъ нѣчто общее; изъ этого общаго въ душѣ возникаетъ понятіе о цвѣтности и безцвѣтности. Точно также образуются въ душѣ и другія общія или родовыя понятія, напр. понятіе о деревѣ. Дерева, какъ родоваго понятія, не существуетъ въ природѣ; а существуютъ отдѣльныя деревья, напримѣръ: отдѣльно растущіе вязы, березы,

дубы и т. д. Творческій нашъ умъ, отвлекая или отдѣляя общія однородныя свойства отъ видѣнныхъ деревьевъ и совокупляя ихъ вмѣстѣ, составляетъ одно общее понятіе о деревѣ. Въ этомъ отношеніи мышленіе наше представляетъ удивительную особенность. Понятія о предметахъ мы выражаемъ въ *нарицательныхъ* именахъ; но эти нарицательныя имена выражаютъ не названіе того предмета, который существуетъ въ природѣ, а названіе предмета, существующаго въ нашемъ умѣ. Въ природѣ все единично, и нѣтъ ничего общаго, что бы соотвѣтствовало нашимъ нарицательнымъ именамъ. Языкъ человѣка не имѣетъ словъ для обозначенія единичныхъ предметовъ. Ридъ правильно сказалъ: «въ большинствѣ книгъ нѣтъ ни одного слова, которое не было бы общимъ». [42]) Объяснять эти общія слова и есть задача методы объяснительной и объяснительнаго чтенія. Чтобы дать понятіе объ отдѣльномъ предметѣ, мы въ рѣчи употребляемъ или мѣстоименія или вводныя предложенія.

Вмѣстѣ съ образованіемъ общаго понятія или родоваго возникаютъ и другія низшія или видовыя понятія, напримѣръ: общія понятія о березѣ, дубѣ, вязѣ и т. п. Такимъ образомъ въ представленіи мы видимъ предметъ съ его частными чертами, — въ понятіи мы отличаемъ предметъ по его общимъ чертамъ; представленій о предметѣ много, понятіе одно. Каждый изъ насъ представляетъ дерево различно, тѣмъ не менѣе понятіе о деревѣ для всѣхъ людей одно. *Человѣкъ, чѣмъ болѣе видитъ предметовъ одного и тогоже рода, тѣмъ полнѣе составляется у него понятіе общее*, родовое. Вотъ почему при первоначальномъ обученіи требуются упражненія и задачи, въ которыхъ бы предлагаемое правило повторялось и примѣнялось нѣсколько разъ; при чтеніи заставляютъ ученика находить изучаемыя буквы въ различныхъ книгахъ; а когда буквы изучены, упражняютъ ученика въ складываніи словъ посредствомъ подвижныхъ буквъ. Если для точнаго возобновленія въ памяти прежнихъ представленій о предметахъ, тре-

[42]) Read's Works Vol. I p. 389.

буется, чтобы они сообщены были памяти съ ясностью и послѣдовательностью; тѣмъ болѣе эта ясность и точность представленій требуется для составленія какъ общихъ, такъ и частныхъ нашихъ понятій. Данный предметъ обученія непремѣнно долженъ быть изученъ тщательно и главныя его стороны указаны не одинъ разъ, чтобы мы могли о немъ составить вѣрное понятіе. На этомъ основывается главное педагогическое правило: *не переходить къ дальнѣйшему обученію, если не достаточно усвоено все то, что служило подготовленіемъ къ нему.* Первоначальные уроки преподаванія по всякому предмету обученія должны быть подробно и нѣсколько разъ объяснены учителемъ классу, твердо и разумно усвоены учениками; тогда только можно съ успѣхомъ идти впередъ. Свойство нашей памяти таково, что изъ однородныхъ признаковъ представленій объ одинаковыхъ предметахъ въ памяти образуется особая ассоціація однихъ общихъ признаковъ, которая, стушевывая другія ассоціаціи представленій о частныхъ признакахъ, содѣйствуетъ къ образованію понятій. Учитель солдатской школы сильно ошибется, если будетъ опасаться частымъ повтореніемъ первоначальныхъ пріемовъ обученія навести на учениковъ скуку, и потому будетъ спѣшить обученіемъ. Тогда только ученикъ вашъ будетъ хорошо читать, когда пріобрѣтетъ сознательное, опытное познаніе о значеніи буквы и отдѣльно ознакомится съ каждымъ звукомъ, обозначаемымъ буквою. Отъ плохаго усвоенія этихъ понятій, отъ неумѣнья отожествить въ своемъ умѣ звукъ и букву люди, учившіеся читать по складамъ, весь свой вѣкъ и читаютъ по-складамъ. Всякое понятіе правильное и точное легко укладывается въ памяти и надолго остается въ ней.

Скажемъ нѣсколько словъ о самомъ составѣ понятій; сказать объ этомъ заставляетъ насъ то обстоятельство, что на немъ основывается два рода познанія, а оттуда и два рода пріемовъ обученія: *анализъ и синтезъ* или *индукція и дедукція*[50]) Выше мы замѣтили,

[50]) Анализъ происходитъ отъ греч. слова «аналіо» — разрѣшаю, синтезъ отъ греческ. слова «сунтитими»—соединяю, составляю; индукція полат. значитъ «наведеніе», дедукція — «выводъ».

что изъ представленій образуются какъ общія, родовыя, такъ и частныя, видовыя понятія; слѣдовательно есть такія понятія, которыя заключаютъ въ себѣ другія, и есть понятія, которыя сами входятъ въ составъ другихъ понятій. На этомъ основаніи ученые отличаютъ въ каждомъ понятіи: его содержаніе и его объемъ. *Содержаніемъ* понятія называются тѣ частныя понятія, которыя оно въ себѣ заключаетъ. *Объемъ* понятія составляютъ тѣ понятія, въ которыя само предполагаемое понятіе входитъ, какъ признакъ. Пояснимъ примѣромъ. Въ общее понятіе о деревѣ входятъ: его неодушевленность, неспособность перемѣнять мѣсто по своему произволу, его свойство—питаться посредствомъ корней и листьевъ и увеличиваться въ объемѣ, свойство—производить изъ себя другія деревья и т. д.; все это и будетъ составлять содержаніе *дерева*, какъ общаго понятія. Въ свою очередь общее понятіе о деревѣ входитъ въ частныя понятія — о березѣ, дубѣ, вязѣ и т п. (мы говоримъ: «береза есть дерево»). Эти частныя понятія и будутъ составлять объемъ *дерева*, какъ общаго понятія. Чѣмъ меньше содержаніе, тѣмъ больше его объемъ, и наоборотъ. *Разсудокъ нашъ, при познаваніи предметовъ, то уменьшенность содержаніе понятія и увеличиваетъ объемъ*, то поступаетъ *наоборотъ*. Въ первомъ случаѣ происходитъ отвлеченіе признаковъ, разложеніе понятія на составныя части или обобщеніе, восхожденіе отъ частнаго къ общему, отъ сложнаго къ простому; это и есть анализъ или индукція. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ обособленіе, ограниченіе понятія, движеніе внизъ или синтезъ, заключающій отъ общаго къ частному. Всякій изъ васъ, Гг! имѣетъ понятіе о геометріи; возьмемъ, для поясненія нашихъ словъ, какое-нибудь понятіе изъ этой точной науки, напримѣръ: о *квадратѣ*. Если мы начнемъ анализировать это понятіе, постепенно исключая изъ него: равносторонность, прямоугольность, равенство угловъ и параллельность сторонъ, тогда мы получимъ лѣстницу понятій, ведущую вверхъ, къ общему понятію, а именно: *квадратъ, прямоугольникъ, параллелограмъ, многольникъ, геометрическая фигура*. Такимъ образомъ у насъ постепенно образуются частныя понятія: 1) *квадрата*,—геометрической фигуры, у которой

при прямыхъ углахъ всѣ стороны равныя; 2) *прямоугольника*, у котораго при прямыхъ углахъ только противоположныя стороны равны; 3) *параллелограма*, у котораго при неравенствѣ угловъ и стороны не равны, хотя и параллельны; 4) *многоугольника*, у котораго ни стороны не параллельны, ни углы не равны; 5) наконецъ понятіе о *геометрической фигурѣ* вообще, какъ о пространствѣ, очерченномъ линіями. [51]) Обратнымъ методомъ, т. е. синтезомъ или послѣдовательнымъ приложеніемъ тѣхъ же признаковъ и въ томъ же порядкѣ къ общему понятію «фигуры», мы получимъ рядъ понятій болѣе и болѣе обособленныхъ, частныхъ, обогащенныхъ обширнымъ содержаніемъ. Вотъ сущность и первая степень анализа и синтеза, упоминаніе о которыхъ вы встрѣтите въ любой критической журнальной статьѣ, [52]) при чтеніи перваго учебника какой-либо точной науки, — перваго популярнаго сочиненія по естественнымъ наукамъ, по физикѣ, по математикѣ [53])

Такимъ образомъ анализъ и синтезъ лежатъ въ основѣ всего нашего мышленія. Наше пониманіе предметовъ видимаго міра въ томъ и заключается, что мы слагаемъ и разлагаемъ, сравниваемъ и различаемъ наши понятія о предметахъ: *процессъ слаганія или сличенія есть синтезъ; процессъ разлаганія или различенія предметовъ* между собою *есть анализъ.* Въ практическомъ мышленіи анализъ и синтезъ большею частію соединяются вмѣстѣ, такъ что при живой дѣятельности ума нельзя рѣшить, гдѣ оканчивается одинъ способъ сужденія и начинается другой. Розенкранцъ справедливо говоритъ: [54]) «во всякомъ аналитическомъ разборѣ присутствуетъ скрыто синтетическій фактъ, безъ котораго не возможенъ никакой

---

[51]) См. Чтен. о воспит. П. Юркевича. Мс. 1865 г. стр. 76, 77.

[52]) Бѣлинскій, котораго доселѣ мы любимъ читать, въ своихъ журнальныхъ статьяхъ упоминаетъ очень часто о анализѣ и синтезѣ (См. соч. Бѣл. I, 280—286, II. 177, 467—468, III. 226—227, VI. 258—259, V. 35—38, III. 526—527, X. 9—11 и т. д.)

[53]) Напримѣръ: химическій анализъ, математическій анализъ, вѣсовой анализъ, оптическій анализъ, аналитическая геометрія и т. п.

[54]) См. Wissenschaft: der logisch: Idee. 1859 s. 201.

анализъ». [55]) Эта внутренняя работа нашего духа, совершающаяся по вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ, начинается съ образованія понятій. Едва доставлено достаточно матеріала нашими внѣшними чувствами въ душу, какъ этотъ запасъ уже обращается въ собственность разсудка, который разрабатываетъ его и распоряжается имъ по своему произволу. *Анализъ и синтезъ свойственъ душѣ великаго ученаго точно такъ же, какъ душѣ необразованнаго простолюдина.* Дѣло учителя помогать ученику правильно мыслить, но не учить мыслить: мыслить научить нельзя. [56]) Процессъ анализа и синтеза начинается въ душѣ вашего ученика, едва вы ознакомите его съ азбукой и со способомъ складыванія буквъ: механическое чтеніе есть сравненіе и различеніе буквъ, слѣдовательно здѣсь уже есть анализъ и синтезъ. Чтеніе есть примѣненіе къ частнымъ случаямъ общихъ нашихъ понятій о звукахъ и ихъ сложеніи. По ариѳметикѣ Грубе, анализъ чиселъ начинается съ перваго же урока. Учитель чрезъ правильное постепенное сообщеніе ученику представленій помогаетъ правильному составленію въ его умѣ понятій. Вотъ почему мы такъ подробно распространялись о всѣхъ душевныхъ явленіяхъ, предшествующихъ образованію понятій. При дальнѣйшемъ обученіи точно также роль преподавателя та же, какъ и роль Эмилева учителя у Руссо, т: е: только помогать ученику въ познаваніи. Какъ это совершается при послѣдующей, болѣе крупной разсудочной дѣятельности, мы это увидимъ сейчасъ.

Слѣдующіе послѣ образованія понятій пріемы, употребляемые нашимъ умомъ, называются: образованіемъ *сужденій* и *умозаключеній*. Образовавшіяся въ душѣ нашей понятія соста-

---

[55]) Вотъ почему ученые часто видятъ въ одномъ и томъ же предметѣ то анализъ, то синтезъ. Напр: Милль въ ходѣ всѣхъ наукъ видитъ анализъ, индуктивный методъ; а Клодъ-Бернаръ во всѣхъ наукахъ видитъ одинъ путь— дедукцію. См. Энцик: лекс: 1862 г. Т. IV стр. 222.

[56]) Г. Весселъ въ своей «Опытной Психологіи» (Спб. 1868 г. стр. 90) приводитъ по этому случаю прекрасный примѣръ. Если вы пятилѣтнему ребенку скажете, показывая на цвѣтокъ: это дерево, онъ вамъ навѣрное не повѣритъ и пойдетъ разсказывать, что такой-то дядя большой, да не знаетъ, что такое цвѣтокъ.

вляютъ богатство нашего духа и, по мѣрѣ надобности, употребляются нашимъ разсудкомъ, для дальнѣйшаго познаванія предметовъ міра видимаго или духовнаго. Положимъ, вы наблюдаете предметъ, который имѣетъ какой-либо цвѣтъ, вы называете его краснымъ, т: е: прилагаете къ нему одно изъ составившихся у васъ понятій, именно: понятіе о красномъ цвѣтѣ. Такое примѣненіе къ частнымъ случаямъ понятій, образовавшихся уже въ нашемъ умѣ, называется *сужденіемъ*. *Сужденіе есть рѣшенный положительно или отрицательно вопросъ о связи двухъ понятій* или о связи понятія съ представленіемъ. Вы читаете сочиненіе, написанное риѳмами, съ соблюденіемъ правильнаго размѣра, и называете его стихотвореніемъ; потому что вы уже имѣете общее понятіе о стихотвореніи, какъ о мѣрной рѣчи, которое и прилагаете къ данному случаю; вы говорите: это сочиненіе написано стихами, это стихотвореніе. Въ граматикѣ точно такъ же, какъ и въ рѣчи человѣка, выраженіемъ сужденія служитъ *предложеніе*; понятіе, къ которому придается другое понятіе, или понятіе опредѣляемое называется *подлежащимъ*, а понятіе, которое прилагается къ другому, называется *сказуемымъ* или опредѣляющимъ. По опредѣленію Канта [57]), сужденія наши бываютъ: аналитическія, когда мы въ нихъ придаемъ понятію такой признакъ, который заключается въ самомъ понятіи, напримѣръ: «гласная буква выговаривается безъ пособія другой». По способу аналитическому понятія соединяются, на основаніи очевидности. Сужденія аналитическія суть всегда предложенія простыя. Сужденія синтетическія суть сужденія опыта: въ нихъ одно понятіе приписывается другому, на основаніи наблюденія; такимъ образомъ здѣсь къ подлежащему придается новый признакъ. Пословица: «не копьемъ побиваютъ, а умомъ»—есть сужденіе синтетическое; въ ней побѣда приписывается не силѣ, а уму, на основаніи опыта. Учитель употребляетъ аналитическій способъ сужденія, когда объясняетъ ученику смыслъ словъ, смыслъ названій, встрѣчающихся при объяснительномъ

[57]) См. Kritik der rein. Vernunft. Ed. Har. 1853. Zw. B. s. 210.

чтеніи; учитель анализируетъ задачу ученика, когда, для объясненія ея, сближаетъ ее съ чѣмъ-либо, ученику знакомымъ изъ прежняго подготовительнаго преподаванія. Посредствомъ синтеза учитель изъ предстоящаго факта руководитъ ученика сдѣлать правильный выводъ.

Высшее проявленіе разсудка есть сочетаніе сужденій и выводъ изъ нихъ. Выводъ этотъ называется *умозаключеніемъ*, которое есть ничто иное, какъ сравненіе двухъ сужденій и выводъ изъ нихъ третьяго. Такимъ образомъ умозаключеніе есть такая форма мышленія, посредствомъ которой изъ данныхъ сужденій развиваются или уясняются основанія, на которыхъ утверждаются наши сужденія. Въ этомъ смыслѣ всякое умозаключеніе есть только повѣрка или анализъ того, что образовалось въ умѣ человѣка въ формѣ сужденія или понятія. [58]) Представимъ примѣръ такого вывода. «По ученію Спасителя, христіанинъ долженъ прощать обиды»,—это будетъ первымъ сужденіемъ; второе сужденіе: «я христіанинъ». Эти два сужденія содержатъ въ себѣ три понятія: «христіанинъ, забвеніе обидъ и я»; въ первомъ сужденіи прощеніе обидъ считается обязанностью всѣхъ христіанъ; во второмъ — къ общему объему понятія: «христіанинъ» примѣняется: «я». Третьимъ сужденіемъ будетъ: «слѣдовательно и я долженъ прощать обиды»; здѣсь уже къ понятію: «я» присоединяется «прощеніе обидъ», которое въ первомъ сужденіи усвояется всѣмъ христіанамъ». Умозаключеніе это называется *силлогизмомъ* и основываются на положеніи: «что принадлежитъ роду, то принадлежитъ и виду; что принадлежитъ сужденіямъ или понятіямъ общимъ, то и частнымъ». Кромѣ его есть еще умозаключенія, называемыя *наведеніемъ и аналогіею,* Наведеніе основывается на положеніи: «что принадлежитъ всѣмъ видамъ, то должно принадлежать и цѣлому роду.» На основаніи наведенія, астрономы, наблюдая движеніе планетъ около солнца и вокругъ себя, заключили о существованіи общаго закона планетнаго движенія. Всѣ общія положенія въ ариѳметикѣ,

---

[58]) См. Лог. Милля ч. II. стр. 188.

всѣ аксіомы геометріи основаны на наведеніи и нельзя не согласиться съ Миллемъ [59]), что математическія познанія не суть что-нибудь отвлеченное, и тѣже познанія опыта. Въ физикѣ также употребляется большею частію наведеніе: на основаніи частныхъ опытовъ дѣлается заключеніе о существованіи общаго неизмѣннаго закона. На наведеніи основывается опытная житейская мудрость, уроки которой почерпаются изъ частныхъ наблюденій. Возьмемъ для примѣра русскую пословицу: «всякій трусъ о храбрости говоритъ»; пословица эта основана на наблюденіяхъ, что трусъ, чтобы отстранить отъ себя тревожную мысль объ опасности, обыкновенно старается хвалиться своими смѣлыми подвигами.

Аналогія, которую болѣе всего приходится встрѣчать въ жизни и которая играетъ важную роль при обученіи, основывается на слѣдующемъ положеніи: «наблюденію нашему представляются двѣ вещи одного рода; испытывая качества одной, мы переносимъ эти качества и на другую, по однородности ея съ первою». Явно, что заключая отъ частнаго къ частному, въ аналогіи мы очень близки къ ошибкѣ; многія качества могутъ принадлежать предметамъ не какъ родовыя или общія, а какъ спеціальныя, т. е. имъ однимъ исключительно принадлежащія. Аналогія, не смотря на свою шаткость, есть одинъ изъ основныхъ пріемовъ мышленія какъ въ жизни, такъ и въ обученіи. Сближая одинъ учебный пріемъ съ другимъ, учитель заставляетъ ученика дѣлать выводъ въ формѣ аналогіи. Особенно часто употребляется въ обученіи аналогія въ видѣ примѣра. Ученикъ, подражая учителю въ исполненіи того или другаго учебнаго пріема, слѣдуетъ аналогіи. Ученикъ одну задачу рѣшилъ дѣленіемъ; ясно, что еслибы ему дали подобную же задачу, онъ прямо для ея рѣшенія взялся бы за дѣленіе.

Непремѣнный законъ умозаключеній обязываетъ учителя, чтобы онъ велъ свои объясненія правильно, и постепенно, заботясь о томъ, чтобы ученикъ изъ факта или причины дѣлалъ самъ выводъ положительный или отрицательный. Всякая непо-

[59]) См. Лог. Милля ч. 1. стр. 268.

слѣдовательность и отрывочность въ преподаваніи дѣлаетъ его непонятнымъ и темнымъ для всякаго человѣка, начинающаго свое обрзованіе, напримѣръ — для нашего солдата. На этомъ-то основывается коренной законъ преподаванія: *переходить отъ частнаго къ общему, отъ простаго къ сложному, отъ наглядnаго къ отвлеченному.* Потому всякое обученіе должно имѣть непремѣнно свой *планъ*. Въ изложеніи всякаго учебнаго предмета непремѣнно долженъ лежать аналитическій или синтетическій образъ познанія. Опытные педагоги полагаютъ, что школьное обученіе должно сначала слѣдовать плану аналитическому, т. е. состоять изъ сообщенія и объясненія фактовъ; синтезъ или общій научный выводъ изъ фактовъ для школы начинается нѣсколько позднѣе. [60]) Жизнь идетъ напротивъ. Дитя заимствуетъ свои познанія о мірѣ въ формѣ синтетической. Всѣ языки первобытные имѣютъ синтетическую форму [61]); у первобытныхъ народовъ, какъ у дѣтей, цѣлое предложеніе заключается въ одномъ словѣ. Индуктивный методъ употребляется при наглядномъ обученіи. [62]) Первоначальная ариѳметика по новѣйшимъ методамъ излагается аналитически, а далѣе идетъ путемъ синтеза, т. е. отъ знакомства съ первыми числами и ихъ свойствами переходитъ къ выводу изъ нихъ общихъ законовъ. Впрочемъ нельзя назначить точныхъ правилъ, гдѣ употреблять при обученіи анализъ и гдѣ синтезъ. Всякій учитель есть живое лицо и долженъ имѣть своеобразную методу; путь преподаванія аналитическій или синтетическій иногда указывается самимъ преподаваніемъ. Напримѣръ, когда учитель соединяетъ въ непрерывномъ чтеніи то, чему обучаетъ ученика,—онъ неминуемо слѣдуетъ путемъ синтеза; когда ученикъ самъ высказываетъ свои мысли и подъ руководствомъ учителя ихъ разъясняетъ, — это пріемъ чисто аналитическій.

---

[60]) Курсъ общ. педагог. Юркевича. Мс. 1869 г. стр. 263.

[61]) О происх. язык. Э. Ренана. 1866 г. стр. 74.

[62]) Бенеке Lehrbuch der Logik. Berl. 1852. s. 180.

Выводъ умозаключеній есть высшая форма разсудочнаго процесса. Умственныя силы человѣка въ высшемъ своемъ проявленіи называются *разумомъ* человѣческимъ. Разумъ соединяетъ понятія, пріобрѣтаемыя разсудкомъ, въ одно цѣлостное міросозерцаніе, которое онъ дополняетъ и освѣщаетъ познаніями и вѣрою въ высшій міръ, т. е. вѣрою въ Бога, въ безсмертіе души и въ высшее назначеніе человѣка. Высшія идеи о Богѣ, свободѣ, безсмертіи и нравственности, по своей безконечности, не могутъ быть обняты разсудкомъ; въ этомъ случаѣ одинъ разумъ есть верховный наставникъ, руководитель и законодатель человѣка. Разумъ есть способность, которая ставитъ человѣка выше всего творенія; въ высотѣ разума лежитъ творческій образъ, данный человѣку при началѣ его бытія. По народной психологіи, «разумъ есть царь въ головѣ». Въ самой бѣдной, въ самой необразованной душѣ есть начатки цѣльнаго міросозерцанія разума, побуждающіе человѣка къ самоусовершенствованію, къ познанію и вѣрѣ. Вотъ почему иногда самыя необразованныя массы проявляютъ свѣтлыя мысли; онѣ какъбы инстинктомъ познаютъ истинное и святое. [63]) Потому-то вѣра въ Бога есть вѣра всего человѣчества, не исключая и самыхъ невѣжественныхъ племенъ, которымъ такъ же, какъ и образованнымъ народамъ, хотя въ извѣстной мѣрѣ, доступны стремленія къ истинѣ, добру и прекрасному. Кто отвергаетъ бытіе Творца, тотъ отвергаетъ въ себѣ разумъ, съ его идеею Безконечнаго. Потому-то одинъ изъ великихъ еврейскихъ царей имѣлъ полное право воскликнуть: «только одинъ безумецъ сказалъ въ своемъ сердцѣ, что нѣтъ Бога!» [64]) Къ разуму учениковъ пусть смѣло обращается учитель въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно сказать имъ о высокихъ истинахъ вѣры и нравственности: какъ бы ни казались ученики его малоразвитыми, разумъ ихъ пойметъ красоту и истину высокой идеи, которую имъ сообщаютъ [65]). Всѣ преподаватели дѣлаютъ непроститель-

[63]) «Гласъ народа—гласъ Божій»; vox poputi—vox Dei; старинное изрѣченіе. [64]) Псал. XII, 1.

[65]) Мысль Бокля, что для усвоенія совершеннѣйшей (христіанской) религіи, нужна извѣстная степень развитія народа, не выдерживаетъ критики.

ную ошибку, не сообщая ученикамъ подобнаго рода понятій потому только, что ученики имъ кажутся мало развитыми для этого, а обставляютъ все высокое въ религіи и нравственности ширмами и при передачѣ этого высокаго, изъ желанія упростить, искажаютъ самый смыслъ высокой идеи. Въ народѣ нашемъ мы видимъ множество примѣровъ того, что высокія религіозныя истины глубоко понимаются людьми, повидимому, самыми простыми и мало образованными. Въ этомъ нѣтъ удивительнаго. Евангеліе распространено было по всему міру рыбаками; высокія тайны неба Вышній скрылъ отъ премудрыхъ и открылъ людямъ — младенцамъ [66]). Вотъ ходъ развитія и дѣятельность способностей человѣческой души, въ области ея, называемой познавательною.

На законахъ дѣйствія и развитія способностей познающаго духа человѣческаго основаны современные пріемы обученія. Потому къ выводамъ, которые сдѣланы въ предшествующемъ обозрѣніи человѣческой души, мы будемъ часто обращаться при объясненіи способовъ преподаванія.

II.

Способности человѣка развиваются не вдругъ, а постепенно. Въ началѣ настоящей лекціи, я замѣтилъ, что развитіе нашихъ способностей начинается отъ внѣшнихъ чувствъ. Сначала человѣкъ-дитя присматривается ко всему, его окружающему, изу-

---

Доказательство противнаго мы видимъ въ настоящемъ религіозномъ движеніи среди финскихъ и татарскихъ племенъ Казанской и смежныхъ губерній. Какъ скоро духовенство начало заниматься усерднѣе нравственнымъ просвѣщеніемъ инородцевъ, и какъ скоро свящ. писаніе и богослуженіе начали переводить на инородческіе языки, прозелитизмъ начался, и прозелитизмъ разумный. Послѣдній отчетъ Братства св. Гурія передаетъ нѣсколько случаевъ, что татары цѣлыми обществами сходились, слушали Евангеліе и судили, что оно выше корана. Христіанскія молитвы, переведенныя на инородческіе языки, производятъ на инородцевъ потрясающее дѣйствіе. Никто не заподозритъ черемисъ и чувашъ въ особенно высокомъ развитіи; съ другой стороны ученіе Корана едва-ли могло особенно поднять умственное развитіе Казанскихъ татаръ. См. Бокля Ист. цивилиз. въ Англ. 2 изд. 1864. т, I. стр. 189—191. Отеч. Зап. 1869 г. «Совр. Обозр.» стр. 126. и Отчет. чит. 12 Окт. 1869 г. въ собр. брат. Св. Гур.

[66]) Еван. Мат. XI, 25; Лук, X, 21.

чаетъ пространство, прислушивается и такимъ образомъ мало по малу усвояетъ себѣ цѣлый міръ образовъ, живыхъ слѣпковъ со всего видимаго и слышимаго. Этотъ первый періодъ развитія души человѣческой совпадаетъ съ первымъ возрастомъ человѣка до 7-ми лѣтъ и весьма удачно названъ психологами—*эпохой чувственной наглядности*. Въ это время сознательныхъ, самой душою выработанныхъ понятій у человѣка еще нѣтъ; большая часть понятій усвоена отъ другихъ, слѣдовательно по большой части синтетически, безъ повѣрки или анализа. У дитяти если и есть собственныя наблюденія, то это отдѣльныя представленія, не имѣющія внутренней связи; это факты безъ значенія, а не общіе законы; потому дѣтямъ кажется все возможнымъ, дѣтей можно во всемъ увѣрить. На наблюденіи надъ состояніемъ души человѣка въ эту эпоху основывается юридическое положеніе о невмѣняемости дѣтямъ этого возраста преступленій, и—правило Православной церкви, отлагающее сознательную исповѣдь до окончанія этого возраста.

Съ 7-милѣтняго возраста до 16-тилѣтняго слѣдуетъ *эпоха самодѣятельности ума и памяти въ человѣкѣ*. Въ эту эпоху человѣкъ начинаетъ проявлять себя, какъ существо разумное; въ его внутренней дѣятельности проявляется разсудокъ, который соединяетъ отдѣльныя представленія въ ассоціаціи, имѣющія между собою логическую связь, образуетъ понятія и сужденія, доискиваются причинъ и цѣли явленій; человѣкъ размышляетъ, умственныя его понятія разширяются. Этой внутренней работѣ помогаетъ память, особенно преобладающая въ этомъ возрастѣ; воображеніе такъ же сильно работаетъ въ этомъ возрастѣ, какъ и въ дѣтствѣ. Потому представленія, съ необыкновенною ясностью, цѣлыми массами возобновляются въ душѣ. Всякій изъ насъ хорошо помнитъ этотъ несравненный возрастъ, — возрастъ пытливости, возрастъ живой дѣятельности воображенія, возрастъ, когда мы чутко прислушивались ко всему, насъ поражавшему,—были довѣрчивы, способны быстро усвоять видимое и слышимое, и самостоятельно распорядиться умственнымъ матеріаломъ.

Съ 16-тилѣтняго возраста до 21-го или 24-хъ лѣтъ, т. е. до начала зрѣлаго возраста, разсудокъ человѣка оконча-

тельно установляется и оканчиваетъ свое развитіе; юноша всѣми способностями управляетъ сознательно; онъ обладаетъ свѣжею и легкою подвижностью отрока, но не имѣетъ его неопытности и нерѣшительности. [67]) Въ этомъ же возрастѣ проявляется въ человѣкѣ разумъ: онъ даетъ всей духовной жизни юноши направленіе, сообразное съ высшими стремленіями человѣческой души. Юноша ищетъ выраженія идей разума въ дѣйствительной жизни, и видитъ осуществленіе идеаловъ тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Потому онъ часто увлекается и обманывается; но за то способенъ ко всему высокому, какъ въ нравственномъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ. Онъ храбръ, обнаруживаетъ наклонность къ подвигамъ смѣлымъ и безкорыстнымъ. Мысль нашего Военнаго Министерства, недавно выразившаяся въ Правительственномъ постановленіи—принимать въ военную службу молодыхъ людей отъ 18-ти до 30-ти лѣтъ, не можетъ быть не признана вполнѣ практическою.

«Для образованнаго человѣка этотъ возрастъ есть эпоха по-
«ниманія высшихъ интересовъ жизни и науки; но кто вступаетъ
«въ эту эпоху съ умомъ, не развитымъ наукой, тотъ едва-ли
«когда достигнетъ высшаго развитія ума, если особый случай не
«пополнитъ какимъ-либо образомъ недостатокъ образованія юно-
«сти. Въ противномъ случаѣ онъ всегда будетъ оставаться нрав-
«ственнымъ недорослемъ и въ немъ всегда будутъ замѣчаться
«тѣ недостатки, которые зависятъ отъ несовершенства образо-
«ванія». [68])

Отъ юности незамѣтный переходъ къ зрѣлому возрасту. Зрѣлый возрастъ называется такъ потому, что это есть періодъ зрѣлости, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ силъ; въ душѣ человѣка, достигшаго зрѣлости,—полная гармонія духовныхъ силъ. Полная зрѣлость мужа есть пора обнаруженія независимаго разума, пора самообладанія и самоуправленія. Это—возрастъ положительности въ сужденіяхъ и выводахъ. Мужъ знаетъ, что онъ *можетъ* и чего онъ *хочетъ*. Если онъ прини-

[67]) Курсъ Опыт. Псих. Чистовича. Спб. 1868 г. стр. 280.
[68]) См. «Учитель» 1865 г. стр. 610. мнѣніе Штерна.

мается за какое дѣло, то онъ его продолжаетъ съ полною энергіею и непремѣнно доводитъ до конца. Если человѣкъ пріобрѣлъ твердыя убѣжденія, то зрѣлость этого возраста выражается вѣрностью избранному служенію и призванію, требованіямъ долга и совѣсти. По этимъ эпохамъ современная педагогика и дидактика располагаютъ воспитаніе и образованіе человѣка.

Еслибы вы, Гг! при вашемъ будущемъ преподаваніи имѣли въ виду дѣтей, то описаніе первыхъ двухъ эпохъ возраста и и развитія способностей человѣка имѣло бы для васъ прямую важность и значеніе. При нашемъ обсужденіи методъ преподаванія, намъ ничего не оставалось бы, какъ только примѣнять эти методы къ постепенному развитію вашихъ учениковъ. Но при тѣхъ условіяхъ, въ какія поставленъ офицеръ при обученіи солдатъ, описаніе двухъ первыхъ эпохъ развитія можетъ для него имѣютъ одно отрицательное значеніе, а именно: *преподаватель солдатской школы долженъ избѣгать при обученіи людей взрослыхъ способовъ преподаванія, которые приложимы къ одному дѣтскому возрасту.* Вотъ гдѣ лежитъ причина, почему большая часть учебниковъ для первоначальнаго обученія, назначенныхъ для малолѣтнихъ, вовсе не годится для нашихъ солдатскихъ школъ. «Дѣтскій міръ» Ушинскаго, «Книга для чтенія» Паульсона, разумѣется, не годятся для солдатской школы. [69]) Изъ описанія эпохъ духовнаго развитія человѣка видно, что учитель солдатской школы, имѣющій дѣло съ людьми взрослыми, поставленъ въ болѣе выгодное положеніе, сравнительно съ учителемъ дѣтей: для него не составляетъ особаго труда сдѣлать свое преподаваніе болѣе или менѣе понятнымъ для учениковъ; между тѣмъ какъ учитель дѣтской школы долженъ употреблять усилія снизойти или приблизиться къ степени дѣтскаго пониманія: подобнаго рода попытки всегда затруднительны, по своей неестественности, а для нѣкоторыхъ и совсѣмъ не возможны. Когда учитель имѣетъ дѣло съ людьми взрос-

[69]) Увы, мы сами бывали свидѣтелями, какъ солдаты въ нашихъ войсковыхъ школахъ, по выбору своихъ наставниковъ, разбирали по-складамъ дѣтскія повѣсти о томъ, какъ Вася укралъ перо или какъ Саша былъ неряшливъ и т. п.

лыми, находящимися въ одной съ нимъ эпохѣ духовнаго развитія, то преподаваніе его скорѣе можетъ быть понятно для учениковъ и не обременительно для самого учителя. Потому *при обученіи взрослыхъ метода преподаванія опредѣляется свойствами самого предмета преподаванія.* Въ занятіяхъ съ дѣтьми подобное правило не можетъ имѣть приложенія, потому что здѣсь прежде всего обращается вниманіе на личность ученика, который, по своимъ неразвитымъ способностямъ, не въ состояніи воспринять предметъ обученія въ его настоящей формѣ. Преподавая географію въ безплатной школѣ казанскаго пороховаго завода, я долго не могъ втолковать дѣтямъ, что такое планъ и географическая карта, хотя преподаваніе шло по одной изъ современныхъ методъ—американской (Корнеля); между тѣмъ въ школахъ артиллерійскаго вѣдомства ученики-солдаты съ перваго урока отчетливо понимаютъ, что такое планъ или карта. При самомъ преподаваніи учителю малолѣтней школы не мало приходится бороться съ дѣтскою разсѣянностью, которая происходитъ отъ впечатлительности дѣтскаго возраста, и увеличивается съ каждымъ приливомъ новыхъ впечатлѣній. Въ школѣ для взрослыхъ этой важной помѣхи обученію быть не можетъ, потому что взрослый привыкъ владѣть своимъ вниманіемъ. Если мы высказали прежде, что на первыхъ порахъ неразвитому нашему солдату трудно управлять своимъ вниманіемъ, то это только на первыхъ порахъ. Цѣль и пользу преподаванія взрослый постигаетъ сразу, не какъ дитя.

Не смотря на все это, преподаваніе въ солдатской школѣ не исключаетъ и особыхъ пріемовъ обученія, свойственныхъ только этой школѣ. Въ вашу войсковую школу будутъ поступать люди или далеко вышедшіе изъ 20-ти лѣтняго возраста, или еще не достигшіе 20-ти лѣтъ; слѣдовательно въ умственномъ отношеніи — это люди третьей и четвертой эпохи развитія. Ученики эти, по своей неразвитости, по наивности своихъ воззрѣній, будутъ казаться вамъ *взрослыми дѣтьми. Начальное обученіе* въ солдатской школѣ, какъ мы это замѣтили прежде (стр. 39), должно служить основаніемъ будущему самообразованію вашихъ учениковъ, слѣдовательно оно должно быть прежде всего прочно. Наука

требуетъ, чтобы обученіе *самымъ тѣснымъ образомъ примыкало къ готовымъ даннымъ*, чтобы зданіе постепенно строилось на естественной, твердой почвѣ. И въ этомъ случаѣ начальное обученіе взрослыхъ легче вести, чѣмъ обученіе дѣтей. У ребенка, кромѣ незначительнаго количества довольно смутныхъ наглядныхъ понятій, готоваго ничего нѣтъ; у взрослаго, не смотря на всю кажущуюся его неразвитость, есть большой запасъ представленій и понятій, только эти понятія у простолюдина мало осмыслены, плохо связаны, а иногда и составлены невѣрно.[70]) При обзорѣ дѣятельности памяти мы сказали, что на содержаніи умственнаго матеріала должна отразиться бо́льшая или ме́ньшая дѣятельность работника. Чѣмъ меньше жилъ человѣкъ своею внутреннею жизнью, тѣмъ менѣе цѣлости будетъ въ сѣти его воспоминаній. У человѣка мало развитаго воспоминанія представляются въ отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ группахъ.[71]) Но все-таки готовый матеріалъ обработать легче, чѣмъ сначала готовить его. Психологическое положеніе говоритъ: чѣмъ богаче запасъ опыта, тѣмъ болѣе представляется матеріала для мыслящей силы. *Задача обученія* въ этомъ случаѣ *внести свѣтъ науки въ познанія взрослаго, научить* необразованнаго человѣка *пользоваться своими опытными понятіями для самообразованія.* Напримѣръ, при объясненіи прочитанной статьи взрослымъ, у васъ всегда есть возможность, для уясненія вашимъ слушателямъ понятій и мыслей отвлеченныхъ чрезъ сравненіе, обратиться къ ихъ жизненному опыту: запасъ опытныхъ познаній у простолюдина великъ и разнообразенъ.

Труды преподаванія въ солдатской школѣ прежде всего заключаются въ томъ, что преподаватель долженъ самъ изобрѣтать пріемы обученія, при бѣдности въ этомъ отношеніи нашей педагогической литературы, которая при всѣхъ своихъ совѣтахъ и правилахъ обученія имѣетъ въ виду дѣтей. Вотъ почему въ

---

[70]) Таковы—большая часть религіозныхъ понятій нашего простолюдина, суевѣрныя и грубыя воззрѣнія на міръ и природу, цѣльный взглядъ на отношенія общественныя, семейныя и т. п.

[71]) Челов. какъ предм. восп. 1868 г. стр. 296.

предшествующей лекціи мы указали, какъ на одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ развитія солдатскихъ школъ (стр. 33), на внимательность и заботливость преподавателя, на его желаніе основывать дѣло обученія не на теоріи, а на живомъ, ежедневномъ опытѣ. Въ Европѣ, при избыткѣ первоначальныхъ школъ, потребность элементарнаго обученія взрослыхъ простолюдиновъ не ощутительна; а потому европейской наукѣ нѣтъ нужды до методъ обученія взрослыхъ. Въ европейскія войска поступаютъ люди грамотные. Одна Франція представляетъ въ этомъ случаѣ нѣкоторое исключеніе [72]); что касается до прочихъ европейскихъ войскъ, то состояніе въ нихъ грамотности рѣзко характеризуетъ случай—въ одномъ германскомъ полку. Въ одинъ изъ наборовъ пятидесятыхъ годовъ оказалось въ полку между рекрутами на 800 человѣкъ—4 человѣка неграмотныхъ; этотъ случай такъ поразилъ командира полка, [73]) что онъ потребовалъ назначить особое разслѣдованіе по этому небывалому дотолѣ казусу. И такъ *вамъ*, Гг. *не только придется преподавать, но еще создавать науку обученія взрослыхъ.* При надлежащемъ правильномъ развитіи нашихъ полковыхъ школъ, упрощенные способы преподаванія элементарныхъ наукъ взрослымъ явятся сами собою, особенно если преподаватели солдатскихъ школъ будутъ дѣлиться между собою замѣтками и наблюденіями надъ преподаваніемъ, или посредствомъ съѣздовъ, или посредствомъ письменныхъ ежегодныхъ отчетовъ, извлеченія изъ которыхъ могли бы печататься въ типографіяхъ при Окружныхъ Штабахъ.

Нашъ разборъ познавательныхъ способностей укажетъ нѣсколько правилъ для обученія взрослыхъ:

I. При обученіи солдата не нужно расчитывать особенно на его память: въ зрѣломъ возрастѣ способность памяти не только теряетъ свою впечатлительность, но и положительно сла-

---

[72]) Въ французской арміи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, при контингентѣ рекрутъ въ 100.000, поступило совершенно неграмотныхъ около 25½%. Въ Прусской арміи въ пятидесятыхъ годахъ число совершенно неграмотныхъ 4½%; а получившихъ достаточное элементарное образованіе 75½%. См. Голосъ 1869 г. № 12. стр. 2. пол. 5.

[73]) Воен. Сбор. 1866 г. № 6. стр. 257.

бѣетъ (паденіе памяти начинается около 12-ти лѣтъ). Каждый изъ насъ знаетъ безпримѣрную памятливость дѣтей. Безпамятность нашего солдата много зависитъ и отъ того, что его память не была развита въ дѣтствѣ ученьемъ, которое служитъ для памяти искуственнымъ упражненіемъ. Чѣмъ же помочь памяти вашего ученика? Изъ предшествовавшихъ объясненій мы видѣли, что предметы и понятія тогда только навсегда западаютъ въ душу человѣка, когда мы усвояемъ въ предметѣ однѣ только внутреннія и существенныя его черты, отличающія его отъ другихъ предметовъ; иначе сказать, ассоціаціи или ряды представленій тогда только тѣсно связываются, когда между ними есть логическая внутренняя связь. Взрослый способенъ болѣе вдумываться въ предметъ, замѣчать въ немъ не одну внѣшнюю форму, но и внутреннія, отвлеченныя признаки его. Учитель солдатской школы тогда только облегчитъ своему ученику воспоминаніе предметовъ преподаванія, когда будетъ разумно знакомить его съ существенными сторонами предмета. Напримѣръ, при преподаваніи ариѳметики въ солдатской школѣ лучше всего знакомить учениковъ со смысломъ ариѳметическихъ дѣйствій и съ приложеніемъ ихъ къ практикѣ, а не заставлять заучивать безплодно правила, складывать цѣлыя ряды цифръ. Даже въ юнкерскихъ училищахъ, гдѣ большинство учениковъ развито, математическія методы, начинающіяся опредѣленіями, какъ замѣчаютъ отчеты экзаменныхъ комиссій, не ведутъ ни къ чему. Между тѣмъ во многихъ солдатскихъ школахъ оффиціально введены ариѳметическіе учебники, которые начинаются съ опредѣленій и оканчиваются задачами. — Точно также и при всякомъ другомъ случаѣ обученія учитель солдатской школы долженъ держаться правила: *прежде чѣмъ заставлять ученика усвоить предметъ преподаванія, сдѣлать этотъ предметъ для него совершенно яснымъ и понятнымъ.* У взрослаго болѣе развита память мыслей, чѣмъ память словъ. Въ первомъ возрастѣ человѣкъ скорѣе запомнитъ названіе предмета и понятіе механически, или по образу его начертанія, даже по мѣсту, гдѣ оно стоитъ въ книгѣ, хотя часто и не понимаетъ его значенія; взрослый способнѣе

помнить все по смыслу. Вотъ почему взрослые, для удержанія въ памяти какого-нибудь названія, для нихъ непонятнаго, стараются придать ему хотя поверхностный смыслъ, и для того или сближаютъ его съ чѣмъ-либо знакомымъ, или разлагаютъ слово на составныя части; напр: Смоленскъ—смола, Полѣсье—по-лѣсу. Въ этомъ отношеніи способность нашихъ солдатъ сближать иностранныя слова съ русскими и разлагать первыя на ихъ составныя части весьма оригинальна; напр. Ларистонъ—Ларя-стой, Панаржа—спаржа, Лаунау—Лагунова. [74]) По этой же причинѣ, если мы забываемъ таблицу умноженія или сложенія при ариѳметическихъ дѣйствіяхъ надъ крупными числами, мы тотчасъ стараемся разложить предлагаемыя числа на составныя части, между тѣмъ какъ мальчикъ въ такомъ случаѣ старается вспомнить таблицу умноженія или сложенія. Напримѣръ, заставьте сложить взрослаго 6 и 9, онъ непремѣнно подумаетъ 6 и 10 будетъ 16, если отнять 1, будетъ 15; слѣд. 6+9=15. Мальчикъ въ этомъ случаѣ обратится къ памяти: онъ будетъ стараться припомнить таблицу сложенія, потому начнетъ прямо съ цифры 6 и будетъ вспоминать: 6+6=12, 6+7=13, 6+8=14, 6+9=15,—искомое число. Такимъ образомъ, если современная дидактика и при обученіи малолѣтнихъ поставляетъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они прежде хорошо поняли предметъ, а потомъ уже усвоили памятью, то это условіе въ особенности должно быть приложено къ образованію взрослыхъ. Всѣ методы обученія, которыя расчитываютъ на соображеніе, а не на затверживаніе, имѣютъ при обученіи взрослыхъ несомнѣнный успѣхъ. Здѣсь мы должны замѣтить, что всякая механическая ассоціація (напр. современности, сопространственности) можетъ быть превращена въ разсудочную; если мы укажемъ логическую связь между одновременными представленіями. Здѣсь-то лежитъ причина успѣха въ солдатскихъ школахъ Зо-

[74]) См. Перепис. и разск. Рус. Инвалида изд. 4. 1844 г. ч. 1. стр. 37 и 197. Кто не помнитъ, какъ вся Россія смѣялась солдатской изобрѣтательности и умѣнью переводить иностранныя слова—въ письмахъ Кремнева, и повторяла знаменитыя выраженія: «рѣдька—рада» (ретирада), «дуй—пень» (т. е. du pain!), «трофимы» (трофеи) и (Винценгероде) «Винцо-въ-огородѣ».

лотовской методы обученія грамотѣ. Метода эта начинаетъ прямо съ труднѣйшаго, повидимому, пріема—съ анализа словъ на слоги и буквы; но зато весь успѣхъ преподаванія основывается на дѣйствіи высшей познавательной способности—разсудка. Если процессъ чтенія сдѣлается понятенъ ученику съ первыхъ уроковъ, то механизмъ чтенія ему легко усвоить. Обратимся къ собственному опыту: мы помнимъ въ связи и послѣдовательности все то, что ясно поняли умомъ или прочувствовали сердцемъ, напримѣръ: поговорки, пѣсни, стихотворенія, которыя намъ когда-то нравились, или по своему остроумію, или по глубинѣ мыслей.

II. Съ другой стороны тотъ фактъ, что у взрослаго ослабляется память долженъ навести учителя солдатской школы на три правила: а) *не вдругъ обременять память учащагося свѣдѣніями.* Что развитая память съ легкостью удерживаетъ, то для плохой памяти служитъ трудомъ; въ такомъ случаѣ всякое неразумное радѣнье—поскорѣе выучить солдата, который никогда не упражнялъ свою память умственной работой, не можетъ имѣть ни опредѣленной цѣли, ни хорошихъ послѣдствій. Сообщайте вашему ученику только для него нужное. Свойство памяти взрослаго, по наблюденіямъ психологовъ, таково, что она усвояетъ только относящееся къ спеціальнымъ занятіямъ его; на все же постороннее вовсе не обращаетъ усилій. Это — память спеціальная, разсудочная. Особенно первые уроки въ солдатскихъ школахъ должны быть непремѣнно коротки: на первыхъ порахъ нужно довольствоваться малымъ и дать вашему ученику обдумать, справиться и съ этимъ малымъ запасомъ свѣдѣній; зато вы можете быть заранѣе увѣрены, что это малое будетъ прочно. б) При незначительномъ развитіи у нашего солдата памяти *нужно обращать при преподаваніи особое вниманіе на повтореніе.* Мы замѣчаемъ въ опытахъ надъ самими-собою, что при воспоминаніи требуется особое напряженіе вниманія, особое сосредоточеніе воли. Отсюда происходитъ у людей неразвитыхъ отвращеніе отъ умственнаго труда, который гораздо тяжелѣе физическаго. Потому при повтореніи чего-либо учениками солдатской школы необ-

ходима разумная помощь учителя. Иногда ученикъ забываетъ при повтореніи одну мысль и эта мысль запутываетъ весь рядъ его представленій: установить эту разсудочную связь растолковать солдату — дѣло учителя; при этомъ терпѣніе необходимо. Повтореніе можетъ быть или періодическое, т. е. повторяющееся въ извѣстное время, или же учитель при каждомъ рядѣ новыхъ познаній, посредствомъ вопросительной методы, повторяетъ предшествующіе выводы, которые въ свою очередь служатъ къ упроченію и развитію новыхъ знаній. Чѣмъ болѣе и чаще соединяютъ старыя представленія съ новыми, тѣмъ болѣе уясняются и упрочиваются какъ тѣ, такъ и другія, по закону содружества понятій; съ другой стороны при каждомъ повтореніи прежнія познанія представляются въ новомъ свѣтѣ и въ нихъ замѣчаются новыя стороны. Хорошую книгу можно перечитывать нѣсколько разъ, и всякій разъ это перечитываніе не наводитъ скуки. Особенно необходимо повтореніе при обученіи наукамъ точнымъ, напр: ариѳметикѣ, геометріи и т. п. в) Дѣлая всѣ эти выводы, мы не исключаемъ изъ практики солдатской школы и *механическаго заучиванія*. Механизмъ во всякомъ обученіи непремѣнно долженъ имѣть свою долю; онъ долженъ имѣть мѣсто и при обученіи солдатъ, какъ необходимое упражненіе памяти. Да и какъ безъ заучиванія запомнить такія названія предметовъ преподаванія, которыя не имѣютъ никакого значенія? Крайностей не должно быть нигдѣ: разумное осмысленное заучиваніе не уничтожаетъ механическаго. При всякомъ первоначальномъ обученіи механическое заучиваніе иногда также необходимо, какъ и всякое другое, напр: при чтеніи нельзя обойтись безъ заучиванія письменныхъ знаковъ. Нѣкоторыя правила правописанія непремѣнно нужно изучить механически; потому что они у каждаго изъ насъ составляютъ чисто механическое познаніе: безсознательная привычка управляетъ нашимъ правописаніемъ. Механическое заучиваніе цѣлаго ряда мыслей тогда только прочно, когда толково. Нужно заставлять заучивать не прежде, какъ то, что требуется заучивать, хорошо понято ученикомъ.

III. Изъ обзора развитія силъ и способностей души чело-

вѣческой мы видѣли, что это развитіе начинается отъ внѣшнихъ чувствъ и сначала ограничивается однѣми низшими познавательными способностями (стр. 44 и 67) По этой причинѣ въ первыхъ двухъ возрастахъ развитіе способностей человѣка бываетъ не одновременное: развитіе нѣкоторыхъ способностей начинается уже въ то время, когда оно почти оканчивается для другихъ. Вовсе не съ такимъ явленіемъ мы встрѣчаемся при обученіи взрослыхъ: у взрослаго всѣ способности, если не отъ систематическаго воспитанія, то отъ столкновенія съ природой и практической жизнью, находятся въ послѣднемъ періодѣ развитія и зрѣлости. Такимъ образомъ преподаваніе въ солдатской школѣ не должно имѣть цѣлью постепенное развитіе умственныхъ способностей учениковъ, чтобы мало по малу укрѣпить эти способности и сдѣлать привычными къ бо́льшему напряженію и труду, какъ это бываетъ при обученіи малолѣтнихъ. Напримѣръ, при первоначальномъ обученіи дѣтей сначала стараются развить способность представленій—посредствомъ первоначальнаго нагляднаго преподаванія, потомъ память—механическимъ заучиваніемъ, разсудочный процессъ—изученіемъ наукъ точныхъ и т. д. Учитель солдатской школы ведетъ свое преподаваніе не съ цѣлію развитія способностей учениковъ, а чтобы сообщить имъ нужныя свѣдѣнія, чтобы внести свѣтъ науки въ массу ихъ опытныхъ познаній; потому онъ дѣйствуетъ на всѣ способности ученика, насколько того потребуетъ планъ преподаванія. Здѣсь *имѣетъ мѣсто такое изложеніе предмета преподаванія при которомъ, по мѣрѣ нужды, можно указывать на любую изъ его сторонъ*, не стѣсняясь, какъ бываетъ при обученіи дѣтей, выборомъ только тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ умственной зрѣлости ученика. Такъ при преподаваніи въ солдатской школѣ не нужно избѣгать попытокъ уяснить ученикамъ и понятія отвлеченныя, напр: понятія о духовномъ мірѣ, объ обязанностяхъ къ государству, о любви къ отечеству, о вѣрности присягѣ и т. п. Дѣтямъ эти названія совершенно не понятны, потому что самую трудную часть языка для дѣтей составляютъ нравственныя понятія, не имѣющія наглядности. [75]) При преподаваніи элемен-

[75]) См. Курсъ Опыт. Психол. Чистовича, 1868. Спб. стр. 121.

тарныхъ наукъ въ войсковой школѣ нужно выкинуть за-бортъ всѣ тѣ дѣтскіе пріемы, которые такъ общи нашимъ учебникамъ, назначаемымъ большею частію для малолѣтнихъ и которые примѣнены къ дѣтскому пониманію. На этомъ же основаніи при изученіи умноженія простыхъ чиселъ можно вашихъ учениковъ познакомить съ измѣреніемъ площадей, что въ практической жизни часто бываетъ необходимо; при дѣйствіяхъ надъ именованными числами можно сообщить изъ физики, въ возможно понятномъ видѣ, о взвѣшиваніи тѣлъ, объ устройствѣ различныхъ мѣръ вѣса и т. п.

IV. Для пользы преподаванія учитель солдатской школы долженъ вести преподаваніе свое *систематически.* а) Зрѣлый умъ взрослаго способнѣе понять, а память усвоить все то, что предложено не въ формѣ простой фразы, а въ формѣ послѣдовательнаго вывода. Между тѣмъ при обученіи дѣтей, у которыхъ разсудокъ не привыкъ къ самостоятельности, первое правило: «говори о томъ, что бросается въ глаза; старайся только, чтобы временная связь мыслей была вѣрна» *Учитель солдатской школы долженъ стараться, чтобы ученикъ собственнымъ соображеніемъ постигалъ предметъ преподаванія, слѣдилъ за его ходомъ, свободно дѣлая выводъ изъ предыдущаго, а не усвояя памятью готовый выводъ.* [76]) Такого рода познаніе не прочно и безъинтересно. Офицеръ-преподаватель всегда долженъ помнить слова Песталоцци: «никто не бываетъ образованъ другимъ, но каждый самъ себя образуетъ, только при бо́льшей или ме́ньшой помощи другаго. Всякое пассивное со-

---

[76]) Изъ пережитаго прошлаго я помню замѣчательную личность одного солдата въ полковой школѣ: П-въ, поморъ по происхожденію, былъ очень любознателенъ и старался все понять, на все найти причину; это была голова разсудительная, логическая. Когда ему показывали какое-нибудь ариѳметическое правило, онъ до тѣхъ поръ не усвоивалъ его, пока не уяснялъ себѣ вполнѣ. Разъ ему показали, какъ отыскать общаго большаго дѣлителя, онъ тотчасъ доспросился у учителя, для чего онъ нуженъ и почему такъ прінскивается и тогда только принялся заучивать правило. Взглядъ его на науку былъ самый практическій: онъ ясно понималъ и объяснялъ намъ пользу науки,

стояніе есть противоположность образованію; ибо образованіе дѣйствительно достигается только чрезъ самостоятельность, которая имѣетъ цѣлію также самодѣятельность» [77]). Если вы читаете въ солдатской школѣ какую-нибудь книгу научнаго содержанія; чтобы ея содержаніе сдѣлалось понятнымъ вашимъ взрослымъ ученикамъ, единственный къ тому путь—разложить каждый ея параграфъ, какъ отдѣльную связь мыслей, на частныя мысли, входящія въ его составъ. Какъ скоро вашъ взрослый ученикъ пойметъ эту связь мыслей, тогда ему сдѣлается понятнымъ и содержаніе даннаго отдѣла. Наука вовсе не трудна и не тяжела, она напротивъ имѣетъ свое обаяніе для ума каждаго взрослаго человѣка, именно—своею точностью, полнотою и системой; когда же мы лишаемъ передаваемыя свѣдѣнія ихъ научной обстановки, стараясь передать простолюдину только разрозненные отрывки науки, то эти свѣдѣнія дѣлаются скучными и безъинтересными. [78]) б) *Уча взрослыхъ, нужно часть преподаваемаго представлять ихъ собственной самодѣятельности.* Не нужно стѣснять солдата постоянной опекой, такъ сказать, диктованьемъ познаній, наведеніемъ на мысль. Всякая рѣшенная самимъ вашимъ ученикомъ задача, всякій новый учебный пріемъ, удачно исполненный имъ безъ вашего вмѣшательства, даютъ ему новую энергію и навыкъ къ умственному труду, развивая въ немъ интересъ знанія. в) Эта система преподаванія, предоставляющаяся ученику большую самостоятельность, требуетъ отъ преподавателя, чтобы онъ въ выборѣ

---

[77]) См. Очер. истор. воспит. и обуч. Модзалевскаго, Спб. 1867 года; стр. 179 и 698.

[78]) Ничто такъ не оскорбительно слышать, какъ, полный затаеннаго презрѣнія къ солдату, отзывъ нѣкоторыхъ начальниковъ о томъ, что нашъ солдатъ слишкомъ грубъ, что для него интересъ знанія существовать не можетъ, наконецъ что и учить его много не нужно, не стоитъ. Можно-ли ждать успѣха отъ солдатской школы, когда о солдатѣ составлено заранѣе такое грустное мнѣніе? Въ школѣ для взрослыхъ села Петровскаго-Разумовскаго (см. Ясн. Пол. 1862 г. № 8 стр. 73) былъ одинъ плотникъ, который изучилъ всю ариѳметику и геометрію почти одинъ, безъ учителя. Любимымъ занятіемъ взрослыхъ учениковъ въ этой школѣ было по вечерамъ собираться и рѣшать ариѳметическія задачи.

предметовъ для преподаванія менѣе всего руководился желаніемъ возбудить въ ученикахъ только временный интересъ и чувство удовольствія. При преподаваніи дѣтямъ весьма важно, чтобы учебный предметъ приходился по ихъ вкусу; потому-то успѣхъ здѣсь часто зависитъ отъ умѣнья учителя возбудить фантазію дѣтей новостью или занимательностью учебнаго предмета. Такихъ условій не существуетъ для преподавателя солдатской школы: *взрослый ученикъ измѣряетъ необходимость знанія той или другой элементарной науки степенью приложимости самого познанія къ жизни,* и потому здѣсь учитель можетъ расчитывать на полное вниманіе учениковъ, не смотря на относительную трудность преподаваемаго предмета. Возьмемъ примѣры. Еслибы въ солдатской школѣ вы стали рѣшать отвлеченныя математическія задачи, то вниманіе къ вашему преподаванію было бы весьма слабо; но это вниманіе тотчасъ бы удвоилось, еслибы вы стали прилагать преподаваемое къ жизни практической. Еслибы въ солдатской школѣ вы стали сообщать свѣдѣнія объ отдаленныхъ странахъ, то менѣе могли бы расчитывать на вниманіе учениковъ, чѣмъ когда стали бы ихъ знакомить съ географіей Россіи и той мѣстности, гдѣ они живутъ. Изъ исторіи для нихъ важнѣе знать событія ближайшихъ эпохъ и исторію нашихъ войнъ, чѣмъ исторію отдаленныхъ эпохъ, не смотря на поэтическую сторону, присущую древнѣйшимъ историческимъ событіямъ.

Изъ формъ, въ которыхъ выражается преподаваніе, въ солдатской школѣ можно употреблять: форму *повѣствовательную* или *учебнаго разсказа*, форму *описанія*, форму *объясненія* и наконецъ форму *учебнаго разговора*. Вотъ нѣсколько замѣчаній, какъ примѣнять эти формы преподаванія къ обученію солдатъ:

V. Всякій учебный разсказъ основывается на законѣ *послѣдовательности:* мысли, по этому закону, возникаютъ одна въ слѣдъ за другой, и какъ-бы подвигаются вдоль линіи. Законъ послѣдовательности болѣе другихъ законовъ возобновленія нашихъ представленій соотвѣтствуетъ уму взрослаго человѣка, въ особенности простолюдина; наши простолюдины особенно лю-

бятъ повѣствовательную форму рѣчи. Эта форма рѣчи легче усвоивается учениками; повторить разсказъ также легче. На этомъ основаніи совѣтуютъ самыя общенаучные выводы и доказательства излагать для народа въ формѣ повѣствовательной. Напримѣръ, обыкновенныя доказательства—въ нашихъ географіяхъ, что земля кругла, можно изложить въ формѣ исторической, т. е. показавъ, какъ люди мало по малу пришли къ такому выводу. Разсказъ учителя школы для взрослыхъ долженъ быть столько же *послѣдователенъ,* сколько и *коротокъ.* Всякая ненужная подробность, растянутость изложенія, уклоненіе отъ предмета вредитъ общему впечатлѣнію разсказа и кажется странною и неумѣстною для взрослаго. *Тамъ, гдѣ умъ малолѣтняго ученика требуетъ посредствующихъ мыслей, у человѣка взрослаго онѣ являются сами собою,* иначе сказать, *взрослый додумывается до многаго самъ,* въ то время какъ мальчикъ требуетъ, чтобы за него думали другіе, и часто на вѣру усвояетъ чужія мысли. *Всякое стараніе учителя придать своему разсказу особую искусственность, которая можетъ нравиться людямъ образованнымъ, не должно имѣть мѣста при обученіи нашего простолюдина.* Все искусственное, затѣйливое, нарушающее простоту въ разсказѣ учителя вредитъ общему впечатлѣнію, которое испытываютъ его ученики-простолюдины со стороны разсказываемаго происшествія. Занимательность учебнаго разсказа здѣсь можетъ увеличиваться отъ умѣнья преподавателя выставить на видъ характерныя и поразительныя черты событія. Способный преподаватель, не прибѣгая къ ненужной искусственности, простымъ задушевнымъ разсказомъ заставляетъ своихъ учениковъ жить жизнью тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и оставляетъ въ ихъ воспріимчивой душѣ такое глубокое впечатлѣніе, которое никогда не изгладится. Учитель нашей солдатской школы, какъ и учитель школы простонародной, долженъ искать занимательности своему разсказу не во внѣшней формѣ изложенія, а въ содержаніи самого событія. Что касается до внѣшней формы изложенія, то лучше всего держаться эпическаго характера повѣствованія, столь неподражаемаго въ нашихъ народ-

ныхъ разсказахъ, гдѣ разскащикъ описываетъ событіе всегда съ безпристрастіемъ зрителя, такъ что слушатели поражаются самымъ событіемъ и присущимъ ему поэтическимъ содержаніемъ, а не разсужденіями и витіеватостью разскащика. Г.Петрушевскій въ книгѣ: «Разсказы про старое время на Руси» весьма удачно соединилъ съ историческимъ разсказомъ характеристическіе отрывки изъ народныхъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, что сразу ставитъ простолюдина-читателя на родную для него почву, и дѣлаетъ книгу въ высшей степени для него занимательною. Разсказы А. Ѳ—ча Петрушевскаго по простотѣ изложенія, которое состоитъ большею частію изъ небольшихъ предложеній и періодовъ, могутъ быть образцами для учителя солдатской школы при разсказѣ. Большая часть нашихъ военно-нравственныхъ разсказовъ, которые наполняютъ страницы нашихъ солдатскихъ журналовъ, не занимательны и скучны, какъ и все, что писано на заданную тему. «Имъ не достаетъ,» какъ очень мѣтко замѣчаетъ профес. Юркевичъ, [79]) «плоти и крови, которыми обозначается дѣйствительность». Одинъ есть у насъ писатель военныхъ разсказовъ, этотъ писатель — Г.Погоскій, разсказамъ котораго дѣйствительно присущъ этотъ неподражаемый простонародный эпосъ въ такой же степени, какъ и простодушный юморъ русскаго человѣка. *Конечная и главная цѣль всякаго разсказа въ солдатской школѣ—обогатить познаніями умы учениковъ и развить въ нихъ патріотическое и нравственное чувства.* Цѣль—высокая, которую никогда не долженъ терять изъ вида учитель-офицеръ. Выше всѣхъ образцовъ повѣствованія стоитъ, по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ, разсказъ библейскій. Въ нашей солдатской школѣ онъ долженъ стоять на первомъ мѣстѣ. Библейскія разсказы въ той безъискуственной формѣ, въ какой мы ихъ находимъ въ книгѣ Откровенія, обнаруживаютъ особую неотразимую силу на духъ человѣка своею неподражаемой простотой и исключеніемъ всякихъ умствованій. [80])

---

[79]) См. Курсъ общ. педаг. стр. 276.

[80]) Мы думаемъ, что для офицера-преподавателя солдатской школы не лишнее и не постороннее дѣло—по временамъ прочитывать отрывки изъ библіи

VI. Значеніе *описательной* формы преподаванія обусловливается тѣмъ, что *она способствуетъ живости, наглядности и полнотѣ нашего представленія о предметѣ; а чѣмъ полнѣе и характернѣе представленіе, тѣмъ оно лучше сохраняется памятью.* При описаніяхъ дѣйствуетъ другой законъ содружества (ассоціаціи) представленій, а именно: *законъ совмѣстности.* Представленія, по этому закону, группируются около того представленія, которое ихъ вызвало; потому и самое описаніе основывается не на порядкѣ времени, не на порядкѣ частей или сторонъ предмета, а на очередованіи впечатлѣній, которыя возбуждаетъ предметъ; потому здѣсь главными частями описанія являются тѣ стороны предмета, которыя произвели сильнѣйшее впечатлѣніе. Описательный способъ изложенія преподаваемаго предмета столько же важенъ при обученіи нашего взрослаго простолюдина, нашего солдата, какъ и разсказъ. *Русскій простолюдинъ любитъ описанія и картины воображенія: не смотря на свою кажущуюся грубость, онъ способенъ жить въ мірѣ фантазіи.* Возьмите наши народныя легенды, пѣсни, сказки; сколько въ нихъ живости и картинности: краски этихъ неподражаемыхъ картинъ готовитъ и мастерски накладываетъ народная поэзія. Всѣ почти русскія народныя былины и пѣсни начинаются всегда прекрасными описаніями природы: къ природѣ близко живетъ русскій человѣкъ. [81]) Изъ прожитаго мною я живо помню разсказы нашихъ старыхъ, бывалыхъ солдатъ о тѣхъ мѣстахъ, куда заносила ихъ долгая 25-тилѣтняя служба. Описанія эти всегда поражали меня своеобразностью, полнотою и особымъ умѣньемъ русскаго простолюдина подмѣтить въ природѣ и людяхъ тѣ

(на русскомъ языкѣ) солдатамъ; знакомить съ религіею человѣка необразованнаго есть обязанность каждаго изъ насъ. Мы такъ увлеклись спеціальностями, что иной офицеръ-преподаватель вовсе не считаетъ своею обязанностью, а обязанностью полковаго священника, знакомить солдата съ религіей. Полковому священнику не всегда возможно преподавать Законъ Божій во всѣхъ ротахъ полка, хотя мы и знаемъ, что есть достойные полковые священнослужители, которые не тяготятся нѣсколько разъ въ годъ объѣзжать съ этою цѣлью весь районъ полка.

[81]) Очерки ист. рус. литер. Караулова. Ѳеодос. 1865 г. т. I стр. 18, 27.

неуловимыя характерныя черты, которыя ускользаютъ при нашемъ наблюденіи. Впослѣдствіи перечитывая Гоголя (напр: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки») и Тургенева (напр: «Касьянъ съ Красивой Мечи»), мнѣ все казалось, что эти увлекательныя описанія я гдѣ-то слышалъ, что они записаны со словъ простонароднаго разскащика. Точно такія же ноты звучатъ въ описаніяхъ различныхъ мѣстностей, которыя мы слышимъ иногда отъ нашихъ странниковъ. Я разумѣю здѣсь не странниковъ бродягъ или необразованныхъ изувѣровъ, но странниковъ по обѣту, по убѣжденію. Какое разительное сходство въ ихъ рѣчахъ съ рукописными разсказами нашихъ древнихъ русскихъ паломниковъ, напр: съ «Хожденіемъ Игумена Даніила». Здѣсь то же картинное описаніе природы и тотъ же сухой, но вѣрный анализъ дѣйствующихъ лицъ, выражаемый иногда однимъ русскимъ идіотизмомъ. [82])

Описаніе имѣетъ мѣсто при чтеніи географическихъ и историческихъ статей, и статей изъ естественной исторіи. Иногда описаніе должно слѣдовать послѣ разсказа и служить для него лучшимъ дополненіемъ. Полнотѣ описанія способствуютъ географическія, этнографическія и историческія картинки; послѣднія воспроизводятъ для насъ наглядно бытъ описываемаго времени историческими костюмами и обстановкой. Картина собственно отличается отъ описанія тѣмъ, что посредствомъ рѣчи можно воспроизводить умопредставленія лишь послѣдовательно одно за другимъ, а посредствомъ живописи—многія рядомъ. Васъ удивитъ, Гг! если я скажу, что и разсматривать картину нужно выучить нашего солдата. Нельзя безъ улыбки вспомнить тѣ объясненія, которыя дѣлаетъ нашъ солдатъ на картинку, которую онъ разсматриваетъ: онъ часто видитъ въ ней совершенно не то, что хотѣлъ выразить рисовальщикъ, особенно если она исполнена не такъ отчетливо. Въ самомъ дѣлѣ сколько въ на-

---

[82]) Напр. Игум. Даніилъ такъ коротко и ясно характеризуетъ Балдуина: «мужъ благъ и смиренъ вельми, и не гордится ни мало». Католическое богослуженіе нашъ паломникъ описываетъ такъ: «Латыне же въ велицѣмъ олтарѣ верещати начаша свойскы (по-своему)». Очер. ист. рус. лит. стр. 132.

шей живописи условнаго, которое можетъ быть понято только образованнымъ человѣкомъ. Возьмемъ для примѣра правила перспективы: нужно, чтобы перспективная живопись была слишкомъ отчетлива, чтобы она обманывала зрѣніе; въ противномъ случаѣ она будетъ не понятна простолюдину. Фигуры и предметы на второмъ планѣ картины солдату представляются дѣтьми и игрушечными домиками, имѣющими мало отношенія къ первому плану картины. Да и какъ требовать пониманія отъ нашего простолюдья въ этомъ случаѣ, когда мы знаемъ, что и для древнихъ грековъ и римлянъ перспективная живопись служила камнемъ претыканія. Для нашего солдата на картинѣ также не понятно единство момента дѣйствія: онъ такъ же считаетъ логическимъ, если на картинѣ представляются изображенія одного и тогоже лица въ различные моменты дѣйствія, какъ считали логичнымъ это и живописцы наши временъ до-петровскихъ, когда изображали на одной и той же иконѣ и стоящаго предъ иконой монаха и того же монаха у ногъ главной фигуры, дѣлающаго земной поклонъ. [83]) Учителю не малый трудъ объяснить солдату нѣкоторыя картины изъ собранія Золотова, напр: «Пиры Іоанна Грознаго» и т. п.

При описаніи нужно избѣгать многословія, избѣгать мелкихъ подробностей: что для мальчика ново, то для взрослаго представляется избитымъ: серьезный русскій простолюдинъ эти подробности считаетъ пустословіемъ и краснобайствомъ. Для учителя войсковой школы могутъ служить образцами описанія странъ—сочиненія, въ родѣ: «Край крещенаго свѣта» Максимова, «Годъ на сѣверѣ»; образцомъ описаній научныхъ—нѣкоторыя отрывки изъ «Бесѣдъ въ учебно-гимнастическомъ кадрѣ» Золотова, «Земля и что на ней есть» и т. п. Только тѣ описанія нужно читать въ солдатской школѣ, которыя относятся къ быту простаго народа и могутъ быть какимъ бы ни было образомъ полезны для простолюдина: Для пріобрѣтенія умѣнья описы-

[83]) См. Древне-рус. народ. литер. и искус. Буслаева Спб. 1861 г. стр. 295. Впрочемъ Г. Буслаевъ видитъ въ этомъ высокое достоинство древнехристіанскаго искусства; а другіе археологи напротивъ—несовершенство живописи. См. Чт. Общ. Ист. и Древн. 1858 г. ч. 2. стр. 214.

вать живо и умно, учителю необходимо искать себѣ учителей между великими талантами нашей литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что чтеніе подобныхъ отрывковъ можетъ имѣть глубоко образовательное значеніе и для нашихъ солдатъ: все дѣло зависитъ отъ удачнаго выбора. Графъ Толстой въ Ясно-Полянской школѣ съумѣлъ, посредствомъ удачнаго выбора и сочувственнаго чтенія, заинтересовать крестьянскихъ мальчиковъ повѣстями Гоголя и другихъ писателей: многія изъ этихъ повѣстей производили на нихъ глубокое впечатлѣніе.

VII. *Объяснительный* способъ обученія долженъ имѣть также не послѣднее (если не первое) мѣсто при бесѣдахъ въ солдатской школѣ. *Всякое учебное объясненіе дѣйствуетъ непосредственно на разсудокъ ученика.* Потому при небольшой опытности учителя солдатской школы, объяснительный способъ преподаванія примѣняется очень удобно къ обученію нашего солдата; умъ взрослаго человѣка имѣетъ достаточно наблюдательности и зрѣлости, чтобы вдумываться въ преподаваемое или въ прочитанное, искать и постигать его смыслъ. По своей сущности объясненіе, въ смыслѣ психологическомъ, есть толкованіе знаковъ умопредставленія. При объясненіи прочитаннаго, если оно написано языкомъ литературнымъ, преподаватель долженъ умѣть переложить его на обыкновенный, простонародный языкъ; если въ немъ заключаются понятія отвлеченныя, онъ долженъ входить въ подробное объясненіе этихъ понятій, обогащая умъ учениковъ новыми понятіями. При объясненіяхъ простолюдину-солдату одно изъ лучшихъ средствъ сравненіе, иначе, поясненіе неизвѣстнаго извѣстнымъ. Учитель солдатской школы долженъ входить въ міръ воззрѣній солдата и строго держаться простыхъ, понятныхъ для простолюдина выраженій. Въ слѣдствіе этого всѣ выраженія техническія, литературныя, книжныя употреблять нужно при бесѣдахъ съ солдатомъ не иначе, какъ по необходимости, и притомъ съ яснымъ объясненіемъ ихъ. Отвлеченныя понятія и слова существуютъ въ языкѣ даже самаго грубаго народа; но или мы съ ними не сталкиваемся, или не умѣемъ стать при этомъ на точку народнаго воззрѣнія. При объясненіяхъ необходимо учителю

особое искусство, которое не мыслимо для многихъ изъ насъ, потому что мы плохо знаемъ нашъ простой народъ и особенно мало знакомы съ его языкомъ. Только долгое изученіе народнаго быта, полное знакомство съ творчествомъ народа, открывающимъ намъ его міровоззрѣніе, можетъ привести къ этой цѣли. Какъ часто незнанье народа, неумѣнье вести рѣчь согласно съ его взглядомъ на дѣло, приводило и приводитъ людей, ревнующихъ объ образованіи народа, къ самымъ курьёзнымъ ошибкамъ и разочарованіямъ [84]). Нужно имѣть извѣстный тактъ, извѣстную степень навыка, чтобы говорить съ нашимъ простонародьемъ его языкомъ, чтобы заставить простаго человѣка слушать себя, понимать и сочувствовать вашимъ словамъ. Напримѣръ, это умѣнье вовсе не состоитъ въ попыткахъ поддѣлаться подъ внѣшнюю форму рѣчи простонародной, какъ это дѣлаютъ наши популяризаторы-писатели, а именно: употребленіемъ тѣхъ неправильностей и ошибокъ въ рѣчи, которыя наше простонародье употребляетъ, по дурной привычкѣ и по незнанію, какъ пишутся слова. [85]) Нашъ простолюдинъ-солдатъ вѣритъ учителю и знаетъ, что онъ умнѣе его, а потому все готовъ перенять у него и даже тщеславится перенятымъ; потому учитель долженъ не увѣковѣчивать его невѣжество, а стараться исправить его ошибки, поднять до себя, т. е. до своихъ понятій и образа выраженія, свойственнаго языку образованнаго общества. Нашъ простолюдинъ даже смѣется надъ

---

[84]) Г. Семевскій въ брошюрѣ: «Грамотность въ деревняхъ государств. крестьянъ Псковской губерніи въ 1863 г.» разсказываетъ, что онъ во время своихъ путешествій едва-только начиналъ уговаривать крестьянъ отдавать въ школу дѣтей, какъ тотчасъ же встрѣчалъ полное недовѣріе со стороны ихъ. Въ одной деревнѣ крестьянки долго слушали его, показывая видъ, что ему вѣрятъ; но обезкуражили автора, когда вдругъ, перешептнувшись, бросились по избамъ и стали сносить ему разныя приношенія. Ясно было, что его слова худо поняты; а онъ самъ былъ принятъ за чиновника, который хочетъ съ нихъ взять взятку. Подобные случаи повторялись съ нимъ во многихъ уѣздахъ. См. Отеч. Зап. 1864 г. Май. стр. 169.

[85]) Напр. «кажинный» вм. каждый, «выпимши» вм. выпивши, «тамъ-отъка» вм. тамъ, «искромсалъ» вм. изрѣзалъ. Авторъ Ясной-Поляны очень мѣтко называетъ эти слова: «нашими милыми русицизмами».

подобною претензіею поддѣлаться подъ его рѣчь, очень хорошо понимая, что какъ онъ говоритъ, такъ образованный человѣкъ не скажетъ; слѣдовательно, если учитель старается поддѣлаться подъ его рѣчь, то въ этомъ поддѣлываньи онъ подозрѣваетъ не болѣе какъ желаніе надъ нимъ позабавиться. Близость офицера преподавателя къ солдату, заботливость о его нуждахъ и гуманное съ нимъ обращеніе даютъ ему возможность понимать его умственный строй, его мысль и усвоять его языкъ. Нашъ лучшій военный писатель Г. Погоскій часть своей службы прожилъ въ солдатской казармѣ; оттого-то его повѣсти изъ военнаго быта дышатъ такимъ мастерскимъ анализомъ солдатскаго быта, такимъ простымъ языкомъ. «Письма Русскаго Инвалида», составленныя покойнымъ генераломъ Скобелевымъ, съ первыхъ страницъ показываютъ, что авторъ ихъ зналъ солдата не только какъ начальникъ, но и какъ товарищъ. Его Кремлевъ истый инвалидъ, и именно инвалидъ 1812 года. Но въ «Военныхъ разсказахъ» Гр. Толстаго вы тотчасъ замѣчаете, что отношенія автора къ солдату совсѣмъ другія: онъ наблюдаетъ за солдатомъ издали, подсматриваетъ, обращается съ нимъ въ его оффиціальномъ служебномъ быту; а не въ домашнемъ, не въ казарменномъ.

VIII. При преподаваніи мало развитымъ ученикамъ, особенно же въ слѣдъ за объясненіями или за простымъ чтеніемъ, хорошо употреблять *методу катехизаціи* или *вопросительную*, иначе называемую—*учебнымъ разговоромъ. Катехизація есть одно изъ педагогическихъ средствъ вызвать самодѣятельность ученика.* Динтеръ, положившій начало научной разработкѣ этой методы, опредѣляетъ ее такъ: «Катехизировать значитъ обучать незнакомыхъ съ предметомъ преподаванія учениковъ посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ». Опредѣленіе указываетъ на важное значеніе, какое учебный разговоръ можетъ имѣть въ преподаваніи. Дѣйствительно, наводить ученика вопросомъ на выводъ изъ извѣстнаго ему положенія новаго; по поводу отвѣта новымъ вопросомъ уяснять его понятія, научая владѣть знаніями свободно и самостоятельно—развѣ это не есть существенная задача всего обученія. Такимъ образомъ изъ сущности са-

мой вопросительной методы вытекаетъ необходимость для учителя опытности и образованія. Здѣсь мы опять повторимъ сказанное нами выше (стр. 36): для того, чтобы съ пользою проходить званіе учителя, хотя бы и солдатской школы, нужно стараться о своемъ самообразованіи. Что же касается до самой вопросительной методы, то существенная ея выгода заключается въ томъ, что посредствомъ нея вы всегда можете повѣрить степень успѣховъ вашихъ учениковъ и степень доступности для нихъ вашихъ объясненій. При обозрѣніи духовной дѣятельности человѣка мы замѣтили, что въ самой бѣдной, въ самой необразованной душѣ есть стремленіе къ пониманію, къ разсужденію, къ анализу и синтезу (стр. 60). Метода катехизаціи важна въ школѣ для взрослыхъ, какъ метода анализа и синтеза. Послѣ этихъ общихъ понятій о катехизаціи, какимъ жалкимъ обращикомъ пониманія ея являются тѣ пріемы вопрошенія, которые намъ удалось видѣть въ нашихъ войсковыхъ школахъ. Многіе изъ преподавателей этихъ школъ всю методу вопросительную поставляютъ въ возможно частомъ и утомительно однообразномъ обращеніи къ солдатамъ съ вопросами, въ родѣ: «поняли-ли вы?» На подобные вопросы солдаты большею частію отвѣчаютъ: «поняли, знаемъ» и говорятъ это по большей части со словъ болѣе понятливыхъ учениковъ. Непростительно ошибаются и тѣ преподаватели солдатскихъ школъ, которые, желая облегчить для учениковъ повтореніе преподаннаго, стараются дробить цѣлое на множество мелкихъ вопросовъ, на которые ученику ничего не остается, какъ только говорить да или нѣтъ. Такой способъ катехетики, размѣнивая науку, эту стройную систему на мелкую монету, не можетъ принести никакой пользы; потому что лишаетъ мышленіе ученика самостоятельности. Во многихъ случаяхъ, особенно въ концѣ учебныхъ курсовъ, нужно непремѣнно отъ взрослаго ученика, въ томъ числѣ и отъ нашего солдата, требовать отвѣтовъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ и послѣдовательныхъ. Нѣкоторые предметы преподаванія особенно не выгодно для самой пользы преподаванія дробить на вопросы: къ такимъ предметамъ принадлежатъ предметы религіозные и нравственные, которые пре-

имущественно назначены для дѣйствія на сердце. Примѣръ неудачнаго примѣненія катехизаціи можно видѣть въ книжкѣ: «О способѣ первоначальнаго преподаванія Закона Божія по руководству: Начатки Христіанскаго ученія» Свящ. Соколова (Спб. 1864 года). Примѣръ мелочности и искусственности вопросовъ можно видѣть и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ «Предметныхъ уроковъ», Перевлѣскаго.

По нашему мнѣнію, въ солдатской школѣ катехизацію нужно преимущественно соединять съ объяснительной формой преподаванія и вести ее въ слѣдующемъ порядкѣ. Послѣ объясненія предмета преподаванія, учитель вызываетъ болѣе развитыхъ учениковъ на повтореніе того, что имъ сказано. Не смотря на отказъ ученика отвѣчать, что очень часто встрѣчается въ солдатской школѣ, частію отъ неувѣренности въ себѣ учениковъ, а частію отъ непривычки ихъ послѣдовательно и громко излагать свои мысли, учитель требуетъ отвѣта, и для этого раздѣляетъ предметъ преподаванія на частные вопросы. Чрезъ это ученикъ, который былъ не въ состояніи обнять предметъ во всей его совокупности и передать его своими словами, тотчасъ увидитъ, что онъ можетъ отвѣчать вамъ, излагая предметъ преподаванія не вдругъ, а постепенно. Если при отвѣтѣ все-таки замѣтно будетъ затрудненіе ученика, учитель спѣшитъ ему на помощь, или раздѣляя учебный предметъ на новые частные вопросы, или такъ поставляя вопросъ, что онъ дѣлается вполнѣ понятнымъ для ученика. Какъ вести такой учебный разговоръ, научить этому нельзя: искусство это даетъ здравый смыслъ и опытъ. Впрочемъ въ каждомъ отвѣтѣ ученика есть уже поводъ къ новому вопросу; потому что отвѣтъ ученика всегда даетъ понять и самому малоопытному преподавателю, какія стороны вопроса для ученика не ясны. Есть вопросы, которыя предлагаются ученику, чтобы узнать, прочно ли его знаніе. Подобные вопросы составляютъ какъ-бы возраженіе на высказываемыя ученикомъ положенія и могутъ быть аналитическіе и синтетическіе. Въ первомъ случаѣ мы разлагаемъ предметъ преподаванія на частныя понятія, во второмъ доискиваемся причины того или другаго явленія или вывода. Примѣръ примѣ-

ненія катехетики къ объяснительному чтенію можно видѣть въ книжкѣ Золотова: «Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи.» Самое обширное примѣненіе катехетика имѣетъ къ ариѳметическимъ дѣйствіямъ. Вообще математическія познанія тогда только прочны, когда ведутся путемъ катехизаціи, безъ всякихъ учебниковъ, назначаемыхъ для руководства учениковъ.

Послѣ болѣе или менѣе правильнаго отвѣта ученика, полезно, посредствомъ той же вопросительной методы, требовать повторенія того же отъ другихъ менѣе способныхъ учениковъ. Въ этомъ случаѣ учитель долженъ стараться, чтобы при второмъ вопросѣ порядокъ частныхъ вопросовъ былъ по возможности одинъ и тотъ же. Вопросы должно предлагать всему классу, хотя для отвѣта избирается и одинъ ученикъ: нужно спрашивать такъ, чтобы вниманіе всего класса непрерывно поддерживалось, и чтобы каждый ученикъ былъ готовъ отвѣчать въ слѣдъ за другимъ и исправлять сдѣланныя ошибки. Для успѣха и полноты вопросительной методы, желательно, чтобы учитель солдатской школы настолько пріобрѣлъ довѣріе своихъ учениковъ, чтобы они сами предлагали ему вопросы или спрашивали у него объясненія непонятнаго. Изъ всего сказаннаго видно, что вопросительная метода требуетъ, чтобы учитель обдумывалъ планъ каждаго урока заранѣе.

IX. Съ вопросительнымъ способомъ преподаванія тѣсно связанъ *способъ наглядnаго преподаванія*. Въ какой мѣрѣ примѣнимъ этотъ послѣдній способъ преподаванія къ солдатскимъ школамъ? Говоря о наглядномъ обученіи, нельзя не сказать нѣсколько словъ о самомъ его изобрѣтателѣ, знаменитомъ въ исторіи образованія Песталоцци. Я намѣренъ остановиться на этой, достойной подражанія, личности, чтобы указать вамъ, Гг! примѣръ безкорыстнаго служенія образованію человѣчества и доказать, какъ много можно сдѣлать и при бѣдности средствъ, но при одномъ живомъ желаніи просвѣтить массы. Какъ всѣ проповѣдники гуманныхъ идей, Песталоцци 60 лѣтъ трудился надъ образованіемъ другихъ среди нищеты, порицанія и горькихъ разочарованій, и все-таки добился до того, что его свѣтлыя идеи осуществились. «Если правда,» говоритъ біографъ

Песталоцци, (проф. Ноакъ)» [86]), что въ наше время нѣтъ иныхъ героевъ, кромѣ героевъ плодотворнаго труда; если постоянный, неутомимый, безкорыстный трудъ цѣлой жизни для блага человѣчества даетъ право на имя героя: то безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ героя достойнѣе Песталоцци». Швейцарецъ по рожденію, Песталоцци началъ свою дѣятельность въ 1746, умеръ въ 1827 году; ближайшею цѣлью этой дѣятельности было доставить дѣтямъ бѣднаго класса средства къ образованію. «Богачи, говаривалъ Песталоцци, только унижаютъ простолюдина, хлопоча единственно о животномъ его удовлетвореніи, вмѣсто того чтобы дать ему средства образовать себя, пробудить въ бѣдномъ братѣ сознаніе человѣческаго достоинства, научить его пріобрѣтать насущный хлѣбъ.» Великія слова, которыя такъ легко примѣняются и къ преподавателю солдатской школы. Если мы хотимъ сдѣлать благодѣяніе солдату, то дадимъ ему знаніе прочное и полезное.

Пестолоцци, чтобы осуществить свою мысль, занялся обученіемъ бѣдныхъ дѣтей, и при этой первой попыткѣ тотчасъ же встрѣтился съ недостатками современной школы. Методы, которыя преобладали тогда въ школьномъ обученіи, не обѣщали успѣха; талантливая натура Песталоцци указала ему для обученія новый путь. Въ своихъ школахъ Нейнгофской, Станцской и Бургдорфской Песталоцци былъ единственнымъ другомъ, наставникомъ и попечителемъ бѣдныхъ дѣтей. Эта несравненная любовь къ своему дѣлу указала ему и ту методу, которая подъ именемъ «наглядnаго преподаванія,» съ именемъ Песталоцци, обошла весь образованный міръ. Въ чемъ же состоялъ новый способъ обученія, указанный Песталоцци? Въ большей части тогдашнихъ школъ Песталоцци замѣтилъ, что ученики не развиваются именно по тому обстоятельству, что ихъ усаживаютъ за грамоту и письмо, и за тѣмъ спѣшатъ набить голову массой разныхъ свѣдѣній, не позаботившись прежде сколько-нибудь развить ихъ, не обезпечивъ успѣхъ преподаванія запасомъ сознательныхъ наблюденій. Результатомъ такого ученья

[86]) Очер. ист. восп. и обр 1867 г. вып. 2 стр. 491.

было то, что у учениковъ производительныя силы ума дѣлались крайне бѣдными; имъ наскучивало скоро это однообразное сообщеніе свѣдѣній безъ всякой съ ихъ стороны самодѣятельности, интереса которыхъ они не постигали, конца которымъ не видѣли. Педагогика, современная Песталоцци, забывала, что образованіе не есть накопленіе массы знаній, а развитіе умственныхъ силъ ученика. Припомнимъ наши психологическіе выводы въ началѣ этой лекціи. «Только тогда начинается внутренняя, самостоятельная работа мысли, когда въ душѣ есть матеріалъ, доставленный непосредственнымъ наблюденіемъ (стр. 55); одно мышленіе безъ наблюденія вноситъ въ душу ученика весьма мало содержанія; слова учителя производятъ въ умѣ ученика только представленіе словъ, а не представленіе мыслей.» Въ противоположность современному обученію, Песталоцци принялъ девизомъ своей школы: развить ученика умственно, обогатить его душу массою представленій прежде, чѣмъ онъ примется за книжное ученье. Понятно, что, при такомъ воззрѣніи Песталоцци на науку, его ученикъ принимался за науку во всеоружіи опыта, съ умѣньемъ дѣлать правильный анализъ видимаго и слышимаго: онъ пріучался заранѣе владѣть своимъ вниманіемъ, пріучался вникать въ преподаваніе, понимать и находить въ немъ смыслъ и интересъ. Первоначальное обученіе у Песталоцци состояло въ его бесѣдахъ съ учениками объ окружающихъ предметахъ, обученіе начиналось съ самыхъ простыхъ понятій и оканчивалось умѣньемъ правильно вести разсказъ, правильно считать, правильно излагать мысли и т: д: Названіе способа Песталоцци *наглядным преподаваніем* не исчерпываетъ всей мысли Песталоцци, это скорѣе — *реальное преподаваніе:* Песталоцци, безъ всякаго сомнѣнія, человѣкъ съ реальнымъ направленіемъ ума, сторонникъ реальности въ воспитаніи и въ этомъ послѣднемъ случаѣ является прямымъ послѣдователямъ Руссо. [87]) Прослѣдимъ основанія методы Песталоцци. Мы учимся ариѳметикѣ для того, чтобы правильно вести счетъ предметовъ; Песталоцци начинаетъ свое обученіе прямо съ

[87]) См. Челов. какъ предм. восп. Ушинскаго. 1868 г. ч I. стр. 369.

сложенія и вычитанія предметовъ общежитія: онъ очень хорошо знаетъ, что ученикъ и до школы дѣлаетъ эти дѣйствія, хотя и безъ отчета; его задача — научить ученика правильно владѣть этимъ практическимъ знаніемъ. Грамматику намъ преподаютъ съ тою цѣлію, чтобы научить насъ правильно излагать свои мысли; Песталоцци начинаетъ прямо съ обработки сыраго матеріала: онъ учитъ своего ученика правильно говорить, чтобы научить его правильно писать. При неумѣньи правильно и въ связи изложить свои мысли, никакая грамматика не научитъ правильно писать. Песталоцци замѣчаетъ, что школа, которая берется выучить чему-либо ученика, безъ знакомства съ природой, безъ правильнаго анализа видимаго и слышимаго, приготовляетъ, какъ весьма вѣрно выражается Руссо, пустыхъ говоруновъ (babillards) [88]); и онъ начинаетъ руководить своего ученика дѣлать правильныя наблюденія, правильный анализъ самыхъ обыкновенныхъ явленій. Потому-то легко понять, почему, при всей бѣдности учебныхъ пособій въ школѣ Песталоцци, однѣ его бесѣды быстро развивали учениковъ, [89]) такъ что изъ его школы выходили люди, съ честью вступавшіе въ высшія учебныя заведенія.

Способъ нагляднаго преподаванія въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его, можетъ имѣть полное примѣненіе къ нашей солдатской школѣ.

Говорятъ, въ умѣ взрослаго простолюдина есть много готовыхъ наблюденій, масса представленій и понятій у него велика; но и у мальчика, поступающаго въ школу, есть также го-

---

[88]) Emile p. 189.

[89]) До чего доходило искусство Песталоцци владѣть учебнымъ разговоромъ и умѣть пользоваться самыми бѣдными средствами школы, видно изъ разсказа о немъ его ученика Рамзауэра. «Наша школа, говоритъ онъ, помѣщалась въ старомъ, закрытомъ въ революцію монастырѣ; на стѣнахъ монастырскихъ комнатъ висѣли еще старые, изорванные обои, покрытые изображеніями. По-нѣсколько часовъ мы простаивали съ Песталоцци у этихъ обоевъ и слушали его бесѣду, изъ которой каждый разъ выносили новыя знанія. Онъ пользовался въ этихъ обояхъ всѣмъ — и фигурами, и формой прорванныхъ мѣстъ; и училъ насъ и грамматикѣ, и ариѳметикѣ, и искусству правильно излагать мысли».

товыя представленія, которыя даетъ ему самая жизнь и свобода мысли, не стѣсненной формализмомъ школы. У человѣка взрослаго умъ привыкъ къ правильному мышленію; но всякое разумное существо (дитя-ли, взрослый-ли) дѣлаетъ изъ факта всегда правильный выводъ, только не всегда имѣетъ достаточно матеріала для правильнаго вывода. За недостаткомъ правильныхъ наблюденій и все человѣчество иногда способно на неправильные выводы. Вспомнимъ, что до Галилея люди думали, что земля стоитъ, а солнце вокругъ нея ходитъ, и въ этомъ случаѣ они дѣлали правильный выводъ изъ тѣхъ недостаточныхъ наблюденій, которыя существовали до Галилея. Кажется, ошибка послѣдователей Песталоцци именно состоитъ въ томъ, что они забываютъ великую истину, что человѣка пельзя научить правильно мыслить, что наставникъ даетъ ученику только средства и случаи къ образованію; самый же процессъ образованія и умственнаго развитія совершается самъ собою. Отсюда странная ошибка всѣхъ предметныхъ уроковъ требовать отъ ученика именно такого, а не другаго отвѣта, чтобы можно было задать ему новый вопросъ и опять въ извѣстной формѣ. Этого недостатка не чуждъ и учебникъ Перевлѣскаго: «Предметные уроки, по методѣ Песталоцци» (Спб. 1862 г.). Песталоцци, при своемъ природномъ педагогическомъ тактѣ, могъ вести наглядное преподаваніе съ полнымъ умѣньемъ и успѣхомъ: онъ зналъ, гдѣ начать анализъ даннаго предмета и гдѣ его окончить. О каждомъ предметѣ преподаванія можно говорить или безконечно много, или слишкомъ мало. Говорить при наглядномъ преподаваніи о предметѣ много—значитъ читать лекцію цѣлой науки. Предлагать ученику только тѣ свѣдѣнія о данномъ предметѣ, которыя есть въ книгѣ—значитъ лишать преподаваніе свободы и примѣнимости къ жизни. Графъ Толстой разсказываетъ (по своему обыкновенію, весьма остроумно), какъ въ одной петербургской воскресной школѣ наставница, разсказывая исторію Авраама, кончила ее естественной исторіей верблюда, этого «корабля пустыни» и желѣзными дорогами, или какъ въ одной лондонской школѣ, на урокѣ object lessons ученики, описывая хлопчатую бумагу, отвѣтили, пови-

димому, на всѣ вопросы; но не знали, гдѣ растетъ хлопчатникъ, какимъ путемъ привозится въ Англію, какія лучшія машины существуютъ для его обработки и т. п. [90]) Въ первомъ случаѣ предметный урокъ былъ пустой болтовней, во второмъ— формализмомъ.

Обратимся опять къ рѣшенію вопроса о примѣненіи методы къ войсковымъ школамъ. Выше мы сказали, что умъ солдата-простолюдина способенъ къ правильному, зрѣлому мышленію, что масса наблюденій или представленій у взрослаго весьма значительна; между тѣмъ нашъ темный простолюдинъ поражаетъ насъ неправильностью и темнотою своихъ понятій (стр. 71). Въ этомъ случаѣ обогатить умъ простолюдина, правильными наблюденіями есть дѣло *реальной методы или наглядною преподаванія*. Возьмемъ тотъ же самый вопросъ съ другой стороны. Почему вашъ солдатъ, когда вы читаете ему книгу написанную человѣкомъ образованнымъ, не понимаетъ васъ, хотя для васъ эта же книга кажется очень ясною, написанною очень просто? При этомъ онъ испытываетъ то же чувство, какое испытали бы вы сами, еслибы васъ вдругъ перенесли въ комнату, наполненную самыми разнообразными и неизвѣстными для васъ предметами. Это было бы смутное впечатлѣніе чего-то безконечно разнообразнаго, и вмѣстѣ сознаніе безсилія совладѣть съ этимъ разнообразіемъ. Въ это же время другой кто-нибудь, положимъ, хозяинъ комнаты, который хорошо и предварительно ознакомился съ этими предметами, поразилъ бы васъ своею сообразительностью, своимъ умѣньемъ дать каждому предмету свое мѣсто, растолковать, для чего нужна здѣсь каждая вещь. Въ такомъ точно отношеніи стоитъ и умъ человѣка неразвитаго къ книгѣ образованнаго общества и къ вамъ, которому эта книга вполнѣ понятна. Умъ необразованнаго человѣка, чтобы читать подобную книгу, не имѣлъ подготовительныхъ умственныхъ работъ, тогда какъ человѣкъ образованный давно уже кончилъ эти работы: для него всѣ частныя мысли, которыя входятъ въ составъ книжныхъ оборотовъ,

---

[90]) См. Ясн. Пол. школ. жур. педагог. 1862. Мс. № 8 стр. 33—35.

давно уже объяснены, обработка ихъ для него давно уже окончена. Въ объясненіи этихъ частныхъ мыслей и состоитъ главнымъ образомъ наглядное преподаваніе, въ приложеніи своемъ къ солдатской школѣ. Напримѣръ, при словѣ «фабрика» полезно въ школѣ для солдатъ описать нѣкоторыя фабрики, дать понятіе о назначеніи фабрики, указать преимущества машиннаго производства; при объясненіи словъ: «желѣзные матеріалы» — понятіе о металлахъ вообще, о причинѣ ихъ стоимости, мѣсторожденіи, о способѣ добыванія, о ихъ пользѣ; при объясненіи слова «деньги» — общее понятіе о причинахъ введенія денегъ въ употребленіе, о способѣ ихъ чеканки, о деньгахъ бумажныхъ, объясненіе того, почему дѣлатель фальшивой монеты заслуживаетъ наказанія. При чтеніи статьи—«о водѣ» прилично дать понятіе о кругообращеніи воды изъ облака на землю, изъ рѣки или моря снова въ атмосферу,—понятіе о рѣкахъ, моряхъ, озерахъ, наконецъ рѣшеніе вопроса, почему вредно пить нечистую воду изъ стоячихъ болотъ, или изъ лужи, что нерѣдко дѣлаетъ нашъ простолюдинъ. При объясненіи слова—«кладбище» полезно указать на значеніе кладбища, на уваженіе къ кладбищамъ, даже иновѣрнымъ, значеніе гроба, обрядовъ погребенія, рѣшеніе вопроса, куда идетъ душа по смерти. Если такъ будетъ идти наглядное преподаваніе въ солдатской школѣ, то оно несомнѣнно принесетъ большую пользу. О приложеніи нагляднаго способа преподаванія къ ариѳметикѣ, къ сообщенію въ солдатской школѣ географическихъ и историческихъ свѣдѣній мы не считаемъ нужнымъ говорить подробно: приложеніе это понятно само собою. Вообще наглядный способъ преподаванія, какъ онъ разработанъ у насъ для школъ дѣтскихъ, къ нашимъ войсковымъ школамъ не приложимъ, но «наглядность» въ преподаваніи, какъ опредѣляетъ ее Куртманъ, должна имѣть мѣсто во всякой школѣ. [94]) При изученіи языка наглядность выражается сначала въ упражненіяхъ въ описаніи видимыхъ предметовъ, а потомъ въ повтореніи прочитанныхъ, разсказовъ, наконецъ

[91]) См. Руков. ко восп. и обуч. Щварца. Спб. 1867 г. ч. II. стр. 206.

въ письменномъ изложеніи мыслей. Введеніе наглядности въ преподаваніе въ солдатскихъ школахъ — это мысль людей, опытныхъ въ этомъ дѣлѣ. Г. Погоскій, знатокъ потребностей нашего солдата, съ успѣхомъ проводитъ эту же идею въ своихъ сочиненіяхъ (напр. въ «Букварѣ для солдатъ»). Въ послѣднее время Г. Золотовъ издалъ историческія картины, прекрасное наглядное пособіе, для изученія исторіи въ солдатскихъ и простонародныхъ школахъ. Такимъ образомъ наглядный способъ преподаванія, или строго говоря, «наглядность» преподаванія можетъ и должна быть примѣнена и къ нашимъ солдатскимъ школамъ.

III.

Наконецъ перейдемъ къ послѣднему отдѣлу нашихъ приготовительныхъ лекцій. Прежде изложенія частныхъ методъ преподаванія каждой отрасли элементарнаго обученія, скажемъ еще нѣсколько словъ объ общихъ, такъ сказать, внѣшнихъ способахъ преподаванія, относящихся до дисциплины школы.

Во-первыхъ, рѣшимъ вопросъ: можно ли допустить въ солдатскихъ школахъ пособничество учениковъ въ дѣлѣ преподаванія? Вопросъ этотъ имѣетъ непремѣнную связь съ другимъ: *полезно ли пособничество унтеръ-офицеровъ, особливо старыхъ сроковъ службы, состоящихъ при нашихъ войсковыхъ школахъ, въ дѣлѣ обученія солдатъ?* — По нашему мнѣнію, (которое мы не хотимъ выдавать за неопровержимое) пособничество унтеръ-офицеровъ въ его обширномъ примѣненіи къ солдатскимъ школамъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно; по крайней мѣрѣ учитель-офицеръ долженъ имъ пользоваться съ большою умѣренностью и осторожностью, особенно если унтеръ-офицеры не имѣютъ достаточнаго для того развитія, или если преподаватель желаетъ примѣнить къ обученію солдатъ упрощенные способы преподаванія. Наше мнѣніе можетъ быть слишкомъ строго но мы думаемъ, что если образованный человѣкъ искренно беретъ на себя заботу объ образованіи простолюдиновъ,—онъ не долженъ дѣлать въ половину своего дѣла. Ему самому лично долженъ быть извѣстенъ весь ходъ школы въ ея самыхъ мелкихъ подробностяхъ; какъ искусный механикъ, онъ долженъ

одинъ управлять всѣмъ ходомъ школы. Этого не можетъ быть, если между ученикомъ и учителемъ стоитъ посредникъ, который болѣе или менѣе можетъ или хочетъ парализовать весь ходъ сложнаго механизма школы. Унтеръ-офицеры, неся и безъ того не мало служебныхъ обязанностей, не заинтересованы въ дѣлѣ обученія, чего отъ нихъ нельзя требовать, если большая часть офицеровъ тяготится обученіемъ солдатъ. Примѣры, представленные нами въ прошлой лекціи, достаточно показываютъ, какъ опромѣтчиво поступаютъ тѣ офицеры-преподаватели, которые довѣряютъ обученіе солдатъ унтеръ-офицерамъ (стр. 26). Кромѣ того большая часть нашихъ унтеръ-офицеровъ прежнихъ сроковъ службы, или выучившіеся грамотѣ до поступленія въ службу, имѣютъ свои заученныя методы преподаванія, большею частію устарѣлыя, но которыхъ они придерживаются съ особеннымъ расположеніемъ, единственно потому что они сами по нимъ учились. Мы уже имѣли случай замѣтить, что русскій простолюдинъ придерживается консервативныхъ взглядовъ; предразсудки старины служатъ для него часто правиломъ не только семейной, но и общественной дѣятельности (стр. 14). Часто унтеръ-офицеры, одобряя наружно вводимыя офицеромъ новыя методы элементарнаго преподаванія, втайнѣ учатъ солдатъ постарому и заглазно осуждаютъ нововведеніе. Намъ доказали это не одинъ разъ наши самыя близкія наблюденія надъ унтеръ-офицерами нашихъ полковыхъ школъ и даже, что еще болѣе удивило насъ, примѣры фейерверкеровъ - репетиторовъ въ школахъ Артиллерійскаго вѣдомства, которые по своему развитію, а потомъ по своему усердію къ дѣлу обученія, стоятъ несравненно выше своихъ собратовъ, пѣхотныхъ унтеръ-офицеровъ. Подобное раздвоеніе преподаванія, въ слѣдствіе неискренности помощниковъ, въ солдатской школѣ не можетъ быть допускаемо, безъ того чтобы оно не сопровождалось самыми неутѣшительными послѣдствіями. Наконецъ всякое начальство изъ самихъ же солдатъ, несравненно тяжелѣе для солдата, чѣмъ начальствованіе офицера. Эта истина, всѣми признанная. Пока еще образованіе и гуманныя начала не проникли всецѣло въ массу нашихъ войскъ, это мелкое начальство долго будетъ ло-

житься тягостнымъ бременемъ на нашего солдата. [92]) Тѣмъ непріятнѣе это грубое обращеніе съ солдатомъ въ войсковой школѣ, гдѣ всего умѣстнѣе охота, а не принудительныя мѣры. Если въ дѣлѣ обученія наставникъ представляетъ изъ себя многознающаго, а на самомъ дѣлѣ не обладаетъ ни образованіемъ, ни умѣньемъ обращаться съ учениками, тамъ онъ стѣсняетъ только учениковъ, тамъ онъ есть зло, а не помощникъ учителя. Преобразованныя наши полковыя школы можетъ быть дадутъ хорошихъ помощниковъ офицерамъ въ преподаваніи. И такъ *въ какой мѣрѣ можетъ быть допущено въ солдатскихъ школахъ пособничество учениковъ, т: е: самихъ солдатъ?*

Пособничество учениковъ, какъ особый, систематически обработанный пріемъ преподаванія, получилъ начало въ Англійскихъ школахъ прошлаго столѣтія. Въ концѣ XVIII вѣка Англійское общество, всегда сочувственно относящееся къ благосостоянію своихъ низшихъ классовъ, было поражено ярко представленной ему картиной умственнаго коснѣнія Англійскаго рабочаго класса: картина была нарисована прессой, этимъ великимъ двигателемъ Англіи. Одинъ изъ числа тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ біографія служитъ свѣтлой страницей въ исторіи цивилизаціи, Робертъ Рейксъ, изъ Глочестера, издавая журналъ, съумѣлъ возбудить своими статьями живое сочувствіе всей Англіи къ безпомощному умственному состоянію бѣдныхъ классовъ народа. Энергическое слово Рейкса и его попытки устроить въ своемъ родномъ городѣ воскресную школу послужили поводомъ, по которому рельефно высказались самыя лучшія качества англійской націи. По этому призыву, все взялось за доброе дѣло, все общество отозвалось самымъ

---

[92]) Анекдотъ весьма извѣстный: Вон. «Кого больше всего боится солдатъ?» Отв. «Своего ефрейтора.» Нѣкоторые примѣрные солдаты В—скаго полка, гдѣ я служилъ, на мой вопросъ: почему ихъ не производятъ въ унтеръ-офицеры?—бывало признавались, что они сами этого избѣгаютъ: боятся грѣха, какъ бы невольно не обидѣть товарища. Извѣстенъ въ арміи разсказъ о рядовомъ С.....го полка Мирощенкѣ, который всю свою жизнь прослужилъ рядовымъ въ своемъ родномъ полку, извѣстенъ былъ покойному Императору лично; но всегда отказывался отъ чина и какого бы ни было начальствованія.

сердечнымъ участіемъ къ народу, образовались сразу огромные капиталы въ пользу народнаго образованія, устроились съ этою же цѣлью благотворительныя общества, воскресныя и будничныя школы, въ которыя приливъ учениковъ былъ поистинѣ громаденъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія въ Англіи до пяти сотъ тысячъ бѣдныхъ дѣтей начали получать даровое образованіе въ воскресныхъ школахъ. Откуда же было вдругъ набрать учителей для такой массы дѣтей, не смотря на готовность всѣхъ образованныхъ классовъ Англіи участвовать лично въ преподаваніи? При такихъ обстоятельствахъ первые удачные опыты такъ называемой—*мониторіальной* системы или системы *взаимнаго обученія* (the monitorial system of tuition), произведенные почти одновременно (1798 и 1799 г.) докторомъ и клержименомъ Андреемъ Беллемъ сначала въ Мадрасѣ (въ Остъ-Индіи), а потомъ въ Лондонѣ, и квакеромъ Іосифомъ Ланкастеромъ, также въ Лондонѣ, обратили на себя всеобщее вниманіе: они пришлись какъ нельзя болѣе кстати для того времени. Чувствовался недостатокъ въ учителяхъ; Белль и Ланкастеръ показали на опытѣ, что учители почти не нужны, что школу можно вести и безъ учителя. Дѣло собственно заключалось въ томъ, что все обыкновенное дѣло преподаванія, т. е. обученіе чтенію, письму, счисленію ввѣрялось въ школѣ, по методѣ Белля и Ланкастера, старшимъ воспитанникамъ или мониторамъ; распорядитель же школы учитель наблюдалъ только за общимъ ходомъ дѣла, распредѣлялъ занятія между мониторами, повѣрялъ ихъ. Такая система преподаванія давала возможность одному педагогу заниматься съ 500—800 учениковъ. Недостатки самой системы скоро были замѣчены, но самая система, принятая англичанами съ восторгомъ, долго держалась, по безпредѣльному уваженію къ именамъ Белля и въ особенности Ланкастера, и получила право гражданства въ народныхъ училищахъ всего міра подъ именемъ—«Ланкастерской системы». Система Ланкастера введена была въ наши военно-учебныя заведенія въ 20-хъ годахъ, по указанію Гр. Аркачеева; въ баталіонахъ военныхъ кантонистовъ держалась до 1859 г. Въ приложеніи своемъ она была значительно [illegible]: въ изда-

ной по этому поводу книжкѣ болѣе всего обращалось вниманіе на командныя слова, а не на мысль системы. [93]) Въ народныхъ низшихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Россіи, эта система была также принята, но не была особенно развита и усвоена. [94]). Для Ланкастерскихъ таблицъ дѣлалъ свои переводы изъ Священнаго Писанія на русскій языкъ нашъ знаменитый іерархъ, Филаретъ Митрополитъ Московскій [95]).

Вотъ понятіе о Ланкастерской методѣ. Способъ Ланкастера *облегчить преподаваніе состоялъ въ томъ, что ученики передавали одинъ другому слышанное отъ учителя.* Все училище дѣлилось на нѣсколько отдѣленій, состоявшихъ изъ 9 или 10-ти человѣкъ включительно; надъ каждымъ отдѣленіемъ былъ поставленъ старшій ученикъ. Самое преподаваніе состояло въ томъ, что старшіе ученики, выслушавъ урокъ отъ учителя, передавали его другимъ возможно тѣми же словами и задачами, какъ и учитель. Пособіемъ къ этому служили таблицы съ напечатанными на нихъ рядами буквъ и цифръ; по этимъ таблицамъ ученики читали хоромъ и заучивали преподаваемое. Допуская учениковъ до преподаванія учебныхъ предметовъ другимъ слабѣйшимъ изъ нихъ, мы, чрезъ повтореніе и повѣрку ихъ понятій, укрѣпляемъ ихъ познанія, развиваемъ въ нашей школѣ духъ общественности и братства. Это все хорошія качества методы; но есть за ней своя доля крупныхъ недостатковъ. При примѣненіи этой методы скоро стали замѣчать, что все преподаваніе по ней—чисто механическое: заучить буквы, выучить механически читать и считать по этой системѣ учитель могъ; но не могъ нравственно и умственно развить ученика. Объ сочувственномъ, глубокомъ, религіозномъ и нравственномъ вліяніи учителя на учениковъ не могло быть и помина,

---

[93]) Въ 1817 году. См. Вѣст. Европы, 1868 г. № 9-й. стр. 252.

[94]) Система была введена въ народныя училища въ 1819 году Магницкимъ; но впослѣдствіи времени оставлена, какъ и всѣ попытки къ образованію народа, напоминавшія Россійское Библейское Общество. Магницкій явился впослѣдствіи ярымъ противникомъ ея.

[95]) Въ 1819 году. См. Вѣст. Европ. 1868 г. № 9-й. стр. 253.

при господствѣ этой системы въ школѣ. Во-вторыхъ, Ланкастерская метода была хороша и примѣнима въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, именно: въ средѣ народонаселенія фабричнаго, привыкшаго дѣлать все въ темпъ или тактъ. Для соблюденія въ школѣ внѣшняго порядка, который былъ здѣсь особенно необходимъ при многочисленности учениковъ, ученики учились по пріемамъ, по командѣ; такимъ образомъ время не проходило даромъ и вниманіе учениковъ постоянно было занято и напряжено. Но эти же самыя школы не могли имѣть успѣха въ другихъ мѣстностяхъ. Въ-третьихъ, дѣланье старшими дѣтей, возбуждая порочное соревнованіе и зависть между ними, развращало ихъ и подавало поводъ къ различнымъ притѣсненіямъ, ябедамъ, лжи и т. п.

Разсматривая всѣ достоинства и недостатки Ланкастерской методы преподаванія въ отношеніи къ нашимъ полковымъ и другимъ школамъ для солдатъ, мы думаемъ, что правильное примѣненіе мониторіальной системы къ армейскимъ школамъ нашимъ было бы вполнѣ умѣстно, а при настоящемъ недостаткѣ учителей для этихъ школъ и ихъ неподготовкѣ, дѣломъ даже необходимымъ. Обученіе солдатъ по мониторіальной системѣ ввести очень легко; дѣланье всего въ тактъ, разомъ служитъ основаніемъ этой системы, а навыкъ дѣлать все по командѣ составляетъ главное занятіе солдата. Пособничество солдатъ въ обученіи въ нашихъ войсковыхъ школахъ умѣстно и потому, что вообще обучавшими въ солдатскихъ школахъ замѣчено, что учитель-офицеръ не въ состояніи передать такъ понятно учебный предметъ, какъ можетъ передать его одинъ солдатъ другому, менѣе его способному. Вотъ что пишетъ одинъ изъ вашихъ товарищей, Гг! въ своей запискѣ на тему: «о грамотности въ войскахъ.» [96]) «Мнѣ случалось объяснять по нѣсколько разъ самыя простыя вещи солдату, и солдатъ меня не понималъ; а тотъ же солдатъ, выслушавъ объясненія своего товарища, вполнѣ себѣ усвоивалъ то, чего не могъ понять изъ моихъ объясненій. Отчего же это? Вѣроятно отъ того, что они

[96]) Юнкеръ Зарайскаго полка Г. Зміевъ.

одинаково развиты и потому хорошо понимаютъ другъ друга, а намъ трудно снисходить до ихъ развитія, усвоивать себѣ ихъ взглядъ на предметы». Въ «Ясной-Полянѣ» разсказывается подобный же случай. Учитель сельской Житовской школы (Тульской губерніи) однажды въ классѣ заставилъ учениковъ прочитать небольшую и очень понятную сказку, и потомъ ее разсказать; но мальчики молчали, отзываясь тѣмъ, что не поняли. Учитель прочелъ сказку и разсказалъ ее самъ; но результатъ былъ тотъ же. Тогда учитель заставилъ читать и разсказывать эту самую сказку мальчика, который прежде учился въ школѣ; послѣ его разсказа, ученики отвѣтили, что все поняли и прекрасно разсказали. [97]) Наконецъ пособничество учениковъ въ солдатской школѣ должно быть допущено и по причинѣ неодинаковаго развитія находящихся въ школѣ учениковъ. Если въ солдатской школѣ болѣе трехъ разрядовъ учениковъ, то учитель, не допустивъ до преподаванія помощниковъ изъ учениковъ, рискуетъ вовсе не достигнуть успѣха въ преподаваніи. Ланкастерская система преподаванія должна быть примѣнена къ нашимъ солдатскимъ школамъ вполнѣ правильно: только тогда можно ожидать отъ нея полнаго успѣха. Главное вниманіе учителя должно быть обращено здѣсь на то, чтобы правильно, по умственному развитію и по учебной подготовкѣ, раздѣлить учениковъ на параллельныя отдѣленія; послѣ ему необходимо избрать самыхъ способныхъ между солдатами и болѣе подготовленныхъ, для занятія должности старшихъ. Съ этими мониторами онъ долженъ особенно тщательно заняться нѣкоторое время и передать имъ подробно пріемы обученія; когда эти мониторы усвоятъ предметъ преподаванія достаточно ясно и толково, тогда можно посылать ихъ обучать солдатъ въ параллельныя отдѣленія въ продолженіи извѣстнаго срока класснаго времени. При задачахъ ариѳметическихъ, которыя требуютъ особаго умственнаго напряженія, старшіе ученики, кончивъ свои задачи, могутъ заниматься съ болѣе слабыми. Мониторовъ учитель дол-

---

[97]) См. Ясн. Пол. школа, журн. педагогич. Гр. Л. Н. Толстаго 1862 г. Май. стр. 25.

женъ чаще повѣрять, слѣдить за ихъ занятіями и приготовлять особо къ каждому слѣдующему уроку въ концѣ предыдущаго урока, когда отдѣленія распущены изъ школы. Ланкастерскими таблицами могутъ быть при обученіи чтенію тѣ же таблицы Золотова. Объяснительное чтеніе и многое другое изъ преподавательскихъ занятій, гдѣ нужно особое умѣнье и смыслъ, учитель долженъ оставлять для себя.

Преподаваніе кружками есть нѣсколько измѣненная система Ланкастера. При преподаваніи кружками ученики дѣлятся не на параллельныя отдѣленія, а на отдѣленія прогрессивныя. Каждое изъ этихъ отдѣленій продолжаетъ отдѣльно поступательное движеніе впередъ, пока ученики въ немъ не сравняются по развитію и по свѣдѣніямъ съ послѣдующимъ за нимъ отдѣленіемъ; тогда это отдѣленіе передаетъ своихъ учениковъ въ высшее, а само наполняется учениками отдѣленій низшихъ. Каждый кружокъ остается подъ общимъ наблюденіемъ учителя и подъ непосредственнымъ — своего репетитора изъ болѣе способнѣйшихъ учениковъ. Выгода этихъ кружковъ та, что всякій ученикъ, отставшій, по долгому непосѣщенію школы, въ своихъ занятіяхъ отъ товарищей, можетъ тотчасъ повторить все пройденное имъ прежде, переходя изъ одного кружка въ другой. Въ томъ кружкѣ, который болѣе соотвѣтствуетъ его развитію, онъ останавливается и продолжаетъ дальнѣйшее образованіе. Преподаваніе кружками дало бы возможность и въ полковыхъ школахъ приготовить изъ солдатъ унтеръ-офицеровъ, которые бы могли быть хорошими мониторами для баталіонныхъ и ротныхъ школъ.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТІЯ

объ обученіи грамотѣ и преимущественно по методамъ — буквосочетательной и силлабической.

Содержаніе лекціи: Методы обученія въ частности по каждому предмету элементарнаго преподаванія; общее понятіе о методѣ; необходимость для преподавателя имѣть понятіе о возможно большемъ числѣ методъ, чтобы онъ былъ въ состояніи сдѣлать выборъ и примѣненіе той изъ нихъ, которая окажется лучшей, по степени ея приложимости къ извѣстному случаю; планъ, по которому будутъ разсматриваться методы въ настоящихъ лекціяхъ. Обученіе грамотѣ. Даръ человѣческаго слова, какъ способность производить членораздѣльные звуки; происхожденіе языка въ человѣчествѣ; постепенныя попытки человѣка выразить рѣчь условными знаками или письмомъ; іероглифы, буквы идеографическія и силлабическія; звуковой алфавитъ, какъ изобрѣтеніе совершеннѣйшее. Русскій алфавитъ и его происхожденіе; старинный намъ способъ обученія грамотѣ по-складамъ, перешедшій къ намъ отъ грековъ, и причины приверженности къ нему нашихъ грамотѣевъ. Что дѣлать учителю солдатской школы, когда ему доведется руководить учениковъ такой школы, гдѣ принята была ранѣе старинная буквосочетательная метода? Такъ ли не годна эта метода, какъ о ней привыкли думать? Три отдѣльные пріема этой методы: I. заучиваніе алфавита; средства облегчить это заучиваніе: а) азбуки съ картинками, б) группировка буквъ по сходству, в) букварь Гутта, г) составленіе буквъ, и азбука Григорьева, д) иллюстрированныя французскія азбуки; II. изученіе складовъ; цѣль его; различные способы, облегчающіе заучиваніе складовъ, педагоговъ прошлаго столѣтія: Базедова, Песталоцци и Пельмана; метода Бар. Корфа; какія правила можно извлечь изъ трудовъ этихъ педагоговъ? III. чтеніе по-складамъ и по-верхамъ, нужно ли первое, и чѣмъ обусловливалось его существованіе въ старинномъ буквосочетательномъ способѣ. Силлабическій или буквослагательный способъ обученія, какъ одно изъ средствъ избѣжать пріема чтенія по складамъ; двѣ силлабическія методы, остроуміе второй и приложеніе ея въ нѣкоторыхъ русскихъ букваряхъ и особенно въ букварѣ «Мірскаго Вѣстника»; силлабическій способъ Гедике и его примѣненіе.

Второю лекціею, Гг! мы окончили наши приготовительныя педагогическія замѣтки о томъ, какъ вести первоначальную школу и какое основаніе имѣютъ методы преподаванія. Въ этой и трехъ послѣдующихъ лекціяхъ мы займемся изложеніемъ част-

ныхъ способовъ или методъ преподаванія по каждому элементарному предмету. «Знать и умѣть—два понятія совершенно различныя. Можетъ ли быть хуже подарка, которымъ какой-то враждебный геній подарилъ наше время, это — знаніе безъ умѣнья». Такъ говорилъ [98]) въ свое время Песталоцци, и нельзя не сознаться, что мысль его запечатлѣна тою истинностью, которая свойственна только великимъ умамъ, и которая отличается тѣмъ, что можетъ быть приложена и къ другой эпохѣ. Учитель безсиленъ безъ умѣнья передать то, что онъ знаетъ, не смотря на свое знаніе, на свою образованность. Съ другой стороны и ученикъ, не достигшій въ школѣ до этого умѣнья, ничего не вынесъ изъ школы. Задача начальной школы—дать ученику умѣнье правильно говорить, читать, писать, считать и т. п. Въ обоихъ случаяхъ помогаетъ учителю и ученику правильная, сообразная съ цѣлью метода. Что такое метода? Метода происходитъ отъ двухъ греческихъ словъ: «мета»—послѣ и «одос»—путь; слѣдовательно это есть опредѣленный, правильный путь, ведущій къ достиженію извѣстной цѣли обученія. Удачною методою весьма много обусловливается успѣхъ преподавательской дѣятельности. Разумный, хотя и не знакомый съ правильными методами, школьный учитель со временемъ обезпечитъ себѣ успѣхъ преподаванія своею находчивостью и опытностью: здравый смыслъ, природный педагогическій тактъ, а иногда простой случай наводятъ неопытныхъ учителей на улучшеніе системъ преподаванія. Но такой путь длиненъ, скученъ и представляетъ мало надежды на успѣхъ. Чѣмъ яснѣе для учителя путь, которымъ онъ долженъ слѣдовать при передачѣ того или другаго знанія ученикамъ, тѣмъ вѣрнѣе его успѣхи. Съ другой стороны чѣмъ бо́льшая масса психологическихъ наблюденій вводится въ методы преподаванія, тѣмъ эти методы становятся сообразнѣе съ своею цѣлью. Вмѣсто того, чтобы постоянно повторять въ преподаваніи ошибки и промахи предшественниковъ, учителю всего ближе изучить способы обученія,

---

[98]) См. Очер. истор. восп. и образ. Модзалевскаго. Спб. 1867 г. стр. 516, Срав. Курс. общ. метод. Юркев. Мс. 1869 г. стр. 286.

которыми прежде его руководствовались опытные преподаватели, которые провѣрены и сообразность которыхъ съ образомъ духовнаго развитія человѣка признана большинствомъ. Вотъ цѣль изученія методъ преподаванія.

Съ этою цѣлью я намѣренъ указать на бо́льшее число современныхъ методъ первоначальнаго обученія, а потомъ на примѣнимость каждой изъ нихъ къ школѣ для солдатъ,—на достоинства методы и ея слабыя стороны. Мы должны откровенно сознаться, что преподаваніе въ нашихъ армейскихъ школахъ страдаетъ полнымъ отсутствіемъ какой-либо методы, и полнымъ непониманіемъ тѣхъ методъ, которыя такъ или иначе вошли въ преподаваніе войсковой школы. Вамъ, Гг! необходимо имѣть понятіе не только о всѣхъ методахъ обученія, какія могутъ быть примѣнены къ нашимъ войсковымъ школамъ, но и знать тѣ, какія тамъ существуютъ. Положимъ, вы захотѣли бы замѣнить какой-нибудь устарѣлый способъ обученія, существующій издавна въ порученной вамъ школѣ, другимъ лучшимъ; не имѣя понятія о смыслѣ и содержаніи новыхъ методъ преподованія, вы будете поставлены въ большое затрудненіе вопросами: какая изъ нихъ придется вамъ по силамъ и средствамъ; какая изъ нихъ придется по складу вашей школы, въ которой господствуетъ—отъ времени и прежде употреблявшагося способа преподаванія—извѣстное направленіе. Это всеоружіе опытности дастъ вамъ основательное знакомство съ идеей той или другой методы. Не имѣя возможности предварительно провѣрить на опытѣ методу, преподаватель въ подобномъ случаѣ обыкновенно берется за ту, которая на первый разъ попадется ему подъ руку. Положимъ, этотъ выборъ будетъ не удаченъ; что остается дѣлать преподавателю, какъ не предпринимать рядъ опытовъ, пока не истощится его терпѣніе и терпѣніе его учениковъ. Въ нашихъ солдатскихъ школахъ дѣло идетъ часто именно этимъ путемъ, отъ незнакомства преподавателей съ методами. Одинъ изъ юнкеровъ [99]), писавшихъ на тему «о грамотности въ войскахъ», говоритъ въ своемъ сочиненіи: «Особенной методы пре-

[99]) Юнкеръ М—го полка Г. Ц—ъ.

подаванія въ нашей баталіонной школѣ не было. Всякій офицеръ, въ вѣдѣніе котораго поступала школа, училъ по своему, иногда весьма оригинальному способу. Смотришь, проходитъ недѣля, другая и въ школу назначается другой офицеръ; тотъ опять начинаетъ свое преподаваніе, оставаясь не доволенъ тѣмъ, что до него начато. Подобныя перемѣны случались не рѣдко: во все пребываніе мое помощникомъ учителя въ грамотной школѣ перебывало, въ теченіи 4-мѣсяцевъ, болѣе шести офицеровъ. Эти вѣчныя перемѣны сбивали съ толку учениковъ, потому не мудрено, что успѣховъ въ преподаваніи было мало. Терпѣніе солдатъ при такомъ преподаваніи замѣтно истощалось».

Казалось бы, что въ данномъ случаѣ дѣло рѣшить было бы очень легко: стоитъ только указать вамъ исключительно на одну лучшую методу и основательно васъ ознакомить съ нею. Но мы должны сознаться, что изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ методъ первоначальнаго обученія, у насъ нѣтъ такихъ, которыя можно было бы признать самыми совершенными. Можетъ быть это происходитъ и отъ того, что психологія слишкомъ недавно начала примѣняться къ преподаванію (стр. 41) и у насъ доселѣ нѣтъ хорошихъ методикъ; но большинство опытныхъ педагоговъ думаютъ, что совершенной методы никогда и быть не жетъ. Свойство ума человѣческаго—безконечно стремиться къ совершенству во всѣхъ отрасляхъ знанія. Иная метода, считающаяся по общему мнѣнію негодной, въ рукахъ умнаго преподавателя даетъ изумительныя результаты. Это можно наглядно показать на двухъ способахъ обученія грамотѣ: буквосочетательномъ (по-складамъ) и Золотовскомъ, совершенно между собою противоположныхъ. Буквосочетательный способъ вовсе не такъ ужъ безсмысленъ, какъ о немъ думаютъ, а сдѣлался нелѣпостью въ рукахъ неумѣлыхъ педагоговъ. [100]) Съ другой стороны Золотовская звуковая метода весьма часто очень плохо принимается и въ нашихъ народныхъ, и въ нашихъ войсковыхъ школахъ. Въ нѣкоторыхъ народныхъ училищахъ эту методу начинаютъ замѣнять «Роднымъ словомъ» Ушинскаго, а въ другихъ

[100]) Таково и мнѣніе Куртмана. См. Руков. къ восп. и обуч. ч. II стр. 212 и 214.

«Азбукою по методѣ Бар. Корфа.» Большая часть вашихъ товарищей, Гг! которые пытались учить въ войсковыхъ школахъ по методѣ Золотова, чистосердечно признаются въ безуспѣшности всѣхъ своихъ попытокъ. Такого рода признаніе очень понятно: съ методами аналитическими, къ числу которыхъ принадлежитъ эта метода, нужно быть хорошо знакомымъ; онѣ требуютъ строгаго мышленія [101]). Это все доказываетъ, что успѣхъ преподаванія зависитъ отъ умѣнья преподавателя владѣть той методой, по которой онъ преподаетъ. Мнѣ казалось всегда нелогичнымъ, когда оффиціально вводятъ въ извѣстный разрядъ школъ ту или другую методу преподаванія. Безъ практическаго знанія методы, безъ опыта ни одинъ учитель не въ силахъ учить по такъ или иначе навязанной ему методѣ. Мы дѣлаемъ большую ошибку, вводя нынѣ въ школы методу Жакото, завтра методу Золотова, а послѣ завтра методу Бар. Корфа. Свободный выборъ методы въ большинствѣ случаевъ обезпечиваетъ успѣхъ преподаванія и часто служитъ къ выработанію самимъ преподавателемъ совершеннаго и своеобразнаго способа преподаванія. Достоинство всякой методы узнается въ практическомъ ея примѣненіи. Въ практикѣ часто съ однимъ и тѣмъ же ученикомъ приходится перепробовать нѣсколько методъ. Причина этого лежитъ въ индивидуальномъ развитіи каждаго. Такая особенность, замѣченная нами въ 1-й лекціи (стр. 32), повторялась и въ Ясно-Полянской школѣ Гр. Толстаго: тамъ одинъ мальчикъ тогда только началъ читать хорошо, когда ему по «Азбукѣ Воскр. школъ» объяснили значеніе слога и *безгласность* согласной буквы; всѣхъ ближе къ пониманію другаго ученика оказалась звуковая метода [102]) Наконецъ преподаватель солдатской школы можетъ быть поставленъ, какъ мы замѣтили выше, въ особыя условія, которыхъ не можетъ существовать въ народныхъ школахъ. Вы принимаете школу, въ которой преподавали до вашего поступленія по старинному способу обученія: положимъ, до васъ этой школой руководилъ унтеръ-офицеръ, кото-

---

[101]) Курс. общ. педаг. П. Юркевича. Мс. 1869 г. стр. 254.
[102]) Ясн. Пол. 1862 г. № 5 стр. 14 и 15.

рый обучать иначе не умѣетъ; [103]) положимъ вы имѣете у себя въ школѣ нѣсколько человѣкъ, обучавшихся по-складамъ до поступленія въ службу; [104]) дѣло въ томъ, что вы желали бы измѣнить дѣло, но сознаете, что дѣло уже въ половину сдѣлано, и всякая новая ломка учебнаго строя можетъ принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу взятой вами школѣ, вы волей-неволей должны помириться съ прежнимъ способомъ преподаванія. Въ подобномъ случаѣ ваше знаніе старинной методы, съ ея достоинствами и недостатками, будетъ весьма полезно: оно дастъ вамъ возможность исправить слабыя стороны преподаванія, устранивъ изъ него все нелѣпое. Методы могутъ быть слабы исключительно извѣстными сторонами, извѣстнымъ пріемомъ; но большею частію основаніе методы всегда правильно и логично. Та метода удачнѣе прочихъ, въ которой большая часть сторонъ или пріемовъ правильно приноровлена къ дѣлу преподаванія. Потому излагая методы первоначальнаго обученія, говоря о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, мы все-таки предоставимъ себѣ право указать въ концѣ концовъ на лучшія изъ этихъ методъ: оцѣнка эта будетъ произведена нами или на основаніи опыта, или на основаніи неотразимой логичности самой методы. Другая особенность, которую мы намѣрены допустить въ нашемъ изложеніи это указаніе книгъ, по которымъ учитель можетъ обучать или которыми можетъ руководствоваться при преподаваніи; потому что задачею нашихъ чтеній можетъ быть только краткое указаніе основныхъ чертъ той или другой методы: ознакомиться подробно съ самой методой, прослѣдить ее во всѣхъ ея примѣненіяхъ есть дѣло учителя; иначе при невозможности показать всѣ преподавательскіе пріемы въ школѣ, на дѣлѣ, нами лекціи должны были бы продолжаться безконечно.

---

[103]) Однажды случай привелъ меня въ одну роту: время было послѣобѣденное, унтеръ-офицеръ училъ солдатъ грамотѣ по Золотовской таблицѣ; но, увы, что это было за обученіе! Между тѣмъ унтеръ-офицеръ видимо страдалъ, ученики страдали не менѣе учителя; потъ лился градомъ по недовольнымъ лицамъ бѣдняковъ. Невольно мнѣ пришло на мысль: «училъ-бы ты, голубчикъ, какъ умѣешь; и вѣрно пользы было бы несравненно больше, особенно при старательности твоихъ учениковъ!»

[104]) Что это бываетъ такъ, свидѣтельствуютъ и опытные люди. См. Воен. Сбор. 1866 года № 3. стр. 109.

ОБУЧЕНІЕ ГРАМОТѢ.

Человѣкъ въ ряду всѣхъ живыхъ твореній отличается способностію произносить звуки члено-раздѣльные: онъ обладаетъ способностью говорить, даромъ слова. Умъ человѣческій нашелъ возможность и звуки рѣчи, и малѣйшія оттѣнки мысли увѣковѣчивать, передавая посредствомъ условныхъ знаковъ или письменъ. Письмена, такъ сказать, воплощаютъ мимолетные звуки человѣческаго слова. Умираетъ человѣкъ, исчезаетъ цѣлый народъ, забывается языкъ, на которымъ говорилъ народъ; но и человѣкъ, и языкъ, и народъ остаются въ письменахъ; малѣйшая мысль измершихъ поколѣній остается для всѣхъ жива на вѣки; плодотворная умственная дѣятельность и народовъ, и великихъ людей не гибнетъ: слова ихъ звучатъ изъ давно забытыхъ могилъ. [105])

Для человѣка необразованнаго это умѣнье записывать свои мысли и слова служитъ источникомъ крайняго удивленія, даже человѣкъ образованный не можетъ не отдать дани самаго искренняго удивленія тѣмъ геніальнымъ людямъ, которые изобрѣли звуковой алфавитъ. Что обаяніе грамоты велико на человѣка необразованнаго, это доказываютъ наши старинныя народныя повѣрья, по которымъ всякая книжная ученость считается чѣмъ-то таинственнымъ, и приписывается темной, невидимой силѣ. «Письмена, это величайшее изъ всѣхъ открытій», говоритъ Карлейль, «когда-либо сдѣланныхъ человѣческою» мыслью должны были представляться первобытнымъ народамъ не иначе,

---

[105]) Въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія были открыты клинообразныя надписи на развалинахъ Вавилона, Ниневіи и города Семирамиды, при озерѣ Ванъ (въ Арменіи); надписи эти по всей вѣроятности принадлежали къ 605 году до Р. Х. Ученые лингвисты открыли возможность прочесть эти забытыя надписи: по существующимъ восточнымъ языкамъ составили лексиконъ мертваго языка, на которомъ написаны были надписи, и эти надписи были переведены. Между многими интересными для исторіи и археологіи данными, одна надпись, найденная въ дер. Хиллахъ и прочтенная Оппертомъ въ 1858 году, содержитъ указаніе мѣста той великой Вавилонской башни, которую, по сказанію книги Бытія (гл. XI), строили первобытные народы. См. Архит. Вѣстн. 1859 г. № 3. стр. 73.

какъ дѣломъ, превышающимъ человѣческія способности». Такимъ оно еще представлялось Платону, который говорилъ, что изобрѣтателемъ азбуки былъ или богъ или человѣкъ, вдохновенный богами [106]). По миѳическимъ преданіямъ древнихъ грековъ, изобрѣтеніе алфавита приписывалось богу Гермесу (или Меркурію). Финикіянину Кадму, который принесъ въ Беотію (греческую страну) первыя письмена, благодарные греки отвели почетное мѣсто на Олимпѣ, причтя его къ числу полубоговъ [107]). Ученые евреи приписывали также изобрѣтеніе письменъ непосредственному откровенію, которое было Аврааму; а христіанскіе богословы приписывали ихъ Адаму, когда онъ былъ въ раю [108]). Въ заблужденіе это вводилъ ихъ, кажется, неправильно понятый библейскій текстъ [109]); но Св. Отцы Церкви (напр. Св. Григорій Нисскій и Василій Великій) въ свое время еще указывали ошибочность подобнаго рода объясненій [110]).

Въ настоящее время никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что даръ слова данъ человѣку Творцемъ его, а письмена есть чисто человѣческое изобрѣтеніе. Потребность обозначать свои мысли и чувства внѣшнимъ образомъ присуща человѣку съ самого начала его бытія: душа человѣческая обладаетъ способностью выражать внутренній, духовной міръ извѣстными внѣшними знаками, подобно тому какъ она имѣетъ способность видѣть и слышать. Потому языкъ человѣка нельзя почитать изобрѣтеніемъ человѣческаго ума: онъ есть произведеніе внутреннихъ силъ духовной человѣческой природы, которая въ этомъ случаѣ дѣйствовала безсознательно, какъ-бы подъ живымъ вліяніемъ божества. Какъ въ развитіи языка какимъ-либо современнымъ народомъ нѣтъ ничего умышленнаго или произведеннаго искус-

[106]) Энцикл. Слов. Спб. 1861 г. т. II стр. 122.

[107]) См. Вольмера Vollständ. Wörterb. d. Mythолog. all. Völk. Штутг. 1851. стр. 318.

[108]) Изъ еврейскихъ ученыхъ это мнѣніе имѣли: Филонъ и Іосифъ Флавій; изъ христіанскихъ богослововъ—Августинъ, а за тѣмъ его послѣдователи; научно старался доказать это западный богословъ и филологъ Кирхеръ.

[109]) См. мнѣнія Св. Отцевъ у Ladevi - Roche, въ его книгѣ: De l' origine du langage. 1860 ст. 14.

[110]) Кн. Быт. I. 19—20; Зап. на кн. Быт. Спб. 1819 стр. 76—77.

ственно, не существуетъ ни совѣщательныхъ собраній, ни соглашеній; такъ не было ничего этого и въ языкѣ перваго человѣка [111]). Долгія, остроумныя наблюденія и изслѣдованія надъ живыми и мертвыми языками человѣчества привели большую часть ученыхъ къ тому заключенію, что первый человѣкъ, въ первое время своей жизни, въ состояніи былъ вдругъ воздвигнуть то зданіе языка, которое и теперь насъ такъ изумляетъ, и устройство котораго намъ представляется непомѣрно труднымъ. «Появленіе человѣческаго языка», замѣчаетъ одинъ ученый [112]), «есть явленіе *однократное*, созданіе его совершилось въ одинъ разъ; грамматики языка и весь его строй явились съ перваго же раза». «Какъ бы ни велики были впослѣдствіи измѣненія языка», говоритъ Гумбольтъ, «несомнѣнно доказано, что грамматика и словарь языка неизмѣнно остаются въ немъ одни и тѣ же навсегда» [113]). Замѣчательно, что эти позднѣйшія изслѣдованія совершенно сходятся съ библейскимъ повѣствованіемъ: по свидѣтельству Свящ. Писанія, Адамъ нарицалъ имена всѣмъ тварямъ, находясь еще въ раю. «Какъ наречетъ человѣкъ всякую душу живую, такъ и будетъ имя ей!» замѣчаетъ бытописатель. [114]) Не могу удержаться, чтобы не выписать словъ Шлегеля. «Нужно признать за первобытными людьми какое-то особое чутье, помогавшее имъ схватывать качества предметовъ, и эти подмѣченныя качества служили для нихъ основаніемъ для названій предметовъ видимой природы, съ такою тонкостью, о какой мы не можемъ имѣть никакого понятія. Не имѣя болѣе нужды создавать языкъ, мы разучились искусству давать названія предметамъ» [115]) Отсюда тѣ таинственныя, непостижимыя аналогіи, на основаніи которыхъ наши простолюдины составляютъ себѣ насмѣшливыя прозвища, названія мѣстностей, о чемъ мы замѣтили выше (стр. 84). Положимъ, войска расположились на данной мѣстности лагеремъ, и завтра

---

[111]) См. Ал. Гарнье: Trait. d. facult. de l'ame. т. II. стр. 451.
[112]) Слова Фр. Шлегеля изъ Philos. Yorles. стр. 72.
[113]) См. Письмо къ Ремюза о ген. китайск. яз. стр. 72. [114]) Быт. II. 18, 19.
[115]) См. Шлегеля: Über d. Sprach. u. Weish. d. Indier. ч. I гл. 5.

всѣмъ мѣстностямъ вокругъ лагеря даны самыя характеристическія названія, безъ всякаго соглашенія между собою обитателей лагеря.

Не смотря на такое быстрое, почти мгновенное появленіе языка, человѣкъ прошелъ чрезъ долгій путь усовершенствованій, прежде чѣмъ достигъ до самаго лучшаго способа—выражать своей рѣчи, до звуковаго алфавита. Для нагляднаго выраженія своихъ мыслей, онъ долженъ былъ обратиться прежде всего къ простому изображенію видимыхъ предметовъ, оставляя за ними ихъ прямое значеніе. На самой низшей степени цивилизаціи народы чувствуютъ потребность мѣтокъ и памятныхъ знаковъ. Первые путешественники въ Америку, Океанію, во внутренность Африки и на дальній сѣверъ разсказывали, что у самыхъ грубыхъ дикарей они встрѣчали нѣчто въ родѣ письменъ: это были грубыя изображенія предметовъ, которыхъ память желали сохранить. Напримѣръ, дикарь, возвращаясь съ войны, хочетъ повѣстить своимъ соплеменникамъ о побѣдѣ надъ врагами. Для этого онъ сначала чертитъ на корѣ дерева, стоящаго на самомъ видномъ мѣстѣ, изображеніе животнаго, которое нататуировано на его груди, и по имени котораго онъ называется; потомъ идетъ изображеніе его ратныхъ подвиговъ: вырѣзывается (иногда довольно чисто и тщательно) нѣсколько фигуръ, это—побѣдители и побѣжденные; первые съ оружіемъ въ рукахъ, а вторые—безъ оружія, а иногда и безъ головъ [116]). Почти подобнаго рода надписи покрываютъ стѣны въ дворцахъ Ниневійскихъ царей, стѣны храмовъ и обелиски Нижняго Египта. Нѣчто подобное мы видимъ въ тѣхъ замѣткахъ, которыя дѣлаетъ нашъ пастухъ или земледѣлецъ, стараясь обозначить число различнаго скота или число мѣръ зернового хлѣба. Это—самый первобытный родъ письменъ. Письмо, какое мы видѣли у дикаря, называется *фигуральнымъ*, т: е: состоящимъ изъ фигуръ или рисунковъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Такого письма достаточно было для первобытныхъ народовъ; но тотчасъ же явилась необходимость вы-

[116]) См. Живоп. Обозр. Том. VII. стр. 317.

ражать понятія и мысли отвлеченныя, для выраженія которыхъ языкъ фигуральный средствъ не имѣлъ. Первая попытка человѣка выразить въ рѣчи понятія отвлеченныя — это «метафора» или *переносъ* названія предмета вещественнаго на понятіе умственное. Отсюда въ первобытныхъ языкахъ [117]) «гнѣвъ» называется «кипѣніемъ крови», «терпѣніе» — «долготой», «уныніе» — «болью сердца», «желаніе» — «жаждой», «бытіе» — «дыханіемъ». Такимъ образомъ къ фигуральному письму прибавляется мало по малу письмо *идеографическое* или *символическое;* у иныхъ же народовъ и всѣ буквы становятся идеографическими, т. е. выражаютъ не звукъ, а какое-либо понятіе. Такое и доселѣ письмо китайцевъ: каждая буква китайской азбуки выражаетъ понятіе, напр. дерева, дома, счастія и т. п. Въ языкѣ китайцевъ все поражаетъ своею странностью: грамматическихъ измѣненій (флексій) въ немъ нѣтъ; словарь состоитъ изъ односложныхъ словъ; въ письмѣ для каждой мысли, для каждаго оборота придумано особенное письменное выраженіе. Дошедшій до насъ древній египетскій образецъ письма даетъ средство прослѣдить, какъ мало по малу фигуральное письмо переходило въ звуковое. Въ египетскомъ іероглифическомъ письмѣ страннымъ образомъ соединяются буквы *фигуральныя*, т. е. изображающія самый предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и *символическія* или *идеографическія* письмена, которыя изображаютъ не самый предметъ, а какую-либо идею, относящуюся къ предмету; напримѣръ, кругъ изображаетъ вѣчность, крокодилъ — хитрость, лягушка — спокойствіе, аспидъ — божественность, ястребъ — солнце и т. п. Наконецъ въ египетскомъ письмѣ встрѣчаются и буквы почти-что *фонетическія*; напр: левъ служитъ въ іероглифахъ выраженіемъ звука *л*, потому что «левъ» по-египетски назывался: *лабои*. Такимъ образомъ египтяне, не смотря на свой точный умъ, не могли дойти до самаго простаго выраженія человѣческой рѣчи, какъ мы разумѣемъ его,—до звуковаго алфавита. Средину между іероглиф-

[117]) Мы беремъ для примѣра слова изъ еврейскаго. См. Гердера: Espr. de la poes. Hebr. Par. 1851. стр. 10.

фическимъ письмомъ и звуковымъ занимаютъ письмена *силлабическія*. Здѣсь въ начертаніи согласнаго звука пишется и гласной звукъ, такимъ образомъ каждый слогъ выражается особымъ письменнымъ знакомъ: отсюда разнообразіе и излишнее обиліе буквъ; напримѣръ, въ эѳіопскомъ языкѣ всѣхъ буквъ считается 182 [118]). Первый и вѣрный шагъ къ совершенству алфавита сдѣланъ былъ тѣми народами, которые первые подмѣтили, что человѣческая рѣчь состоитъ не только изъ отдѣльныхъ словъ, но и слоговъ, которые въ свою очередь составляются изъ согласныхъ и гласныхъ звуковъ; что этихъ звуковъ весьма не много; что узнавъ ихъ, можно изъ нихъ составить азбуку и посредствомъ азбуки можно выразить безчисленное множество человѣческихъ рѣчей. Это былъ анализъ языка, и онъ принадлежитъ одной изъ самыхъ способныхъ расъ, умному племени семитовъ, къ которому, на основаніи сравнительнаго языковѣдѣнія, причисляютъ: евреевъ, арабовъ, древнихъ финикіанъ, сирійцовъ, халдѣевъ и эѳіоповъ (коптовъ) [119]).

Въ финикійской или кадмейской азбукѣ (см. прим. 107) сначала было 16-ть письменныхъ знаковъ. Всѣ буквы носили названія предметовъ общежитія, напоминающихъ своимъ очертаніемъ буквы. Въ этихъ названіяхъ встрѣчаемъ мы: а) названія предметовъ домашняго хозяйства семита, напр: палатки въ названіи буквы в), изгороди (х), двери (д), подставки (с), крючка (ν), гвоздя (і), вилъ (ш); б) имена животныхъ, которыми семитъ питался или на которыхъ работалъ: вола (а), верблюда (г), рыбы (н); в) названіе частей тѣла, напр. губъ (ф), глáза (о), головы (р), пальцевъ руки (к); г) наконецъ такъ какъ семитъ былъ не прочь и повоевать, то въ алфавитѣ его получили мѣсто и тогдашнія орудія его защиты: пика (л), оружіе въ родѣ лука (з), острога (ц) и сѣкира (q). Замѣчательно, что не только порядокъ и названія буквъ семитическаго алфавита перешли, чрезъ греческую и латинскую азбуку, въ нашу русскую, но и въ ней буквы, по своему начертанію;

---

[118]) См. Bensen: «Hieroglyph u. Buchstab. Leipz. 1850 г. стр. 102—110.

[119]) О происхожд. язык. Э. Ренана. Воронежъ. 1866 г. стр. 21.

напоминаютъ и до сихъ поръ чистый *фигуральный* характеръ буквъ финикійскаго или древне-еврейскаго алфавитовъ [120]). Укажемъ этотъ замѣчательный фактъ въ нѣкоторыхъ буквахъ нашей азбуки не потому, чтобы мы придавали этому какое-нибудь значеніе для нашихъ лекцій, но единственно какъ фактъ любопытный: и въ мелочныхъ, сухихъ работахъ филологовъ, которыя имѣютъ только важное подготовительное значеніе для изслѣдованій историческихъ (см. примѣч. 105), иногда проглядываютъ вещи очень любопытныя. Еще недавно одинъ французскій писатель (Де-Латре), воспользовавшись этими наблюденіями, удивилъ читателей журнала: « Illustration » парадоксальной статьей, въ которой доказывалъ, съ французскимъ остроуміемъ, что всѣ европейскіе народы пишутъ іероглифами [121]). А дѣло-то на самомъ дѣлѣ такъ.

Первая буква семитической азбуки называется: «*алеф*», что значитъ «*воль*»; нашъ *азъ*, заимствованный отъ грековъ, напоминаетъ голову вола, если букву перевернуть внизъ, какъ и писалась эта буква въ финикійской и древне-еврейской азбукахъ [122]) (A, ∀, *α*, ∞). Третья буква алфавита «*гимель*» (въ нашей азбукѣ: «*глаголь*» или «*ге*») значитъ «верблюдъ»; въ еврейскомъ алфавитѣ буква имѣла точную фигуру верблюда, съ поднятой шеей; мы оставили себѣ отъ верблюда одну его длинную шею, съ загнутой внизъ головой (г), а латинскій алфавитъ отъ изображенія пресловутаго «корабля пустыни» въ буквѣ g сохранилъ одну голову животнаго, увѣнчанную ушами. Наше «*добро*» есть ничто иное, какъ «дверь семитической палатки»; фигура первообраза этой буквы въ финикійскомъ и греческомъ алфавитахъ имѣетъ ту же форму (Δ, Д). Если вамъ любопытно посмотрѣть на первобытное орудіе, съ двумя остріями, которымъ жители востока и герои Иліады погоняли своихъ воловъ, а при

---

[120]) См. любопытное изслѣдованіе объ алфавитахъ во введеніи Др. Фюрста къ « Hebräisch. u. Chaldäisch. Handwövterbuch » 1857. Lebz: стр. 1 и 2.

[121]) См. Illustrat. journ. univevs. 1856 г. № XX. стр. 17.

[122]) Древнія еврейскія буквы имѣли начертаніе, отличное отъ нынѣшняго:

случаѣ нужды употребляли и для боя [123]), съ тѣмъ только различіемъ, что первые его называли «*ламед*», а вторые—«*вукентрон*»; вамъ стоитъ только посмотрѣть на нашу л (*эль*) или греч. λ, точную копію съ финикійской буквы. «*Мем*» (наше *эмъ, мысле*) значитъ: «волны»; волнообразная форма этой буквы преобладаетъ во всѣхъ европейскихъ алфавитахъ (m, м, μ.) «*Онъ*» по-семистически «*айн*», что значитъ «глазъ», по-финикійски писался съ зрачкомъ или точкой въ серединѣ; форма этой буквы во всѣхъ алфавитахъ сохранила свою первобытную форму. «*Рэш*» (наше *рцы, эръ*) значитъ: «голова»; форму головы, съ шеей, имѣетъ буква въ нашей и греческой азбукахъ (Р, ρ.); римляне придѣлали къ головѣ бороду, по пословицѣ: «была бы голова, должна быть и борода» (R). Буквы «*ша*», финикійское «*шинъ*», т. е. «зубцы земледѣльческаго орудія» и «твердо» (*те*), финикійское «*тав*», т. е. «крестъ», перешли въ нашу азбуку изъ финикійской во всей первобытной формѣ (T. t); тоже должно сказать и о нашей буквѣ «*цы*», которая значитъ по-еврейски «острога». Буква «*ѳита*»—искаженное семитическое «*тет*» «змѣй;» змѣю, свернувшуюся въ кольцо, съ висящимъ вовнутрь хвостомъ, представляетъ буква въ нашемъ алфавитѣ и въ греческомъ (Θ, ϑ).

Изъ этой короткой замѣтки видно, что въ первобытной азбукѣ буквы были простымъ, нехитрымъ изображеніемъ предметовъ общежитія. Изобрѣтатели только старались подыскать для своего алфавита такіе предметы, названіе которыхъ имѣло въ началѣ требуемый звукъ, напримѣръ: *алеф* начинался съ звука *а, далет*—съ звука *де* и т. д. Потому становится понятнымъ, почему въ языкахъ семитическихъ, чтобы научиться читать, нужно было знать не одинъ звукъ, но и названіе буквы; пріемъ заучиванія алфавита тамъ былъ необходимъ: онъ тамъ обусловливался полуіероглифическимъ начертаніемъ алфавита. Подобное начертаніе алфавита обусловливало

еврейскій библейскій алфавитъ измѣнился во времена плѣна вавилонскаго, и называется квадратнымъ.

[123]) См. Кн. Суд. Изр. III, 31.

склады при обученіи чтенію: нужно было, указывая на букву, говорить и ея названіе, которое припоминало звукъ. Словомъ — буква и звукъ еще не были тожественны въ сознаніи древняго человѣка. Подобные пріемы, разумѣется, не могли имѣть смысла, какъ скоро измѣнилась форма буквъ, и утратился смыслъ названій ихъ. Называя по-финикійски букву своей азбуки: «гамма» или «дельта», грекъ уже не соединялъ съ этимъ названіемъ никакого понятія. Кажется, въ такомъ случаѣ чего бы легче было перейти къ звуковому наименованію буквъ; но нужно замѣтить, что всѣ сколько-нибудь значительныя изобрѣтенія, упрощающія науку, дѣлаются человѣчествомъ не такъ скоро, какъ бы этого слѣдовало ожидать. Благовѣя къ изобрѣтенію письменъ, грекъ въ самыхъ буквахъ видѣлъ что-то таинственное, священное: измѣнить названіе буквы считалось дѣломъ не возможнымъ. Отсюда попытки многихъ народовъ найти въ извѣстномъ расположеніи буквъ ключъ къ мудрости, къ благополучію; но этой же причинѣ порядокъ буквъ азбуки, въ началѣ совершенно произвольный, сдѣлался чѣмъ-то неизмѣннымъ въ азбукахъ — семитической, греческой и во всѣхъ европейскихъ: порядокъ этотъ назывался *золотой азбукой*; по нему гадали, по порядку его писались строфы и стихи свящ. пѣсней, даже думали, что произношеніе буквъ въ этомъ порядкѣ можетъ творить чудеса [124]).

Наши первые «просвѣтители Словенъ», ученые греки Св. Кириллъ (философъ) и Св. Меѳодій, изобрѣтатели славянской

[124]) Отсюда объясняется и благоговѣніе нашего простолюдья ко всему писанному, ко всякой книгѣ. Мужикъ подниметъ на дорогѣ иностранную книгу, которой ни онъ самъ и никто въ деревнѣ не прочитаетъ, но онъ беретъ и бережно ее прячетъ; потому что это книга. Между солдатами и доселѣ ходятъ по рукамъ таблички буквъ, которыя можно читать со всѣхъ сторонъ: онѣ извѣстны подъ именемъ печати Соломоновой. Происхожденіе такихъ печатей новое, хотя и основано на древне-восточномъ повѣрьи, будто Соломонъ зналъ неизвѣстное имя Божіе, которымъ творилъ чудеса. Множество легендарныхъ разсказовъ въ такомъ родѣ ходило по древней Руси; часть этихъ разсказовъ изъ византійскихъ апокрифовъ вошла въ наши старинные изборники. См. Письма къ воин. Спб. 1831 г. ч. 2. стр. 92, гдѣ приведены обращики подобныхъ печатей. Снес. Корап. Магом. 1865. Мс. сюр. XXII, 70—80, XXVII. 16—27. Пам. стар. рус. лит. Спб. 1862. стр. 51—70.

азбуки, хотя и обладали возможною въ тѣ времена филологическою ученостью, не встали выше современныхъ имъ византійцевъ: они не дали звуковаго названія вновь изобрѣтеннымъ ими буквамъ; а ограничились только тѣмъ, что дали буквамъ такія названія, которыя были понятны для славянъ; но зато не имѣли никакого соотношенія съ внѣшней формой буквъ. Форма новоизобрѣтенныхъ письменъ была греческая, а для тѣхъ звуковъ славянскаго языка, которыхъ не было въ греческомъ языкѣ, заимствованы были буквы изъ армянской (б, ч, ж) и еврейской (щ, з, ц) азбукъ, а можетъ быть, и изъ глаголиты. Одинъ изъ продолжателей дѣла Св. Кирила, черноризецъ Храбръ говоритъ, что «предки наши славяне и прежде не имѣ-«ли письменъ, но чертами и рѣзами читали и гадали»; слѣдовательно у славянъ, были особые способы письма, состоявшіе изъ нарѣзовъ или рунъ, какіе были до введенія христанства между скандинавскими и отчасти германскими племенами. Нѣкоторые изъ уважаемыхъ нашихъ филологовъ, въ томъ числѣ и Проф. Григоровичъ, думаютъ видѣть этотъ старинный родъ славянскаго письма, изъ рѣзовъ и чертъ въ *глаголитѣ*, также весьма древней славянской азбукѣ, которою написано нѣсколько отрывковъ, дошедшихъ до насъ, въ томъ числѣ и часть знаменитаго Реймскаго Евангелія Св. Прокопа, на которомъ присягали при коронаціи французскіе короли. Покойный Шафарикъ, знаменитый чешскій ученый-славянистъ, видѣлъ въ глаголитѣ азбуку, изобрѣтенную Св. Кирилломъ, а изобрѣтеніе *кириллицы* приписывалъ Клименту, ученику его [125]). Вопросъ о справедливости этого мнѣнія, а равно и о древнѣйшемъ происхожденіи одной изъ этихъ азбукъ доселѣ не рѣшенъ. Глаголита, по своему начертанію, несравненно грубѣе кириллицы (т. е. азбуки Св. Кирилла). Если глаголита древнѣе азбуки Св. Кирилла, то не понятно, отъ чего наши великіе просвѣтители не воспользовались этими рунами, какъ воспользовался подобными рунами зырянскими Св. Просвѣтитель Перми Стефанъ. Хотѣли-ли они отнять у новыхъ христіанъ всякую связь съ языческимъ прош-

[125]) См. Über d. Ursprung u. d. Heimt. d. Glag. Prag. 1858. стр. 15.

лымъ, или же хотѣли одинаковостью письменныхъ знаковъ сблизить умственную жизнь новопросвѣщенныхъ славянъ съ цивилизаціей Новаго Рима, или наконецъ просто потому, что видѣли въ греческой азбукѣ полноту звуковъ,—вопросъ этотъ не рѣшенъ исторіей. Тѣмъ не менѣе въ славянскую азбуку вошло много знаковъ, свойственныхъ греческому, но не свойственныхъ славянскому языку; эти знаки въ теченіи 1000 лѣтъ затрудняютъ наше церковное чтеніе и гражданское правописаніе, таковы: *земля и зѣло, фертъ и ѳита, ять и есть, отъ, кси, пси.* Кириллица, сначала насчитывавшая 30 буквъ, впослѣдствіи, со введеніемъ носовыхъ звуковъ, свойственныхъ южно-славянскимъ нарѣчіямъ и извѣстныхъ подъ именемъ *юсовъ*, увеличилась до 44 буквъ. Для названія буквъ Св. Просвѣтители, искавшіе во всемъ средствъ къ нравственному назиданію новопросвѣщенныхъ, изобрѣли, чуть-ли не въ формѣ стиховъ, краткія нравственныя правила: каждое отдѣльное слово этихъ изрѣченій по порядку сдѣлалось названіемъ каждой буквы алфавита, при чемъ первый звукъ слова былъ основнымъ звукомъ буквы. Стихи эти были однимъ изъ схоластическихъ пріемовъ тогдашняго времени: современная Св. Кириллу школьная дидактика старалась заключать въ форму стиха все то, что нужно было запомнить ученику. Разумѣется, при этомъ стихи выходили часто нелѣпые и шероховатые, но нельзя не признать въ основѣ пріема здравой мысли. Вотъ эти нравственныя правила или нравственные стихи. «*Азъ* (я), *буквы вѣды,* [126]) *глаголю. Добро есть* (тѣмъ,) *иже* (на) *землѣ* [127]) *живете, зѣло* (очень)! *Како* (ъ) *люди мысле*(и)*те?* [128]) *Нашъ Онъ* (т. е. Богъ) *покой. Рцы* (го-

---

[126]) Старинная форма отъ глагола «вѣдать», соотвѣтствующая нашему: «вѣдая», «зная». См. Остр. Еванг. изд. Праж. 1853 г. стр. 188. стихъ 28-й

[127]) «Землѣ» старинная форма, по которой на вопросъ мѣста употреблялся дательный падежъ безъ предлога, напр. вмѣсто того, чтобы сказать: «Владиміръ владычествовалъ въ Кіевѣ», предки наши говорили: «Владиміръ владѣаше Кыевѣ». См. Лекц. Проф. Григор. литогр. Синт. язык. цер. Слав. стр. 5.

[128]) Старинная форма: мыслѣте, винѣте, отъ глаголовъ IV категоріи Домбровскаго: мыслить, винить. Тамъ же лист. 40.

вори) *слово твердо.* Далѣе слѣдуютъ уже свойственныя только славянамъ буквы (ц, ч, ш).

До Петра Великаго въ Россіи употреблялся славянскій шрифтъ и изученіе грамоты производилось по старинымъ букварямъ, которые въ свою очередь воспроизводили вполнѣ методу греческихъ образцовъ. Нужно замѣтить, что сначала, послѣ принятія Христіанства русскими, книги писались тѣмъ уставнымъ почеркомъ, которымъ до сихъ поръ печатаются наши богослужебныя книги; слѣдовательно для ученика значительно облегчался трудъ выучиться, при чтеніи, письму. Письмо это называлось *уставнымъ*; уставъ въ начертаніи своемъ простъ, но въ послѣдствіи времени, послѣ знакомства нашего съ востокомъ, наши книжники изобрѣли полууставъ и скоропись. Эти послѣдніе почерки далеко отступаютъ отъ нашего древняго, простаго письма или устава, и мало по малу принимаютъ до излишества кудреватое очертаніе; потому и изученіе грамоты становится затруднительнѣе болѣе и болѣе. Остатки кудреватой скорописи всякій изъ васъ, Гг! вѣроятно, имѣлъ случай видѣть въ семейныхъ вашихъ письмахъ или документахъ прошлаго или начала настоящаго вѣка. Въ скорописи преобладало множество сокращеній, и почеркъ напоминалъ восточныя азбуки; какъ и въ азбукахъ востока, однѣ и тѣ же буквы въ серединѣ слова писались иногда такъ, а на концѣ слово иначе. На востокѣ издавна ученое сословіе, стоя особнякомъ отъ народа, старалось сдѣлать доступъ въ него людямъ изъ другихъ сословій какъ возможно болѣе затруднительнымъ: кудреватость и мудреное начертаніе буквъ въ этомъ случаѣ было однимъ изъ средствъ къ этой цѣли.

Въ древней Руси ученье почиталось дѣломъ мудренымъ и для простолюдина не сроднымъ: съ одной стороны мѣшали распространенію грамоты мудреность письма и множество сокращеній или титлъ (аббревіатуръ), съ другой стороны—трудные пріемы обученія грамотѣ. Прибавьте къ этому малое распространеніе и дороговизну книгъ, сосредоточеніе рукописей въ рукахъ знатныхъ людей или въ монастыряхъ, и вы поймете причины плохого успѣха грамоты въ Россіи до-петровской.

Здѣсь же причина боязни нашего народа всякой книжной мудрости. «Заучатъ!» говоритъ нашъ крестьянинъ, отдавая сына въ училище, и въ этомъ отношеніи онъ говоритъ чистосердечно, съ тѣмъ же убѣжденіемъ, какъ говорилъ и это его предокъ, полуязычникъ-славянинъ, отдавая своего сына въ греческую школу, по приказанію князя Владиміра. Къ сожалѣнію и современное книжное ученье грамотѣевъ по деревнямъ подтверждаетъ великую мудрость книжную [129])

Петръ Великій и въ самомъ измѣненіи нашего шрифта (въ чемъ принималъ личное участіе) показалъ свой всесторонній умъ человѣка, опередившаго эпоху: доказательство этому то, что со временъ Петра мы нисколько не упростили нашъ алфавитъ, хотя и были одиночныя попытки къ этому [130]). Со временъ Петра азбука приближается къ простотѣ уставнаго письма, многіе двойные буквы выбрасываются, образуется простой гражданскій шрифтъ, на-манеръ латинскаго, весьма удобный для чтенія. Наша гражданская азбука все-таки должна быть признана одною изъ богатѣйшихъ и совершеннѣйшихъ азбукъ, особенно если мы сравнимъ ее съ далеко несовершенными алфавитами европейскихъ живыхъ языковъ (англійскаго и французскаго), или даже съ азбуками прочихъ народовъ, усвоившихъ кириллицу (сербы и молдо-валахи). Съ небольшими дополненіями, которыя могли бы состоять въ надстрочныхъ знакахъ, наша русская азбука была бы способна ясно и опредѣленно передавать звуки всѣхъ языковъ. Отсюда нѣсколько разъ обнаруженное стремленіе прочихъ славянскихъ племенъ усвоить нашу азбуку.

Но не смотря на упрощеніе шрифта, изученіе грамоты и послѣ Петра продолжается по стариннымъ способамъ. Общеупотребительнѣйшій изъ этихъ способовъ былъ и доселѣ остается, такъ называемый въ педагогической дидактикѣ, буквосо-

---

[129]) См. Отеч. Зап. 1869 г. №7. Совр. обозр. стр. 128; вып. изъ отчета Г. Золотницкаго.

[130]) Такова, напр. довольно почтенная попытка Тредіаковскаго. См. его: «Разговоръ объ ортографіи», гдѣ онъ поднимаетъ вопросъ объ излишнихъ буквахъ: и, ъ, ѣ, ь, о.

четательный способъ. Онъ состоитъ въ заучиваніи сначала азбуки, потомъ складовъ—двойныхъ, тройныхъ и четверныхъ, далѣе въ складываніи словъ и наконецъ въ чтеніи по-верхамъ, безъ складыванія. Способъ этотъ очень древній. Хотя намъ и не извѣстно, какъ имъ пользовались прежде, но по всей вѣроятности, сначала пріемы его были несравненно проще. Онъ развитъ былъ до безсмысленности пошлыми, мелочными педагогами среднихъ вѣковъ, и состоялъ изъ многихъ нелѣпѣйшихъ пріемовъ, при помощи которыхъ ученикъ, прокорпѣвъ за книгой два, три года, начиналъ кое-какъ разбирать псалмы или часословъ, умственно отупѣвалъ и навыкалъ только долбить наизустъ, не заботясь о смыслѣ. Этотъ способъ былъ наслѣдіемъ византійскаго схоластицизма; а такъ какъ всякое книжное ученье въ древней Руси выходило изъ церкви, а буквари издавались духовной властью и имѣли направленіе религіозное, потому простой народъ самый буквосочетательный способъ и до сихъ поръ считаетъ религіознымъ, сохраняя при этомъ до-петровскія преданія. Наше простолюдье, и по складу своего ума, и по историческимъ условіямъ, консервативно; не скоро проникаетъ въ него всякое нововведеніе. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ наши раскольники въ одной изъ заграничныхъ типографій перепечатали Іосифовскую азбуку [131]), въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, и тѣмъ прямо заявили, что они и слышать не хотятъ о какихъ-либо новыхъ способахъ обученія грамотѣ, кромѣ любезнаго имъ буквосочетательнаго; болѣе же упрощенные способы обученія чтенію—порожденіе еретиковъ: «старина-де не глупѣе насъ была». Что этотъ способъ процвѣтаетъ, и независимо отъ раскольничьихъ предубѣжденій, повсюду въ русскомъ домашнемъ обученіи, можно заключить изъ того, что въ нашей книжной продажѣ рѣдко можно встрѣтить буквари звуковой и слоговой системъ, а преизобилуютъ тысячами буквари подъ названіемъ: «Новѣйшая русская азбука», т. е. азбука, обучающая по самому старинному способу. Всѣ

[131]) Азбука, напечатанная въ Московской типографіи, по благословенію Патріарха Іосифа. См. Рус. Вѣст. 1868 г. Іюль № 7-й. «Книги, напеч. старообр. за границей».

наши солдаты, поступающіе на службу съ кое-какомъ знаніемъ грамоты, учились по буквосочетательному способу обученія грамотѣ. Какъ фактъ обыкновенный, повторяется по селамъ и деревнѣ, что крестьяне беруть дѣтей изъ школы, если учитель учитъ не по-старому. Еще недавно намъ удалось видѣть господство этого способа обученія грамотѣ въ одной изъ войсковыхъ частей. Такимъ образомъ вы, Гг! встрѣтитесь съ этимъ способомъ, можетъ быть, на первыхъ порахъ вашей службы. Что вы должны дѣлать въ томъ случаѣ, еслибы въ ваше завѣдываніе поступила школа, въ которой преобладалъ бы буквосочетательный способъ?—Разумѣется, всего разумнѣе съ вашей стороны будетъ продолжать обученіе по тому же способу, какъ и начато, до времени, до тѣхъ поръ пока обстоятельства не помогутъ ввести новый, болѣе раціональный способъ. Говоря строго, въ буквосочетательномъ способѣ обученія грамотѣ ничего нѣтъ не естественнаго для человѣческаго ума. Въ этомъ отношеніи раскольники даже отчасти правы, говоря, что старина не глупѣе насъ была. Человѣчество не способно дѣлать огуломъ неправильныя умозаключенія (стр. 95). Мы видѣли при объясненіи дѣятельности нашего разсудка, что ему очень естественно переходить отъ частнаго къ общему, отъ части къ цѣлому; слѣдовательно—отъ познанія буквъ къ слогамъ, и потомъ къ словамъ. Дѣло все въ томъ, что неумѣлые педагоги не съумѣли сдѣлать для ученика естественнымъ и понятнымъ переходъ отъ одной степени обученія къ другой, и вообще осмыслить для него всѣ пріемы этой методы. Ученикъ, оставленный самому себѣ, среди долгаго ряда непонятныхъ ему буквъ, среди подавляющей многочисленности складовъ, получалъ или превратное понятіе о чтеніи, или вовсе не получалъ никакого, а просто тупѣлъ и охладѣвалъ къ ученью.

Прослѣдимъ обученіе грамотѣ по буквосочетательному способу. Въ этой методѣ замѣчаются три отдѣльныхъ пріема: I. заучиваніе алфавита, II. склады и III. чтеніе цѣлыхъ словъ по-складамъ и по-верхамъ.

БУКВОСОЧЕТАТЕЛЬНЫЙ СПОСОБЪ.

I. Самое большое затрудненіе въ буквосочетательной методѣ—заучиваніе алфавита. Ученику, совершенно незнакомому съ изображеніемъ буквъ, предстоитъ узнать и выучить на память названія 35 буквъ, и научиться безошибочно отличать одну изъ нихъ отъ другой. Дѣло весьма не легкое, если мы вспомнимъ, что въ нашей азбукѣ очень часто одна буква отличается отъ другой самыми мелкими чертами, недоступными зрѣнію человѣка малоразвитаго, который и книгу беретъ въ руки въ первый разъ; если мы вспомнимъ, что для необразованнаго уха часто одинъ звукъ кажется одинаковымъ съ другимъ (наприм. губные звуки *б* и *п*, *ф* и *в*, гортанные *х* и *к*); наконецъ если примемъ во вниманіе и то, что въ нашей азбукѣ есть нѣсколько буквъ съ одинаковыми звуками (напр. *и* и *і*, *ъ* и *е*.) Трудность заучить весь алфавитъ сразу, съ несвойственными языку названіями буквъ, понимали и древніе европейцы; а потому придумывали всѣ мѣры, чтобы облегчить дѣло памяти при изученіи алфавита. Исторія сохранила намъ, что у древнихъ грековъ придумана была для изученія алфавита цѣлая трагедія. Въ трагедіи дѣйствующими лицами были буквы, изъ которыхъ каждая характеризовала себя своими рѣчами и дѣйствіями. Трагедію давали часто въ школахъ, и ученики, шутя, выучивали азбуку. Одинъ богачъ грекъ, желая научить своего сына алфавиту, набралъ, для игръ съ нимъ, 24 сверстниковъ и назвалъ каждаго изъ нихъ именемъ какой-либо буквы. Играя съ товарищами, мальчикъ скоро выучился азбукѣ. Даже въ XVIII вѣкѣ знаменитые педагоги въ Европѣ выбивались изъ силъ, чтобы какими-либо средствами пособить памяти учениковъ въ изученіи алфавита [132]). У насъ на Руси, какъ мы видѣли (стр. 123), съ самого на-

---

[132]) Знаменитый изъ педагоговъ прошлаго вѣка, Базедовъ, основатель образцоваго учебнаго заведенія—Филантропина (въ Дессау, въ 1774 г.) совѣтовалъ учить дѣтей азбукѣ, давая имъ буквы, испеченныя изъ тѣста. «Опытъ, говоритъ онъ, показалъ мнѣ, что довольно ученику четыре недѣли поѣсть буквъ, чтобы научиться читать.» См. Очер. ист. восп. и обуч. Модзалевскаго 1867 г. ч. 2. стр. 467. Такъ-то и благонамѣренные люди могутъ дойти до смѣшнаго.

чала введенія письменныхъ знаковъ явилась попытка переложить алфавитъ въ стихи или въ краткія нравственныя сентенціи. Въ нашихъ грамотныхъ школахъ прошлаго вѣка даже сложились пѣсни, въ которыхъ, въ тяжелыхъ виршахъ, иногда юмористически, воспѣвались буквы азбуки [133]).

Перечислимъ нѣкоторыя нормальныя попытки облегчить изученіе алфавита, которыми вы, Іг! можете воспользоваться при буквосочетательной методѣ.

а) Лучшія попытки облегчить память сдѣланы были на западѣ тѣмъ, что каждой буквѣ начали придавать живописное изображеніе какого-либо предмета, названіе котораго начиналось съ изображаемой буквы. Опять обратились къ старинному семитическому способу заучивать буквы. Ученикъ, смотря на изображеніе, вспоминалъ и названіе или звукъ буквы. Картинки эти иногда были очень остроумны: они напоминали не только названіе, но и самый звукъ буквы. Напримѣръ, при *с* изображалась шипящая змѣя, т: е: издающая звукъ *с.с.с.*., при буквѣ *жс*—жужжащая муха; при буквѣ *г*—воркующій голубь, т: е: произносящій звуки, подобные звуку—*г г.г.*.. Азбуки съ картинами появились у насъ, изъ подраженія западу, очень рано. При Петрѣ I напечатанъ былъ подобный букварь монахомъ Каріономъ Истоминымъ. Звукоподражательнаго способа передачи звуковъ буквъ держатся современные буквари Г. Ященко и Г. Столпянскаго. Еслибы вамъ пришлось обучать по буквосочетательной методѣ, и еслибы у васъ подъ рукой была обыкновенная азбука съ картинками, то можно воспользоваться и этой азбукой съ успѣхомъ. Въ прошлой лекціи мы высказали два правила, которыя можно отнести сюда: первое—все, что въ нашемъ представленіи означается какимъ-либо вещественнымъ знакомъ, хорошо сохраняется памятью (стр. 52); второе—все то хорошо укладывается и сохраняется въ нашей душѣ, при чувственномъ воспріятіи чего душа наша поражена пріятнымъ образомъ (стр. 51): картину мы запоминаемъ всегда

---

[133]) Эти школьныя пѣсни встрѣчаются въ любомъ сборникѣ русскихъ пѣсенъ XVIII и начала XIX вѣка.

особенно хорошо, въ азбукѣ съ картинами картина въ душѣ нашей воспроизводитъ звукъ и форму буквы.

б) Для того чтобы ученикъ замѣтилъ хорошо буквы и усвоилъ ихъ памятью, полезно также соединять буквы алфавита въ группы, на основаніи ихъ сходства и преобладанія въ нихъ извѣстныхъ линій (прямыхъ, круглыхъ и волно-образной). Группированіе буквъ основывается на психологическомъ правилѣ, что все стройное, раздѣльное скорѣе усвоивается памятью, нежели познаваемое нами безъ порядка и системы. Предметъ скорѣе запоминается нами, если мы схватимъ въ немъ тѣ стороны, которыя отличаютъ его въ ряду другихъ предметовъ. При группированіи буквъ: 1) буквы, состоящія изъ прямыхъ линій, могутъ составить первую группу, буквы эти слѣдующія: Н, П, Ш, Ц, И, І, Щ; 2) вторую группу—буквы, состоящія изъ линій прямыхъ и наклонныхъ, къ ней относятся: А, Л, М, Д, У, Х, Ѵ; 3) третью группу — буквы, состоящія изъ круговъ и полукружій, соединенныхъ чертами, напримѣръ: Б, В, Р, Ф, Ъ, Ь, Ы, Я; 4) четвертую могутъ составить буквы — изъ однихъ круговъ и полукружій, онѣ: О, Ѳ, Ю, С, З, Э; 5) къ пятой группѣ принадлежатъ всѣ тѣ буквы, которыя состоятъ изъ прямой черты съ придаточною получертою или волнообразною линіей, таковы: Г, Т, Е, Ж, Ч, К. На Западѣ изъ попытокъ, основанныхъ на томъ же психологическомъ правилѣ, которое мы сейчасъ высказали, замѣчательна метода Пельмана. Сначала не показывая еще буквъ азбуки, Пельманъ заставлялъ своихъ учениковъ находить черты сходства и различія между видимыми предметами. Когда ученики усвояли себѣ сознательно процессъ сходства и различенія (анализъ и синтезъ), который, какъ мы видѣли, лежитъ въ основѣ всего мышленія (стр. 59); тогда Пельманъ принимался чертить на классной доскѣ буквы азбуки: это дѣлалъ онъ, давая ученикамъ замѣтить основныя черты буквъ, сходство и различіе ихъ между собою. Напримѣръ, сдѣлавъ полукругъ, онъ говорилъ, что эта буква называется *с;* прибавляя сверху малый полукругъ и образуя имъ что-то въ родѣ петли, онъ говорилъ, что это буква *е;* отъ закругленія низа буквы *е* у него получалась буква *в* и т. д. Такимъ

образомъ изъ одной буквы у Пельмана дѣлалась другая, изъ этой въ свою очередь слѣдующая, пока не оканчивалась вся группа сходныхъ буквъ. Способъ этотъ можетъ быть съ пользою примѣненъ и къ солдатской школѣ; но особенно примѣнимъ этотъ способъ при обученіи письму.

в) У насъ на методическомъ распредѣленіи согласныхъ буквъ по группамъ, на основаніи ихъ сходства, составленъ букварь Г. Гутта, изданный въ Москвѣ въ 1860 году подъ страннымъ заглавіемъ: «*Методическая русская азбука*». По системѣ Гутта, ученики, для скораго удержанія въ памяти буквъ, вычерчиваютъ изъ извѣстнымъ имъ уже буквъ на аспидной доскѣ, подъ руководствомъ учителя, новыя буквы. Напримѣръ, изъ буквы л дѣлаются буквы: д м; изъ буквы ч дѣлаются буквы: ж, к; изъ буквы н — п, ц; изъ буквы г — буквы: в, р; ф, з, ъ, ь; изъ буквы с вычерчиваются; е, о ѳ э (таб. I, фиг. 1.); буквы при этомъ учениками чертятся съ печатныхъ. Способъ этотъ весьма практиченъ и можетъ быть примѣнимъ къ солдатской школѣ, если учитель не имѣетъ возможности учить солдатъ одновременно чтенію и письму: Способъ основывается на психологическомъ законѣ: всякое впечатлѣніе, воспринятое нашими внѣшними чувствами двумя различными способами, надолѣе усвоивается памятью (стр. 52).

г) Если приходится заниматься съ учениками по буквосочетательной или по другой методѣ, хорошо имѣть въ школѣ запасъ круговъ, полукружій, прямыхъ и ломаныхъ линій, сдѣланныхъ изъ кортона или дерева (табл. I фиг. 2). Для облегченія изученія азбуки, ученики изъ этихъ составныхъ частей буквъ сами составляютъ буквы, что безъ сомнѣнія облегчаетъ дѣло памяти. Если я скажу ученику, что буква в есть ни что иное, какъ два кружка, поставленные одинъ на другой, съ вертикальной линіей сбоку; то онъ запомнитъ букву лучше, чѣмъ заучивая *в* въ ряду другихъ буквъ. «Русская азбука, составленная П. Григорьевымъ» (1866 г. Казань), представляетъ отчасти примѣръ примѣненія этого способа къ дѣлу. Въ этой азбукѣ первоначальное приготовленіе къ чтенію состоитъ въ изученіи составныхъ частей буквъ или линій (табл. I фиг. 3).

д) Въ западной Европѣ придуманы, для удержанія въ головѣ формы буквъ, особыя картинки къ азбукамъ; на этихъ рисункахъ ту или другую букву напоминаетъ или внѣшнее очертаніе знакомаго предмета или положеніе цѣлой группы людей въ какой-нибудь сценѣ. Напримѣръ, судно съ парусомъ, надутымъ вправо, напоминаетъ букву D; два человѣка, подающіе другъ другу руки, букву H; крытыя ворота—П; вѣсы—Т и т. д. Въ этомъ отношеніи буквари французскіе всѣхъ занимательнѣе. Вотъ нѣсколько картинокъ изъ французскаго букваря. Зуавъ, среди разгара штурма какой-то крѣпости, ставитъ на верху полуразрушенной башни французскій флагъ; флагъ, колеблемый вѣтромъ, изображаетъ своими яркими изгибами по древку точное изображеніе В, на общемъ сѣроватомъ тонѣ картины. Двѣ полуразрушенныя готическія арки, уцѣлѣвшія среди развалинъ, поросшихъ плющомъ, напоминаютъ букву М. Какъ ни затѣйливы эти пріемы обученія, нельзя отнять у нихъ большой практичности. Мы видимъ, что нѣчто подобное существуетъ, мимо всякихъ теорій, и въ нашихъ народныхъ школахъ: чтобы запомнить буквы, болѣе умные изъ учениковъ стараются сравнивать ихъ съ предметами общежитія, напр: О—съ колесомъ, Т—съ граблями, П—съ воротами, Г—съ колодезнымъ очепомъ или журавлемъ. Въ этомъ сравниваніи сказывается основной законъ содружества понятій: два представленія, сходныя между собою, вызываютъ одно другое. Съ другой стороны здѣсь нужно припомнить и то наше прежнее замѣчаніе: все что понятно нами, то хорошо сохраняется памятью (стр. 96). Если ученикъ сравнилъ изучаемую букву съ какимъ-либо предметомъ общежитія, то это показываетъ, что онъ понялъ ея форму; значитъ онъ будетъ ее всегда помнить. Подобные способы могутъ имѣть мѣсто и при всякой другой методѣ обученія грамотѣ: безъ заучиванія буквъ нельзя обойтись ни при одной методѣ обученія грамотѣ.

II. Послѣ изученія буквъ, въ азбукахъ старинной методы тянутся ряды *складовъ*. Склады сначала составляются изъ двухъ буквъ, т. е. къ каждой гласной приставляется согласная или съ начала, что даетъ прямой слогъ, или съ конца—это

слогъ обратный. Обратные склады служатъ переходомъ къ складамъ изъ двухъ, трехъ и четырехъ согласныхъ при одной гласной. Кто не помнитъ изъ васъ, Г. г! нашихъ старыхъ знакомыхъ по воспоминаніямъ о нашемъ дѣтствѣ: *ба, ва, га,* или *бра, вра, жра, стра, скра* и такъ далѣе почти въ безконечность? « Quare, regina, jubes renovare antiquas dolores? » «Зачѣмъ ты велишь, королева, вспоминать мнѣ старыя горести?« сказалъ одинъ школьный учитель, славившійся своимъ знаніемъ наизустъ всей Энеиды Виргилія, когда королева Елисавета англійская спросила его, сколько разъ его наказывали въ школѣ за Виргилія. Этотъ стихъ Виргилія, сказанный находчивымъ учителемъ, какъ нельзя болѣе можетъ быть примѣненъ и къ нашему обученію. Нельзя безъ сожалѣнія вспомнить объ этомъ нелѣпомъ извращеніи буквокочетательной методы: мы сами на себѣ испытали всѣ невыгоды подобнаго рода нелѣпостей. Пріемъ буквосочетательной методы, по своему началу довольно естественный—составлять изъ отдѣльныхъ буквъ слоги и слова, у нашихъ учителей принялъ самое неразумное направленіе: онъ превратился въ безплодное заучиваніе безконечнаго ряда складовъ. Педагоги какъ-бы предусмотрительно заставляли ученика изучать всѣ возможныя комбинаціи буквъ, встрѣчающіяся при чтеніи. На Западѣ еще въ то время, когда буквосочетательная метода господствовала во всѣхъ школахъ, было сдѣлано нѣсколько остроумныхъ попытокъ—осмыслить и упростить ее. Изъ этихъ пріемовъ мы укажемъ на тѣ, которыя могутъ пригодиться вамъ при обученіи чтенію по стариннымъ букварямъ.

Первое затрудненіе, которое ученикъ встрѣчаетъ при изученіи складовъ — это заученное безъ смысла названіе буквъ. Для того чтобы произнести слогъ, ученикъ долженъ назвать буквы, по порядку входящія въ составъ слога. Называя буквы въ слогѣ, напр. *ба*, ученикъ говорилъ: *буки-азъ-ба* или *бе-а-ба*; но не могъ никакъ понять, отчего *буки* и *азъ* или *бе* и *а* даютъ слогъ *ба*, а не *беа* [134]). Понятно, что

[134]) Выражаясь педагогической формулой, скажемъ: be + a = bea, а не ba; er + e = ere, а не re.

при изученіи названія, а не звука буквъ, правильнаго понятія о слогѣ никогда и не могло родиться въ умѣ ученика. Между тѣмъ педагоги въ буквосочетательномъ способѣ не находили ничего не естественнаго, какъ не находимъ и мы; они напротивъ очень здраво разсуждали, что безъ изученія названія буквъ, ученикъ всегда будетъ затрудняться при диктовкѣ, при изложеніи правилъ правописанія и при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ нужно обозначить какимъ-нибудь именемъ букву, а не ея звукъ. Напримѣръ, какъ вы научите ученика безошибочно отличать въ правописаніи схожія по звукамъ буквы, особенно буквы одного и того же органа произношенія, напр. *бъ, пъ, въ, фъ?* Потому-то и при звуковомъ чтеніи ученикъ, послѣ изученія ряда гласныхъ и согласныхъ звуковъ, все-таки долженъ изучить и названіе каждой буквы. Отчего же происходила ошибка сторонниковъ буквосочетательной методы? Повторимъ, отъ неумѣнья отдѣлить звукъ буквы отъ ея названія.

1) Въ концѣ прошлаго вѣка сдѣлана была попытка—облегчить этотъ пріемъ преподаванія педагогомъ Базедовымъ (1771 г). Хорошо изучивъ сочетаніе звуковъ, онъ предлагалъ учить складамъ на основаніи дѣленія буквъ на губныя, язычныя, гортанныя. Прежде обученія чтенію, ученикъ повторялъ, вслѣдъ за учителемъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, сначала гласныя буквы, потомъ согласныя, по органамъ произношенія. Система такого рода изученія алфавита, какъ увидимъ мы впослѣдствіи, усвоена многими новѣйшими составителями букварей. У Базедова согласныя буквы произносились съ короткимъ гласнымъ звукомъ, похожимъ на ъ, или на французское *нѣмое*: *е*, такъ что согласныя выходили: *бе, ве, ре,* и т. д. Потомъ слѣдовало въ такомъ же порядкѣ, по органомъ произношенія, сочетаніе согласныхъ буквъ съ гласными. Все это дѣлалось устно, ученику все-еще не показывали буквъ: ему показывали ихъ тогда, когда онъ твердо запомнилъ всѣ склады, которые онъ научился произносить. Такимъ образомъ ученикъ еще до знакомства съ буквами пріучался отличать въ рѣчи *звукъ* буквы, *слогъ* и цѣлое *слово*; не видавъ азбуки, ученикъ уже умѣлъ складывать слова. Хотя такой пріемъ и противорѣчилъ основ-

ному педагогическому правилу: «сперва предметъ, а потомъ сужденіе о немъ—безъ знака трудно запомнить слово или слогъ;» но онъ расчитывалъ на дѣтскую живость чувства, на страсть дѣтей безсознательно произносить ряды звуковъ и словъ, часто для нихъ вовсе непонятныхъ, по этой причинѣ метода достигала своей цѣли. При примѣненіи этого пріема въ школѣ для взрослыхъ, пріемъ можетъ быть измѣненъ и ограничиться простымъ пріученіемъ учениковъ—отдѣлять въ словѣ, при произношеніи, сначала слоги, а потомъ буквы. У Базедова буквы наклеивались на картонъ, и ученики мало по малу привыкали склады, извѣстные имъ по слуху, изображать буквами. Отъ складовъ переходили къ словамъ и ученикъ очень скоро постигалъ процессъ чтенія. Въ способѣ этомъ въ первый разъ являются подвижныя буквы, которыя наклеивались на кортонѣ и раскладывались въ азбучномъ порядкѣ внизу доски, въ небольшомъ продолговатомъ ящикѣ съ перегородками; доска съ ящикомъ называлась *«читальной машиной»* [135]). Доска при ящикѣ устроивалась точно такъ же, какъ и въ настоящее время. Подвижныя буквы, изобрѣтеніе Базедова, теперь служатъ первою необходимою принадлежностью всякой школы. Что касается до способа—произносить согласныя буквы отрывочно, какъ-будто съ прибавленіемъ звука ъ или короткою *е*, то этотъ способъ весьма много облегчаетъ обученіе грамотѣ. Въ немъ есть одно только неудобство, которое мнѣ самому удавалось подмѣтить при обученіи въ школахъ: ученикъ долго не въ состояніи бываетъ отвыкнуть читать съ придыханіями, т. е. удерживаетъ въ плавномъ чтеніи при каждой согласной нѣчто въ родѣ ъ или короткаго *е*. Напримѣръ, вы долго слышите, что вашъ ученикъ читаетъ не *благо*, а *бълъагъо*. Способъ этотъ былъ примѣняемъ мною въ безплатной будничной школѣ Казанскаго пороховаго завода и принесъ значительную пользу.

Недавно мы встрѣтились въ одной изъ книжекъ [136]) Вѣстника Европы, въ статьѣ «о народномъ обученіи» Барона Николая

[135]) См. слова Дольца, приведенныя у Модзалевскаго, въ Ист. восп. и обуч. ч. 2. стр. 476-я.

[136]) Вѣстн. Евр. 1868 г. № 4-й, Хроника стр. 367—373.

Александровича Корфа, со способомъ обученія грамотѣ Базедова, впрочемъ нѣсколько измѣненнымъ. По методѣ Г. Корфа, ученики сначала заучиваютъ азбуку, произнося буквы по системѣ Базедова, т. е. выговаривая, напримѣръ, не *ша*, а *ш'* или *шъ*; не *бе*, а *бъ*; не *эмъ*, а *мъ*; не *ка*, а *къ*: не *эръ*, а *ръ*. Въ первые дни преподаванія, разсказываетъ этотъ достойный педагогъ не по процессіи, а изъ любви къ народному образованію — вы услышите въ школѣ одни какіе-то дикіе звуки и въ первые два дня, повидимому, не замѣчаете успѣховъ: ученики только запоминаютъ звуки, но къ дѣлу ихъ не прилагаютъ: не сливаютъ два звука въ одинъ. На 5-й или на 6-й день сліяніе звуковъ понятно, и тогда начинается наслажденіе для учителя. Если ученикъ, напримѣръ, знаетъ букву *а*, а также *м* и *к*; то онъ вамъ свободно прочитаетъ *мак* (буква ъ показывается по окончаніи методы, какъ не имѣющая звука); этотъ же ученикъ прочитаетъ и слово *рак*, если ему сказать, что знакъ *р*, который онъ видитъ въ первый разъ, есть звукъ *ръ*—однимъ словомъ ученикъ уже понялъ сочетаніе звуковъ, въ чемъ вся и сила. Б. Корфъ говоритъ, что дѣти по его методѣ въ теченіи мѣсяца пріучались правильно разбирать печатную книгу. Желая объяснить свою систему преподаванія, авторъ приводимой нами статьи издалъ: *Руководство къ обученію грамотѣ* (Екатериносл. 1867 г.). Букварь Б. Корфа утверждаетъ нашу мысль, что метода, имъ употребляемая, есть метода Базедова, пополненная новѣйшими открытіями звуковой методы. Все преподаваніе раздѣляется на 28 уроковъ: на первомъ урокѣ ученики читаютъ только два слога—*ма* и *ша*, которые тотчасъ же превращаются учителемъ изъ прямыхъ въ обратные; урокъ оканчивается составленіемъ слова: *Маша*. Для уясненія звука согласной, употребляется обстановка согласной двумя гласными, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить о силлабической методѣ. Вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ ученики записываютъ буквы на доскѣ, но единственно, для того чтобы удержать въ памяти начертаніе буквы (стр. 52), а не для того чтобы научиться писать. Самое письмо начинается послѣ обученія чтенію, какъ говоритъ въ «Руководствѣ» самъ авторъ, на 15 страницѣ.

Способъ Базедова былъ сначала нѣсколько усовершенствованъ Песталоцци. Онъ заставлялъ учениковъ изъ подвижныхъ буквъ придумывать и выставлять на доскѣ ряды слоговъ и словъ. Это была скорѣе игра въ слоги и буквы, чѣмъ правильное ученье; но эта игра производилась охотно, съ увлеченіемъ, и потому въ ней былъ залогъ успѣха. Самъ преподаватель, по временамъ переставляя буквы, производилъ новые ряды словъ, и подобными упражненіями пріучалъ учениковъ къ самымъ разнообразнымъ комбинаціямъ буквъ. О согласныхъ буквахъ Песталоцци говорилъ ученикамъ, что ихъ произносить нельзя и называлъ ихъ *нѣмыми*. На первый разъ каждая согласная у Песталоцци соединяется съ какимъ-либо гласнымъ звукомъ; напримѣръ, согласный звукъ *ц*, для произношенія, соединяется съ *е*; *к*—съ *а*. Чтобы дать какое-нибудь понятіе о согласномъ звукѣ, Песталоцци переставляетъ, какъ мы уже сказали выше, буквы: изъ *ца* у него дѣлается *ац*, изъ *ка—ак*, такимъ образомъ ученикъ сразу, хотя смутно, но постигаетъ значеніе согласнаго звука. Букварь Песталоцци отличается разнообразіемъ складовъ, что также при буквосочетательномъ способѣ обученія имѣло свою цѣну.

Болѣе прочихъ усовершенствовалъ способъ Базедова Пельманъ, педагогъ, жившій въ началѣ настоящаго столѣтія. Мы уже имѣли случай упомянуть объ его методѣ, по поводу того, что она начиналась упражненіемъ учениковъ въ сравниваніи и различеніи предметовъ, извѣстныхъ ученикамъ (стр. 129), а потомъ продолжалась изученіемъ буквъ алфавита, при чемъ учитель заставлялъ учениковъ приглядываться къ каждой буквѣ и замѣчать ея составныя части. Оба эти пріема направлены были главнымъ образомъ къ изученію алфавита. Улучшеніе методы сдѣлано было Пельманомъ тѣмъ, что у него чуть не съ первыхъ же уроковъ являются для чтенія цѣлыя слова, потомъ предложенія, пословицы; на 20-мъ урокѣ выставлена для чтенія уже цѣлая басня. Всѣ упражненія подобраны такъ, что ученику очень легко соединять извѣстныя ему уже буквы въ слова; чрезъ 31-нъ урокъ ученикъ начинаетъ читать любую книгу. Такимъ образомъ Пельманъ былъ первымъ педагогомъ,

который понялъ, что лучшимъ залогомъ всякаго школьнаго успѣха служитъ осмысленное преподаваніе. Изъ нашихъ психологическихъ этюдовъ мы видѣли, что все то скорѣе усвояется памятью и охотнѣе изучается нами, въ чемъ есть умственный интересъ. Съ первыхъ же уроковъ чтенія у Пельмана ученикъ понимаетъ пользу грамотности и постигаетъ весь процессъ чтенія. Этотъ разумный пріемъ Пельмана усвоенъ нашими составителями новыхъ русскихъ азбукъ, напримѣръ—Золотовымъ и авторами букварей—«Воскресныхъ петербургскихъ школъ» и «Народнаго Чтенія».

Мы указали почти всѣ способы, которые могутъ облегчить заучиваніе алфавита и изученіе складовъ, по буквосочетательному способу обученія грамотѣ. Первая польза отъ этого та, что эти пріемы вы, Гг! можете цѣликомъ приложить къ дѣлу когда вамъ придется учить въ нашихъ солдатскихъ школахъ, въ большинствѣ которыхъ преобладаетъ буквосочетательная метода обученія, не смотря иногда на оффиціальное введеніе другихъ новѣйшихъ методъ. Независимо отъ этого условія, многіе изъ перечисленныхъ нами пріемовъ такъ остроумны, что могутъ примѣняться и къ другимъ методамъ обученія грамотѣ.

Сдѣлаемъ короткій общій выводъ изъ сказаннаго нами. При буквосочетательной методѣ умѣстны слѣдующіе пріемы:

1) Пусть ваши ученики, по внѣшнему сходству, затвердятъ (хотя и не особенно хорошо) буквы алфавита; но вмѣстѣ съ названіемъ буквы имъ нужно говорить и звукъ ея: звукъ этотъ они должны заучить. Заучивать нужно сначала однѣ строчныя буквы, а прописнымъ учить по окончаніи складовъ.

2) Чтобы опредѣлить отличіе звука гласной буквы отъ звука согласной (вы можете называть ихъ *долгими* и *короткими*, *нѣмыми* и *ясными*), вамъ помогутъ подвижныя буквы. Приставляя согласную букву къ гласной то съ той, то съ другой стороны, вы легко можете растолковать ученику короткій звукъ согласной и долгій звукъ гласной. Если нѣтъ подвижныхъ буквъ, можно чертить печатныя буквы на доскѣ, на пескѣ и т. п.

Способы, облегчающіе заучиваніе алфавита, показаны были нами съ полною подробностью.

2) Предварительное упражненіе въ устномъ чистомъ произношеніи гласныхъ и согласныхъ звуковъ и слоговъ, какъ это показано въ методѣ Базедова, также весьма полезно. Непремѣнно должно начинать изученіе гласныхъ звуковъ по букварю въ то время, когда ученикъ научится чисто и раздѣльно произносить гласные звуки: *а, е, и, о, у, ы*; нужно требовать, чтобы онъ въ рѣчи могъ отличить *о*, отъ *а*, *и* отъ *ы*, *о* отъ *у*: въ нашихъ провинціальныхъ говорахъ вы рѣдко встрѣтите чистые гласные звуки. Напримѣръ, малороссъ не скажетъ *пятница*, а *пъятныця*. Нечисто произнося гласные звуки, ученикъ не можетъ выучиться правильно читать: гласные звуки будутъ представляться ему похожими одинъ на другой. Впослѣдствіи тоже нужно дѣлать и съ согласными звуками, которые у насъ также произносятся не вездѣ чисто: вашъ солдатъ, урожденецъ ярославской губерніи, говоритъ: *лафка*, малороссъ: *лавка*, а бѣлоруссъ: *лаука*.

4) Для облегченія изученія буквъ, хорошо группировать склады по органамъ произношенія, какъ это дѣлали Базедовъ и Песталоцци. При подвижныхъ буквахъ этотъ способъ всегда возможенъ. Выгода его та, что ученикъ всегда будетъ раздѣлять звуки, произносимые однимъ органомъ, и отдѣлять одинъ звукъ отъ другаго: не будетъ говорить—*хвонарь* вмѣсто *фонарь*, *хто* вмѣсто *кто*, *хрьхъ* вмѣсто *грьхъ* и т. п. Въ этомъ отношеніи замѣтка наша получитъ примѣненіе, если мы вспомнимъ, что въ солдатскихъ нашихъ школахъ часто существуетъ полное смѣшеніе языковъ.

5) Самые склады нужно какъ можно болѣе разнообразить, предоставляя лучше всего самимъ ученикамъ составлять ихъ изъ подвижныхъ буквъ. Для того чтобы изученіе грамоты, по букварю старой системы, не было сухо и безплодно, хорошо по изученіи нѣсколькихъ складовъ, составлять изъ нихъ немудреныя фразы, односложныя и двухсложныя слова; такія фразы и слова легко пріискать.

6) Не малымъ затрудненіемъ при обученіи служитъ переходъ отъ слоговъ двойныхъ, т. е. состоящихъ изъ двухъ буквъ, къ слогамъ изъ трехъ буквъ, между тѣмъ для обучающагося чтенію по системѣ буквосочетательной изученіе складовъ въ три или четыре буквы есть такое важное практическое занятіе, опустить котораго нельзя, по смыслу и цѣли самой системы. Переходъ къ слогамъ, изъ трехъ и четырехъ буквъ, отъ складовъ двухбуквенныхъ возможенъ двумя способами: во 1-хъ, разложеніемъ тройнаго слога на части, при чемъ изъ самого слога, съ присовокупленіемъ слѣдующей гласной, образуются два слога — одинъ прямой, а другой обратный. Напримѣръ, слово — «*Волга*» состоитъ изъ двухъ слоговъ—*Во* и *лга*; если мы отнесемъ *л* къ первому слогу, тогда ученику, не имѣющему понятія о тройныхъ слогахъ, дается возможность прочитать все слово; потому что онъ уже знакомъ съ слогами обратными, а равно и съ прямыми двухбуквенными [137]). 2-й способъ для изученія тройныхъ складовъ предлагается системами Базедова и Песталоцци; способъ этотъ только возможенъ при подвижныхъ буквахъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ пріемѣ: когда ученикъ при складываніи прямыхъ и обратныхъ слоговъ усвоитъ себѣ значеніе согласнаго и гласнаго звука, учитель беретъ подвижныя буквы и складываетъ, положимъ, слово: «*ладъ*»; потомъ, приставляя къ этому слову съ начала букву *к*, образуетъ слово: *кладъ*;—приставляя другую букву *с*, образуетъ третье слово: *складъ* [138]). Составляя такимъ образомъ нѣсколько много-буквенныхъ складовъ, учитель доводитъ ученика до пониманія, какимъ образомъ изъ сочетанія нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ образуются слоги, въ три или четыре буквы.

Въ вышеупомянутой азбукѣ Г. Гутта въ трехбуквенныхъ складахъ сначала произносятся одни гласныя буквы, потомъ мало по малу и всѣ согласныя, въ видѣ придыханій. Напримѣръ, въ словѣ «*фарфоръ*» сначала ученикъ замѣчаетъ

---

[137]) Таковы же слова: шестой, оспа, устье, разводъ, яблоко.

[138]) Подобными же словами могутъ быть: тал — стал, рак — мрак, вал — свал, рать — брать, тал — стал — встал.

и произноситъ «..*а*.. *о*...», потомъ «..*ар*..*ор*» и наконецъ все слово: *фар—фор*. Этотъ пріемъ есть примѣненіе системы Песталоцци и пріучаетъ ученика обращать особое вниманіе въ словѣ на гласные звуки, которые одни даютъ основаніе слогу и слову. Желательно, чтобы этотъ пріемъ былъ испытанъ и примѣненъ къ дѣлу.

III. Перейдемъ къ третьему и окончательному пріему буквосочетательной методы, именно, къ чтенію цѣлыхъ словъ и предложеній по-складамъ и по-верхамъ. Но какъ этотъ третій пріемъ весьма облегчается другой методой преподаванія—силлабической, то мы не излишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ этой методѣ.

БУКВОСЛАГАТЕЛЬНЫЙ ИЛИ СИЛЛАБИЧЕСКІЙ СПОСОБЪ.

Упомянуть въ настоящихъ нашихъ чтеніяхъ о силлабическомъ способѣ обученія грамотѣ заставляетъ насъ: во 1-хъ, что силлабическая метода представляетъ сама по себѣ много пріемовъ, которыми можно воспользоваться: будемъ ли мы обучать по буквосочетательному или по звуковому способу обученія грамотѣ [139]). Во 2-хъ, въ частности я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о силлабической методѣ потому, что въ нашей арміи, въ нѣкоторыхъ войскахъ, а именно, въ стрѣлковыхъ баталіонахъ, силлабическая метода обученія грамотѣ принята наряду съ звуковою.

Названіе силлабической методы происходитъ отъ латинскаго слова syllaba (слогъ) и въ переводѣ значитъ—*слоговая* метода или ученье по складамъ. Дѣйствительно метода начинаетъ обученіе чтенію прямо со складовъ. Не смотря на то, что эта метода явилась въ прошломъ вѣкѣ, какъ одна изъ попытокъ—облегчить обученіе чтенію по буквосочетательной методѣ, слѣдовательно была одною изъ ступеней къ звуковой методѣ, ей суждено было возраждаться нѣсколько разъ подъ различными ви-

---

[139]) Напр. Золотовъ, излагая свою методу чисто по звуковому способу, воспользовался пріемами Гедике; это же мы видѣли въ букварѣ Б. Корфа и увидимъ во многихъ другихъ букваряхъ.

дами, даже въ новѣйшее время, что доказываетъ раціональность многихъ изъ ея пріемовъ. У насъ она изложена была Кремлевымъ въ букваряхъ (изд. 1853 и 1954 г.) подъ заглавіемъ: «Упражненія при обученіи чтенію» и «Способъ обученія Русскому чтенію». Силлабической методы придерживался и Главинскій, авторъ «Руководства къ изученію Русской грамоты и счисленія» (изд. 1860 и 1864 г).

Какая была причина появленія этой методы?—Всѣ, обучавшіеся по буквосочетательной методѣ, знаютъ, что для учениковъ самая великая трудность — такъ называемый третій пріемъ или третья степень этой методы, т. е. переходъ отъ отдѣльныхъ складовъ къ складыванію цѣлыхъ словъ; трудность эта происходитъ прежде всего оттого, что ученикъ, заучивъ въ послѣдовательномъ порядкѣ склады (т. е. по порядку алфавита): *ба ва га да* и т. д., тотчасъ становится въ тупикъ, когда ему придется читать цѣлыя слова въ книгѣ, и читаетъ слоги даннаго слова наудачу. Кромѣ того учившіеся по старинному буквосочетательному способу при произнесеніи въ словѣ каждаго слога называютъ буквы, находящіяся въ слогѣ, а потомъ при складываніи новаго слога—всѣ слоги прежніе. Поясним это примѣромъ: слово: «блаженство» ученикъ, обучавшійся по старинному способу, складываетъ—*бе—ел—а—бла—же—е—же—блаже—эн—блажен—ес—те—ве—о—ство—блаженство*, или по славянскому букварю: *буки—люди—азъ—бла—живете—есть—же—блаже—нашъ—блажен—слово—твердо—вѣди—онъ—ство—блаженство*. Весьма понятна неудобность и медленность подобнаго рода складыванія и легко вообразить, какъ труденъ для ученика переходъ отъ него къ чтенію по-верхамъ. Пробовали помочь бѣдѣ тѣмъ, что заставляли учениковъ не повторять, при складываніи каждаго слога, прежнихъ слоговъ; но отъ этого выходило, что къ концу слова ученикъ позабывалъ первые слоги слова, и у него выходило вовсе не то слово, которое стояло въ книгѣ: онъ складывалъ: « добродѣтель », выходило: « пріятель », вмѣсто «досужество»—«дружество», вмѣсто «вѣдомостей»—«газета». Курьёзами этими богата практика солдатскихъ школъ: одинъ

юнкеръ, писавшій на тему: «грамотность въ войскахъ» разсказываетъ, что въ букварѣ, по которому онъ училъ солдатъ грамотѣ, стояло слово: «ольха», и слову этому суждено было всегда превращаться, при складываніи его солдатиками, въ другое болѣе знакомое имъ слово: «блоха» [140]). Эта третья степень старинаго обученія и бываетъ причиной того, что ученикъ вѣчно остается на этомъ складываніи, и къ чтенію по-верхамъ дѣйствительно не переходитъ. На какомъ-либо солдатскомъ экзаменѣ вы вызываете солдата, который, кажется съ перваго раза, читаетъ бойко; но читаетъ онъ бойко одни односложныя слова, а какъ дѣло дошло до словъ многосложныхъ, въ которыхъ встрѣчается большое соединеніе согласныхъ, онъ начинаетъ основливаться почти-что надъ каждымъ слогомъ, и если вы его начинаете торопить, то онъ, произнося слова наобумъ, читаетъ ошибочно. Остановка ученика въ такомъ случаѣ предъ многосложными словами происходитъ оттого, что онъ ихъ складываетъ про-себя, тихо.

Чтобы помочь дѣлу, изобрѣтены были слѣдующіе пріемы буквослагательной методы:

а) Учитель въ короткихъ словахъ ознакомивъ учениковъ съ азбукою и показавъ ее имъ, съ тѣмъ чтобы они не заучивали буквы, а ознакомились только нѣсколько съ ихъ очертаніемъ, прямо приступаетъ къ складамъ и, не называя буквъ, непосредственно читаетъ склады: ба, бе, би, бо, бу и т. д., до тѣхъ поръ пока ученики не затвердятъ на память всего, что подсказывается имъ учителемъ, такъ что въ разбивку могутъ повторить, по указанію учителя, всѣ данные слоги. Въ слѣдующіе уроки изучаются всѣ склады; по изученіи ихъ приступаютъ прямо къ чтенію предложеній. Начиная чтеніе, ученикъ именуетъ уже знакомые ему склады, и такимъ образомъ читаетъ цѣлыя рѣчи. Сначала чтеніе бываетъ довольно медленное: ученикъ не сразу произноситъ слово, а раздѣляетъ его на слоги; впослѣдствіи механизмъ чтенія значительно улучшается. По этой методѣ ученикъ мало понимаетъ, что такое буква, а за-

[140]) Юнкеръ 6-го Л—го полка Л—скій.

учиваетъ прямо слоги, не понимая, какимъ образомъ изъ звуковъ образуется слогъ; такимъ образомъ вся метода основывается исключительно на памяти и для ученика съ малоразвитою памятью представляетъ неопреодолимыя затрудненія. Не смотря на это, способъ этотъ представляетъ значительную выгоду въ томъ, что ученикъ при переходѣ къ чтенію словъ и предложеній не имѣетъ надобности отучаться отъ безплодной привычки *складывать*. Этотъ способъ обученія грамотѣ, если ведется съ знаніемъ дѣла, даетъ самые удовлетворительные и быстрые результаты, которые не уступаютъ звуковому способу обученія грамотѣ.

б) Другой видъ силлабической систеты отчасти намъ уже извѣстенъ; онъ можетъ быть легко примѣненъ къ той школѣ, гдѣ существуютъ подвижныя буквы. Учитель, по этой методѣ, заставляетъ учениковъ прежде всего заучить гласныя буквы, а когда они ихъ твердо будутъ знать, объясняетъ имъ, что въ азбукѣ есть еще буквы, которыя не могутъ выговариваться однѣ, а только съ гласными, потому и называются *согласными*, т. е. произносимыми съ гласною. Затѣмъ, взявъ одну согласную букву, напримѣръ—букву *б*, онъ приставляетъ ее поочередно ко всѣмъ гласнымъ: приставляя къ *а*, онъ получаетъ *ба*, къ *е—бе* и т. д. При этомъ учитель не называетъ согласной, а говоритъ ученикамъ одинъ звукъ слога. Точно также проходятся и всѣ обратные слоги. Для облегченія перехода къ слогамъ тройнымъ, учитель употребляетъ способъ откидыванія отъ слога первой согласной и отнесенія ея къ предыдущему слогу; объ этомъ способѣ мы сказали на страницѣ 139-й (ут—ро, бѣл—ка). Для того чтобы ученикъ понялъ звукъ согласной буквы, въ этой методѣ употребляется еще одинъ весьма практическій пріемъ. Пройдя прямые и обратные слоги, положимъ съ литерою *б*, учитель ставитъ *б* между двумя гласными, напримѣръ—съ *о* и *а*, и спрашиваетъ: «какъ произносятся первыя двѣ буквы безъ третьей»? Ученикъ отвѣчаетъ: *об*. «Какъ произносятся вторая и третья безъ первой»?—*ба*. «Что останется, если отнять *а*»?—Согласный звукъ *б*. «Попробуйте его произнести» Ученикъ пробуетъ, и у него выходитъ звукъ, по-

хожій на *бъ*; такимъ образомъ онъ получаетъ понятіе о согласномъ звукѣ. Нельзя не отдать преимущества остроумію большей части пріемовъ этой методы; но нельзя не замѣтить и слабыхъ ея сторонъ. Метода основывается единственно на памяти, какъ и предшествующая, и при употребленіи этой методы долго буква представляется для ученика чѣмъ-то загадочнымъ, гіероглифомъ: онъ не можетъ объяснить себѣ, почему кружокъ съ чертой вверхъ будетъ *б*, а съ чертой книзу—*р*. Потому никакъ нельзя довѣрять тѣмъ восторженнымъ похваламъ, которыми обыкновенно увѣнчиваютъ педагоговъ, съумѣвшихъ соединить эти силлабическіе пріемы съ звуковымъ способомъ преподаванія. Если ученику трудно запомнить названіе буквъ: *зе, бе, эръ*; то такъ же трудно заучить и звуки: *зъ, бъ, ръ*. Всякая наука не дается сразу, а требуется извѣстной доли напряженія и умственнаго труда; весь же успѣхъ преподаванія зависитъ оттого, если учитель усвоитъ ту или другую систему преподаванія самостоятельно, или какъ выражается довольно вѣрно Куртманъ [141]), если преподаватель совершенно будетъ согласенъ съ пріемами составителя учебнаго руководства. Я помню, что въ 1859 году издана была, по силлабической системѣ: *Русская Азбука или способъ Хоцкаго выучить читать въ 6 или 7 часовъ*; авторъ въ предисловіи ввернулъ такую реплику. «Хоцкій изобрѣлъ способъ выучить дитя читать въ 6 или 7 часовъ! Болѣе 3500 лѣтъ изобрѣтены письмена; но такой диковины еще никто не слыхивалъ» и т. д. По способу Хоцкаго стоитъ только учить грамотѣ, не называя буквъ *бе, ве,* а—*бъ въ* [142]), и соединяя каждый согласный звукъ съ гласною, и дѣло кончено. Можетъ быть, въ словахъ Г. Хоцкаго была своя доля правды и, можетъ быть, онъ, додумавшись до своего способа обученія грамотѣ, почелъ себя его изобрѣтателемъ.—Лучшая и распространенная у насъ въ сельскихъ и солдатскихъ школахъ: *Азбука русская и церковная,* составленная по силлабической методѣ, о которой мы говоримъ, издана Редакціей жур-

---

[141]) Рук. къ восп. и обуч. Д-ра Шварца Спб. 1867 г. ч. II, стр. 213.

[142]) См. Филологич. Зап. 1860 г. библіогр. указ. стр. 324.

нала «Мірской Вѣстникъ», въ 1865 году. Къ азбукѣ приложенъ очень хорошій сборникъ молитвъ. Нельзя не рекомендовать этого букваря тѣмъ, кто желаетъ усвоить себѣ силлабическій способъ преподаванія.

в) Между методами силлабическими особое вниманіе, по своему остроумію, заслуживаетъ метода берлинскаго директора гимназіи, Гедике (1791 г.), который полагалъ, что гораздо ближе къ естественному развитію человѣческаго духа начинать преподаваніе съ цѣлаго и переходить къ частямъ,—показывать сперва фактъ, а потомъ отыскивать его причину; на этомъ основаніи гораздо лучше изучать буквы посредствомъ словъ, а между тѣмъ прежде думали, что можно научить—читать слова, посредствомъ буквъ. Мы видѣли, что и въ буквосочетательномъ и въ силлабическомъ способахъ преподаванія все дѣло обученія основывается на памяти, и иногда въ своихъ первыхъ урокахъ лишено смысла для учащихся; потому Гедике хотѣлось напасть на такую методу, которая бы основывалась на дѣйствіи мыслительныхъ способностей человѣка. Система Гедике состояла въ слѣдующемъ. Онъ выбиралъ нѣсколько односложныхъ словъ, въ которыхъ разнообразно повторялись одни и тѣже звуки, и заставлялъ ученика произносить ихъ послѣдовательно, пока тотъ не замѣчалъ въ рѣчи однозвучные слоги и не пріучался отличать звукъ буквы отъ звука цѣлаго слова. Вотъ примѣръ ряда подобныхъ фразъ

Гдѣ б*а*бк*а* не бери, *а* внук*а* корми.—К*с*т*а*ти бранись, к*с*т*а*ти мирись.—М*а*мк*а*—не м*а*тк*а*.

Когда ученикъ научится произносить эти фразы, тогда учитель составляетъ ихъ изъ буквъ различныхъ цвѣтовъ [143]): однозвучныя буквы имѣютъ и одинаковый цвѣтъ. Въ данныхъ фразахъ часто повторяются буквы: гласныя—*а* и *и*; согласныя—*б*, *к*, *м*. Отличивъ буквы одинаковымъ цвѣтомъ (напр. *а*—зеленымъ, *и*—фіолетовымъ, *б*—краснымъ, *к*—синимъ и *м*—желтымъ), учитель помогаетъ ученику понять, что буква есть ничто иное, какъ выраженіе звука, или иначе сказать, онъ чрезъ этотъ пріемъ помогаетъ

[143]) Въ нашемъ примѣрѣ, вмѣсто цвѣтныхъ буквъ, мы употребили различные шрифты.

ученику отожествить въ своемъ сознаніи звукъ и букву. Затѣмъ учитель переходитъ къ слѣдующему ряду словъ, гдѣ преобладаютъ другія буквы, пока ученикъ не откроетъ и не узнаетъ всѣ существующіе въ языкѣ звуки и не пойметъ, какую роль играютъ они при чтеніи печатнаго. Послѣ этого начинается чтеніе складовъ и словъ. Мы сказали выше, что метода Гедике основывается на усвоеніи сначала цѣлаго, а потомъ части; слѣдовательно это метода аналитическая. Д-ръ Траппъ, наслѣдовавшій систему Гедике, говоритъ: «Когда хо«рошенько разберешь, то убѣждаешься, что мы во всѣхъ слу«чаяхъ раньше узнаемъ цѣлое, чѣмъ отдѣльныя части; напри«мѣръ, мы дѣтямъ говоримъ: это домъ, это лошадь, и никогда «не начинаемъ съ оконъ дома или съ глазъ лошади. Поэтому «мнѣ кажется, что и при обученіи мы должны дѣлать тоже «самое». [144]) Но такъ ли это бываетъ на дѣлѣ? Точно ли мы при первоначальномъ познаніи усвояемъ цѣлое, а не части? Едва ли такъ. Если мы въ природѣ познаемъ сначала домъ или лошадь; то познаемъ ихъ, какъ недѣлимыя, какъ особи, и только уже спустя долгое время, доходимъ до общаго понятія о лошади или до понятія о жилищѣ вообще (стр. 55.) Во всякомъ случаѣ остроуміе методы Гедике очевидно, а примѣнимость ея къ обученію взрослыхъ несомнѣнна. Способъ Золотова основывается на этомъ же пріемѣ. Въ обученіи чтенію прежде всего весьма важно довести ученика до познанія, что есть звукъ и буква, чего никогда не можемъ достигнуть никакими теоретическими объясненіями; по способу Гедике, подобный выводъ для ученика становится очень естественнымъ. Потому способъ этотъ сразу побѣждаетъ важнѣйшее затрудненіе при обученіи; ибо отъ сознательнаго пониманія тожества звука съ буквой зависитъ пониманіе всего процесса чтенія. Особенно примѣнимъ этотъ способъ къ обученію нашихъ солдатъ, въ которыхъ зрѣлость мышленія предполагается. При всемъ этомъ нашъ простолюдинъ не умѣетъ отличить звука въ рѣчи: для него точно такъ же, какъ для незнающихъ музыки, рѣчь есть гармонія,

[144]) См. Истор. восп. и обуч. Модзалевскаго В. 2. стр. 477.

въ которой, при послѣдовательности звуковъ, отдѣльныя ноты не понятны и не замѣтны. Желательно, чтобы способъ Гедике былъ развитъ и разумно примѣненъ къ обученію взрослыхъ нашихъ простолюдиновъ. Развитіе его должно быть непремѣнно своеобразно; ибо всѣ пріемы Гедике относятся къ обученію малолѣтнихъ, хотя самая сущность методы направлена не на память, а на мыслительныя способности ученика, и потому не совсѣмъ приложима къ обученію дѣтей, у которыхъ, какъ всякій знаетъ по опыту, способность отвлеченія очень слаба.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ

о звуковой методѣ обученія грамотѣ, съ указаніемъ на лучшіе буквари для солдатскихъ школъ.

Содержаніе лекціи: Общее понятіе о звуковой методѣ обученія грамотѣ; изобрѣтеніе ея д-ромъ Стефани и улучшенія, сдѣланныя въ методѣ послѣдующими педагогами; примѣненіе ея къ русской грамотѣ Золотовымъ и другими русскими дидактами; подробное изложеніе звуковой методы и ея пріемовъ; преимущество ея предъ прочими методами обученія грамотѣ и примѣнимость къ солдатскимъ школамъ. Указаніе букварей, преимущественно звуковой методы, которые могутъ быть учебникомъ въ солдатскихъ школахъ: а) букварь Воскресныхъ петербургскихъ школъ; б) букварь изданія Лермантова или Редакціи «Народнаго Чтенія»; необходимость въ солдатскихъ школахъ обученія—читать по церковно-славянски и в) букварь гражданскій и церковный изданія «Общества распространенія полезныхъ книгъ». Буквари, собственно изданные для солдатскихъ школъ: г) букварь Лишина; д) букварь солдатскій Погоскаго; е) русская азбука для артиллерійскихъ школъ; ж) букварь для матросовъ—Ризникова; замѣтка о букваряхъ Ященко и Главинскаго и объ азбукѣ, изданной Редакціей журнала «Учитель». Метода Золотова и изданныя имъ пособія для обученія грамотѣ; классныя доски для подвижныхъ буквъ; изложеніе методы Золотова и ея оцѣнка; общіе выводы изъ третьей и четвертой лекцій.

Предметомъ настоящей нашей лекціи будетъ звуковая метода обученія грамотѣ. Объ этой методѣ мы намѣрены сказать подробнѣе; потому что не смотря на всю разумность звуко-

вой методы, не смотря на то, что всѣ говорятъ у насъ о достоинствѣ этой методы, она сравнительно съ прочими труднѣе, такъ что ясныхъ и точныхъ понятій объ этой системѣ многіе не имѣютъ. Для васъ, Гг! она должна быть предметомъ особаго изученія; потому что метода эта болѣе прочихъ можетъ быть примѣнима къ обученію солдатъ.

Сдѣлаемъ общую характеристику звуковаго способа преподаванія. Способъ этотъ явился на Западѣ еще въ началѣ настоящаго столѣтія, и мало по малу былъ введенъ почти всюду, по причинѣ своей естественности. У насъ еще въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія было сдѣлано нѣсколько одиночныхъ попытокъ—ввести эту методу какъ въ школьное, такъ и въ домашнее обученіе, но онѣ не имѣли успѣха; только въ послѣднее двадцатилѣтіе издано нѣсколько букварей по звуковой методѣ, которые обратили на себя вниманіе общества и школы. Первою изъ такихъ попытокъ былъ звуковая азбука Студитскаго; чрезъ довольно продолжительное время за ней послѣдовали буквари: Паульсона, Золотова и другихъ составителей азбукъ, болѣе или менѣе придерживавшихся звуковой системы. Въ большей части школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія этотъ способъ введенъ оффиціально, равно какъ и въ нѣкоторыхъ войсковыхъ школахъ. Народныя земскія школы нѣкоторыхъ губерній также усвоили этотъ способъ; но въ домашнемъ и въ частномъ школьномъ обученіи еще весьма многіе придерживаются буквосочетательнаго способа обученія, по старымъ букварямъ, какъ мы и замѣтили это (стр. 125). Изобрѣтеніе звуковаго способа обученія грамотѣ приписываютъ жившему въ началѣ настоящаго столѣтія въ Кастелѣ (въ Гессенъ-Дармштатѣ), школьному учителю доктору Стефани, который распространилъ его чрезъ учителей, выпущенныхъ имъ изъ устроенной имъ же учительской семинаріи. Способъ этотъ въ различное время видоизмѣнили дрезденскіе педагоги—Кругъ и Шульце и директоръ учительской семинаріи въ Потсдамѣ, Гинчъ. Послѣдователи Стефани соединили звуковой способъ съ методой наглядnаго преподаванія, и во многихъ случаяхъ дали ему самое превратное направленіе: таково пре-

подаваніе, извѣстное во всей Германіи подъ именемъ: «фишъ-бухъ» [145]).

Чтобы дать понятіе о тѣхъ здравыхъ началахъ, на которыхъ основалъ звуковую методу Стефани, мы приведемъ здѣсь взглядъ на нее его самого. «Подъ звукомъ», говоритъ онъ, «разумѣется видоизмѣненіе голоса, производимое раскры-«тіемъ, сжатіемъ или вообще какимъ-либо положеніемъ рта. «Простѣйшіе, неразложимые звуки составляютъ элементы чело-«вѣческой рѣчи; изъ нихъ образуются всѣ слоги и слова, и съ «этой точки зрѣнія рѣчь можно назвать музыкою мыслей, а «ротъ инструментомъ, на которомъ эта музыка разыгрывается. «Буквы суть только видимые знаки, произвольно принятые для «обозначенія звуковъ:—это ноты для инструмента нашей рѣчи. «Если мы, напримѣръ, на инструментѣ нашего голоса возьмемъ «сразу и связно буквы: *л, у, н, а*, выйдетъ слово: «*луна*»; слѣдова-«тельно чтеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ одинъ или нѣсколько «пріемовъ (т. е. слоговъ) произнести, въ извѣстномъ порядкѣ, «всѣ буквы каждаго слова, по свойственному каждой буквѣ зву-«ку» [146]).

Нечего доказывать правильность главныхъ положеній этой методы, они говорятъ сами за себя. Среди длиннаго ряда дидактовъ, дѣлавшихъ попытки ввести раціональные способы обученія грамотѣ, Стефани былъ первымъ, которому удалось упростить обученіе грамотѣ, возвративъ ему его *естественность*. Авторъ «Роднаго слова» справедливо замѣчаетъ, что вся заслуга звуковой методы въ томъ и состоитъ, что она оторвалась отъ прежней искусственной схоластической методы и обратилась на естественный, историческій путь; обратилась прямо къ изученію звуковъ, какъ элементовъ изустнаго слова и ихъ начертаній [147])

---

[145]) Этимъ именемъ называется нѣмецкій букварь, на обложкѣ котораго напечатана рыба (Fisch). Преподаваніе начинается разсматриваніемъ рыбы: въ рыбѣ три части—голова, тѣло и хвостъ; сообразно этому и въ словѣ: «фишъ» три звука—начальный ф, средній и, конечный ш и т. д.

[146]) См. Ausfürl. Beschreib. d. Laut-Method. v. Dr. Stefani. Erlang. 1865. стр. 13-я.

[147]) См. Род. Слов. для учител. Ушинскаго. Спб. 1868 г. изд. 5. стр. 35.

Главные, общіе пріемы звуковаго способа обученія грамотѣ слѣдующіе:

а) Преподаваніе начинается попытками, чтобы ученикъ ясно и чисто произносилъ всѣ гласные звуки, и умѣлъ въ произношеніи отличить одинъ звукъ отъ другаго. Гласные звуки точно такъ же, какъ и согласные, могутъ раздѣляться по органамъ произношенія. Люди, занимающіеся изученіемъ языка, давно замѣтили, что *и* есть чисто горловой или гортанный звукъ, *а*— звукъ небной, а *у*—губной. При произношеніи *а* мы разширяемъ ротъ: чистый звукъ *а* отражается отъ нёба, выходя изъ груди; при произношеніи *и* мы сжимаемъ ротъ, и весь звукъ слышится въ полости рта; произнося *у*, мы особымъ образомъ сжимаемъ губы. Буквы эти суть основные гласные звуки: *а*, соединенное съ *и*, дало *е* (отсюда въ латинской азбукѣ двойное *ае*, соотвѣтствующее *ѣ*); *а*, соединенное съ *у*, дало: *о* и *ы*. Къ этому же разряду сложныхъ гласныхъ звуковъ относятся всѣ, такъ называемые въ филологіи, іотированныя гласныя буквы, или гласныя съ придыханіями, напр. *я*, (іа) *ѣ*, (іе) *ю* (іу). Этими наблюденіями надъ звуками воспользовался и Стефани, онъ училъ ученика произносить чистые звуки, раздѣляя ихъ по органамъ произношенія. Для отличенія одного гласнаго звука отъ другаго, Стефани обращалъ вниманіе ученика на внѣшнее положеніе нашего рта, при ясномъ протяжномъ произношеніи того или другаго гласнаго звука.

б) Послѣ этого на печатной таблицѣ въ нѣсколько уроковъ учитель заставляетъ учениковъ замѣтить гласныя буквы. Памяти учениковъ при этомъ помогаетъ онъ сравненіемъ внѣшняго вида одной буквы съ другою. Заученныя на таблицѣ буквы ученики находятъ въ букваряхъ и выучиваются отыскивать ихъ въ какой-либо книгѣ, въ ряду другихъ буквъ, указывать и называть ихъ каждую отдѣльно, въ разбивку.

в) Когда пройдены всѣ гласныя буквы, и ученики отличаютъ ихъ безошибочно и произносятъ ясно, даютъ имъ подвижныя буквы. Подъ руководствомъ учителя, они ставятъ по двѣ въ рядъ гласныя буквы и произносятъ ихъ вмѣстѣ; отсюда рядъ слоговъ: *ау, ое, еи, аи* и т. д. Послѣдній пріемъ этой степе-

ни обученія составляетъ произношеніе полугласной—*й*. Для этого учитель употребляетъ два способа: или заставляетъ учениковъ скорѣе и скорѣе произносить поставленныя вмѣстѣ гласныя: *аи, еи, ои*, при чемъ буквы сами собою сливаются въ одинъ звукъ (ай, ей, ой), или же закрывая *й* указкой, къ концу которой придѣлана четыреугольная дощечка, заставляетъ учениковъ протяжно произносить поставленную передъ *й*, гласную букву *а* или *е*, потомъ открываетъ *й* и заставляетъ произнести и эту букву коротко, вслѣдъ за первой (а-и=ай).

г) Двогласные звуки: *ай ей* или короткое *й* служатъ переходомъ къ согласнымъ буквамъ. Согласные буквы сообщаются или въ порядкѣ произношенія ихъ по органамъ, а именно: прежде губныя, какъ самыя легкія для произношенія (*б, м, п, в, ф*), потомъ гортанныя и т. д., или сначала придыханія (*х, ф, з, с, г, ж, ш*), потомъ плавныя (*в, л, р, м, н*) и наконецъ отрывистыя, (*б, п, д, т, к, ц, ч, щ*) [148]). Самый способъ чтенія согласныхъ звуковъ съ гласными состоитъ изъ такихъ пріемовъ. Сначала учитель показываетъ согласную букву (преимущественно гласную губную или плавную) и знакомитъ съ ея очертаніемъ учениковъ, давая имъ внимательно разсмотрѣть ея формы. Затѣмъ онъ явственно, протяжно произноситъ звукъ разсматриваемой буквы, напримѣръ: *ммм, ввв,* и потомъ съ согласнымъ звукомъ ставитъ рядомъ гласную букву. Для того чтобы довести до правильнаго произношенія даннаго слога са-

[148]) Раздѣленіе буквъ на придыханія, плавныя и гортанныя основывается на изслѣдованіи законовъ звуковъ или фонетикѣ. Филологи признаютъ за первоначальные согласные звуки: п, к, т, б, г, д; отъ этихъ звуковъ, чрезъ придыханіе или чрезъ прибавленіе буквы—г, образовался рядъ звуковъ придыхательныхъ (палатальныхъ): ф (пг), ч (кг), ж (дг), ш (тг) х (гг); ч въ свою очередь дало происхожденіе—ц, а ж—з, ш—с. Что касается до плавныхъ буквы,—то онѣ отличаются нѣкоторою возможностью произносить ихъ протяжнѣе, чѣмъ другіе гласные звуки. Это объясняется тѣмъ, что эти буквы въ языкахъ первоначальныхъ (санскритскомъ и зендскомъ) суть буквы гласныя. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вы слышите: вмѣсто «внукъ»—«унукъ»; «вулица» вмѣсто: «улица»; «утора» вм: «вчера»; «вмираю» вм. «умираю»; такимъ образомъ становится понятно, что в еще продолжаетъ быть гласной, очень похожей въ произношеніи на у. Тоже говорятъ филологи и о другихъ плавныхъ звукахъ.

михъ учениковъ, учитель употребляетъ слѣдующій пріемъ: закрывая гласную букву, онъ заставляетъ учениковъ тянуть согласный звукъ до тѣхъ поръ, пока откроетъ гласную букву, на которой и обрывается согласной звукъ; при этомъ ученики невольно сливаютъ обѣ буквы въ одинъ слогъ. Такимъ образомъ слогъ: *ма*, сначала произносимый продолжительно, какъ *ммм-а*, произносится потомъ короче, какъ *ма*. Тѣ буквы (отрывочныя или краткія), которыя не допускаютъ продолжительнаго произношенія, удвоиваются въ произношеніи, напримѣръ, *б,б,б-а*, пока за ними не раскроется вторая буква. При чтеніи слоговъ обратныхъ закрытіе буквы не имѣетъ мѣста: опытъ показываетъ, что ученики, которую вы ни закрывайте букву, все-таки произносятъ не *ум*, а *му*. Потому учитель сначала указываетъ прямо на гласную и требуетъ, чтобы ученикъ ее произнесъ прежде согласной. При дальнѣйшемъ изученіи согласныхъ буквъ ученики начинаютъ читать односложныя слова, а если можно, и цѣлыя предложенія; пріемъ этотъ полезенъ, тѣмъ, что ученики сразу понимаютъ цѣль обученія чтенію и заинтересовываются своими занятіями.

д) Наконецъ учитель переходитъ къ труднѣйшей части обученія чтенію, именно—къ произнесенію словъ, въ которыхъ предъ гласною находятся двѣ или нѣсколько согласныхъ буквъ. Для этого учитель или закрываетъ первую часть слова, если въ немъ нѣсколько согласныхъ предшествуютъ гласной буквѣ, и постепенно открывая по одной согласной, заставляетъ учениковъ произносить слово въ нѣсколько пріемовъ; напримѣръ, въ словѣ—*кладъ* сначала произносится—*ладъ*, а потомъ—*кладъ*; слово—*врагъ* сначала произносится, какъ *рагъ*, а потомъ *врагъ*; или учитель закрываетъ конецъ слова, если въ немъ двѣ или нѣсколько согласныхъ слѣдуютъ за гласной; напримѣръ, въ словѣ, *остръ* ученики сначала произносятъ знакомое имъ—*ос*, потомъ—*ост* и наконецъ—*остръ*. Это уже знакомый намъ пріемъ методы Песталоцци (стр. 139), только въ связи съ прочими пріемами звуковой методы, этотъ пріемъ получаетъ смыслъ и дѣлается для ученика совершенно яснымъ, именно—отъ тѣсной связи съ предшествующими пріемами. Обученіе оканчивается изученіемъ

азбуки въ алфавитномъ порядкѣ, заучиваніемъ общепринятыхъ названій буквъ, умѣньемъ ученика раздѣлить слова на слоги, знакомствомъ со знаками препинанія, и наконецъ чтеніемъ предложеній, которыя становятся постепенно труднѣе и сложнѣе.

Естественность и разумность частныхъ пріемовъ, употребляемыхъ при звуковой методѣ обученія грамотѣ, очевидны сами собою, какъ ясна и самая основа методы. По этой методѣ ученикъ прямо знакомится съ звукомъ, выражаемымъ каждою буквою, и тотчасъ же сознательно усвоиваетъ звуки согласныхъ и гласныхъ буквъ, опытнымъ образомъ узнавая коренное отличіе буквъ согласныхъ отъ гласныхъ; затѣмъ постепенно въ умѣ его составляется понятіе о слогѣ и о словѣ. Такимъ образомъ основаніемъ всей методы служитъ психологическое правило: «только то надолго остается въ памяти и сознательно усвояется, что нами достаточно понято» (стр. 57). По своему процессу способъ обученія чтенію—по звукамъ далеко оставляетъ за собою буквосочетательный и буквослагательный способы обученія грамотѣ: здѣсь ученикъ съ перваго урока читаетъ самые звуки и избѣгаетъ заучиванія названій буквъ или повторенія этихъ названій каждый разъ при складываніи словъ; все ненужное, приготовительное выбрасывается вонъ и преподаваніе прямо идетъ къ цѣли, къ пониманію сущности механизма чтенія. Звуковая метода, какъ самая естественная и несомнѣнно облегчающая дѣло преподаванія, должна быть особенно изучена и выбираема преимущественно предъ прочими для обученія солдатъ. Приступать къ обученію по звуковымъ букварямъ нужно не иначе, какъ предварительно хорошо изучивши преподаваніе по предполагаемому для употребленія букварю. Преподаватели по звуковой методѣ полагаютъ, что учитель можетъ по ней заниматься не болѣе какъ съ 20-ю учениками въ одинъ разъ. Такое мнѣніе понятно,—успѣхъ звуковой методы основывается на близкомъ ознакомленіи съ формою буквы и съ чистымъ раздѣльнымъ ея произношеніемъ: такія условія очевидно соблюсти нельзя, если классъ слишкомъ многочисленъ (стр. 47). Такимъ образомъ введеніе въ солдатскую школу звуковаго

способа обученія грамотѣ предполагаетъ пособничество помощниковъ учителя или самихъ учениковъ. Если ваши помощники, унтеръ-офицеры, сами обучались по старинному буквосочетательному способу; вы отъ нихъ никогда не можете ожидать ни искренняго пособничества, ни разумнаго веденія преподательскаго дѣла (стр. 99). Весьма законно со стороны мало развитаго унтеръ-офицера, учителя, думать, что если онъ обучился грамотѣ по старинному способу, то этотъ способъ самый лучшій, и по этому-то способу легче всего выучиться. Даже для насъ, обучавшихся грамотѣ по буквосочетательному способу, на первый разъ звуковая метода кажется странной и намъ несродной: примѣняя ее къ преподаванію на практикѣ, мы спачала чувствуемъ себя въ неловкомъ положеніи, оттого что приходится дѣйствовать по новымъ пріемамъ, которыхъ естественность хотя мы и признали, но примѣненіе которыхъ намъ мало знакомо; только впослѣдствіи наша опытность въ употребленіи звуковой методы помогаетъ намъ достигать счастливыхъ результатовъ въ преподаваніи. Лучшихъ помощниковъ преподаватель-офицеръ будетъ имѣть въ тѣхъ ученикахъ, которые обучатся читать, подъ его руководствомъ, по звуковой методѣ. Ничего не можетъ быть нелѣпѣе, какъ переучивать учениковъ, учившихся по другому способу, на звуковой ладъ—это говоритъ мнѣ мой собственный опытъ и опытъ людей, заинтересованныхъ дѣломъ образованія арміи. Г. Лишинъ замѣчаетъ: «Учитель солдатской школы съ самого начала обязанъ отдѣлить знающихъ склады и обучившихся азбукѣ по другому способу, чтобы они занимались подъ руководствомъ другаго учителя».

Перейдемъ къ указанію тѣхъ букварей звуковаго способа преподаванія, которые какъ по пріемамъ обученія, такъ и по содержанію приложенныхъ къ нимъ статей для чтенія, идутъ къ обученію взрослыхъ и могутъ служить учебной книжкой въ солдатской школѣ. Изъ цѣлой массы букварей, наводняющихъ нашу книжную торговлю, мы можемъ выбрать только *семь* букварей, составленныхъ правильнѣе другихъ; изъ нихъ *три* букваря преимущественно назначены для солдатскихъ школъ.

I) Между такими букварями первое мѣсто занимаетъ: «*Букварь, составленный совѣтомъ воскресныхъ петербургскихъ школъ.*» (С. Петербургъ, 1862 г. цѣна 5 копѣекъ). Въ составленіи букваря принимали участіе наши лучшіе педагоги, потому букварь составленъ весьма искусно. При составленіи его имѣлось въ виду дать учебное руководство по грамотности воскреснымъ школамъ, возникшимъ въ столицахъ и во всей Россіи въ началѣ 60-хъ годовъ, Букварь составленъ по звуковой методѣ: сначала идетъ изученіе гласныхъ—*мягкихъ* и *твердыхъ*, далѣе слѣдуютъ полугласныя и различныя сочетанія гласныхъ буквъ съ гласными, или съ краткой *й* и полугласными *ъ* и *ь*; *ъ* называется краткой *ы*, а *ь* краткой *и*, на томъ основаніи, что эти буквы слышатся, какъ сокращенные звуки, въ словахъ: *изъянъ*, *подъемъ*, *ладья*, *имѣньице*. Въ показанныхъ словахъ буквы—*ъ* и *ь* дѣйствительно служатъ сокращеніемъ буквъ—*ы* и *и*; *изъянъ* происходитъ отъ слова: *изымать*; *подъемъ* отъ слова: *подымать*; равнымъ образомъ «*ладья* сокращаетъ слово: *ладія*; *имѣньице* есть сокращеніе слова: *имѣніе*. Объясненіе это, не смотря на остроуміе, очень мудрено. Послѣ изученія гласныхъ, ученики прямо приступаютъ къ чтенію статьи: «*Село Фокино*». Сюжетомъ для разсказа служитъ жизнь сельца Фокина. Жители села были большіе пьяницы, и потому обѣднѣли; но въ слѣдствіе благаго почина, сдѣланнаго жителями сосѣдняго села Ѳомина, они зареклись пить вино, стали трудиться, и зажили домовито и привольно; начали дѣтей учить грамотѣ, завели сельскую лечебницу. Въ концѣ концовъ случившійся въ ихъ селѣ пожаръ отъ грозы, отъ котораго староста сельскій лишился всего своего достатка, навелъ ихъ на мысль составить ссудную кассу и такимъ образомъ обезпечить свое благосостояніе и на будущее время. Первая половина этого разсказа составлена изъ словъ, въ которыхъ всѣ слоги прямые или обратные, съ одною согласною; потому ученикамъ, по мѣрѣ изученія согласныхъ буквъ, легко читать статью. Если это затруднитъ учениковъ на первый разъ, то ихъ заставляютъ постепенно выучивать встрѣчающіяся въ статьѣ согласныя буквы, прочитывая съ ними слова, помѣщенныя въ столбцахъ

подъ каждой страницей разсказа. При обученіи употребляются подвижныя буквы—на толстой бумагѣ: при букварѣ такихъ буквъ приложено четыре страницы. Чрезъ приставленіе къ согласной и отнятіе отъ нея гласной ученикъ доводится до пониманія свойства согласнаго звука. Во второй половинѣ разсказа встрѣчаются двойныя и тройныя сочетанія согласныхъ буквъ въ одномъ слогѣ; для облегченія обученія предлагаются внизу примѣры словъ съ постепеннымъ нарощеніемъ согласныхъ буквъ. При концѣ разсказа «*Село Фокино*», изъ котораго читающіе знакомятся со всѣми буквами азбуки, приложена азбука въ порядкѣ алфавита, съ прописными буквами. Букварь оканчивается—молитвами, напечатанными по-славянски, счетомъ, прописью и легкими статьями для чтенія—изъ сборника народныхъ сказокъ Аѳанасьева, отрывками изъ повѣстей Погоскаго и Тургенева, и стихотвореніями Кольцова и Некрасова.

II) Второй болѣе распространенный букварь звуковой методы, пригодный для обученія взрослыхъ: «*Русская азбука для народныхъ школъ и для домашняго обученія, составленная по новѣйшей, простѣйшей методѣ*». (изданіе Лермантова и К° 1861 г. С. Петербургъ, цѣна 5 коп.) Изданіе азбуки принадлежитъ Редакціи «Народнаго Чтенія». Къ букварю прилагается особая книжка: «Наставленіе, какъ учить грамотѣ по азбукѣ изданія Лермантова и Ком.» (Спб. 1861.) Букварь начинается изученіемъ гласныхъ буквъ съ нѣсколькими согласными; ученикъ прямо приступаетъ къ составленію слоговъ и двусложныхъ словъ изъ подвижныхъ буквъ небольшаго размѣра; потомъ читаетъ эти же самыя слова въ букварѣ. Къ букварю приложено нѣсколько листовъ крупныхъ буквъ, напечатанныхъ на толстой бумагѣ; разрѣзавъ листъ, даютъ по нѣсколько буквъ каждому ученику, чтобы онъ самъ могъ учиться составлять изъ нихъ изучаемые слоги и слова. Пріемъ обученія такой. Еще не изучая буквъ, ученику даютъ разрѣзанныя буквы *м, м, а, а*; говорятъ ему, какъ пишется, слово—*мама* и постепенно доводятъ его, чтобы онъ самъ раздѣлилъ это слово на слоги, а слоги на буквы. Когда онъ хорошо можетъ отвѣтить на вопросы: какъ пишется *мама*; какъ пишется *ма*; какъ пи-

шется *м*, или *а*, тогда урокъ кончепъ. Въ слѣдующіе уроки слово—*мама* превращается въ *маму, мамъ, мамы,* и такимъ образомъ ученикъ доводится до познанія свойства гласной и согласной буквъ. На первой страницѣ букваря напечатано 16-ть буквъ гласныхъ и согласныхъ, преимущественно губныхъ; всѣ буквы постепенно вводятся въ чтеніе, посредствомъ напечатанныхъ на страницѣ словъ и фразъ; снизу страницы находятся цѣлыя предложенія изъ тѣхъ же заученныхъ ученикомъ согласныхъ и гласныхъ буквъ. Первая страница самая труднѣйшая: ученику предстоитъ заучить почти половину азбуки въ нѣсколько уроковъ. Послѣ изученія всей азбуки и знакомства съ прямыми слогами, слѣдуетъ чтеніе словъ съ обратными слогами, при чемъ объясняется значеніе буквы *ъ*; предъ изученіемъ слоговъ съ двумя и тремя согласными буквами, объясняется звукъ и употребленіе буквы *й* и наконецъ, послѣ трехбуквенныхъ слоговъ и составленныхъ изъ нихъ словъ и предложеній, показано употребленіе буквы *ь*. Букварь оканчивается азбукой, по порядку алфавита, краткими біографіями—Пушкина, Шевченко, Кольцова, Слѣпушкина, Кулибина, Ломоносова,—молитвами и основными законоположеніями. Лучшую часть этой азбуки составляютъ, безъ всякаго сомнѣнія, приложенія къ ней. Мысль указать грамотному человѣку на сочиненія нашихъ родныхъ писателей и поэтовъ, чтобы онъ самъ могъ ихъ прочесть на досугѣ, мысль оригинальная и основательная. Біографіи Кольцова и Пушкина помѣщены здѣсь, очевидно, съ цѣлью, чтобы возбудить любознательность ученика и заставить ето прочесть нѣкоторыя, болѣе доступныя для него ихъ произведенія. Занимательный отрывокъ изъ «Воспоминаній о Т. Шевченко», Чужбинскаго, помѣщенъ здѣсь, съ тѣмъ чтобы учащійся прочелъ всю эту брошюру; отрывокъ изъ жизнеописанія Кулибина помѣщенъ, чтобы указать ученику на книжку: «Механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ» (1862 г.), интересную для всякаго грамотнаго простолюдина. Цѣль букваря будетъ вполнѣ достигнута, если онъ, хотя и не дастъ первыхъ нужныхъ для неграмотнаго научныхъ свѣдѣній, но возбудитъ охоту къ чтенію въ ученикѣ. Во всякомъ случаѣ изученіе чтенія по этому

букварю предполагаетъ, что въ библіотекѣ солдатской школы найдутся сочиненія, указанныя въ букварѣ.

При оцѣнкѣ букварей мы также должны брать во вниманіе и то, можетъ ли букварь быть также руководствомъ для изученія церковно-славянской азбуки. Религіозно-нравственное чтеніе необходимо для простолюдина; должно, на ряду съ прочими занятіями, удовлетворять и эту насущную потребность русскаго солдата. Наклонность къ религіозному чтенію лежитъ въ благочестивой натурѣ нашего простолюдина: онъ и грамотѣ учится собственно для того, чтобы читать церковныя книги; даже въ самомъ желаніи—учить его читать по букварю гражданской печати наивный смыслъ нашего простолюдина видитъ едва не посягательство на свою вѣру. Учитель долженъ поддерживать потребность религіознаго чтенія и въ нашемъ солдатѣ: она служитъ источникомъ всего добраго и нравственнаго въ набожномъ русскомъ человѣкѣ. Къ обученію чтенію по-церковнославянски должно побуждать учителя солдатской школы и желаніе—дать своимъ ученикамъ средства къ пониманію нашего православнаго богослуженія, которое совершается на древнемъ языкѣ. По завѣту Православной Церкви, въ нашихъ храмахъ мы слышимъ молитвы нашихъ отцовъ на томъ древнемъ языкѣ, на которомъ говорили наши предки, на который было переведено Священное Писаніе великими и святыми апостолами славянъ; это одно изъ могучихъ средствъ возбудить въ насъ любовь къ нашей родинѣ, къ нашему прошлому, и есть одно изъ неотъемлемыхъ принадлежностей нашей народности. Величественный славянскій языкъ нашихъ богослужебныхъ книгъ понятенъ, при небольшомъ съ нимъ знакомствѣ; съ другой стороны наша церковная литература богата самыми образцовыми произведеніями. Потому нельзя и въ этомъ случаѣ не признать здраваго смысла нашего простаго народа, отстаивающаго богослуженіе и чтеніе Слова Божія на родномъ языкѣ, стоящаго вѣрнымъ стражемъ своей народности, тогда какъ болѣе образованные классы всѣхъ-почти славянскихъ племенъ считаютъ едва-ли не честью не имѣть никакой народности. Потому учитель, по нашему мнѣнію, непремѣнно тотчасъ, въ слѣдъ

за обученіемъ въ солдатской школѣ чтенію гражданской печати, приступить къ обученію солдатъ церковно-славянскому чтенію. Это сдѣлать очень легко, показавъ отличіе очертанія буквъ церковно-славянской азбуки отъ гражданской. Изученіе тѣхъ немногихъ буквъ, которыя составляютъ излишекъ церковно-славянской азбуки предъ гражданской, также немного затруднитъ ученика, уже пріученнаго къ труду книжнаго ученья: форму этихъ буквъ и выговоръ ихъ при чтеніи объяснить весьма не трудно. Послѣдній пріемъ этого обученія есть знакомство съ нѣкоторыми, болѣе важными сокращеніями или *титлами,* которыя вошли въ церковно-славянскую печать изъ стариннаго письма, и были въ началѣ простымъ изобрѣтеніемъ переписчиковъ.

Изъ букварей, обучающихъ совмѣстно чтенію гражданской и церковной печати, обращаетъ на себя вниманіе: «*Букварь «гражданскій и церковный, съ приложеніемъ статей для «чтенія и краткихъ общеполезныхъ свѣдѣній*» (Москва. 1863 года, цѣна 20 коп.). Букварь удостоился отъ «Общества рас. полез. книгъ преміи» и одобренъ «Попечительнымъ Совѣтомъ Московскаго Учебнаго Округа,» для употребленія въ сельскихъ училищахъ. Хотя букварь и назначенъ для дѣтей, но по разумности методы преподаванія и по краткимъ, хорошо составленнымъ статьямъ для первоначальнаго чтенія, приложеннымъ къ нему, можетъ быть съ пользою употребленъ и въ солдатскихъ школахъ. Букварь обучаетъ грамотѣ почти въ томъ же порядкѣ, какъ и букварь предшествующій. Гласныя буквы ученики выучиваютъ въ первые два урока; согласныя изучаются постепенно въ слѣдующіе уроки; изученіе послѣднихъ также сопровождается чтеніемъ изрѣченій, въ составъ которыхъ входятъ изучаемыя мало по малу буквы, а потомъ чтеніемъ и цѣлыхъ предложеній. Составитель букваря непремѣннымъ условіемъ обученія поставляетъ употребленіе *передвижныхъ* буквъ, и при употребленіи ихъ указываетъ на три пріема: 1) составленіе самимъ преподавателемъ изъ этихъ буквъ слоговъ и словъ, 2) указаніе ученикамъ, сколько въ словѣ буквъ и слоговъ и 3) пріученіе учениковъ—составлять, подъ диктовку учителя, слова изъ

подвижныхъ буквъ. За азбукой гражданскаго шрифта слѣдуютъ азбука славянская, и напечатанныя церковнымъ шрифтомъ общеупотребительныя молитвы, съ подстрочнымъ переводомъ и объясненіемъ ихъ. Далѣе напечатано нѣсколько стихотвореній духовнаго содержанія и выдержки изъ прозаическихъ сочиненій такого же содержанія: между послѣдними находится рельефный разсказъ изъ житія Преп. Сергія Радонежскаго о томъ, какъ Святой выучился грамотѣ. Объясненіе молитвъ составляетъ лучшую часть букваря и можетъ служить прекраснымъ руководствомъ при обученіи чтенію по-славянски. Далѣе въ букварѣ помѣщены краткія свѣдѣнія о Россіи; въ статью эту входятъ: статья о нашемъ старинномъ бытѣ; краткая исторія Руси; свѣдѣнія о пространствѣ и устройствѣ Русской земли и о законахъ. Книжка оканчивается указателемъ главныхъ городовъ Россіи, св. монастырей и краткимъ календаремъ, съ подробнымъ разъясненіемъ каждаго праздника Православной Церкви. По своимъ приложеніямъ серьёзнаго содержанія и преимущественно духовнаго, что—должно замѣтить — очень любятъ нашъ простолюдинъ и солдатъ, эта книга въ рукахъ умнаго преподавателя можетъ быть одной изъ полезныхъ книгъ солдатской школы,—серьёзнымъ первоначальнымъ чтеніемъ и всегдашней справочной книгой для русскаго солдата даже и по выходѣ его изъ службы. Въ изложеніи свѣдѣній о Россіи видны отчасти славянофильскія тенденціи, потому что авторъ, распространяясь о старой Руси, мимоходомъ говоритъ только о реформѣ Петра и, какъ справедливо замѣтилъ «Книжный Вѣстникъ» [149]), въ статьѣ пропущено для краткости все жизненное, все картинное изъ нашей исторіи; но съ книгой миритъ насъ окончательно—чистый, простой ея языкъ, доступный, съ немногими объясненіями учителя, простолюдину и солдату. Въ исторіи Руси авторъ подробно разсказываетъ о нашемъ русскомъ старинномъ бытѣ; это намѣреніе автора очень оригинально и заслуживаетъ сочувствія: старинные свои обычаи добрые народъ нашъ любитъ

---

[149]) См. Книж. Вѣсти. за 1863 г. стр. 155-я.

и простой неприхотливый бытъ нашихъ предковъ считаетъ своимъ идеаломъ.

Перейдемъ къ букварямъ, назначеннымъ собственно для солдатскихъ школъ.

III) По образцу разсмотрѣнныхъ нами букварей составленъ Г. Лишинымъ: «*Букварь для употребленія въ войскахъ*». Г. Лишинъ, командуя однимъ изъ резервныхъ баталіоновъ, занимался самъ обученіемъ грамотѣ рекрутъ, при помощи офицеровъ баталіона; успѣхъ звуковой методы, употребленной имъ въ 1865 году, посредствомъ которой изъ 1270 человѣкъ рекрутъ, въ теченіе 6-тимѣсячнаго срока, выучилось грамотѣ 1100 человѣкъ, — навелъ Г. Лишина на мысль составить особый букварь, для обученія грамотѣ въ войскахъ [150]). Обученіе по букварю Г. Лишина начинается съ изученія гласныхъ, какъ мы это видѣли въ прочихъ букваряхъ (стр. 155); далѣе въ томъ же порядкѣ слѣдуетъ: изученіе согласныхъ буквъ съ звуковымъ названіемъ ихъ (*бъ, въ*), и по мѣрѣ изученія согласныхъ—чтеніе словъ и фразъ двусложныхъ. Этотъ способъ обученія грамотѣ намъ уже извѣстенъ изъ предшествующихъ нашихъ чтеній (стр. 137). Главную роль въ преподаваніи играютъ подвижныя буквы и доска, съ полочками для буквъ; собственно же букварь назначается, какъ руководство для учителя, который изъ него можетъ заимствовать разнообразныя сочетанія буквъ и словъ, для практики въ классѣ. Какъ роскошь, Г. Лишинъ допускаетъ раздачу ученикамъ пройденнаго урока на восьмушкахъ бумаги, послѣ каждаго класса. По нашему мнѣнію, трудъ преподаванія значительно бы облегчился, еслибы ученики каждый разъ находили въ своихъ книжкахъ то, что они выучились—читать или складывать на доскѣ въ продолженіе класса. Съ одной стороны это бы служило большимъ поспорьемъ для класснаго обученія, которому въ такомъ случаѣ можно предоставить задачу—руководить ученика, упражняя его въ складываніи и быстромъ чтеніи словъ. Одного

[150]) Букварь сначала напечатанъ авторомъ въ Воен. Сбор. 1866 г. №3, въ видѣ приложенія къ статьѣ его: «Образованіе рекрутъ» стр. 109. Изъ этой статьи мы заимствуемъ всѣ данныя для нашей замѣтки.

преподаванія въ классѣ, которое можетъ, по словамъ Г.Лишина, продолжаться часъ или полтора, во всякомъ случаѣ не достаточно рекруту для хорошаго обученія грамотѣ: мы знаемъ, что и развитый ученикъ, но непривыкшій къ занятіямъ, очень мало выноситъ изъ часовой лекціи. Наука должна быть предоставлена самодѣятельности ученика, особливо взрослаго (стр. 78); самостоятельности этой быть не можетъ, когда обученіе предоставляется только классным урокамъ и ученику не дается свободы—самому по книгѣ провѣрить свое знаніе, вдуматься въ то, что ему преподано. Въ этомъ согласны и лучшіе педагоги [151]). По методѣ Золотова, также обученіе грамотѣ не предоставлено исключительно системѣ подвижныхъ буквъ: для отдѣльныхъ занятій каждаго ученика назначаются Золотовымъ печатныя таблицы упражненій и особыя печатныя книжки. Букварь на рукахъ ученика, вмѣстѣ съ упражненіемъ во время урока въ складываніи словъ изъ подвижныхъ буквъ, непосредственно и наглядно знакомитъ его съ процессомъ чтенія книги. Нельзя же обыкновеніе, распространенное вездѣ,—давать на руки ученику букварь считать не основательнымъ и нелѣпымъ. Предоставляя на первыхъ порахъ дѣло обученія грамотѣ одному только складыванію словъ изъ подвижныхъ буквъ, мы ставимъ ученика въ то же ложное положеніе, въ какое его ставила и старинная буквосочетательная метода, по правиламъ которой ученикъ принимался за чтеніе книги не раньше, какъ по изученіи всевозможныхъ складовъ. Мы точно также заставляемъ ученика изучить всѣ таблицы, а потомъ даемъ ему букварь. Букварь стоитъ такую незначительную сумму, что снабдить имъ солдата не составитъ особаго расхода; между тѣмъ хорошій солдатъ по этому букварю выучитъ грамотѣ и безграмотнаго своего товарища-солдата и односельца-крестьянина, самъ будетъ читать по букварю ежедневно молитвы и т. п. Впрочемъ въ пользѣ раздачи солдатамъ букварей, кажется, и Г. Лишинъ соглашается, по крайней мѣрѣ онъ рекомендуетъ въ своей статьѣ для солдатскихъ школъ различные

---

[151]) См. Руков. къ восп. и обуч. Шварца. перев. Шафранова Спб. 1867 г. ч. 2. стр. 213.

буквари, изданные въ послѣдніе годы. Но въ такомъ случаѣ для чего на листовомъ букварѣ, изданномъ авторомъ при Штабѣ Казанскаго военнаго округа, повторена та же надпись: «*Руководство для учителей*», которая сдѣлана и на букварѣ въ Военномъ Сборникѣ? Въ настоящемъ году Г. Лишинъ для своего баталіона изобрѣлъ особыя ящики, съ 40 гнѣздами, для подвижныхъ буквъ; подвижныя буквы, средняго размѣра, наклеены на квадратныя дощечки; верхняя доска ящика, снабженная полочками, служитъ и доской для выставленія буквъ. Намъ показались и размѣръ доски, и самыя буквы слишкомъ мелкими для класснаго упражненія.

Въ концѣ букваря Г. Лишина приложено нѣсколько афоризмовъ для чтенія. Но большая часть этихъ афоризмовъ не понятны, по своему отрывочному характеру (напр. «честному человѣку весело жить на бѣломъ свѣтѣ—никого онъ, кромѣ Бога, не боится» и т. д.) Въ нѣкоторыхъ изреченіяхъ желаніе поддѣлаться подъ говоръ народный еще болѣе затемнило смыслъ фразъ; напр: «Не уважаетъ науки тотъ, кто пришибленъ съ молоду»—«Отдѣльный солдатъ ловко свое дѣло правитъ и этотъ самый духъ въ немъ на-счетъ побѣды есть». Такого языка, мы думаемъ, должно избѣгать въ бесѣдахъ съ простолюдиномъ по тѣмъ причинамъ, которыя мы указали на стр. 87. Есть еще одна крупная ошибка у Г. Лишина въ его листовомъ букварѣ: ученики то изучаютъ прописныя, то строчныя буквы. Всѣми педагогами признано за правило—начинать обученіе непремѣнно по строчнымъ буквамъ. «Въ началѣ обученія», говоритъ д-ръ Куртманъ, должно при всякой методѣ употреблять азбуку только одного размѣра. Одна изъ ошибокъ буквосочетательной методы состояла въ томъ, что и прописнымъ буквамъ учили вмѣстѣ съ строчными. По правилу: «только по одной трудности заразъ», надобно сначала отстранить всѣ буквы, безъ которыхъ до времени можно совершенно обойтись» [152]).

IV) Другая книга, изданная, съ цѣлію доставить пособіе при обученіи грамотѣ солдатскимъ школамъ, — букварь Г. Погоскаго, нашего даровитаго простонароднаго писателя.

[152]) Тамъ же стр. 214.

Букварь этотъ—первый выпускъ издаваемаго авторомъ, журнала: «Досугъ и Дѣло» за 1867 годъ, и называется: «*Букварь солдатскій*». (С. Петербургъ. 1867 г.) Глубокое знакомство Г. Погоскаго съ бытомъ солдата и вполнѣ заслуженная слава его повѣстей изъ солдатскаго быта даютъ букварю право на полное вниманіе со стороны преподавателей солдатскихъ школъ. Для преподавателей особенно интересна его замѣтка: «*Для учителя*», помѣщенная въ началѣ букваря. Авторъ совѣтуетъ начинать каждый урокъ съ чтенія самимъ учителемъ для учениковъ какой-либо занимательной или назидательной книги. Читая внятно и громко сперва, напримѣръ, притчи Христовы, короткія повѣсти и т. п., и объясняя ихъ по мѣрѣ надобности, учитель подготовляетъ и заохочиваетъ учениковъ къ дѣлу чтенія. Нельзя не запомнить для себя этой практической мысли автора;—заохочивать къ наукѣ и къ разумному чтенію, конечно, ближе всего самымъ дѣломъ, а не красивыми рѣчами. Метода обученія, которой слѣдуетъ букварь,—звуковая, начинается изученіемъ гласныхъ и основывается главнымъ образомъ на объясненіи ученикамъ свойства гласныхъ и согласныхъ звуковъ. Вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ Г. Погоскій требуетъ и объяснительнаго чтенія; съ этой цѣлью, при букварѣ помѣщено нѣсколько военныхъ разсказовъ, стихотвореній, пословицъ, басенъ и прекрасный разсказъ автора: «*Походъ*», изложенный тѣмъ живымъ, полнымъ остроумія и душевнаго чувства языкомъ, въ чемъ Г. Погоскій не имѣетъ себѣ равнаго. Подъ статьями напечатаны мелкимъ шрифтомъ вопросы учителя, которые онъ можетъ предлагать ученикамъ, съ цѣлію облегчить пониманіе прочитаннаго. Вопросы эти дадутъ направленіе занятіямъ учителя, а самыя статьи для чтенія непремѣнно заинтересуютъ солдатъ. Что касается до объяснительнаго чтенія, то безъ него обученіе грамотѣ въ школахъ для солдатъ не будетъ имѣть не только счастливыхъ послѣдствій, но даже будетъ лишено смысла и цѣли.

V) Къ букварямъ, предназначеннымъ для солдатскихъ школъ, относится также и «*Русская азбука для солдатъ, принятая, съ одобренія Артиллерійскаго Начальства, для руководства*

во всей артиллеріи» (Спб. 1859 г.) Букварь составленъ по силлабической методѣ, указанной нами на стр. 143, подъ лит. *б*. Сначала изучаются гласныя буквы, за тѣмъ слѣдуютъ склады, потомъ составленіе изъ слоговъ цѣлыхъ словъ, а наконецъ уже—изрѣченій, заключающихъ полный смыслъ. Всякій знаетъ, что заучивать буквы, а потомъ твердить рядъ складовъ, не зная, что изъ этого выйдетъ, невыносимая скука. Учась читать по «Азбукѣ для солдатъ», ученикъ долженъ оставаться въ полномъ невѣдѣніи процесса чтенія, пока не заучитъ одинадцати гласныхъ буквъ и не выучитъ три страницы прямыхъ и обратныхъ складовъ; а это, должно признаться, дѣло очень не веселое. Составитель сдѣлалъ бы лучше, еслибы ввелъ въ преподаваніе съ самаго начала чтеніе односложныхъ словъ, по крайней мѣрѣ тогда бы ученикъ былъ ближе къ дѣлу. Не смотря на это, по содержанію статей, помѣщенныхъ въ концѣ букваря, для первоначальнаго чтенія солдатъ,—букварь вполнѣ доступенъ ихъ пониманію и съ этой стороны соотвѣтствуетъ своей цѣли. Нельзя только не замѣтить, что всѣ статьи азбуки, выбранныя изъ сочиненій Даля, Афанасьева, Пушкина и изъ журнала—«Чтеніе для солдатъ», исключительно юмористическаго содержанія. Зная серьёзный взглядъ нашего простолюдина на грамоту, нельзя думать, чтобы подобный выборъ статей могъ прійтись особенно по вкусу и нашему солдату. Впрочемъ этотъ крупный недостатокъ выкупается отчасти удачной статьей, приложенной въ концѣ книги: «*Для чего нужна солдату грамота*». Простой, понятный языкъ автора статьи и практическій взглядъ на дѣло науки, высказанный къ ней, заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны преподавателя солдатской школы и могутъ послужить для него образцомъ въ манерѣ и умѣньи говорить съ нашимъ солдатомъ, когда дѣло коснется науки.

Есть еще въ нашей книжной продажѣ буквари, назначенные для солдатскихъ школъ; но о нихъ и говорить не стоитъ. Напримѣръ, что можно сказать о «*Русской Азбукѣ для матросовъ*» Г. Ризникова (Спб. 1864 г.), въ которой составитель угощаетъ на первыхъ же порахъ своего ученика-матроса виршами

въ родѣ такихъ: «Буря въ морѣ не игрушка; свернешься, какъ вертушка и пойдешь ко дну, какъ пушка» и т. д. Имѣя въ виду важность приложеній къ букварю, для первоначальнаго чтенія учениковъ, съ другой стороны слишкомъ уважая грамоту и нашего солдата, мы не желаемъ рекомендовать солдатамъ такую азбуку, составитель которой не имѣетъ въ виду—занять ученика на первый разъ легкимъ и занимательнымъ чтеніемъ (стр. 46), а просто ему хочется сказать стишокъ, болѣе или менѣе удачный.

Сдѣлаемъ замѣтку о нѣкоторыхъ оригинальныхъ букваряхъ, болѣе распространенныхъ и болѣе другихъ примѣнимыхъ къ дѣлу преподаванія, а въ заключеніе лекціи подробно объяснимъ и оцѣнимъ Золотовскую методу обученія грамотѣ.

VI) «*Опытъ руководства для преподаванія грамоты по звуковому методу А. Ященко.* (Москва 1862 г., цѣна 8 коп. серебр.). Букварю предшествуетъ, толково и коротко составленное, наставленіе учителю, какъ преподавать по звуковому способу. Букварь, по своему содержанію и порядку преподованія, мало отличается отъ прочихъ букварей звуковой методы: послѣ изученія гласныхъ слѣдуетъ ознакомленіе съ согласными; къ азбукѣ приложены стихотворенія и отрывки прозаическіе. Важное отличіе букваря отъ другихъ—это изученіе согласныхъ по органамъ произношенія, при чемъ авторъ воспользовался упомянутымъ нами въ 3-й лекціи французскимъ способомъ изученія алфавита, т. е. чтобы дать понятіе о чистомъ звукѣ каждой согласной, сравниваетъ ея звукъ съ звуками, издаваемыми нѣкоторыми животными или предметами неодушевленными, напримѣръ: с.с.с.—съ шипѣніемъ гуся или змѣи, ш, ш ш.—съ шумомъ сухихъ листьевъ, г.г.г.—съ воркованіемъ голубя и т. д (лекц. 3. стр. 127).

VII) «*Русская азбука для народнаго употребленія Главинскаго.*» (С. Петербургъ. 1865 г. цѣна 15 копѣекъ) Книга одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, и принята для употребленія въ сельскихъ училищахъ этого вѣдомства. Отличіе букваря Г. Главинскаго отъ разсмотрѣнныхъ нами прежде состоитъ въ томъ,

что букварь составленъ по силлабической методѣ, показанной нами на стр. 142, подъ лит. *а*, а именно: обученіе начинается изученіемъ гласныхъ и потомъ согласныхъ; но при этомъ буквамъ, по мѣрѣ показыванія ихъ ученику, не придается никакого названія, учитель даже не говоритъ звука согласной буквы,— согласная придается только къ гласной и произносится вмѣстѣ съ нею. Во введеніи къ букварю авторъ говоритъ: «отнюдь не должно силиться произносить согласныя буквы отдѣльно отъ гласныхъ: ни *бе*, ни *бъ* ничего не объяснятъ ученику, а лишь произведутъ сбивчивость въ его понятіяхъ. Достаточно указать при первоначальномъ обученіи на букву, а потомъ мало по малу пріучать—называть согласныя ихъ именемъ: «*буки*» «*вѣди*» и проч. и то только, когда ученики будутъ въ состояніи уже читать» [153]). Говоря такимъ образомъ въ защиту силлабическаго способа, Г. Главинскій все-таки на самомъ дѣлѣ, съ прочими сторонниками этого способа, признаетъ его неудовлетворительность: такъ напримѣръ, для того чтобы ученикъ понялъ согласный звукъ, составителемъ вводится въ преподаваніе одинъ изъ звуковыхъ пріемовъ обученія, именно обставленіе согласной двумя гласными (стр. 143). Лучшее приложеніе къ букварю Главинскаго—это молитвы съ ихъ объясненіемъ и отрывки изъ Священнаго Писанія.

Въ нашемъ перечнѣ букварей для солдатскихъ школъ нельзя пропустить еще букваря подъ заглавіемъ: «*Букварь для обученія грамотѣ по любому способу*» (Спб. 1866 г. цѣна 3 коп.). Букварь этотъ есть изданіе Редакціи журнала «Учитель». Этотъ журналъ, педагогическое значеніе котораго для нашихъ школъ не подлежитъ сомнѣнію, въ своихъ руководящихъ статьяхъ и особенно въ статьяхъ замѣчательнаго изъ нашихъ педагоговъ Г. Паульсона [154]) (изъ которыхъ въ настоящія лекціи мы заимствовали много прекрасныхъ, оправдываемыхъ опытомъ положеній) проводилъ ту здравую мысль, что умному учителю не нужно собственно навязывать никакой методы, а предоставить это собственному его выбору: что разум-

---

[153]) См. Рус. азб. для нар. употр. ч. I. «для обучающаго» стр. 4.

[154]) См. «Учитель» 1862 г. №№ 16—19; 1863 г. №№ 21—22.

ный преподаватель и старую систему съумѣетъ такъ осмыслить для ученика, что обученіе достигнетъ своей цѣли. Эти мысли выразились въ изданномъ редакціею букварѣ. «Въ наше переходное время, говорится во введеніи къ букварю, когда съ одной стороны народъ высказываетъ неудержимое желаніе учиться, съ другой же стороны большинство обучающихъ, незнакомыхъ съ наукою преподаванія, далеко еще не согласны въ способахъ обученія,—учебная литература должна заботиться во 1) о возможно дешевыхъ учебныхъ пособіяхъ, а во 2) о томъ, чтобы обучающіе не затруднялись въ употребленіи этихъ пособій, по какому бы способу они не преподавали. Предлагаемый букварь можетъ быть употребленъ для обученія чтенію и письму по любому изъ извѣстныхъ способовъ. Обучающій по старинному способу можетъ, показавъ буквы, начинать склады *б-а—б-а, баба*; обучающій по звуковому способу можетъ, оставя алфавитъ, начать съ отдѣльныхъ словъ, раздѣленныхъ на слоги; начинающій обученіе съ письма беретъ прямо 13 страницу». На всѣ эти способы букварь имѣетъ многіе прекрасно составленные примѣры.

Изложимъ методу Г. Золотова, нашего дидакта, труды котораго въ дѣлѣ распространенія грамотности въ народѣ, особенно же въ войскахъ пріобрѣли ему почетную извѣстность. Въ 1846 году была издана первая на Руси азбука по звуковому способу, съ 176 подвижными буквами, Г. Студитскимъ; но азбука эта не вошла въ общее употребленіе, не смотря на наставленіе, приложенное къ ней, въ которомъ толково и подробно объяснились пріемы звуковой методы. Азбука начиналась не складами, а цѣлыми словами, которыя уже потомъ раздѣлялись на слоги и буквы; за тѣмъ къ складамъ учитель не возвращался во все обученіе. Пріемъ былъ правиленъ и новъ: это было соединеніе методъ Стефани и Жакото, при небольшомъ навыкѣ преподавателя, онъ обѣщалъ несомнѣнный успѣхъ; но попытка ввести звуковую методу была слишкомъ нова, чтобы отъ нея можно было ожидать успѣха. Распространить методу могла практика, а не теорія; Комитетъ Грамотности справедливо замѣчаетъ: «Такъ какъ русская азбука для дѣтей Студит-

«скаго начиналась не съ буквъ въ извѣстномъ порядкѣ, и въ «ней не было отдѣльныхъ складовъ; то по ней не находили «тогда возможности выучить дѣтей чтенію, хотя къ ней и при- «ложена была коробка съ подвижными буквами, изъ которыхъ «можно было составить какіе угодно склады. Обучающіе гра- «мотѣ въ то время не понимали, для чего эти буквы. Хотя по «этой азбукѣ выучились читать очень немногіе; но мало по «малу начали убѣждаться опытами, что можно выучить легко «читать и безъ отдѣльныхъ складовъ, и что при обученіи чте- «нію очень полезны подвижныя буквы». [155]) Такимъ образомъ съ Г. Студитскимъ повторилось то же, что тысячу разъ повторяется съ тѣми, кто идетъ въ наукѣ по новому пути: большинство сознаетъ, что этотъ путь прямѣе ведетъ къ цѣли, чѣмъ прежніе, но пускаться по нему никто не рѣшается; потому честь указанія этого пути, плоды открытія принадлежатъ не этимъ передовымъ людямъ, а большею частью идущимъ въ слѣдъ за ними. Въ первоначальномъ неуспѣхѣ первой попытки ввести у насъ звуковую методу преподаванія имѣло свою долю и то обстоятельство, что метода звуковая не была введена самимъ изобрѣтателемъ ни въ одной общественной школѣ (хотя Г. Студитскій и руководствовался ею въ частномъ преподаваніи около 5-ти лѣтъ)—нужно было сотворить и научить. [156]) Напротивъ Г. Золотовъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ шансы, обезпечивающіе успѣхъ. Въ 1852 году Г. Золотовъ издалъ: «*Таблицы для взаимнаго обученія чтенію и письму*» Блистательный успѣхъ методы сначала въ Одессѣ, а потомъ въ Петербургѣ, въ учебномъ фехтовально-гимнастическомъ кадрѣ весьма много способствовалъ введенію звуковой методы въ войскахъ гвардіи и

---

[155]) См. Запят. Ком. Грамот. за 1863 г. стр. 408—409.

[156]) Г. Студитскій въ книжкѣ: «Какъ учить грамотѣ по азбукѣ для крестьянскихъ дѣтей» (Спб. 1860) жалуется (стр. 6 и 7), по поводу этого обстоятельства, такъ что книжка принимаетъ невольно полемическій характеръ. Мы думаемъ, что если Г. Студитскому удалось ввести первому новую методу; то убѣжденіе, что онъ принесъ посильную пользу великому дѣлу образованія, должна его вполнѣ успокоить, кто бы не воспользовался его изобрѣтеніемъ.

въ большинствѣ петербургскихъ школъ для первоначальнаго обученія. Въ 1860 году Золотовъ издалъ: «*Русскую азбуку для простаго народа*», которая доселѣ имѣла 15-ть изданій. Къ таблицамъ Г. Золотовъ издалъ приложенія подъ названіемъ: «*Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи*» Въ обѣихъ книгахъ повторяются уроки, напечатанные на таблицахъ, и кромѣ того находятся статьи, для чтенія учениковъ и классныхъ бесѣдъ съ ними учителя. Въ «Азбукѣ для простаго народа» помѣщены фразы и разсказы, понятные для крестьянъ. Въ составленіи таблицъ видна опытность и остроуміе автора: онъ разнообразитъ занятія ученика, а примѣрами словъ, съ различнымъ сочетаніемъ гласныхъ и согласныхъ буквъ, способствуетъ къ возбужденію интереса и самодѣятельности въ ученикахъ и постепенно доводитъ ихъ до пониманія процесса чтенія. Разнообразный подборъ примѣровъ на каждое новое сочетаніе буквъ обнаруживаетъ разумность и изобрѣтательность составителя руководства.

Такъ какъ способъ Г. Золотова преимущественно оказался приложимымъ къ солдатскимъ школамъ, гдѣ обучаются взрослые, то мы подробно опишемъ ходъ преподаванія по этой методѣ.

Для преподаванія нужны: во 1-хъ, доска, съ придѣланными къ ней небольшими полочками, на которыя можно было бы ставить наклеенныя на кортонъ, крупнаго шрифта, подвижныя буквы; во 2-хъ, ящикъ, съ 35 отдѣленіями—по числу буквъ, сдѣланный на манеръ типографическаго ящика для наборщика; въ отдѣленія ящика кладутся отдѣльныя буквы по порядку алфавита.

Пересмотримъ рядъ такого рода *читальныхъ приборовъ*, существующихъ въ европейскихъ школахъ. Въ берлинскихъ школяхъ, какъ видно изъ приборовъ, представленныхъ на парижскую всемірную выставку, употребляются доски съ четыреугольными отверстіями, въ которыя вставляются липейки съ различными буквами. Передвигая и перемѣняя липейки, можно получать различныя сочетанія буквъ. Въ испанскихъ школахъ для этой же цѣли употребляется доска, съ такими же отвер-

стіями, позади которыхъ находится нѣсколько рядовъ навернутыхъ на валики тесемокъ, съ напечатанными на нихъ буквами; съ боку есть ручки, чтобы вертѣть валики, отчего въ отверстіяхъ являются различныя буквы. Въ французскихъ школахъ для обученія взрослыхъ, позади доски, съ продольными отверстіями, двигается широкое полотно, на которомъ напечатаны цѣлыя слова. Полотно это очень длинно и заключаетъ въ себѣ полный и прогрессивный курсъ обученія чтенію, такъ что учителю остается при классномъ обученіи только перевертывать постепенно цилиндръ и заставлять своихъ учениковъ читать уроки, напечатанныя на полотнѣ. Очевидно, что всѣ эти приборы менѣе примѣнимы къ дѣлу, чѣмъ доска Золотова, которая всегда можетъ быть подъ рукой, по своему простому устройству. Кромѣ того она имѣетъ то преимущество, что на ней можно выставить скоро разнообразные ряды буквъ и по мѣрѣ надобности замѣнять ихъ такъ же скоро другими или перемѣшивать склады. Этого удобства очевидно нѣтъ ни въ французскихъ, ни въ испанскихъ читальныхъ приборахъ. Мы не говоримъ объ упрощеніи самыхъ таблицъ, что сдѣлано Французскимъ Министерствомъ въ упомянутомъ приборѣ для обученія взрослыхъ (Cours a' adultes).

а) Обученіе по системѣ Золотова *начинается* слѣдующимъ *пріемомъ*. На классной доскѣ большими подвижными буквами набирается пять или шесть словъ, состоящихъ изъ прямыхъ и обратныхъ слоговъ, напримѣръ: *азбука, ясли, иглы, оспа, елка, ерши*. Въ словахъ этихъ есть семь гласныхъ и девять согласныхъ, а именно: гласныя—*а, у, я, и, ы, о, е* и согласныя—*з, б, к, с, г, л, п, р, ш*. Слова эти учитель прочитываетъ, показывая указкой на каждое, и раздѣльно произнося слоги, а за нимъ повторяютъ ученики. Когда ученики запомнятъ слова, то читаютъ ихъ сами подъ рядъ, по указанію учителя, и въ разбивку. Чтобы ученики запомнили не одно мѣсто каждаго слова, а названіе его, учитель приводитъ слова въ другой порядокъ и требуетъ, чтобы каждый ученикъ показалъ безошибочно на спрашиваемое имъ слово. Въ слѣдующій урокъ учитель переходитъ ко второму упражненію. Онъ обращаетъ вниманіе учениковъ на то, что при чтеніи словъ каждое изъ нихъ

подраздѣляется голосомъ на части и что на подобныя же части можно раздѣлить данныя слова и на доскѣ; при этомъ учитель раздвигаетъ набранныя слова на доскѣ на слоги. Ученики видятъ за тѣмъ наглядно, какою частью слова обозначается извѣстный звукъ: *бу*, *ос*, *аз*, и т. д. По указанію учителя, учащіеся прочитываютъ нѣсколько разъ слоги, которые учитель сближаетъ, по ихъ сходству: прямыя слоги онъ ставитъ съ прямыми, обратные съ обратными, напримѣръ: *ка*, *ли*, *па*, *лы*, *ма*, *ши* ставятся на одной сторонѣ; *аз*, *яс*, *ос*, *иг*, *ел*, *ер*—на другой. Послѣ этого учитель объясняетъ, что цѣлое слово имѣетъ значеніе, а части его суть соединеніе звуковъ, безъ всякаго значенія; но какъ изъ этихъ частей *составляется, складывается* слово, то онѣ и называются *слогами* или *складами*. Когда ученики достаточно ознакомятся съ согласными, тогда, подъ диктовку учителя, они сами изъ поставленныхъ въ безпорядкѣ слоговъ составляютъ слова, выставленныя учителемъ во время 1-го урока.

б) *Вторымъ* пріемомъ обученія, по методѣ Золотова, ученики отъ понятія о слогѣ доводятся до понятій о гласной и согласной буквахъ. Это дѣлается посредствомъ знакомыхъ уже намъ изъ предшествующей лекціи (стр. 137 и 143) пріемовъ, а именно: учитель беретъ какой-либо обратный слогъ и отнявъ отъ него согласную букву, или закрывши ее указкой [157]), вопросомъ, какой остался звукъ и какого недостаетъ,—доводитъ учениковъ до пониманія гласнаго звука; во второмъ случаѣ онъ заставляетъ учениковъ произнести обѣ буквы обратнаго слога, а потомъ отнявъ гласную, спрашиваетъ: какой звукъ остался? Такимъ образомъ ученики доводятся до пониманія свойства согласнаго звука, который не можетъ быть самъ собою произнесенъ и въ отличіе отъ *гласнаго* звука, выражающаго полный звукъ или *гласъ*, называется *согласнымъ*, т. е такимъ звукомъ, который, для удобнѣйшаго произношенія, ставится *съ гласнымъ* звукомъ. Нужно замѣтить, что самую трудную часть методы Золотова со-

[157]) Для звуковаго преподаванія дѣлается особаго рода указка, которая съ одной стороны оканчивается острымъ концемъ, а съ другой—имѣетъ квадратную доску, въ вершокъ величины.

ставляетъ именно эти первые два пріема: трудность заключается—во 1-хъ, въ усвоеніи понятія о буквѣ, звукѣ, слогѣ и словѣ, что дѣлается разомъ и во 2-хъ, въ заучиваніи разомъ же всѣхъ буквъ. Особенно это затрудняетъ учениковъ солдатской школѣ: едва ученикъ выучилъ одну букву, смотрите, опять забылъ прежнія; вы должны нѣсколько разъ приниматься за трудъ Сизифа. Здѣсь слабая сторона и неудовлетворительность Золотовской методы. Получивъ понятіе о буквахъ, ученики сами измѣняютъ, подъ диктовку учителя, прямой слогъ въ обратный и наоборотъ. При помощи таблицъ, ученики проходятъ и знакомятся со всѣми согласными буквами. При изученіи вновь каждаго согласнаго звука къ нему приставляются всѣ извѣстныя ученикамъ гласныя буквы; при чемъ объясняется, что звукъ гласной—*ы* не ставится при гортанныхъ и шипящихъ буквахъ; а *я* и *ю* при шипящихъ и при зубной буквѣ *ц*. При каждомъ урокѣ ученики, подъ руководствомъ учителя или помощниковъ его, составляютъ изъ подвижныхъ буквъ на доскѣ новыя слова; матеріалъ для этихъ упражненій находится въ изобиліи въ таблицахъ Золотова. Смыслъ каждаго слова и каждой фразы учитель объясняетъ ученикамъ, употребляя для этого наглядную методу Песталоцци.

в) *Третій* пріемъ методы Золотова состоитъ въ показаніи, какъ читаются слова, въ которыхъ между двумя прямыми слогами вставляется согласная буква, иначе, слова съ *срединными* слогами. Пріемъ этотъ мы отчасти знаемъ, и нельзя не сознаться, что онъ крайне затруднителенъ. Чтобы прочесть слово, напримѣръ, *барка*, ученики читаютъ сначала прямые слоги *ба-ка*; чтобы объяснить имъ, какъ читаются срединные слоги, отъ слога *бар* учитель отнимаетъ послѣднюю букву, выходитъ слогъ *ба*; отнятую букву онъ показываетъ имъ и спрашиваетъ, какъ ее произнести, ученики говорятъ: *ръ*; приставляя къ ней слогъ *ба*?—получаютъ требуемый слогъ *бар*. Это упражненіе даетъ поводъ учителю въ слѣдующемъ урокѣ ознакомить учениковъ своихъ съ значеніемъ буквъ *ъ* и *ь*. XI таблица упражненій Золотова состоитъ изъ одинаковыхъ словъ, съ мягкимъ и твердымъ знакомъ на концѣ, отчего онѣ получаютъ то или другое значеніе (напр. *былъ* и *быль*, *ладъ*

и *ладъ*, *кладъ* и *кладь*, *вѣсъ* и *вѣсь*), что даетъ учителю возможность—объяснить своимъ ученикамъ употребленіе того и другаго знака. Отъ буквъ *ъ* и *ь* естественно перейти къ полугласной *й*. Въ свою очередь серединные склады даютъ средство учителю объяснить ученикамъ чтеніе складовъ съ двумя согласными буквами: для этого употребляется извѣстный способъ нарощенія согласныхъ передъ гласною и послѣ нея; напримѣръ, изъ слова: *адъ*, чрезъ приставку согласныхъ съ начала слова, получаются постепенно: *ладъ*, *кладъ*, *вкладъ*; изъ слова: *кусъ*, чрезъ приставку согласныхъ на концѣ слова, выходятъ: *кустъ*, *куски*, изъ *красъ—красть*, *красный* и т. д.

Изъ знакомства съ методой Г. Золотова очевидно, что она—лучшее примѣненіе звуковаго способа обученія грамотѣ. Метода логически шагъ за шагомъ ведетъ ученика къ пониманію самой сущности процесса чтенія. Общенаучный методъ, избранный Золотовымъ для своей системы, какъ мы сказали (стр. 110) есть анализъ. Во 2-й лекціи (стр 57) было упомянуто нами, что психологи дѣлятъ способы познаванія на два рода—анализъ и синтезъ, иначе, индуктивный и дедуктивный методы. По первому способу мы разлагаемъ данное, съ тѣмъ чтобы найти его составныя части; по второму слагаемъ предметъ познанія или изъясняемъ, выводимъ его изъ его же составныхъ частей. «Ученикъ при обученіи чтенію», замѣчаетъ проф. Юркевичъ, разлагаетъ слово на его составныя части, именно—на слоги и простые звуки. Потомъ изъ простыхъ звуковъ и слоговъ онъ составляетъ слова и притомъ такія слова, съ которыми онъ не встрѣчался при разложеніи. Такимъ образомъ онъ выучивается читать» [158]). Замѣтка эта наводитъ насъ на мысль, что всего легче выучиться читать путемъ опыта, т. е. анализа, индукціи, или—идти по тому пути, которымъ шло въ этомъ случаѣ человѣчество. Ренанъ въ изслѣдованіяхъ своихъ о происхожденіи языка [159]) замѣчаетъ: «Такъ какъ каждый индивиду-

---

[158]) См. Курс. общ. педаг. Мс. 1869 г. стр. 254.

[159]) См. О происх. яз. соч. Э. Ренана. Воронежъ. 1866 г. стр. 30.

умъ (отдѣльная личность) въ свою очередь проходитъ тотъ же путь, которому слѣдовало человѣчество; то рядъ развитій человѣческаго духа, въ совокупности, соотвѣтствуетъ постепенному движенію разума каждаго отдѣльнаго человѣка». Слѣдовательно человѣчество до своихъ научныхъ выводовъ доходитъ тѣмъ же путемъ, какъ и каждый человѣкъ въ отдѣльности. Для доказательства этого, стоитъ сравнить сказанное нами о способѣ человѣческаго познанія во 2-й лекціи съ тѣми явленіями языка, которыхъ мы коснулись въ 3-й лекціи (сравни стр. 58 и 116). Человѣчество училось читать не съ азбуки, а выучилось азбукѣ чрезъ разложеніе (анализъ) человѣческой рѣчи на звуки. Звуковой способъ обученія грамотѣ въ томъ видѣ, какъ онъ приложенъ и развитъ въ методѣ Г. Золотова—что легко замѣтить—идетъ тѣмъ же путемъ, т. е. отъ понятія о словѣ онъ доводитъ ученика до понятія о буквѣ. Въ этомъ и состоитъ сила и заслуга методы Золотовской; дѣло вовсе не въ томъ, что Золотовъ употребляетъ при обученіи съ перваго же раза подвижныя буквы,—мы видѣли, что эти буквы начали употреблять еще въ прошломъстолѣтіи (стр. 135), а вся сила методы состоитъ въ примѣненіи этого способа къ дѣлу. Буквосочетательный способъ, какъ мы замѣтили выше (стр. 126), не имѣетъ ничего въ себѣ неестественнаго. Онъ также изъ буквъ составляетъ слоги и слова, знакомитъ прежде съ частью, а потомъ уже съ цѣлымъ: нельзя читать не зная буквъ. Но вопросъ въ томъ, даетъ ли этотъ способъ понятіе о буквѣ, какъ о частномъ выраженіи отдѣльнаго звука; и если даетъ, то ясное-ли понятіе? На дѣлѣ видно, что понятіе о буквѣ у ученика, обучающагося грамотѣ по буквосочетательному способу, не можетъ быть яснымъ, даже можно сказать почти утвердительно, что ученикъ по этой методѣ заучивая алфавитъ, а потомъ ряды складовъ, долго не получаетъ понятія о звукѣ и буквѣ, а отожествляетъ ихъ уже тогда, когда начинаетъ читать цѣлыя слова (стр. 411). Буквосочетательный способъ можетъ осмыслиться только тогда, когда вы предъ изученіемъ азбуки покажете на подвижныхъ буквахъ, какъ изъ буквъ образуются слова. Этого стремились достигнуть и изобрѣтатели силлабической методы, напр: Гедикѣ (стр. 145). Система Золото-

ва, начиная обученіе этимъ пріемомъ, послѣ первыхъ же уроковъ идетъ по старинному пути, именно, знакомитъ ученика со всѣми буквами азбуки по-очередно, и потомъ и со складами на томъ основаніи, что безъ знанія буквъ читать нельзя и что этотъ пріемъ буквосочетательной методы самый здравый. Г. Студитскій напрасно видитъ въ этомъ пріемѣ методы Золотова недостатокъ [160]). «Изобрѣтатель новой методы, говоритъ онъ, уничтожаетъ собственное свое изобрѣтеніе. Дать читать ученику 9-ть слоговъ а потомъ въ наказаніе заставить заучить 100 слоговъ!» Начинать обученіе чтенію со словъ и такъ продолжать далѣе—дѣло во всякомъ случаѣ трудное, потому то мы и видѣли, что метода подобнаго рода, изобрѣтенная Жакото, не вошла во всеобщее преподаваніе, напротивъ вмѣстѣ съ нимъ и умерла. Авторъ Ясной-Поляны совершенно согласенъ, что метода Золотова есть остроумное сочетаніе старыхъ методъ съ новой звуковой и представляетъ большое удобство при соединеніи слоговъ въ слова и въ разъясненіи безгласности согласныхъ буквъ [161]).

За всѣмъ тѣмъ метода Золотовская должна быть изучена основательно, чтобы могла принести хорошій результатъ въ школѣ: это—метода строго разсудочная и требуетъ послѣдовательности въ преподаваніи. При употребленіи ея вы ничего не сдѣлаете ни заучиваніемъ, ни другими второстепенными средствами: нужно непремѣнно, чтобы ученикъ васъ понялъ. Но за то если ученикъ вашъ пойметъ сущность чтенія съ первыхъ уроковъ, тогда успѣхъ будетъ несомнѣнный. По той же причинѣ, т. е. что метода Золотова есть метода разсудочная, она можетъ быть приложена скорѣе всего къ школамъ для взрослыхъ, въ томъ числѣ и къ нашимъ войсковымъ школамъ. Во 2-й лекціи мы выяснили, почему методы разсудочныя имѣютъ большое приложеніе къ обученію взрослыхъ (стр. 78). Нельзя

---

[160]) См. Какъ уч. грам. по азб. для крест. дѣт. Ѳ. Студитскаго Спб. 1860. стр. 7.

[161]) См. Ясн. Пол. 1862 г. № 2. стр. 14—15.

не выписать здѣсь удачной замѣтки автора «Роднаго Слова» [162]). «Я не потому предпочитаю, говоритъ онъ, звуковую методу другимъ, что по ней ученики выучиваются скорѣе читать, а потому что она даетъ ученикамъ самодѣятельность.»

Послѣ изложенія методъ обученія грамотѣ естественно спросить: есть ли въ дидактикѣ методы грамотности, которыя можно бы признать окончательно лучшими; можно ли сказать, что та или другая метода открываетъ что-нибудь новое?—Отвѣтимъ на это выпиской изъ одного педагогическаго журнала весьма основательнаго. «Всякое изобрѣтеніе новой методы есть только сознаніе той новой стороны, съ которой можно подходить къ учащемуся для вразумленія его, и потому новая метода не исключаетъ старой. Большею же частію изобрѣтеніе новаго пріема считалось уничтоженіемъ стараго, хотя въ дѣйствительности старый пріемъ все-таки оставался самымъ существеннымъ, и изобрѣтатели, отрицавшіе старые пріемы, только больше затрудняли дѣло, становились сзади тѣхъ, которые употребляли сознательно старые пріемы. Лучшая метода для учителя есть та, которая болѣе всѣхъ другихъ знакома учителю. Всѣ другія методы, которыя знаетъ учитель, должны помогать ученію, начатому по одной методѣ. Наилучшій учитель будетъ тотъ, у котораго сейчасъ готово разъясненіе того, что остановило ученика. Разъясненія эти даютъ учителю знаніе наибольшаго числа методъ, способность придумывать новые методы и убѣжденіе, что всѣ методы односторонни и что наилучшая метода была бы та, которая отвѣчала бы на всѣ затрудненія, встрѣчаемыя ученикомъ, т. е. не метода, а искусство, талантъ» [163]). Что сказать противъ очевидности этихъ положеній? Мы это высказали ранѣе и положили въ основу нашихъ лекцій подобныя же мысли. Сдѣлаемъ общіе выводы изъ обѣихъ лекцій.

I) Если придется по какимъ-либо причинамъ (см. стр. 111) обучать грамотѣ по букварямъ *стариннаго буквосочетательнаго способа*, то можно начинать обученіе пожалуй и изуче-

---

[162]) См. Род. Слов. для учит. стр. 37.

[163]) См. Ясн. Пол. 1862. № 2. стр. 15—26.

ніемъ буквъ, при чемъ, для того чтобы ученикъ запомнилъ хорошо буквы, можно ихъ сравнивать съ формой какихъ-либо извѣстныхъ предметовъ или группировать по сходству ихъ начертанія. *При изученіи названія буквы нужно говорить и ея звукъ.* Прежде изученія алфавита хорошо было бы *какимъ-нибудь способомъ дать ученикамъ общее понятіе о томъ, какъ изъ буквъ составляются слова и что буква есть выраженіе звука.*

II) Ознакомившись съ азбукой, ученикъ—по буквосочетательному способу—переходитъ къ складамъ. Изученіе складовъ, какъ оно дѣлается по старинным пріемамъ и букварямъ этой методы (стр. 132), не должно имѣть мѣста. Такъ какъ учитель ранѣе объяснилъ ученикамъ, что буква есть выраженіе звука, названіе же ея только облегчаетъ дѣло памяти, и, такъ сказать, есть видимый знакъ звука; то указавши на гласныя звуки, и объяснивъ, что согласный звукъ самъ по-себѣ безгласенъ, а можетъ быть произнесенъ только при помощи гласнаго, учитель постепенно знакомитъ ученика со всѣми складами прямыми и обратными, какъ они идутъ въ букваряхъ буквосочетательной системы. *Для развитія учениковъ и въ избѣжаніе безполезнаго долбленія, въ одно время съ чтеніемъ складовъ должно пріучать ихъ разбирать и двусложныя слова.*

III) При обученіи нужно *избѣгать* того, *чтобы ученикъ*, изучившій по буквосочетательному способу азбуку, *не называлъ буквъ при изученіи складовъ и затѣмъ при екладываніи словъ*: это впослѣдствіи надолго задержитъ его обученіе. Для избѣжанія этого, можно употреблять и силлабическій способъ, т. е. ознакомивъ ученика съ алфавитомъ по буквосочетательному букварю, съ надлежащимъ объясненіемъ звуковъ, должно прямо переходить, по силлабическому способу, къ чтенію складовъ; ученикъ не складываетъ, а читаетъ прямо: *ба, ге, ве, ду*, и т. д. Изучивъ такъ склады по букварю старинной методы, ученикъ безъ затрудненія можетъ приступить къ чтенію.

IV) *Хорошо*, если *изученію складовъ предшествуетъ* ясное раздѣльное *произношеніе* учениками, въ слѣдъ за учителемъ, *словъ* и *раздѣленіе ихъ на слоги.*

V) Метода Гедике, т. е. произнесеніе ряда словъ съ одинаковыми гласными и согласными, и отличеніе этихъ звуковъ особымъ цвѣтомъ подвижныхъ буквъ, можетъ также съ пользою употребляться и при обученіи по буквосочетательному способу.

VI) При буквосочетательномъ способѣ также можно воспользоваться нѣкоторыми пріемами силлабической методы, а именно: а) *обставленіемъ гласной* буквы съ обѣихъ сторонъ *согласными*, причемъ ученикъ чрезъ постепенное отнятіе согласной и гласной доводится до понятія согласнаго звука, б) *нарощеніемъ согласныхъ предъ гласной и послѣ нея* и с) *произношеніемъ согласныхъ съ коротким* «*е*» или «*ъ*» Въ послѣднемъ случаѣ часто у учениковъ остается привычка — дѣлать придыханіе посреди слога, но эта привычка при скоромъ чтеніи постепенно исчезаетъ.

VII) *При возможности обучать своихъ учениковъ по звуковой методѣ, учитель солдатской школы долженъ предпочесть ее всѣмъ прочимъ.* Обученіе по звуковой методѣ начинается или а) *изученіемъ гласныхъ*, какъ у Стефани, или б) *разложеніемъ словъ* на слоги и буквы, какъ у Золотова. Метода Золотова, должна быть предпочитаема всѣмъ прочимъ методамъ въ солдатскихъ школахъ. Разумѣется, эта метода не можетъ имѣть мѣста, если большинство учениковъ солдатской школы начало обученіе грамотѣ по другимъ способамъ.

Кромѣ того опытные педагоги даютъ относительно обученія грамотѣ слѣдующіе совѣты:

VIII) *Успѣхъ преподаванія* по тому или другому руководству и способу *тогда* только *возможенъ, когда учитель совершенно согласенъ съ пріемами составителя азбуки*, и ихъ совершенно усвоилъ себѣ.

IX) Рядомъ съ примѣрами для чтенія въ таблицахъ или букваряхъ, при всякомъ способѣ обученія, даже по Золотовскому, *нужно учителю самому изобрѣтать и складывать изъ подвижныхъ буквъ на доскѣ слова и слоги*, которые бы пріучали учениковъ понимать механизмъ чтенія и помогали побѣдить всѣ трудности этого механизма.

X) Въ началѣ обученія учитель долженъ при всякой методѣ *употреблять азбуку одного только размѣра. Прописныя буквы должно изучать послѣ строчныхъ.*

XI) Нужно строго различать понятія: *звукъ, буква, названіе звука, названіе буквы.* Буквосочетательному способу болѣе всего повредило смѣшеніе этихъ понятій, потому что вмѣсто самого звука ставили названіе звука, вовсе его ненапонимающее (рцы, еры, ять); а требовали отъ ученика, чтобы при складываніи вмѣсто выговариваемаго имъ названія звука, онъ произносилъ только самый звукъ. Но столь же неестественно, требованіе и новыхъ букварей, которые всячески избѣгаютъ названія буквъ при обученіи чтенію. Отъ того многіе, обучившіеся чтенію по этой методѣ, навсегда остаются нетвердыми въ правописаніи.

XII) *Не должно строго держаться азбучнаго порядка при обученіи грамотѣ.* По звуковой методѣ *сначала изучаются тѣ согласныя буквы, которыя легче произносить*; потому напередъ идутъ плавныя буквы. Весьма благоразумно изученіе *ъ* и *й* откладывать до послѣдующихъ уроковъ. Количество буквъ въ нашей азбукѣ гораздо болѣе самыхъ звуковъ, потому для первоначальныхъ пріемовъ обученія грамотѣ берется только нужное число употребительныхъ знаковъ.

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ

о методахъ обученія письму и примѣненіи ихъ къ солдатскимъ школамъ.

Содержаніе лекціи: Необходимость умѣть писать, при знаніи грамотѣ; особыя условія солдатскаго быта, отъ которыхъ учитель-офицеръ можетъ ожидать благопріятнаго вліянія на успѣхи въ письмѣ солдатъ; несостоятельность общепринятой въ солдатскихъ школахъ методы письма; важность одновременнаго обученія чтенію и письму; нѣмецкая «шрейб-лезен-метода» или обученіе чтенію посредствомъ письма; примѣненіе ея къ русскимъ школамъ Шарловскимъ и Ушинскимъ; возможно ли введеніе ея въ

солдатскія школы. Сужденіе о всѣхъ вообще методахъ обученія письму; скоропись по методѣ Карстера; сущность этой методы и подробное изложеніе; алфавитъ скорописи; сущность скорописи—правильная гимнастика пальцевъ и другихъ частей руки. Можетъ ли метода эта быть исключительнымъ руководствомъ для солдатскихъ школъ; мѣсто, которое должны занимать въ практикѣ солдатскихъ школъ методы тактическая и линейная; необходимость развитія глазомѣра при письмѣ у учениковъ войсковыхъ школъ и употребленіе для этого графической сѣтки. Безполезность списыванія съ прописей и необходимость изученія буквъ и ихъ состава; метода генетическая; постепенность изученія письменнаго алфавита; алфавитъ генетическаго обученія письму; замѣтка о методахъ-секретахъ обученія письму. Общій выводъ изъ всей лекціи.

ОБУЧЕНІЕ ПИСЬМУ.

Второй предметъ общаго элементарнаго преподаванія есть *обученіе письму.* Сколько при чтеніи необходимо извѣстное умственное напряженіе настолько же важную роль имѣетъ при обученіи письму пріобрѣтеніе механическаго навыка: процессъ чтенія есть дѣло нашихъ познавательныхъ способностей, а правильное, четкое письмо требуетъ кромѣ того и извѣстнаго развитія мускулярной системы руки.

Умѣнье писать необходимо не однимъ только образованнымъ людямъ, а напротивъ всякому грамотному. Къ сожалѣнію наше простонародье, если и сознаетъ необходимость учиться грамотѣ, то очень часто подъ этимъ разумѣетъ только кое-какое умѣнье прочесть печатную книгу; письмо же большею частію почитается такою роскошью образованія, безъ которой въ простомъ быту легко обойтись. Эта мысль—прямое наслѣдіе обыкновеній восточныхъ. Даже наше мѣщанство, стоящее по своему развитію нѣсколько выше сельскаго населенія, не вполнѣ сознаетъ необходимость обученія письму: изъ городскихъ приходскихъ училищъ обыкновенно берутъ дѣтей, лишь только они научатся читать и усвоятъ первые пріемы письма; дѣти впослѣдствіи или вовсе разучиваются писать или пишутъ неправильно. Въ такомъ убѣжденіи нашего простонародья, вѣроятно, имѣетъ свою

долю рутинное преподаваніе письма въ нашихъ народныхъ школахъ. Между тѣмъ и интересъ науки и практическая жизнь указываютъ, въ числѣ необходимыхъ предметовъ элементарнаго преподаванія, и на обученіе письму. Письмо необходимо каждому изъ насъ: 1) для сообщенія нашихъ мыслей отсутствующимъ, 2) для сохраненія въ памяти видѣннаго и слышаннаго нами и 3) для распространенія посредствомъ списыванія мыслей, изложенныхъ кѣмъ-либо другимъ. Отсюда въ каждомъ языкѣ три термина: *написать* кому что-нибудь, *записать* и *списать*. Для всякаго человѣка письмо необходимо въ двухъ первыхъ случаяхъ; съ умноженіемъ печатныхъ книгъ, списываніе болѣе и болѣе становится ненужнымъ.

Въ солдатской школѣ офицеръ-преподаватель всегда найдетъ въ своихъ ученикахъ готовое желаніе выучиться писать; такое желаніе объясняется условіями военнаго быта. Нашъ простолюдинъ, поступающій въ военную службу, чрезъ это самое становиться въ такія условія, при которыхъ необходимость выучиться писать становится самою насущною. Удаленный отъ своей среды, изъ своего быта, который до того служилъ единственнымъ источникомъ его умственной жизни и нравственной энергіи, нашъ рекрутъ, этотъ простой житель патріархальнаго русскаго селенія, при первоначальной своей службѣ, среди новыхъ для него жизненныхъ условій, среди незнакомыхъ ему людей, видитъ необходимость сосредоточенности и сдержанности. При такихъ условіяхъ, мысль молодаго солдата должна часто переноситься къ роднымъ полямъ, къ своему домашнему кругу. Говорятъ, что русскій человѣкъ, разъ втянувшись въ бродячую жизнь, часто предпочитаетъ ее всякой другой; не смотря на это, онъ способнѣе другихъ глубоко привязаться къ мѣсту своей родины. Въ военно-медицинской номенклатурѣ есть особаго рода болѣзнь, называющаяся «тоскою по родинѣ» (nostralgia), ей подвергались въ былое время, когда срокъ службы былъ отъ 25 до 28 лѣтъ, нѣкоторые рекруты, особенно урожденцы нашихъ южныхъ губерній; впрочемъ при новой системѣ военной службы случаи болѣзни, какъ и надо ожидать, становятся весьма рѣдкими. Болѣзнь эта, которой я самъ бывалъ нѣсколько разъ наблю-

дателемъ въ нашихъ военныхъ лазаретахъ, доказываетъ, что то высокое, общее всѣмъ славянамъ чувство любви къ родинѣ, не чуждо и нашему простолюдину. Близкая связь съ родиной, съ родными, съ своимъ излюбленнымъ міромъ, при новыхъ правилахъ военной службы, становится для солдата еще ближе, еще тѣснѣе. Если солдатъ прежняго времени, урожденецъ сѣверныхъ губерній, лежа въ какомъ-нибудь новогеоргіевскомъ госпиталѣ на смертной постелѣ, мечталъ о возвращеніи на родину, вспоминая живо свое родное село; то тѣмъ болѣе солдатъ настоящаго времени, которому хорошо извѣстно, что онъ не нынче, такъ завтра пойдетъ въ отпускъ, долженъ чаще обращаться мыслями къ своему домашнему быту. При Ясной Полянѣ, педагогическомъ журналѣ Графа Толстаго, печатались приложенія, состоявшія по большой части изъ ученическихъ сочиненій сельской школы въ томъ видѣ, какъ онѣ писались дѣтьми. Тамъ есть одинъ, въ высшей степени занимательный разсказъ, полный жизни и правды, какъ все, что выходитъ изъ устъ народа; разсказъ этотъ написанъ крестьянскимъ мальчикомъ Васей Морозовымъ и носитъ заглавіе: «Солдаткино житье». Въ немъ мальчикъ описываетъ возвращеніе своего отца-солдата изъ службы въ *чистую*, послѣ Крымской компаніи. Какая бездна любви и самаго нѣжнаго чувства просвѣчиваетъ въ каждомъ словѣ этого солдата, отца семейства, возвратившагося послѣ долгой разлуки въ свою ветхую лачугу, въ свою привѣтную семью; какія прекрасныя страницы написалъ по этому поводу редакторъ Ясной-Поляны! [164]).

Такимъ образомъ въ солдатскомъ быту умѣнье написать письмо составляетъ одно изъ тайныхъ, задушевныхъ желаній нашего солдата [165]). Самыя письма эти, наполненныя однооб-

---

[164]) Ясн. Пол. книжк. д. дѣт. Сент. стр. 1—25. Ясн. Пол. жур. пед. 1862 г. Мс. № 9. стр. 45.

[165]) Вотъ что говоритъ одинъ опытный начальникъ отдѣльной части нашей арміи, Г. Ген. Лейт. Крепке въ своей замѣткѣ: «о грамотности въ арміи», помѣщенной въ 12 книжкѣ Воен. Сборн. 1868 года. «Выучившись писать, солдатъ чаще отправляетъ письма на родину; его занимаетъ то, что онъ пишетъ. Первыя письма составляются очень медленно; на письмо употре-

разными поклонами роднымъ (и обыкновенно, каждому поимянно), поражающія насъ этою наивною странностью, доказываютъ трогательную любовь нашего солдата къ своему родственному кругу, среди котораго постоянно носится его мысль. Наконецъ самый бытъ солдата, гдѣ весьма часто встрѣчается насущная необходимость и запомнить данное приказаніе, и адресъ начальствующаго лица, и время полученія или выслуженія срока той или другой вещи, получаемой отъ казны, ставятъ солдата въ такое положеніе, въ которомъ умѣнье писать становится весьма пригоднымъ. На развитіе во многихъ нижнихъ чинахъ нашей арміи охоты къ письму можетъ имѣть вліяніе и желаніе пріобрѣсти преимущества по службѣ.

За всѣмъ тѣмъ, при кажущемся существованіи въ солдатскомъ быту такихъ благопріятныхъ условій для успѣшнаго обученія письму, большая часть нашихъ грамотныхъ солдатъ не изъ войсковой школы выноситъ кое-какое умѣнье писать, а изъ собственной практики, которая бываетъ часто слѣдствіемъ необходимости. Гдѣ же искать причинъ плохихъ успѣховъ нашихъ солдатъ въ письмѣ?—Нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ многихъ другихъ постороннихъ причинъ, ближайшей причины неуспѣха нужно искать въ непривычкѣ нашего солдата къ мелочнымъ ручнымъ работамъ, при которыхъ получаютъ развитіе мышцы пальцевъ. Солдатъ нашъ начинаетъ учиться грамотѣ и писать совершеннолѣтнимъ, въ то время, когда гимнастика пальцевъ для него не всегда возможна или требуетъ особыхъ усилій. Подготовительныхъ упражненій пальцевыхъ мышцъ въ крестьянскомъ быту для солдата не существовало: руками онъ рубилъ дерево, пахалъ или копалъ землю, пилилъ и т. п. Такого рода упражненія развиваютъ крупныя плечевыя и локтевыя мышцы, придавая имъ силу, значительно ихъ утолщая и развивая, въ ущербъ подвижности мышечной системы кисти и пальцевъ. Ремесла и вообще механическій трудъ, состоящій изъ напряженныхъ порывистыхъ движеній рукъ бы-

---

бляется два, три дня, преимущественно праздничныхъ; а занятый письмомъ и мыслями обращенный къ родинѣ и семьѣ, солдатъ не такъ легко поддается приглашенію на разгулъ».

ваютъ причиной того, что люди и умѣющіе писать, не могутъ писать четко, ровно и разборчиво [166]). Но и при этомъ мы не можемъ не сознаться, что самая значительная доля неуспѣшности солдатъ нашихъ въ письмѣ падаетъ на неумѣнье учителей солдатскихъ школъ приняться за дѣло и правильно вести обученіе письму.

Выше мы замѣтили, что насколько чтеніе есть продуктъ нашихъ мыслительныхъ способностей, настолько же письмо есть извѣстный навыкъ мускулярной системы. Изъ этого слѣдуетъ, что обученіе письму должно имѣть особую свою методику; методика эта должна имѣть своимъ основаніемъ, кромѣ пониманія составныхъ частей буквъ, отъ котораго зависитъ правильность и четкость письма, еще и извѣстныя постепенныя механическія упражненія. Между тѣмъ обученіе письму, какъ и обученіе грамотѣ (стр. 123), въ нашихъ школахъ точно такъ же, какъ и на Западѣ долго слѣдовало избитой, неестественной дорогой, съ той только разницей, что европейская педагогика давно уже усвоила новыя, лучшія методы для письма, а мы и до сихъ поръ держимся старины, и о новыхъ способахъ хотя и слыхали, но еще очень далеки отъ того, чтобы ихъ оцѣнить и сдѣлать имъ примѣненіе [167]).

Перенесемся мыслію къ нашему дѣтству и вспомнимъ тѣ способы, по которымъ учили насъ писать. Бывало учитель подложитъ намъ пропись, напишетъ букву и считаетъ свое дѣло конченнымъ: ученикъ старайся, копируй или, какъ выражается простонародье, рисуй. Даже самъ учитель считалъ свое дѣло весьма легкимъ, плату за урокъ бралъ ничтожную; самое преподаваніе было для него отдыхомъ. Зато весь трудъ здѣсь ложился на одного ученика: отъ его способностей зависѣло выучиться писать въ бо́льшій или ме́ньшій срокъ времени. Что касается до системы обученія, то о ней не было и помина. Обыкновенно

---

[166]) Преимущественно оказываются неспособными къ четкому письму точильщики, каменотесцы и люди, приготовляющіе мелкія восковыя свѣчи.

[167]) Даже нашъ передовой человѣкъ, энергическій Бар. Корфъ откладываетъ обученіе письму въ своихъ школахъ въ дальній ящикъ. См. Руков. къ обуч. грам. Екатер. 1867 г. стр. 15.

ученику давали списывать буквы по азбучному порядку, начиная съ *а* и оканчивая *е*; наряду съ строчными буквами нетвердая рука ученика выводила и прописныя буквы; а иногда начинали и прямо съ прописныхъ. Учитель обыкновенно писалъ въ началѣ учебной тетрадки карандашомъ нѣсколько строкъ изучаемой буквы, и ученикъ по карандашу проводилъ перомъ; если это ему плохо удавалось,—учитель бралъ его руку и водилъ перомъ по карандашу. Письмо безъ карандаша было второю степенью обученія. Часто ученики даже не знали, какой звукъ выражаетъ буква, которую они такъ старательно выводятъ. При такомъ нелѣпомъ преподаваніи, обученіе письму должно было продолжаться не мѣсяцы, а цѣлые годы. И въ самомъ дѣлѣ во многихъ изъ нашихъ народныхъ школъ точно также и доселѣ учатъ писать; по крайней мѣрѣ эта метода положительно господствуетъ въ нашихъ полковыхъ школахъ, какъ мы имѣли случай наблюдать это лично.

Въ Западной Европѣ противъ этихъ школьныхъ неправильныхъ пріемовъ обученія письму давно возставали болѣе просвѣщенные изъ учителей; отсюда такой же долгій рядъ попытокъ напасть на лучшую методу письма, какъ и при обученіи грамотѣ (стр. 129). Введеніе каждой новой методы сопровождалось особымъ пристрастіемъ къ ней и тѣми неумѣренными надеждами, какими повсюду отличаются изобрѣтатели. Четкости, правильности и скорости письма долго мѣшали—то излишнее старанье дать письму извѣстныя правильныя геометрическіе формы (ученые нѣмцы сравнивали буквы съ ромбами, квадратами и т. д.), то необыкновено большіе размѣры буквъ, которые съ методическою постепенностью доводили мало по малу до настоящаго размѣра. Накопецъ Американецъ *Карстеръ* (или *Керстеръ*) своей практической *скорописной* методой открылъ глаза педагогамъ и способствовалъ введенію способа письма въ его надлежащую колею. Метода Карстера распространилась прежде всего между его соотечественниками, практическими сѣверо-американцами; изъ Америки метода перешла въ французскія школы, а изъ Франціи странствующимъ учителемъ Одойе она перенесена была въ Германію. Учитель Одойе со-

единилъ скоропись съ тактическою методою. Лучше всѣхъ обработалъ методу Неделинъ [168]).

Въ нашей лекціи мы коснемся подробно этихъ методъ, съ тѣмъ чтобы заимствовать изъ нихъ все то, что можетъ служить къ рѣшенію нашего вопроса, какъ вести обученіе письму въ солдатскихъ школахъ.

Предварительно нужно рѣшить вопросъ, когда должно начинать обученіе письму, т. е. ранѣе или послѣ обученія грамотѣ? Большинство современныхъ педагоговъ, если не всѣ согласны въ томъ, что учить письму нужно ранѣе обученія чтенію, то по крайней мѣрѣ пришли къ тому заключенію, что обученіе письму должно быть одновременно съ обученіемъ чтенію. Въ основѣ этого положенія лежитъ наблюденіе, что въ жизни чтеніе печатнаго идетъ рука объ руку съ умѣньемъ прочесть написанное или записать на бумагѣ прочитанное или разсказанное; въ практикѣ иногда приходится читать болѣе рукописнаго, чѣмъ печатнаго. Всякій учитель, точно также и учитель-офицеръ при занятіяхъ своихъ съ солдатами, долженъ пріучать учениковъ смотрѣть на чтеніе рукописей, какъ на дѣло первой необходимости и сравнительно не трудное. При нашемъ раздвоенномъ обученіи чтенію и письму большею частію случается, что люди, бойко читающіе печатное, потому что размѣръ и очертаніе печатныхъ буквъ всегда почти одинаковы, какъ скоро вы даете имъ для чтенія рукопись, дѣлаются весьма плохими чтецами: ихъ постоянно вводитъ въ заблужденіе малѣйшее уклоненіе въ начертаніи отъ принятыхъ правильныхъ прописныхъ формъ, незначительная особенность почерка. Подобные случаи рѣзко бросаются въ глаза при чтеніи рукописей нашими солдатами: неумѣнье ихъ читать рукописи рѣзко бросается въ глаза Недостатокъ этотъ особенно замѣтенъ при экзаменахъ нашихъ нижнихъ чиновъ на офицерскій или классный чинъ: при такихъ экзаменахъ нижніе чины, бойко читающіе книгу, иногда не въ состояніи—прочесть правильно одной рукописной строки.

---

[186]) Въ сочиненіи: Method. Anleitung zum schön nnd schnellsschreiben. Stuttgart. 1831.

Очевидно, подобная странность есть слѣдствіе неупражненія учениковъ солдатскихъ школъ въ чтеніи рукописей[169]), но и весьма много зависитъ отъ неодновременнаго обученія ихъ чтенію и письму. Въ сочиненіяхъ, поданныхъ юнкерами на тему «о грамотности въ войскахъ», не разъ встрѣчается фраза: «когда ученики ввѣренной мнѣ ротной школы научились разбирать печатное, я приступилъ къ обученію ихъ письму». Одинъ изъ опытныхъ военныхъ педагоговъ Г. Лишинъ въ своей весьма дѣльной статьѣ: «Образованіе рекрутъ» [170]) говоритъ «Обуче-«ніе въ школахъ резервныхъ баталіоновъ удобно можетъ быть «соединено съ письмомъ; но въ резервныхъ баталіонахъ трудно «выучить письму, дай Богъ—выучиться хоть чтенію» Такимъ образомъ авторъ считаетъ необходимымъ раздвоенное преподаваніе чтенія и письма въ войскахъ.

Совокупное обученіе чтенію и письму должно быть допускаемо, во-вторыхъ, на томъ основаніи, что при раздвоенномъ обученіи и именно — письму послѣ чтенія, и учителю, и ученику приходится начинать дѣло обученія какъ-бы снова, т. е. при обученіи письму опять повторять тѣже самые пріемы, которые имѣли уже мѣсто при обученіи чтенію. Это производитъ на взрослаго ученика самое неблагопріятное вліяніе, заставляя его скучать. Лучше всего начинать эти простые пріемы одновременно, чтобы усвоеніе ученикомъ познаній шло постепенно впередъ, и онъ не дѣлалъ шагъ впередъ, а два назадъ. Съ другой стороны при одновременномъ обученіи даются учителю средства разнообразить свои занятія въ школѣ, что составляетъ весьма важное условіе при обученіи. Здѣсь прилагается къ дѣлу извѣстный намъ психологическій законъ: «что мы чаще видимъ предъ глазами, что мы чаще различными способами повторяемъ, то долѣе остается въ памяти»; письменный знакъ, изображенный нами нѣсколько разъ, лучше удерживается въ памяти, нежели когда мы хотѣли бы заучить его, смотря въ букварь (стр. 52).

---

[169]) Въ нѣкоторыхъ букваряхъ, какъ мы увидимъ ниже, приложены особыя отдѣлы скорописныхъ рукописей для чтенія.

[170]) См. Воен. Сбор. 1866 г № 3. Отд. неоф. стр. 109 и 110.

Одно обстоятельство можетъ задерживать совмѣстное обученіе читать и писать порусски—это разность нашихъ печатныхъ буквъ отъ письменныхъ. Въ 3-й нашей лекціи мы говорили, (стр 123), что, по изобрѣтеніи русскихъ письменъ въ IX вѣкѣ, начертаніе буквъ письменныхъ было *уставное*, которое мы и нынѣ видимъ въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, никакой разницы между печатнымъ и письменнымъ шрифтами не было. Въ XIV в. рядомъ съ уставнымъ письмомъ является письмо—*полуставъ* и потомъ *скоропись*, подраженіе греческимъ и восточнымъ образцамъ. Скоропись мало по малу теряетъ угловатую форму уставнаго письма, получаетъ округлость и наконецъ постепенно приближается къ нашему современному почерку. Основныя формы нашего письменнаго почерка всѣ находятся въ старинной скорописи XV и XVI в. Гражданскій печатный шрифтъ временъ Петра I не имѣлъ особаго вліянія на нашъ рукописный почеркъ, кромѣ уничтоженія въ немъ двойныхъ буквъ (напр. кси, пси, отъ и т. п.). Настоящую форму буквы получили въ нашемъ рукописномъ почеркѣ въ XVIII в. отъ подражанія латинскому, нѣмецкому и французскому алфавитамъ. Такъ наше уставное И превратилось въ лат. *и* (у), Ч копируетъ французское рукописное *ч* (эръ) Т и Н переходятъ въ лат. *т* (эмъ) и *п* (энъ), У въ латин. *у* (и-грекъ); Д пишется то какъ французское—*д*, то какъ *g* (же); Р—какъ лат. *р* (пе) и т. п. Теперь не скоро ученикъ узнаетъ въ письменной буквѣ букву печатнаго алфавита; возьмемъ для примѣра буквы: А и *а*, Б и *б*, Г и *г*, Д и *д*, И и *и*, П и *п*, Ѣ и *ѣ*, Р и *р*, Т и *т*. Въ послѣднее время попытка нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ журналовъ [171])—изобрѣсти и употреблять гражданскій шрифтъ, близкій по формамъ къ письменному, не имѣлъ успѣха и стоитъ одиночной и безподражательной попыткой. Не смотря однако на эту кажущуюся разницу обоихъ алфавитовъ, сходство нашей письменной азбуки съ печатной въ общихъ чертахъ есть и можетъ быть объяснено ученикамъ. Легко растолковать ученикамъ цѣль округлаго начертанія письменныхъ знаковъ

[171]) «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей».

или причину изображенія письменныхъ знаковъ съ одного почерка, не отрывая руки отъ бумаги; для письменнаго алфавита это весьма важно: скорописи нельзя бы достигнуть, еслибы письменные знаки вполнѣ подражали печатнымъ буквамъ.

Трудности, о которыхъ мы говорили сейчасъ, замѣчены были и сторонниками совмѣстнаго обученія чтенію и письму; въ слѣдствіе этого явился новый, нѣсколько измѣненный «способъ обученія чтенію посредствомъ письма»—это нѣмецкая Schreib—Lesen—Methode. По этой методѣ ученикъ сначала выучивается письменнымъ буквамъ и складамъ, а потомъ уже учится читать печатное. Метода получила начало свое въ Германіи и первоначально подверглась многимъ нареканіямъ; но въ послѣдствіи времени одобрили ее многіе педагогическіе авторитеты, въ томъ числѣ и знаменитый Дистервегъ [172]). Въ нашей педагогической литературѣ извѣстенъ въ этомъ родѣ опытъ Г. Шарловскаго подъ заглавіемъ: «*Первоначальное обученіе письму и чтенію* (въ 2-хъ кн. 1-я для учителей и 2-я для учениковъ) *Спб. 1862*». Впрочемъ названіе, данное авторомъ своему сочиненію, не точно: метода, о которой трактуетъ книга, есть «метода обученія чтенію посредствомъ письма»; самъ авторъ называетъ свою методу этимъ именемъ въ той части сочиненія, которая назначена для руководства учащихъ. Метода эта повторена въ послѣднее время въ азбукѣ Г. Ушинскаго подъ названіемъ: «Родное Слово для дѣтей младшаго возраста» (Спб. 1868 г.) и въ «Русской Азбукѣ» Гребеника (Спб. 1869 г).

Способъ обученія чтенію посредствомъ письма, имѣетъ за собою нѣкоторыя выгоды, въ сравненіи съ другими методами. Доводы объ этомъ, предложенные Шарловскимъ и Ушинскимъ, можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: I) при обученіи чтенію посредствомъ письма выигрышъ времени очевиденъ: время потерянное на письмо, вмѣстѣ съ чтеніемъ, никакъ не можетъ,

---

[172]) См. сочин. Дистервега: Unterricht d. Klein-Kinder-Schule, o. d. Anfange d. Unterweisung u. Bildung in d. Yolkschule. s. 17.

сравниться съ потерею времени, употребляемаго на письмо при нашемъ обыкновенномъ обученіи; письмо у насъ обыкновенно начинается нѣсколько позже чтенія и продолжается довольно долго. II) Притомъ разнообразіе здѣсь очень много значитъ: трудъ становится занимательнѣе и не такъ скоро утомляетъ; слѣдовательно обученіе совершается успѣшнѣе и скорѣе. Замѣчаніе это согласно съ нашими психологическими выводами. III) Если письмо, какъ будто, замедляетъ успѣшный ходъ обученія чтенію, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ успѣхамъ чтенія, дѣйствуя на впечатлительность учащихся. При совмѣстномъ изученіи алфавита печатнаго и письменнаго одновременно, одна мыслительная способность помогаетъ другой: если ученику измѣняетъ память, то воображеніе помогаетъ прочесть слово, рисуя ему знакомое представленіе, изображаемое этимъ словомъ. IV) Наконецъ изъ опыта видно, что при совмѣстномъ обученіи чтенію и письму ученикъ привыкаетъ къ отчетливости и выучивается читать ровно, внимательно, внятно.

Въ книгѣ Г. Шарловскаго метода развивается въ слѣдующемъ послѣдовательномъ порядкѣ. Сначала ученики пишутъ строчныя буквы, цѣлыя слова и выучиваются читать рукописи; съ 14-го урока, когда имъ сдѣлаются извѣстны всѣ буквы рукописной азбуки, параллельно съ письмомъ начинается чтеніе и гражданской печати. Обученіе идетъ по звуковому способу: сначала ученики выучиваются писать гласныя буквы; приготовленіемъ къ чтенію служитъ черченіе линій, геометрическихъ фигуръ, видимыхъ предметовъ и т. п. Когда ученики выучатся писать гласныя буквы, имъ легко перейти къ письму согласныхъ; потому что въ начертаніи сихъ послѣднихъ повторяются тѣже самыя линіи, какъ и въ начертаніи буквъ гласныхъ.

Какъ ни естественнымъ представляется авторомъ способъ обученія чтенію посредствомъ письма, но исключительная новость этой методы у насъ, методы еще не получившей окончательной формы и на Западѣ, гдѣ она изобрѣтена, заставляетъ думать, что метода, изложенная Г. Шарловскимъ, слишкомъ трудна, успѣхъ ея слишкомъ условенъ, слишкомъ зави-

ситъ отъ искусства преподавателя: у насъ едва ли найдется много учителей, которые съумѣли бы усвоить этотъ способъ и успѣшно примѣнить его къ дѣлу [173]). Что касается до нашей солдатской школы, гдѣ преподаватели не имѣютъ надлежащей педагогической подготовки, то можно сказать положительно, что введеніе методы *шрейб-лезенъ* въ наши войсковыя школы не мыслимо. Совмѣстное обученіе чтенію и письму допустить можно и должно; но выучить читать посредствомъ письма въ 30-ть уроковъ рѣшительно не возможно, особенно при условіяхъ нашей солдатской школы. Да и вообще въ самой лучшей школѣ ученику нужно пріобрѣсти хорошій навыкъ въ изображеніи буквъ, а для пріобрѣтенія навыка нужно время. Всякое быстрое усвоеніе чего-нибудь не можетъ имѣть прочности и основательности. Чтобы облегчить успѣхъ методы, Г. Шарловскій предлагаетъ занимать ученика въ теченіи цѣлаго мѣсяца черченіемъ линій и вообще подготовительной работой для письма; но чѣмъ же въ это время будетъ занять умъ ученика, особенно взрослаго? Найдется ли въ немъ настолько энергіи, чтобы начать и продолжать эти занятія въ теченіе мѣсяца, и притомъ такія занятія, цѣль которыхъ для ученика мало понятна. Авторъ «Роднаго слова» [174]) предлагаетъ во все это время занимать ученика складами наизустъ и яснымъ произношеніемъ словъ, съ указаніемъ въ каждомъ словѣ отдѣльныхъ звуковъ. Въ этомъ пріемѣ мы узнаемъ знакомый намъ способъ Базедова (стр. 133), возобновленный недавно въ швейцарскихъ школахъ дидактомъ Шерромъ. Конечно этотъ пріемъ не имѣетъ особой важности, хотя Г. Ушинскій и приписываетъ ему одному возможность дать ученику ясное понятіе о гласномъ и согласномъ звукѣ. Нельзя отрицать въ пріемѣ этого свойства, но и нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи система Золотова представляетъ болѣе шансовъ на успѣхъ: послѣдняя даетъ полное и наглядное понятіе съ первыхъ же урокахъ о двухъ

[173]) Мы знаемъ, что способъ этотъ по «Родному Слову» введенъ одной дирекціей и въ народныя училища, но крайне затруднителенъ и для учителей и для учениковъ.

[174]) «Родн. Слово» книга для учащихъ. стр. 45 и слѣд.

разрядахъ звуковъ, выражаемыхъ буквами. Мы приходимъ къ тому заключенію, что и способъ Базедова введенъ здѣсь, съ цѣлью чѣмъ-либо замѣстить пробѣлъ. Если мы, чтобы избѣжать медленности въ обученіи, станемъ переходить къ писанью слѣдующаго отдѣла буквъ тогда, когда ученики не совсѣмъ научились писать прежній отдѣлъ, въ такомъ случаѣ наши ученики никогда не научатся писать правильно и твердо. Неправильность почерка большей части учениковъ нашихъ низшихъ школъ зависитъ именно—отъ того обстоятельства, что они слишкомъ рано начинаютъ считать себя умѣющими писать и тотчасъ же, послѣ черченія буквъ, приступаютъ къ писанью всего, что попадетъ имъ подъ руку, начинаютъ скоропись, правильность и четкость которой не возможна безъ основательнаго изученія частей буквъ, безъ умѣнья правильно чертить буквы. Недавно изданъ Г. Корфомъ букварь [172]), для совмѣстнаго обученія письму и чтенію; букварь этотъ имѣетъ за собою ту особенность, что обѣщается выучить ученика читать и писать въ 28 уроковъ, въ два мѣсяца. Дѣйствительно съ каждымъ урокомъ Г. Корфа, ученики выучиваются произносить и писать по нѣсколько буквъ. Зная хорошо всю трудность первоначальнаго преподаванія, мы невольно усумнились бы въ возможности примѣнить методу къ дѣлу, еслибы статья Г. Корфа не открыла намъ самую сущность дѣла. Въ Вѣстникѣ Европы за прошлый годъ [173]) авторъ букваря, объясняя свой способъ обученія, признается, что ученики у него пишутъ буквы не письменнымъ, а гражданскимъ шрифтомъ, «для того чтобы не затруднять ученика двоякимъ очертаніемъ буквъ—печатнымъ и письменнымъ», и только съ 15-го урока *взрослые* ученики начинаютъ замѣнять при диктовкѣ печатный шрифтъ обыкновеннымъ письменнымъ; за тѣмъ, прибавляетъ авторъ, «все же они долго не бываютъ въ состояніи писать красиво». Такимъ образомъ букварь Г. Корфа есть одинъ изъ обыкновенныхъ букварей; что же касается до методы Бар. Корфа, то это — повтореніе способа Гедике. Еще

[172]) См. Руководство къ обученію грамотѣ, составл. Барон. Никол. Александров. Корфомъ. Екатеринославъ. 1867 г. 2-е изд. въ 1869 г.

[173]) Вѣстн. Европ. 1868 г. № 5. стр. 360-я и сл.

издавна въ Германіи заставляли учениковъ —чтобы они скорѣе запомнили алфавитъ— списывать буквы печатнаго шрифта, на основаніи того психологическаго наблюденія, что все, нами написанное, скорѣе удерживается въ памяти (стр. 52). Гедике говоритъ: «Обуче-«ніе письму я также въ началѣ соединилъ бы съ обученіемъ чте-«нію: дѣти очень любятъ дѣлать что-нибудь сами, а потому «пусть срисовываютъ прочитанное. Съ помощію такой методы, «они въ десять разъ скорѣе выучатся азбукѣ и тотчасъ станутъ «читать». [174]) Этотъ послѣдній пріемъ имѣетъ полное право на его примѣненіе и въ солдатской школѣ, на ряду съ прочими средствами запомнить алфавитъ, о которыхъ мы уже говорили. Это есть одно изъ средствъ пособить механической памяти.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о методѣ обученія чтенію посредствомъ письма. Говорятъ, что при раздвоенномъ обученіи, послѣ того какъ ученикъ выучится читать, для него предстоитъ новый трудъ учиться писать и такимъ образомъ начинать свой трудъ сначала. Но и въ методѣ обученія чтенію посредствомъ письма повторяется то же самое: ученику также послѣ обученія чтенію письменныхъ знаковъ предстоитъ трудъ вновь обучаться чтенію печатнаго шрифта; слѣдовательно дѣло обученія остается въ одномъ и томъ же положеніи, а измѣненіе происходитъ только во времени и въ порядкѣ обученія; выигрываетъ ли отъ этого преподаванія—еще нерѣшенный вопросъ. Это сознаетъ и самъ Г. Шарловскій, говоря, что ученики при переходѣ отъ рукописнаго къ печатному долго *съ трудомъ разбираютъ печатное* [175]). Наконецъ метода обученія чтенію посредствомъ письма есть метода назначенная для школъ малолѣтнихъ, такъ она выработана и на Западѣ: все въ ней разсчитываетъ на живость дѣтскаго чувства, на дѣтскую воспріимчивость, на то чтобы дитя не видѣло трудностей науки за черченьемъ картинокъ, которому и учатъ его съ первыхъ уроковъ, хотя нельзя не

---

[174]) См. Очер. ист. восп. и обр. Л. Модзалевскаго. Вып. 2. 1867 года, стр. 478.

[175]) См. Перв. обуч. письму и чтенію Шарловскаго. ч. II стр. 29.

замѣтить что нѣмецкая чопорность успѣла и здѣсь выразиться рельефно; напр. что можетъ быть скучнѣе этого ставленія точекъ, которое продолжается нѣсколько уроковъ сряду, по командѣ: «поставь точку на верху»; «поставь точку книзу» и т. д. [176])? Во всемъ этомъ состоитъ другая причина невозможности примѣнить эту методу къ школамъ для взрослыхъ. Наконецъ существованію этой методы на Западѣ помогаетъ одинаковость буквъ въ печатномъ и рукописномъ алфавитахъ. Во французскомъ алфавитѣ всѣ буквы пишутся, какъ печатныя; въ Германіи повсюду оставляютъ какъ готическій печатный, такъ и письменный прежній шрифтъ. У насъ, какъ мы видѣли, ни одна печатная буква не одинакова съ письменной, кромѣ двухъ-трехъ.

Такимъ образомъ выводъ изъ предшествующаго, для практики нашихъ солдатскихъ школъ, можетъ быть сдѣланъ слѣдующій. Въ нашихъ солдатскихъ школахъ весьма полезно допустить одновременное обученіе чтенію и письму, но вести дѣло такъ, чтобы ученикъ, обучаясь чтенію, видѣлъ и печатное выраженіе звука; знакомился въ одно и то же время съ его печатнымъ и письменнымъ изображеніемъ. Что же касается до обученія чтенію ранѣе письма, то этотъ способъ обученія, если онъ будетъ найденъ дидактикой вполнѣ примѣнимымъ къ дѣлу, все-таки не скоро можетъ быть разработанъ для нашихъ войсковыхъ школъ, какъ за недостаткомъ опытныхъ преподавателей, такъ и по неустройству этихъ школъ. Комитетъ грамотности съ этой же точки зрѣнія отнесся къ книгѣ Г. Шарловскаго, когда рѣчь зашла о примѣненіи этого способа къ низшимъ народнымъ школамъ [177]).

О способѣ совмѣстнаго обученія чтенію и письму трактуютъ издатели нашихъ народныхъ букварей—Главинскій, Столпянскій, Ященко, а также составители букваря Воскресныхъ Школъ. Одновременно съ чтеніемъ начатое письмо можетъ, какъ и должно ожидать, отстать отъ него; но въ этомъ нѣтъ бѣды.

---

[176]) См. Род. Слово для учащихъ стр. 39 и 42.

[177]) См. Занят. Комит. Грамот. 1863 г. стр. 181.

Отъ вопроса о времени обученія письму перейдемъ къ изложенію самыхъ способовъ обученія, которые облегчаютъ достиженіе навыка писать правильно и четко въ возможно скорѣйшее время.

Мы выше замѣтили, что педагоги очень остроумно въ разное время подмѣчали нѣкоторые пріемы, облегчающіе обученіе письму, но грѣшили тѣмъ, что давали слишкомъ большую цѣну изобрѣтенному ими частному пріему обученія. Какъ и въ другихъ предметахъ элементарнаго преподаванія, такъ и въ письмѣ въ извѣстное время одинъ какой-либо способъ преподаванія преобладалъ надъ другими: изъ исторіи обученія письму видно, что этимъ господствующимъ способомъ дѣлался всегда тотъ, который налегалъ на слабыя стороны преподаванія въ данное время и такимъ образомъ удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ дидактики, которыя до того времени были въ совершенномъ пренебреженіи. Такими способами, господствовавшими въ извѣстное время, были:

I) *Линейный* или обученіе письму по графической сѣткѣ; метода, весьма много способствующая развитію глазомѣра и пріобрѣтенію навыка вѣрно изображать буквы.

II) *Генетическій*, или систематическій переходъ отъ простаго къ сложному и отсюда пониманіе каждаго буквеннаго знака.

III) *Способъ Керстера или Карстера* (Karsters-Method), основывающійся на физіологически-правильномъ движеніи и развитіи членовъ тѣла, принимающихъ участіе въ письмѣ, именно— ручныхъ мышцъ.

IV) *Тактическій*, т. е. письмо въ тактъ, по командѣ, или общая, правильная дѣятельность всего класса, постепенный переходъ къ скорописи, недопускающій ни малѣйшихъ скачковъ.

Всѣ эти методы имѣли свою историческую причину: онѣ полагали свою главную цѣль въ избѣжаніи того недостатка при обученіи письму, который до того времени не былъ замѣченъ и устраненъ. Въ слѣдствіе этого обстоятельства, каждая изъ этихъ методъ становилась въ свое время одностороннею и впа-

дала въ крайность. Даже самый разумный, самый практическій изъ способовъ обученія письму—американскій или Карстера, понимавшій самую сущность дѣла и остроумно примѣнявшій къ письму гимнастику, вмѣстѣ съ тактическимъ способомъ, какъ средствомъ къ четкой скорописи, въ рукахъ неумѣлыхъ педагоговъ превратился въ рутинную дрессировку, безъ смысла и цѣли, такъ что при письмѣ не заботились о правильности буквъ, а только о направленіи ихъ и скорости письма. Этотъ историческій опытъ указалъ, что всѣ сказанныя методы есть части одного цѣлаго, иначе сказать, онѣ суть ничто иное, какъ отдѣльные пріемы или моменты обученія письму. Только разумнымъ и постепеннымъ примѣненіемъ этихъ пріемовъ къ обученію письму можно помочь ученику—пріобрѣсти навыкъ писать скоро и красиво; эта мысль и будетъ для насъ исходной точкой для послѣдующихъ выводовъ нашей настоящей лекціи.

Не мѣшаетъ задать себѣ вопросъ: какая цѣль обученія письму?—До сихъ поръ у насъ еще наука письма называется *каллиграфіей*, т. е. чистописаніемъ, что не разъ подавало поводъ думать самимъ преподавателямъ, что цѣль ихъ обученія есть красивое, художественное изображеніе письменныхъ знаковъ и болѣе ничего: за этой цѣлью исчезали всѣ другія. Но такъ какъ не мало нужно времени, чтобы ученикъ пріобрѣлъ эту художественность; то ясно само собою, что письмо всегда останавливалось на полдорогѣ, и ученикъ никогда не достигалъ умѣнья писать скоро и четко, хотя, можетъ быть, и достигалъ умѣнья писать красиво, но чрезвычайно медленно. Въ нашемъ дѣствѣ мы учились не *писать*, а *срисовывать* буквы. Нашъ опытъ говоритъ, что эту же цѣль преслѣдуютъ и учители нашихъ войсковыхъ школъ, а въ особенности—писарскихъ классовъ. Ошибка эта происходитъ отъ смѣшиванія рисованія съ письмомъ. Дѣйствительно, между ними большое сходство: оба искусства основаны на мышленіи и на глазамѣрѣ; но нельзя не замѣтить, что сколько въ *черченіи* требуется точности и отчетливости, столько же напротивъ *скорописи* дѣйствуетъ наобумъ, состоитъ большею частію изъ заученныхъ разъ движеній руки. Замѣчательно что большая часть людей, учащихся чисто-

писанію по старинному способу обученія, когда является необходимость скораго и четкаго письма, собственными усиліями и практикой выучиваются скорописи: это бываетъ сначала для нихъ очень затруднительно—строки выходятъ кривыя, буквы неправильныя или получаютъ особую оригинальную форму. Въ настоящее время педагоги очень хорошо поняли, что, съ достиженіемъ красоты почерка, далеко еще не достигается настоящая цѣль письма: цѣль эту можно считать достигнутой тогда, когда ученикъ въ возможно скорѣйшее время научится писать довольно четко, но притомъ скоро и твердо. Для жизни нужна четкая скоропись; каллиграфія же, съ ея безукоризненною правильностью буквъ и съ различными украшеніями ихъ, остается ремесломъ класса людей, весьма немногочисленнаго. Какимъ образомъ должно вести обученіе письму, чтобы его цѣль была достигнута въ возможно скорое время, преимущественно же какимъ образомъ вести дѣло обученія письму въ нашей солдатской школѣ?

Разсматривая письмо физіологически, нельзя не замѣтить, что оно есть ничто иное, какъ продуктъ движенія различныхъ мышцъ, преимущественно правой руки, точно такъ же, какъ плавное чтеніе есть произведеніе нашихъ легкихъ, мышцъ гортани, языка и мышцъ лицевыхъ. Умѣнье скоро и четко писать есть навыкъ—правильно двигать мышцами верхняго плеча или локтя, ладони и пальцевъ; слѣдовательно задача учителя письма прежде всего состоитъ въ пріученіи ученика правильно, равномѣрно, скоро двигать этими мышцами въ требуемомъ направленіи. Авторъ «Роднаго Слова» справедливо замѣчаетъ: «Строгій размѣръ въ движеніи—вотъ вся тайна краснваго и быстраго письма. Посмотрите на руку хорошаго писца, какъ она движется по бумагѣ, и вамъ прійдетъ въ голову искусная нога, танцующая по паркету; въ обоихъ движеніяхъ основаніе одно и то же—тактъ». [178]) Эта практическая мысль объ обученіи письму, посредствомъ гимнастическихъ упражненій пальцевъ, прежде всѣхъ пришла на умъ самой практической на-

[178]) См. Род. Слов. для учителя стр. 41.

ціи—американцамъ, и была причиной появленія методы Карстера. Эта метода угадала законы хорошаго письма. Вся система Карстера исходитъ изъ слѣдующаго положенія: «Прежде «всего нужно сообщить пальцамъ ученика силу и ловкость, «чтобы они могли возможно вѣрнѣе дѣлать подражительныя дви- «женія, употребительныя при письмѣ—словомъ сначала нужно «образовать или развить руку». [179])

Метода Карстера была довольно тщательно разработана его послѣдователями и въ настоящее время американская метода представляется въ такомъ видѣ.

Вся система заключается въ трехъ главныхъ пріемахъ: 1) въ *движеніяхъ*, развивающихъ мышцы *передняго плеча* или *локтя*, 2) въ *движеніяхъ кисти руки* и 3) въ *движеніяхъ большаго, указательнаго и средняго пальцевъ*. Я нахожу нужнымъ ознакомить васъ, Гг! подробно съ системой Карстера, а равно и съ основаніями ея; потому что всѣ, доселѣ извѣстныя намъ руководства и прописи *скорописи*, составленныя *по американской методѣ*, напр. изданія Лермантова и К° (1860 г.), Сеньковскаго (1862 г.), Золотова (1863 г.), Студитскаго (1868 г.), представляютъ только образцы письма, и большею частію съ третьей степени обученія по методѣ Карстера, но не объясняютъ сущности пріемовъ, такимъ образомъ для преподавателя, незнакомаго съ дѣломъ, онѣ безполезны.

Предъ изложеніемъ системы Карстера сдѣлаемъ два замѣчанія. Для первоначальныхъ упражненій по этой методѣ, обыкновенно употребляется грифель, вложенный въ перо. Грифель употребляется преимущественно предъ другими матеріалами для письма, по своей дешевизнѣ; рѣдкое училище и особенно наше солдатское можетъ располагать достаточными средствами, чтобы употреблять бумагу на первоначальныя упражненія учениковъ. Впрочемъ нельзя не сказать, что писанье на аспидной доскѣ грифелемъ имѣетъ и весьма важное неудобство, такъ какъ пріучаетъ руку ученика къ тяжелому почерку; умѣнье владѣть

[179]) См. Die Natürliche Unterrichts-Methoden. Oliwier. 1830 г. стр. 83.

грифелемъ предполагаетъ иныя условія, чѣмъ умѣнье владѣть перомъ: научиться писать однимъ не значитъ научиться писать другимъ. Пріобрѣтенная ловкость писать на одномъ матеріалѣ не переносится безъ дальнѣйшихъ препятствій на другой. Въ практикѣ мы видимъ, что гравёры, прекрасно пишущіе на металлахъ и на камнѣ, на бумагѣ владѣютъ самымъ плохимъ почеркомъ. Воспользуемся въ этомъ случаѣ замѣчаніемъ Немейера [180]), одного изъ старѣйшихъ педагоговъ Германіи: «Педагоги не мало спорили, говоритъ онъ, объ употребленіи грифеля и аспидныхъ досокъ при первоначальномъ преподаваніи письма въ низшихъ школахъ. Противники аспидной доски утверждаютъ, что отъ письма на ней почеркъ ученика утрачиваетъ легкость. Въ самомъ дѣлѣ на аспидной доскѣ ученикъ не можетъ дѣлать грифелемъ волосныхъ линій (почерковъ) такъ тонко и легко, какъ это нужно, а потому съ перваго шага въ искусствѣ писать пріучается къ посредственности. Нельзя не сознаться, что въ этомъ замѣчаніи лежитъ настолько истины, что, хотя оно и не всегда подтверждается опытомъ, тѣмъ не менѣе не должно быть оставляемо безъ вниманія, пока не будетъ найденъ другой дешевый матеріалъ для начальныхъ письменныхъ упражненій въ классѣ, болѣе сообразный съ своею цѣлью». Въ настоящее время это неудобство отчасти устраняется употребляемыми въ нѣкоторыхъ школахъ, такъ называемыми, *бумажными аспидными* досками: доски эти дѣлаются изъ картона, покрытаго аспиднымъ составомъ. Во всякомъ случаѣ учитель письма долженъ, при переходѣ ученика отъ доски къ бумагѣ, обращать особое вниманіе на его почеркъ, стараясь придать ему нужную легкость и тонкость. Писанье палочкой на пескѣ, заимствованное отъ индусовъ и введенное Белемъ (стр. 101) въ мониторіальныя школы, имѣетъ за собой то неудобство, что вредитъ глазамъ мелкой пылью, которая поднимается каждый разъ при уравниваніи и сколько нибудь быстромъ прикосновеніи къ песку. Аспидныя доски должны имѣть

---

[180]) См. Немейеровъ трудъ: Grundsatze v. Erziegung u. d. Unterrichts. томъ II, ч. 2 примѣч. къ стр. 156.

возможно тонкія рамки. Доски эти, по совѣту опытныхъ дидактовъ [181]), должны имѣть съ одной стороны продольныя бороздки, сдѣланныя желѣзнымъ карандашемъ горизонтально и наклонно, въ видѣ графической сѣтки. Даже при господствѣ въ школѣ американской методы, первоначальное письмо буквъ нужно производить по этимъ линейкамъ.

Скоропись по методѣ Карстера не можетъ быть преподаваема, если въ школѣ нѣтъ совершеннаго порядка. Этому безпорядку подвержены и наши войсковыя школы, хотя съ перваго раза нужно бы предположить, что въ нихъ можетъ быть больше порядка, потому что солдатъ привыкъ все дѣлать по командѣ. Каждый учащійся въ классѣ скорописи долженъ знать свое мѣсто, долженъ твердо знать, что дѣлать, при короткой отрывочной командѣ учителя: «приготовить доски!» «приложить грифель!» «начинать!» и т. п. За столами ученики должны сидѣть прямо, не наклоняя головы или туловища. Вообще правила, какъ сидѣть при письмѣ очень важны какъ для здоровья учениковъ, такъ и для правильности самого письма. Неестественное положеніе груди производитъ грудныя болѣзни. Въ войсковыхъ канцеляріяхъ я замѣтилъ, что тѣ писаря болѣе прочихъ подвержены чахоткѣ, которые пишутъ въ болѣе или менѣе ненормальныхъ позахъ. Впослѣдствіи отрывать отъ дѣла ученика, когда онъ уже начнетъ писать, безпрестанными поправками значитъ мѣшать ему и замедлять ходъ ученья.

1) Первый рядъ упражненій Кастера состоитъ въ томъ, что учитель, объяснивъ ученикамъ правильное держаніе и движеніе пера [182]), въ которое вложенъ грифель, заставляетъ ихъ, проводить на аспидныхъ доскахъ различныя линіи, прямыя и

---

[181]) Оливье и Немейеръ (см. примѣч. 179 и 180); Ушинскій (см. Род. Слов. для учит. стр. 38).

[182]) Вотъ правила для держанія пера: перо держится только двумя пальцами—большимъ и среднимъ; указательный палецъ, прижимая перо сверху, опредѣляетъ мѣру его наклона, но собственно не придерживаетъ его. Четвертый или безымянный палецъ согнутъ и почти касается мускула, управляющаго движеніемъ большаго пальца. Мизинецъ вытягивается и служитъ въ послѣдующихъ упражненіяхъ опорою руки.

кривыя, дѣлая движеніе всей рукой начиная отъ плеча; при этомъ рука должна быть нѣсколько поднята надъ столомъ, а не опираться и не задерживаться ни одною своею частью. Рука движется вмѣстѣ съ локтемъ и чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше. Движенія эти производятся по командѣ учителя или старшаго ученика, въ тактъ, со счетомъ отъ 10 до 20. Мы пишемъ обыкновенно правою рукою, но это не должно исключать возможности писать лѣвою рукою, на случай болѣзни или утомленія правой руки; потому учитель не долженъ препятствовать, если-бы ученики стали пытаться писать и лѣвою рукою,—въ войскахъ допускается же прицѣлка изъ ружья лѣвымъ глазомъ. При обыкновенномъ письмѣ лѣвый локоть, отодвинутый отъ туловища, лежитъ на столѣ и служитъ точкою опоры для движеній лѣвой руки, которая должна передвигать доску или тетрадь снизу вверхъ, по мѣрѣ какъ она исписывается. Черты проводятся учениками въ нѣкоторыхъ упражненіяхъ (см. фиг. 16—14) по однѣмъ и тѣмъ же линіямъ, потому чѣмъ тоньше дѣлаются очертанія фигуры—изъ проведенныхъ нѣсколько разъ по одному и тому же направленію линій, тѣмъ болѣе успѣха въ письмѣ: это показываетъ, что ученикъ пріучился двигать рукою въ тактъ по одному и тому же направленію. Всегда съ окончаніемъ командпаго счета письмо прекращается; тактъ, сначала медленный, постепенно ускоряется къ концу счета.

Упражненія перваго ряда служатъ для развитія мышцъ—*двухглавой плечевой* (въ анатоміи: musculus biceps brachii sive corocoradialis), которая сгибаетъ верхнее плечо и *трехглавой* или *наружной*, которая разгибаетъ переднее плечо (въ анатоміи: musculus triceps brachii s. externus brachii). Мышцы эти имѣютъ движеніе при крупномъ размашистомъ письмѣ, а также содѣйствуютъ ровному упору локтя и ровному движенію руки вдоль строки, которое даетъ прямое направленіе строкамъ.

Въ этомъ отдѣлѣ приготовительныхъ упражненій имѣютъ мѣсто слѣдующіе пріемы: а) Черченіе горизонтальныхъ линій отъ лѣвой руки къ правой или вдоль аспидной доски; упражненіе тогда только оставляются, когда горизонтали дѣлаются ровными и параллель-

ными, также когда между ними разстояніе становится равнымъ (см. таб. I. фиг. 4.); б) непрерывное черченіе такихъ же горизонтальныхъ линій отъ правой руки къ лѣвой и отъ лѣвой къ правой, въ равномъ одна отъ другой разстояніи (фиг. 5.); в) черченіе горизонтальнаго эллипсиса (фиг. 6-я); г) черченіе эллипсиса наклоннаго, отъ одного края доски до другаго, съ направленіемъ вправо (фиг. 7-я). Черченіе эллипсисовъ происходитъ въ два пріема: одинъ сверху внизъ (разъ!), образующій верхнюю его часть и снизу вверхъ —для образованія нижней части (два!). д) По тѣмъ же направленіямъ и также въ два пріема производится черченіе фигуръ въ видѣ цифры *восемь* (фиг. 8.); е) черченіе малыхъ продолговатыхъ круговъ, въ видѣ трехъ буквъ о (фиг. 9); ж) черченіе горизонтальнаго эллипсиса, со вписанными въ него тремя поперечными кругами (см. фиг. 10) и з) черченіе съ одного почерка концентрическихъ круговъ (фиг. 11).

Чѣмъ разнообразнѣе упражненія этого отдѣла, тѣмъ болѣе развиваютъ они руку и тѣмъ они занимательнѣе для учащихся; на каждомъ изъ нихъ нужно выдержать ученика столько, чтобы упражненіе совершалось имъ отчетливо и могло быть ступенью къ послѣдующимъ.

II) Второй рядъ упражненій развиваетъ кисть руки. Уперши локоть и оставляя на вѣсу кисть руки и пясть, ученикъ, при полной неподвижности локтя, и при одномъ и томъ же положеніи пальцевъ, при помощи однихъ мышцъ кисти, чертитъ въ тактъ, въ нѣсколько пріемовъ: а) горизонтальныя полукруглыя черты, отъ лѣвой стороны доски къ правой и наоборотъ (см. фиг. 12); б) рядъ фигуръ, съ одного почерка, въ видѣ цифры *восемь*, причемъ темпъ дѣлится на два, какъ при упражненіи фиг. 4 (см. фиг. 13); в) рядъ фигуръ, въ видѣ литеры *о*,—въ два пріема (фиг. 14). Рядъ упражненій 2-го разряда развиваетъ мышечную систему кисти, а именно: *круглую мышцу*, которая *поворачиваетъ ладонь книзу* (musculus pronator teres) и *длинную мышцу*, которая *поворачиваетъ ладонь кверху* (musculus supinator longus). Мышцы эти дѣйствуютъ при письмѣ; раз-

витыя упражненіемъ сообщаютъ свободу рукѣ, прямизну строкамъ и округлость буквамъ.

III) Третій разрядъ приготовительныхъ упражненій скорописи Карстера направленъ къ развитію *мышцъ, сгибающихъ и разгибающихъ пальцы* руки (musculi extensores digitorum); мышцы эти преимущественно управляютъ скорописью. Всѣ эти упражненія производятся одними пальцами, при неподвижности локтя и плеча. Здѣсь идутъ слѣдующія упражненія: а) проведеніе косвенныхъ штриховъ, при помощи однихъ пальцевъ, внизъ, горизонтально или вмѣстѣ снизу вверхъ и сверху внизъ (въ два пріема) (фиг. 15 и 17); б) черченіе въ видѣ строкъ, но безъ линеекъ, ряда нѣсколькихъ прямыхъ линій съ почерками (въ два пріема) (фиг. 16 и 17); в) черченіе такихъ же наклонныхъ линій, съ горизонтальными почерками вверху и внизу (фиг. 18 и 19); г) рядъ наклонныхъ фигуръ въ видѣ цифры *восемь* (см. фиг. 20, 21 и 22); д) рядъ продолговатыхъ круговъ въ видѣ литеры *о*, съ горизонтальными и наклонными почерками (см. фиг. 23, 24 и 25) и е) рядъ непрерывныхъ росчерковъ по наклонной линіи и по горизонтальной (фиг. 27 и 28).

Когда ученикъ утвердится въ третьемъ разрядѣ упражненій Карстера, и особенно научится правильно чертить прямые штрихи съ волосными линіями, тогда можно начать писанье строчныхъ буквъ. Буквы эти, для соблюденія такта, также раздѣляются на нѣсколько темповъ и пишутся по пріемамъ. Напримѣръ, буква *а*, состоящая изъ круга и черты внизъ, дѣлится на два темпа: 1-й при начертаніи круга сверху внизъ, съ волосною круглою линіею вверхъ, 2-й для начертанія прямой линіи сверху внизъ. Буква *к* точно также дѣлится на три темпа, какъ и буква *м* и т. д. (см. таб. II фиг. 2). Предъ началомъ каждаго урока самъ учитель, по темпамъ, въ нѣсколько пріемовъ чертитъ букву на классной доскѣ, причемъ разлагаетъ ее на составныя части; напримѣръ, говоритъ, что буква *к* состоитъ изъ трехъ чертъ—прямой, волнообразной кверху и волнообразной книзу, съ нажимомъ пера. При письмѣ строч-

ныя буквы соединяются между собою горизонтальными линіями (см. таб. II фиг. 3).

По изученіи алфавита скорописи, учитель диктуетъ по командѣ цѣлыя слова. Напримѣръ, все слово «*Рюрикъ*» пишется по слѣдующаго года командѣ: 1, 2, 3, 4; 1, 2, 3; 1, 2; 1, 2; 1, 2, 3; 1, 2, 3 —При небольшомъ навыкѣ легко можно опредѣлить число темповъ каждой строчной или прописной буквы скорописной азбуки; общее правило командnаго такта состоитъ въ томъ, чтобы командою означать точки и утолщенія буквъ, тонкія черты падаютъ при этомъ въ промежутки командныхъ словъ. Вотъ раздѣленіе буквъ по счету, или по равному количеству темповъ: I) По счету «*разъ*!» пишутся: *і, с, г, е, о*; II) по счету «*разъ, два*!» пишутся: *и, л, р, п, ч, а, в, х, у, д*; III) по счету «*разъ, два, три*!» пишутся: *н, ш, м, т, ъ, и, ъ, ы, я, ю, б, к, э, з. ж, ф*; IV) въ *четыре* темпа пишется одна буква *щ*. Прописныя буквы пишутся по командѣ отъ 2 до 5 темповъ; напримѣръ, въ 2 темпа пишутся: *С, О, Л, Ч, Х*, и въ пять—*В, К*, остальныя прописныя буквы пишутся въ 3 и 4 темпа.

Вотъ изложеніе методы обученія письму Карстера. У насъ эта метода получила примѣненіе въ учебныхъ заведеніяхъ [183]) вѣдомства Государственныхъ Имуществъ въ 1843 году и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ въ 1848 году [184]). Метода эта изложена въ «Курсѣ скорописи Ходоровскаго»; но особенно подробно изложена и толково объяснена въ «*Курсѣ скорописи по Американской методѣ Карстерса*», изданномъ нѣсколько разъ *Половцевымъ*; послѣднее изданіе было въ 1866 г. въ пользу Старомайнскаго училища (цѣна 10 к.). Книгу эту можно рекомендовать для руководства учителямъ солдатскихъ школъ. Въ послѣднее время издается у насъ много прописей американской методы; но эти прописи далеко не даютъ о ней яснаго понятія. Мы не будемъ говорить о естественности мето-

---

[183]) См. Наст. объ управ. сельск. училищъ § 28.

[184]) См. Наставл. объ образ. воспит. военно-учеб. зав. Высочайше утвержд. 24 Декаб. 1848 г. стр. 154.

ды: въ изложеніи методы мы указали основаніе ея въ гимнастикѣ мускулярной системы руки; это одно должно дать ей преимущество предъ всѣми другими. Г. Ушинскій, наблюдавшій эту методу въ заграничныхъ школахъ, замѣчаетъ, что въ школѣ, гдѣ сколько-нибудь порядочный учитель учитъ по американской методѣ, величайшая рѣдкость встрѣтить ученика, пишущаго плохо [185]). Скажемъ нѣсколько словъ о способѣ ея примѣненія къ нашимъ солдатскимъ школамъ.

По нашему опыту, метода Карстера должна руководить учителя солдатской школы во все время обученія письму солдатъ, но она не должна быть исключительнымъ образцомъ. Условія солдатской школы требуютъ введенія въ школу также пріемовъ другихъ методъ письма. Американской методой должно руководствоваться при началѣ обученія: приготовительныя упражненія Карстера должны имѣть непремѣнно мѣсто при началѣ обученія солдатъ письму. Мы знаемъ, какъ неправильно, какъ тяжело движется рука нашего солдата, въ первый разъ принимающагося за писанье; какія странныя неправильныя фигуры выводитъ на бумагѣ эта непривычная рука, исполнявшая доселѣ простыя механическія работы. Движенія, или точнѣе *гимнастика руки*, сначала плавная, потомъ болѣе и болѣе ускоренная и равномѣрная, *по методѣ Карстера, будутъ прекраснымъ вступительнымъ упражненіемъ при обученіи письму въ солдатской школѣ.* Разумѣется изъ этихъ приготовительныхъ упражненій должно исключить всякое писанье картинокъ, эту первая ступень къ письму по американской методѣ, въ азбукѣ Роднаго Слова и въ азбукѣ Паульсона. То, что можетъ занимать дѣтей, не можетъ служить предметомъ упражненія для взрослаго. При параллельномъ обученіи чтенію и письму приготовительныя упражненія нужно начать немного ранѣе обученія грамотѣ и посвятить на нихъ столько времени, сколько пойдетъ его на первыя приготовительныя уроки чтенія. Напримѣръ, при обученіи, по методѣ Золотова, упражненія приготовительныя должны падать на время, употребляемое на распознаніе словъ и слоговъ. По

---

[185]) См. Родн. Слов. для учител. стр. 42.

окончаніи этихъ упражненій, когда у учениковъ значительно разовьется подвижность и правильное движеніе мышцъ руки; когда ученики научатся чертить линіи и фигуры твердо, держать перо правильно, всего лучше перейти къ писанью буквъ на бумагѣ по *линейному способу* (т. е. по графической сѣткѣ), сохраняя при этомъ писанье буквъ *по такту* или по командѣ. Метода тактическая возможна и при обученіи письму цѣлаго класса. При линейномъ письмѣ учитель солдатской школы долженъ пользоваться и тактической методой скорописи; во все время обученія нужно примѣнять его какъ можно чаще къ дѣлу, чтобы ученики не пріучались, при существованіи линейной методы, къ кропотливости при выводѣ буквъ. Письмо можно производить по разграфленной аспидной доскѣ. Оставить тактическую методу возможно только тогда, когда ученики получатъ навыкъ писать четко, такъ что имъ можно дать самостоятельныя работы. Приготовительныя упражненія, по методѣ Карстера, не нужно бросать и тогда, когда ученики окажутъ значительные успѣхи въ письмѣ; гимнастику руки никогда не должно оставлять. Письмо по такту весьма умѣстно въ солдатской школѣ: солдатъ пріученъ къ движеніямъ по командѣ, къ дѣйствіямъ быстрымъ, опредѣленнымъ, правильнымъ. Кромѣ того писанье въ тактѣ имѣетъ и ту за собой выгоду, что и лѣнивыхъ и неповоротливыхъ заставляетъ быть внимательными и развязными. Вотъ почему американскій способъ, въ связи съ тактическимъ, въ школѣ для солдатъ заслуживаетъ полнаго предпочтенія предъ другими; онъ долженъ быть въ правильно устроенной школѣ господствующимъ, даже при употребленіи другихъ пріемовъ. Я имѣлъ случай слѣдить за приложеніемъ методы Карстера въ бывшемъ Казанскомъ училищѣ военнаго вѣдомства, и дѣлалъ рядъ опытовъ въ этомъ же родѣ въ собственной школѣ моей при Казанскомъ пороховомъ заводѣ [186]); результатъ опытовъ въ обѣихъ школахъ убѣдилъ меня, что, при правильномъ примѣненіи этой методы, успѣхи получаются положительные: ученики пріучаются къ четкому и скорому письму. Потому пред-

[186]) См. Зап. Ком. грамот. 1863 г. вып. VIII. прил. 2. стр. 337 и слѣд.

ставляется страннымъ неуспѣхъ [187]) методы въ одной изъ петербургскихъ гимназій, въ 1860 г., а также во многихъ приходскихъ училищахъ. Можетъ быть, это произошло оттого, что старались ввести скоропись въ ея чистомъ видѣ, или опыты были произведены надъ такими учениками, которые уже умѣли писать. Но все-таки, и при умѣньи учениковъ писать, американскій способъ утверждаетъ руку и пріучаетъ къ правильному и скорому письму.

Опытъ убѣдилъ меня, что въ большинствѣ нашихъ школъ американская метода скорописи можетъ дать счастливые результаты, въ соединеніи съ другими методами. Выше было замѣчено, что всѣ методы, не исключая и Карстеровой, суть только части одного цѣлаго, моменты одной общей системы обученія письму. Кромѣ скорости письма и его твердости, учитель солдатской школы долженъ заботиться, чтобы его ученикъ писалъ правильно; для правильности же письма, кромѣ развитія руки, нужно и развитіе глаза. Глазъ и рука суть главные дѣятели въ письмѣ; потому при преподаваніи письма важно развитіе глазомѣра столько же, какъ и ловкости руки. Глазомѣръ у нашихъ простолюдиновъ не вѣренъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые занимаются ремеслами; въ особенности глазомѣръ ихъ слабъ, когда дѣло доходитъ до отдѣлки частей мелкихъ, объ этомъ учитель долженъ прежде всего позаботиться въ войсковой школѣ. Потому, если говорятъ о чистомъ примѣненіи методы Карстера къ западнымъ школамъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и наши войсковыя школы могли усвоить тотъ же способъ съ полною легкостью. Большая разница между воспріимчивостью дитяти и его способностью къ подражательнымъ пріемамъ и тѣми же способностями нашего солдата. Большая разница между цивилизаціей европейской и нашей: простолюдье на западѣ нѣсколько степенями стоитъ выше, по умственному развитію, нашихъ низшихъ класовъ. Глазъ ученика европейской школы настолько еще до школы пріученъ къ соразмѣрности, что американская метода можетъ безъ особаго труда имѣть тамъ примѣне-

[187]) Руковод. для препод. грамоти. Орбинскаго. Одес. 1861. стр. 36.

ніе къ школѣ народной. Сверхъ того въ чистой методѣ Карстера глазомѣръ у учениковъ развивается еще прежде правильнаго обученія письму—рисованьемъ по графической сѣткѣ различныхъ фигуръ. Но сообразно ли будетъ съ серьёзнымъ взглядомъ нашего солдата на науку заставлять его при началѣ письма чертить клѣтки и домики, какъ это показано въ Родномъ Словѣ? Я думаю этотъ вопросъ и рѣшать нечего.

При изображеніи буквъ ученикъ долженъ наблюдать равную ширину, равную вышину буквъ, равное растояніе и одинаковое положеніе или направленіе однѣхъ тѣхъ же, или различно сопоставленныхъ буквъ. Всѣхъ этихъ условій опускать нельзя учителю, если онъ хочетъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ: красивое письмо весьма не излишне и для нашего солдата; во всякомъ случаѣ, если дѣлать добро солдату обученіемъ его грамотѣ, то не нужно дѣлать въ половину. Между тѣмъ нельзя не согласиться, что вышесказанныя условія правильнаго письма нашему начинающему учиться писать солдату очень трудно соблюсти разомъ. Какъ одно изъ вѣрныхъ средствъ къ пріобрѣтенію глазомѣра, педагогическая дидактика на первый разъ указываетъ въ графической сѣткѣ для правильнаго письма. Графическая сѣтка извѣстна всякому; она такъ проста и примѣнима, польза ея такъ понятна, что она существовала даже у древнихъ народовъ [188]). Она состоитъ изъ горизонтальныхъ линій, пересѣкаемыхъ въ свою очередь рядомъ наклонныхъ. Она помогаетъ ученику соблюдать всѣ требуемыя условія правильнаго письма,—пріучаетъ глазъ его къ пространственнымъ отношеніямъ. Для первоначальнаго письма эта сѣтка должна состоять, кромѣ двойной горизонтальной линіи, еще изъ такихъ же линій, для надстрочнаго и подстрочнаго продолженія тѣхъ буквъ, части которыхъ выходятъ изъ двухъ строчныхъ горизонталей (напр. *р*, *ф*, *д*, *у*, *б*.); наклонныя линіи опредѣляютъ наклонность и растояніе буквенныхъ линій. Величина угла этихъ наклон-

[188]) О ней уже говоритъ римскій ораторъ Квинтиліанъ Inst. Lib I, cap. I. § 27.

ныхъ зависитъ въ нѣкоторой степени отъ вкуса, но уголъ въ 60° содѣйствуютъ не только красотѣ буквъ, но и ихъ четкости. Впрочемъ часто устройство руки таково, что ученикъ не можетъ писать буквы слишкомъ наклонно; въ такомъ случаѣ насиловать природу было бы не только дѣломъ нелѣпымъ, но и не принесло бы никакой пользы.

При началѣ обученія наклонныя линіи сѣтки должны быть часты, такъ чтобы на первыхъ двухъ линіяхъ писались обѣ части буквы, а третья служила только бы для указанія растоянія между буквами (см. таб. II. фиг. 5). Въ послѣдствіи времени наклонныя черты дѣлаются шире и на нихъ пишутся только основныя черты буквъ (см таб. II. фиг. 6). По мѣрѣ того, какъ ученикъ привыкаетъ къ глазомѣру, сначала оставляются наклонныя линіи, а потомъ и горизонтальныя. Въ свою очередь растояніе между горизонтальными линіями должно быть широко только при началѣ обученія. Размѣръ буквъ, какъ скоро это только будетъ возможно, долженъ тотчасъ быть доведенъ до настоящаго размѣра ихъ, обыкновеннаго въ житейскомъ быту. Относительно технической части письма на бумагѣ большинство педагоговъ совѣтуютъ производить его при обученіи гусиными, но не стальными перьями; обученіе очинкѣ пера должно входить въ обученіе. Дѣйствительно писанье стальнымъ перомъ предполагаетъ большое умѣнье владѣть имъ; при неумѣньи ученика оно постоянно задѣваетъ бумагу, рѣжетъ ее, брыжжетъ. Для письма по методѣ Карстера, предполагающей свободу почерка, оно вовсе негодно. Стальныя перья требуютъ еще большихъ усовершенствованій, чтобы замѣнить вполнѣ гусиныя перья.

Перейдемъ къ самому процессу обученія письму. Письмо съ прописей не должно допускаться въ солдатской школѣ, также не должно здѣсь быть допускаемо писанье съ буквы, написанной учителемъ въ началѣ страницы ученической тетради. Подобное списыванье не можетъ повести къ успѣшному обученію, а напротивъ задержитъ его на долгое время. Здѣсь должно имѣть мѣсто пониманіе учениками буквенныхъ формъ; взрослый ученикъ тогда только заучитъ букву, когда въ нее

вглядится и отчетливо подмѣтитъ особенность ея внѣшней формы, ея части. Способъ подобнаго рода письма называется *генетическимъ*, какъ мы это видѣли выше (стр. 196); онъ также, какъ отдѣльный пріемъ, долженъ имѣть мѣсто въ общей системѣ обученія письму. Букву, которую долженъ писать классъ, прописываетъ сперва самъ учитель на доскѣ. При этомъ онъ, вмѣстѣ съ учениками, изучаетъ данную букву, разлагая ее на составныя части, опять ихъ соединяя и показывая ея происхожденіе отъ другой или сходство съ другою. Объясненіе, словесное толкованіе и описаніе буквъ, предназначенныхъ для письма, такъ существенно необходимы при обученіи письму, что безъ нихъ совершенно не возможно сознательное пониманіе буквенныхъ формъ. Чтобы понять какой-либо предметъ обученія, нужно его анализировать, т. е. понять его составныя части; чтобы удержать его въ памяти, необходимо узнать черты его сходства съ другими предметами того же отдѣла или черты различія отъ нихъ. Эти мысли мы высказали въ нашихъ приготовительныхъ лекціяхъ (стр. 55 и 129). Безъ точнаго и твердаго изученія буквенныхъ формъ нельзя удержать ихъ въ памяти, а потому и нельзя правильно изображать. Отсюда также необходимо слѣдуютъ, что первымъ требованіемъ при обученіи письму должно быть стараніе, чтобы ученикъ, прежде нежели напишетъ изучаемую букву, могъ объяснить учителю, какъ онъ напишетъ ее. Только послѣ этого ученики должны приступить къ писанью буквъ, а какъ скоро затвердятъ очертаніе буквы чрезъ ея списываніе, тогда буква съ доски классной стирается, и они должны писать ее на память. При этомъ воображеніе ученика навыкаетъ воспроизводить требуемый образецъ. Предъ исправленіемъ написаннаго учениками, учитель снова пишетъ букву на доскѣ, чтобы ученики могли яснѣе видѣть свои ошибки. Такимъ пріемомъ можно исправить недостатки, которые существуютъ въ нашихъ полковыхъ и писарскихъ школахъ, въ которыхъ обученіе письму далеко отъ педагогической правильности и сознательнаго пониманія дѣла. Намъ недавно случилось заставить солдатъ, которые могли довольно правильно писать съ прописей, написать что-либо подъ

диктовку и мы тотчасъ увидѣли, какъ затруднялись они, не зная какъ написать на память требуемую букву.

Наконецъ при обученіи письму нужно, для успѣшнаго хода дѣла, расположить его такъ, чтобы оно шло съ надлежащею постепенностью. Постепенность обученія одна только и можетъ заручить успѣхъ, особенно когда мы имѣемъ дѣло съ нашимъ малоразвитымъ простолюдиномъ, съ нашимъ солдатомъ. Чтобы пріучить ученика къ точной и внимательной работѣ учитель долженъ требовать хорошаго исполненія урока; но это требованіе тогда только возможно, когда урокъ не превышаетъ силъ ученика и его практическаго умѣнья. Всякій знаетъ, какъ слабо это умѣнье у нашего солдата. Въ такомъ случаѣ сообщеніе ученику-солдату рукописныхъ буквъ въ томъ порядкѣ, въ той строгой послѣдовательности, при которой одна буква производится изъ другой, своимъ методическимъ переходомъ отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ простаго къ сложному болѣе всего способствуетъ ученику достигать умѣнья писать. Вотъ почему мы почти отвергаемъ возможность введенія въ солдатскія школы методы совмѣстнаго обученія письму и чтенію, или—чтенію посредствомъ письма. При этой методѣ ученикъ долженъ писать буквы не по ихъ сходству, а по органамъ произношенія; слѣдовательно въ одинъ урокъ—чертить самыя разнообразныя буквы. Возможно ли, при такой непослѣдовательности, для нашего малоразвитаго солдата хотя кое-какое обученіе письму?

Вотъ въ какомъ порядкѣ долженъ идти алфавитъ при *постепенномъ* или *генетическимъ* способѣ письма. Послѣднія упражненія 3-го разряда, по методѣ Карстера, состоятъ въ письмѣ основныхъ чертъ строчныхъ буквъ (см. фиг. 15—28). Отъ этихъ упражненій легокъ переходъ къ генетическому алфавиту въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-е упражненіе составитъ группа буквъ, состоящихъ изъ прямыхъ и внизу закругленныхъ основныхъ линій; къ ней относятся буквы: *і, и, щ, ц, ш, ь, ы, л, м,—ч, ъ, ѣ,—н*. Послѣ изученія этихъ буквъ, ученики пишутъ цѣлыя слова въ родѣ: *ищи, чини, мы, цѣлы, шины, цѣны, лѣнь, мели, милы* и т. п. 2-е упражненіе состоитъ изъ группы буквъ, которыя составлены изъ линій, закругленныхъ снизу

или сверху, или съ обоихъ концевъ; къ нашей азбукѣ такія буквы: *г*, *п*, *т*. По изученіи ихъ упражненіемъ въ письмѣ словъ будетъ: *тьни*, *нить*, *литъ*, *гни*, *гнить*, *тлькъ*, *льпы*, *льнь*, *липы*, *лини* и т. п. 3-мъ упражненіемъ служитъ группа буквъ, состоящихъ изъ овалевъ: а)—съ нажимомъ пера на лѣвой сторонѣ буквы: *с*, *о*, *ѳ*, *ю*, *а*, *е*, *в*, *я*; б)—съ нажимомъ пера на правой сторонѣ: *э*, *з*, *к* и в)—съ нажимомъ пера съ обѣихъ сторонъ: *х* и *ж*. Односложными словами для упражненій здѣсь могутъ быть: *сосна*, *лѣсъ*, *вѣсь*, *лью*, *линія*, *соколъ*, *соловей*, *лѣто* и т. п. На это упражненіе нужно обращать особое вниманіе, частію потому что оно состоитъ изъ особаго отдѣла буквъ, частію потому что писать овальныя буквы гораздо труднѣе, чѣмъ прямолинейныя. 4-е упражненіе состоитъ въ изученіи буквъ, части которыхъ выходятъ—а) выше строкъ *д*, *б* и б) ниже строкъ: *д*, *у*, *з*, *р*, *ф*; всѣ эти буквы должны быть вдвое противъ длины обыкновенной прописной буквы, а буква *ф*—въ три раза. При этомъ упражненіи ученикамъ диктуютъ цѣлыя слова: *дядя*, *баба*, *хижина*, *суша*, *работа*, *филинъ*. Предъ изученіемъ прописныхъ буквъ изучаются сначала двѣ новыхъ линіи: *волнистая горзонтальная* и *волнистая наклонная* (таб. II фиг. 1); изъ соединенія этихъ двухъ основныхъ линій съ прежними являются новыя группы прописныхъ буквъ: 1-я *І*, *И*, *Н*, *К*; 2-я *Ф*; 3-я *Д*; 4-я *Р*, *Б*, *В*, *Г*, *П*, *Т*. Дальнѣйшее обученіе письму продолжается списываніемъ съ написаннаго учителемъ на классной доскѣ и писаньемъ съ печатныхъ книгъ или подъ диктовку учителя. Писанье въ тактъ, по командѣ, и повтореніе упражненій Каретера при этомъ продолжаются Цифры выписываются въ слѣдующемъ порядкѣ: послѣ упражненія 1-го пишутся цифры: 1 и 4; послѣ 2-го—7 и 8; послѣ 3-го—0, 6, 2, 3, 5, 9.

Сдѣлаемъ общій выводъ о преподаваніи письма въ нашихъ солдатскихъ школахъ:

I) Письмо въ солдатской школѣ должно начинаться одновременно съ обученіемъ чтенію и должно по возможности ему содѣйствовать и его пояснять. Объ обученіи чтенію посредствомъ письма, не смотря на многія кажущіяся преимущества этой

методы, въ нашихъ войсковыхъ школахъ, пока онѣ не получатъ надлежащаго развитія, не можетъ быть и рѣчи.

II) Всѣ извѣстныя въ школьномъ употребленіи методы обученія письму большею частію подмѣчаютъ какой-либо, рѣзко выдающійся недостатокъ обученія и противъ него направляются ближайшимъ образомъ. Вообще можно сказать, что всѣ подобныя, доселѣ извѣстныя методы суть части одного цѣлаго, не исключая и скорописной американской методы. При обученіи солдата учитель долженъ пользоваться всѣми методами письма, но не привязываться ни къ одной изъ нихъ исключительно.

III) Американская метода скорописи Карстера, которая основывается на гимнастически-правильномъ развитіи пальцевъ, есть одна изъ остроумнѣйшихъ методъ; она, какъ метода, имѣющая первымъ своимъ условіемъ тактъ или письмо по командѣ, весьма приложима къ нашимъ солдатскимъ школамъ. Потому изученіе ея учителями войсковыхъ школъ не только теоретическимъ, но и практическимъ путемъ есть дѣло необходимое и одно изъ средствъ, могущихъ подвинуть письмо въ солдатскихъ школахъ.

IV) Но какъ исключительное слѣдованіе методѣ Карстера въ состояніи пріучить ученика писать скоро и твердо, но не всегда можетъ сообщить письму надлежащую правильность, потому учитель солдатской школы долженъ придерживаться въ своемъ обученіи и линейной методы, именно—графической сѣтки, которая одна только можетъ развить у учениковъ глазомѣръ, дать понятіе о симметріи буквъ и пріучить глазъ къ правильнымъ буквеннымъ формамъ. Письмо по такту можно производить и на графической сѣткѣ.

V) Существенною принадлежностью всякаго обученія письму, а преимущественно обученія нашего солдата, котораго нужно научить писать въ возможно короткій срокъ,—должно быть изученіе составныхъ буквенныхъ линій или частей буквъ. По изученіи буквы, ученикъ долженъ писать ее возможно большее число разъ на память; а по изученіи нѣсколькихъ буквъ нужно учениковъ заставлять писать ихъ подъ диктовку.

VI) Лучшимъ средствомъ къ изученію буквъ и постепенному навыку въ письмѣ можетъ служить писанье алфавита въ постепенномъ, генетическомъ порядкѣ.

Понятно само собою, что всѣ новѣйшія методы—секреты, [189]) напримѣръ, письмо по готовой прописи симпатическими чернилами и т. п. есть шарлатанство, не имѣющее смысла при правильномъ взглядѣ на обученіе. Письмо на стеклѣ или на тонкихъ слюдовыхъ или роговыхъ пластинкахъ относится къ тѣмъ фокусамъ (Kunststück), на которые богаты нѣмецкіе мастера. Послѣднее не есть письмо, а копировка, *сведеніе* буквъ и не можетъ быть допущено въ правильно, ищущей хорошихъ результатовъ школѣ. Если умные учители рисованія не позволяютъ своимъ ученикамъ копировать рисунки на стеклѣ, то можетъ ли быть насколько-нибудь полезна эта копировка при обученіи письму, въ которомъ все зависитъ отъ свободы и правильнаго движенія руки? Какъ бы ни были различны методы обученія письму, главное дѣло все-таки заключается въ частомъ и тщательномъ упражненіи. При особыхъ усиліяхъ можно даже въ нѣсколько дней принять чей-либо красивѣйшій почеркъ; но утвердиться въ немъ такъ, чтобы писать почти безсознательно, для этого нужна разумная и нескорая практика. Она-то всегда и есть главная сущность дѣла. Въ житейскомъ быту лучше имѣть мало-мальски красивый, но твердый и четкій почеркъ, чѣмъ изящный, но неразборчивый.

---

[189]) Такова, напримѣръ, недавно вышедшая книжка: Avtodidakt d. Kalligrafie N. Schidt. 1868. По готовой прописи пишутъ особыми чернилами, которыя можно до 10 разъ стирать губкой.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ

о способахъ обученія ариѳметикѣ въ солдатскихъ школахъ.

Содержаніе лекціи: Необходимость для человѣка знанія числовыхъ отношеній предметовъ и отсюда происхожденіе въ языкѣ человѣческомъ разряда словъ, означающихъ счисленіе; постепенное развитіе счисленія; понятіе о числѣ, какъ о чемъ-то отвлеченномъ и происхожденіе науки о числахъ отвлеченныхъ или математики; ариѳметика есть ли наука объ отвлеченныхъ числахъ? Односторонность преподаванія ариѳметики въ солдатскихъ школахъ, какъ слѣдствіе отвлеченности преподаванія и непрактичности; необходимость строгой постепенности и наглядности преподаванія ариѳметики въ солдатскихъ школахъ; сущность практической методы преподаванія ариѳметики. Попытки упростить способы обученія ариѳметикѣ въ Западной Европѣ и въ Россіи: мысли объ этомъ предметѣ Песталоцци и его послѣдователей; наглядность въ преподаваніи ариѳметики; Грубе и его ариѳметическая метода; ея сущность; примѣненіе мыслей Песталоцци, сдѣланное Паульсономъ и Гурьевымъ въ изданныхъ ими ариѳметическихъ учебникахъ; изложеніе методы Паульсона, въ которой проведены мысли Грубе и которая назначена для первоначальнаго обученія малолѣтнихъ; обзоръ методы Гурьева—по мысли Шольца, возможно ли примѣненіе ихъ, хотя въ нѣсколько-измѣненномъ видѣ, къ первоначальному обученію солдатъ, попытка Золотова изложить методу Грубе; ариѳметика, изданная Редакціею журнала «Досугъ и Дѣло». Возможность примѣненія методы Грубе къ русскимъ счетамъ, счеты и счетныя машины для счисленія простыхъ и дробныхъ чиселъ въ Западной Европѣ, попытка Главинскаго примѣнить методу Грубе къ счисленію на счетахъ, сужденіе объ ариѳметикѣ Главинскаго и необходимость познакомиться съ ней учителю солдатской школы. «Счетный Самоучитель» и его критика. Изложеніе способовъ выкладки на счетахъ первыхъ ариѳметическихъ дѣйствій; ариѳметики на счетахъ Тихомірова и Вотьмана; вертикальные счеты, примѣнимы ли они? Ариѳметика Цутяты; способы измѣренія, наши вѣсы и безменъ. Ариѳметики для солдатскихъ и простонародныхъ школъ. Изложеніе въ общихъ чертахъ хода преподаванія ариѳметики въ солдатскихъ школахъ, какъ выводъ изъ всей лекціи.

ПРЕПОДАВАНІЕ АРИѲМЕТИКИ.

Умѣнье считать, знаніе чиселъ есть первая потребность общежитія: человѣкъ ежеминутно становится въ такія отношенія къ окружающимъ его предметамъ, гдѣ умѣть правильно опре-

дѣлить число ихъ или относительную величину становится для него дѣломъ необходимымъ. Въ такомъ случаѣ неумѣнье опредѣлить ихъ число равносильно непониманію отношеній ихъ между собою, а равно и къ лицу опредѣляющему. Вотъ почему въ числѣ первыхъ потребностей языка является необходимость означить числовые признаки предметовъ, иначе сказать, въ языкѣ при самомъ его началѣ образуется разрядъ именъ числительныхъ. Едва у человѣка нашелся товарищъ, къ которому онъ могъ обращаться съ своею рѣчью; едва онъ замѣтилъ, что среди разнообразія природы существуютъ одинаковые предметы, онъ тотчасъ началъ отличать предметы по ихъ количеству и порядку. Первобытный человѣкъ замѣтилъ, что на деревѣ сидитъ нѣсколько птицъ, у холма текутъ два ручья; чтобы сообщить объ этомъ наблюденіи своему товарищу, ему уже было нужно имя числительное. Слѣдовательно ариѳметика, какъ и грамматика, есть существенная принадлежность рѣчи, слѣдствіе мышленія. На всѣхъ степеняхъ развитія человѣкъ справляется съ числами безъ особаго труда; но нельзя не замѣтить, что болѣе сложныя соединенія чиселъ, даже прогрессъ въ самомъ счетѣ тоже связанъ съ прогрессомъ человѣчества.

«Сначала счисленіе идетъ слишкомъ не далеко: по народной пословицѣ—«не умѣетъ трехъ перечесть»—умѣнье пересчитать три есть первая степень развитія науки о числахъ». Нельзя не признать справедливой эту замѣтку Куртмана [190]): въ римскомъ счетѣ только первыя три цифры простыя, за ними слѣдующая цифра IV есть уже сложная (1+5). Такимъ образомъ римлянинъ считалъ пятками, а семитъ—десятками [191]). Это очень естественно: финикіянинъ, примѣнившій свой алфавитъ къ счисленію, былъ человѣкъ торговый, обращавшійся съ крупными единицами счета. Но все-таки его привычный къ счету умъ не съумѣлъ упростить письменныхъ числовыхъ знаковъ: для чиселъ

---

[190]) См. Руков. къ восп. и обуч. Д. Куртмана ч. II стр. 285.

[191]) У семитовъ, какъ и въ нашей церковно-славянской цифири, гдѣ вмѣсто цифръ употребляются буквы, сложныя цифры идутъ съ 11-ти. Такой же пріемъ повторяется въ усвоенныхъ нами арабскихъ числахъ.

20, 30, 40, 100 и т. д. онъ употреблялъ особые знаки [192]). Аравитянамъ принадлежитъ честь упрощенія счета; благодаря ихъ остроумію мы въ настоящее время самыя сложныя вычисленія производимъ посредствомъ 10-ти знаковъ.

Есть и теперь цѣлые народы, стоящіе на низшей степени образованности, которые могутъ съ трудомъ перечесть небольшія собранія вещей; если же предметовъ много, то они не въ состояніи опредѣлить сколько ихъ, а знаютъ только, что ихъ много. Наши предки даже въ тотъ вѣкъ, когда они ознакомились съ образованною Византіею, не умѣли считать далѣе десятка тысячъ: десятокъ тысячь на славянскій языкъ переводился словомъ «тьма». Большая часть нашего темнаго простонародья и теперь плохо знаетъ счетъ и это понятно: потребность счета у крестьянина не восходитъ далѣе десятковъ. Что же касается до упрощенныхъ способовъ счисленія, о которыхъ трактуетъ ариѳметика, то они всегда были плохо понятны нашему даже грамотному простонародью. Замѣчательно, что нашъ простой русскій человѣкъ, знающій ариѳметику, не любитъ ариѳметическія дѣйствія примѣнять къ дѣлу, не смотря на ихъ простоту и примѣнимость: наше купечество при своихъ огромныхъ торговыхъ оборотахъ употребляетъ исключительно счёты. Не смотря на эту непривычку обращаться съ числомъ, всякое ясное приложеніе самыхъ первоначальныхъ правилъ ариѳметики къ общежитію приводитъ простолюдина въ удивленіе. Въ правилахъ ариѳметики, облегчающихъ счисленіе, дѣйствительно, такъ много силы творчества, простоты и точности, что не только умъ простолюдина, неразвитаго, грубаго, но и умъ человѣка, сознающаго свою умственную силу, невольно преклоняется предъ умомъ того человѣка, который первый открылъ способы рѣшенія ариѳметическихъ дѣйствій.

И такъ повторимъ, что ариѳметика, въ качествѣ науки о числахъ, есть слѣдствіе необходимой потребности въ жизни,

---

[192]) Чрезъ грековъ славяне усвоили финикійскую цифирь. Этому обстоятельству мы обязаны отчасти существованіемъ въ славянской азбукѣ буквъ: і десятиричнаго, кси, пси и т. п.

есть слѣдствіе свойствъ, присущихъ человѣческому уму; она такъ же сродна уму самаго великаго математека, какъ и уму начинающаго учиться простолюдина. Если смотрѣть на дѣло съ точки психологической, то существованіе ариѳметики, какъ науки, основывается на внутренней потребности ума воспроизводить все, какъ единое или какъ многое. На низшей степени развитія эта потребность выражается желаніемъ знать число предметовъ видимой природы, понимать извѣстныя группы предметовъ, какъ единицы. Въ высшихъ занятіяхъ ариѳметикою это стремленіе человѣческаго ума проявляется дѣйствіями надъ числами отвлеченными, причемъ самыя числа представляются чѣмъ-то отрѣшеннымъ отъ дѣйствительности, какъ-бы несуществующимъ; потому что при сравненіи предметовъ здѣсь берется одна ихъ численность и величина, безъ опредѣленія другихъ признаковъ. Полное проявленіе числовой отвлеченности мы видимъ въ алгебрѣ, которая вамъ, Гг! болѣе или менѣе знакома. Но и въ ариѳметикѣ цифры употребляются уже иногда, какъ понятія чистѣйшаго свойства, которыя представляютъ ту выгоду, что ихъ каждую минуту можно примѣнить къ дѣйствительно существующимъ предметамъ. Во всякомъ случаѣ въ ариѳметикѣ дѣйствіе надъ отвлеченнымъ числомъ (простымъ, неименованнымъ) есть уже конечный выводъ, иначе, переходъ къ алгебраическимъ дѣйствіямъ. Въ этомъ случаѣ цифры суть знаки, которые гораздо проще словъ. Вотъ пунктъ, въ которомъ всѣ отвлеченныя математическія дѣйствія сходятся съ дѣйствительностію и не мыслимы безъ приложенія къ общежитію; вотъ причина возникновенія въ человѣческихъ обществахъ математики, какъ науки чистыхъ чиселъ. Въ наукѣ о числахъ дѣйствуетъ та же способность человѣческаго ума, по которой, какъ мы видѣли при описаніи дѣятельности человѣческой души, онъ изъ разнообразія видѣнныхъ предметовъ, напримѣръ—деревьевъ, составляетъ отвлеченное понятіе о деревѣ и проч. (стр. 55); здѣсь всего болѣе имѣютъ мѣсто анализъ и синтезъ.

Не смотря на то, что во всѣхъ математическихъ выводахъ и правилахъ все-таки конечный выводъ—приложеніе формулы къ практикѣ, преподаваніе ариѳметики шло долго, какъ чтеніе

и письмо, самымъ непрактичнымъ путемъ не только у насъ, но и въ образованной Европѣ. Отчасти причиной этой ошибки было старинное (средневѣковое) пониманіе ариѳметики исключительно, какъ науки чисто математической, почти философской, такъ что подъ именемъ ариѳметики разумѣли всю математику. При преподаваніи ариѳметики именно обращали вниманіе только на число, какъ на нѣчто отвлеченное, забывая постоянно примѣнять знанія числовыя къ жизни. Какъ при обученіи чтенію букву смѣшивали съ звукомъ, такъ и здѣсь знакъ принимали за вещь и упражняли ученика надъ цифрами, когда онъ не пріобрѣлъ еще умѣнья обращаться съ числами. Въ слѣдствіе этого тотъ свѣтъ, который при приложеніи ариѳметическихъ дѣйствій къ жизни поражаетъ такъ даже грубый умъ простолюдина, при школьномъ обученіи ариѳметикѣ исчезалъ безслѣдно. Напротивъ въ головѣ ученика, какъ-бы, поднималось темное облако, которое при дальнѣйшемъ изученіи ариѳметики мало по малу застилало его умственный горизонтъ: не смотря на хваленое, развивающее дѣйствіе ариѳметики, ученикъ тупѣлъ а не развивался. Ариѳметика есть одна изъ тѣхъ точныхъ, чисто разсудочныхъ наукъ, гдѣ сбивчивое усвоеніе первоначальныхъ положеній при дальнѣйшемъ преподаваніи не выясняется, а производитъ путаницу понятій. Понятно, если ученику не сообщатъ началъ науки такъ, что онъ можетъ дать себѣ въ нихъ ясный отчетъ; то онъ скоро потеряетъ охоту къ занятіямъ ариѳметикою и будетъ въ ней видѣть для себя тяжелое бремя. Неудобство такого преподаванія мы испытали сами на себѣ. Кто изъ насъ не сознáется, что при занятіяхъ ариѳметикой часто покрывало лежало на нашихъ глазахъ? Учебныя заведенія махнули на это рукой: для перехода въ слѣдующіе курсы, какъ въ общихъ, такъ и въ военныхъ школахъ допускается имѣть ученику изъ ариѳметики, сравнительно съ прочими предметами преподаванія, довольно низкій баллъ Въ нашихъ школахъ происходили и доселѣ происходятъ въ этомъ случаѣ самыя странныя, противорѣчащія явленія. Ученикъ приходскаго училища, довольно бойко рѣшающій задачи, состоящія изъ простыхъ и дробныхъ чиселъ, дѣлается безпомощнымъ, когда приходится

счесть сколько ему заплатить за нѣсколько аршинъ матеріи или за нѣсколько фунтовъ мяса. На это у насъ принято отвѣчать, что ученикъ еще не проходилъ тройнаго правила. Но не странно ли относить къ тройному правилу такія задачи, которыя рѣшитъ и всякій полуграмотный торгашъ и рѣшеніе которыхъ можно указать всякому ученику, только знакомому съ первыми правилами ариѳметики [193]). Въ то же время случается, что ученикъ, и не совсѣмъ твердый въ ариѳметикѣ, рѣшаетъ задачи тройнаго правила путемъ собственнаго соображенія и, конечно, путемъ далекимъ и несравненно болѣе сложнымъ, нежели въ томъ случаѣ, если бы задача рѣшалась по простымъ и яснымъ правиламъ ариѳметики. Можно ли думать, что который-нибудь изъ нашихъ унтеръ-офицеровъ обязательнаго срока службы, дѣлая на экзаменѣ трудныя ариѳметическія выкладки, сознаетъ ихъ необходимость и умѣетъ сдѣлать изъ этихъ дѣйствій полезное приложеніе къ жизни? Спрашивается: къ чему послужитъ ему знаніе этихъ дѣйствій? Да и не правъ ли отчасти нашъ простолюдинъ, не слишкомъ довѣряющій ариѳметикѣ? Несообразности эти происходятъ у насъ отъ кореннаго недостатка въ образѣ самого преподаванія ариѳметики.

Существуетъ такого рода положеніе въ наукѣ: «продолжительное, вѣковое воспитаніе человѣчества начинается и слѣдуетъ въ общихъ чертахъ тѣмъ же путемъ, какъ и развитіе каждой отдѣльной единицы человѣчества,—человѣка». (стр. 175) Правда, по закону прогресса всякій ученикъ при обученіи разомъ получаетъ цѣлую массу готовыхъ свѣдѣній, съ трудомъ добытыхъ людьми, жившими прежде него, потому и имѣетъ возможность идти неизмѣримо скорѣе по пути науки, чѣмъ его предшественники. Но никакъ не должно думать, чтобы

---

[193]) Любой торговецъ, не задумываясь, рѣшитъ сколько ему слѣдуетъ жалованья за 7 мѣсяцевъ и 13 дней, если онъ получаетъ въ мѣсяцъ 24 рубля; у насъ рѣшеніе подобныхъ задачъ почему-то оставляютъ до окончательнаго изученія ариѳметики, а именно до тройныхъ правилъ. См. Собр. ариѳ. задачъ Мин. Народ. Просв. Спб. 1857 г. стр. 65.

онъ могъ вступить въ обладаніе своимъ наслѣдствомъ инымъ путемъ кромѣ того, которымъ пріобрѣталось это вѣковое наслѣдство. Въ развитіи отдѣльнаго человѣка необходимо примѣнять законъ, по которому совершилось развитіе всего рода. Мы знаемъ, что первый счетчикъ не началъ съ отвлеченныхъ правилъ, находящихся въ нашихъ учебникахъ. Очевидно, что онъ прежде всего попалъ въ соприкосновеніе съ практическими задачами, изъ рѣшенія которыхъ онъ выводилъ правила. Заставлять ученика затвердить правило и потомъ задавать задачу для рѣшенія,—пріучать его къ дѣйствіямъ надъ простыми числами и потомъ надъ именованными значитъ идти путемъ, совершенно противоположнымъ тому, по которому шелъ разсудокъ всѣхъ людей въ пріобрѣтеніи ариѳметическихъ познаній. Путь разумнаго, нагляднаго преподаванія, путь постепенный, переходящій отъ практическаго счисленія къ отвлеченному числу, отъ нагляднаго и умственнаго рѣшенія задачи къ пониманію сущности ариѳметическаго дѣйствія и формулы,—есть самый вѣрный путь въ преподаваніи ариѳметики. Легко замѣтить, что наше преподаваніе ариѳметики идетъ весьма неестественнымъ путемъ. Послѣ нумераціи въ нашихъ ариѳметикахъ тянется рядъ сухихъ, односторонніхъ правилъ на различныя ариѳметическія дѣйствія; принято—не говорить ученику ничего объ именованныхъ числахъ, пока не будетъ высказано послѣдняго слова о числахъ простыхъ;—не говорить ничего о дробяхъ, пока не исчерпано всего, что можно сказать объ именованныхъ числахъ; за тѣмъ идутъ десятичныя числа, пропорціи и ученикъ далекимъ путемъ доводится до пониманія тройнаго правила, этого послѣдняго таинства ариѳметики. Эта излишняя систематичность преподаванія губитъ его въ самомъ началѣ, лишая его практичности.

Европейскія школы давно усвоили болѣе естественные пріемы для первоначальнаго обученія ариѳметикѣ: они еще начались съ 1798 года. Но у насъ и доселѣ въ ходу ариѳметики, ничѣмъ не отличающіяся отъ ариѳметическихъ нашихъ учебниковъ прошлаго столѣтія. Правда среди разнообразныхъ ариѳметическихъ учебниковъ, наводняющихъ нашу

книжную торговлю, стоятъ одиноко попытки—ввести новыя методы обученія ариѳметикѣ; но онѣ рѣшительно не входятъ въ жизнь русской школы.

На Западѣ, по мысли Песталоцци, преподаваемые предметы съ начала настоящаго столѣтія начали сообщать ученикамъ въ наглядной формѣ, путемъ практическихъ упражненій и выводовъ (стр. 93). Цифра въ ариѳметикѣ замѣнилась понятіемъ о числѣ, свойства и отношенія котораго объяснялись наглядно, посредствомъ видимыхъ предметовъ; задачи рѣшались не по правиламъ и образцамъ, а по соображенію; во всемъ вызывалась самодѣятельность учениковъ, все созидалось ими самими изъ сыраго матеріала, даже таблицу умноженія, до сихъ поръ у насъ еще повсюду заучиваемую наизустъ, ученики составляютъ въ школахъ Запада сами. Такимъ образомъ мало по малу въ ариѳметикѣ уничтожились два рѣзкихъ раздѣленія на чистую и прикладную; онѣ были соединены вмѣстѣ, и опытъ и наглядность малу по малу начали заступать мѣсто отвлеченности.

Лучшимъ толкователемъ взгляда Песталоцци на преподаваніе ариѳметики можно почитать нѣмецкаго педагога Грубе. Брошюра, напечатанная имъ въ Берлинѣ, 1856 г., высказала его систему въ лучшемъ свѣтѣ. Вотъ какъ онъ самъ опредѣляетъ свою ариѳметическую методу. «Такъ какъ числа доступ-«ны непосредственно умственному воззрѣнію не далѣе, какъ до «100, исчисленіе же надъ большими числами возможно только «на основаніи первой сотни: то и необходимо, чтобы каждое «число первыхъ двухъ разрядовъ, со всѣми свойствами и отно-«шеніями своими, ясно представлялось воображенію ученика. «Изъ всесторонняго разсмотрѣнія отдѣльныхъ чиселъ должны «сами собою произойти основныя ариѳметическія дѣйствія. Толь-«ко такимъ образомъ возможно положить твердое начало хоро-«шему и сознательному пониманію ариѳметики.» На томъ основаніи, что умственное исчисленіе понятно и можетъ быть легко прослѣжено и провѣрено учениками, начинающими учиться ариѳметикѣ, только до 100, Грубе совѣтуетъ производить вычисленія сначала надъ числами до 10, а потомъ до 100. Въ

основаніи обученія лежитъ умственное или изустное исчисленіе, въ то же время соединенное и съ письменнымъ. «Что касается», говоритъ Грубе, «до чистой и прикладной ариѳметики, то «эти части еще далеко не такъ связаны, какъ бы слѣдовало. «Упражненіе учениковъ въ практическихъ задачахъ вообще, «т. е. гдѣ и какъ придется, не достаточно; надо непремѣнно, «чтобы всѣ отношенія даннаго числа примѣнялись къ част- «нымъ случаямъ; число только тогда изучено, когда оно явля- «лось въ одно и то же время и въ отвлеченномъ и приклад- «номъ образахъ. Исчисленіе заключаетъ въ себѣ двѣ нераз- «дѣльныя дѣятельности: уразумѣніе численныхъ отношеній са- «михъ по себѣ и соединеніе ихъ съ практикою жизни. Чтобы «выучиться исчислять все, что встрѣтится въ жизни, необхо- «дима и теоретическая и практическая дѣятельность». На основаніи этого положенія, по методѣ Грубе, въ слѣдъ за разсмотрѣніемъ, напр. числа 9-ти въ слѣдующихъ отношеніяхъ: $9=9\times1$; 3×3; $3\times2+3$; $2\times4+1$, эти отношенія тотчасъ же примѣняются къ случаямъ общежитія. Слѣдующіе вопросы ведутъ къ уразумѣнію этихъ отношеній: если одинъ фунтъ мяса стоитъ 9 к., что стоить будетъ два? Если два фунта стоятъ 18 к., что будетъ стоить одинъ или полтора? что будетъ стоить полфунта? и т. д. Такимъ образомъ мы видимъ, что именованныя числа входятъ въ курсъ Грубе при самомъ началѣ ариѳметическихъ уроковъ точно также и крупныя дробныя дѣленія ($^1/_2$ $^1/_4$ $^1/_8$).

Ариѳметическія дѣйствія надъ простыми числами производятся не порознь, а одновременно всѣ четыре дѣйствія: сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе. Каждое число разсматривается сначала отдѣльно, потомъ вмѣстѣ съ другими числами въ восходящемъ порядкѣ, чрезъ это прежде бывшіе уроки постоянно повторяются. Грубе, соединивъ всѣ составныя части ариѳметическаго преподаванія въ одно связное цѣлое, положивъ въ основу послѣдовательности преподаванія — постепенное увеличеніе числа, создалъ методу, болѣе прочихъ удовлетворяющую строгимъ требованіемъ дидактики. Метода его имѣетъ много достоинствъ, между которыми педагоги преимущественно указываютъ: 1) на нравственное

дѣйствіе строго послѣдовательнаго ариѳметическаго курса по Грубе на учениковъ: онъ возбуждаетъ ихъ самодѣятельность, даетъ охоту къ занятіямъ и труду; 2) на быстрое развитіе въ ученикахъ сообразительности, какъ слѣдствіе разумности самого преподаванія; нельзя также не замѣтить, что 3) метода знакомитъ ученика съ перваго же раза съ сущностью науки и наконецъ 4) съ перваго же раза даетъ познанія, примѣнимыя къ практической жизни: простота упражненій дѣлаетъ ее доступною и самымъ неразвитымъ ученикамъ. Говорятъ, что при преподаваніи ариѳметики по этой методѣ, неуспѣхъ ученика не возможенъ, если онъ не совершенный идіотъ. Слѣдующее замѣчаніе Дистервега [188]) о методѣ Грубе весьма ясно высказываетъ ея практичность. «Никакая отрасль преподаванія не считалось до такой степени законченною, какъ преподаваніе ариѳметики. И вотъ является Грубе и доказываетъ ясно необходимость преобразовать эту отрасль. Можно-ли послѣ этого считать законченнымъ что бы то ни было?» Г. Паульсонъ, одинъ изъ нашихъ педагоговъ, изложилъ подробно методу Грубе въ своей книгѣ. «*Ариѳметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе, методическое руководство для родителей и элементарныхъ учителей* (*Спб. 1860. ц. 75 коп.*») Примѣру Г. Паульсона послѣдовали: Ладовскій въ «*Ариѳметикѣ*» *(2 курса Харьковъ 1863 и 1867)* и Рубисовъ въ «*Начальной Ариѳметикѣ для наглядnаго преподаванія*». (*Спб. 1868 г.*) Впрочемъ въ нашей педагогической литературѣ былъ еще за 30 лѣтъ сдѣланъ подобный же опытъ изложенія ариѳметики на началахъ Песталоцци, Гурьевымъ. Грустно признаться, что прекрасная попытка Гурьева прошла въ свое время безслѣдно и его: «*Ариѳметическіе листки*». (*Спб. 1832 г.*) не были приняты къ руководству ни въ одномъ учебномъ заведеніи [189]). Въ началѣ 60-хъ годовъ Г. Гурьевъ повторилъ свой опытъ въ изданной имъ «*Практической Ариѳметикѣ*» Метода Г. Гурьева есть развитіе способа пре-

[188]) Ариѳ. по спос. Нѣмец. педаг. Грубе. Изд. Паульсона 1860. стр. V.
[189]) См. Замѣтку объ этомъ же во введ. стр. 4.

подаванія ариѳметики одного изъ послѣдователей Песталоцци, Шольца. Книга въ педагогическомъ отношеніи весьма замѣчательна, и мы скажемъ о ней нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь не лишнимъ считаю ознакомить васъ, Г-г! съ методой Паульсона по Грубе. Преподаваніе ариѳметики Г. Паульсонъ раздѣляетъ на три степени: 1) Знакомство съ цѣлыми числами отъ 1 до 100. 2) Исчисленіе и изученіе чиселъ отъ 100 до 1000, разсматриваніе чиселъ любой величины и упражненіе въ отдѣльныхъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ. 3) Исчисленіе дробями и всестороннее разсматриваніе дробей. Понятіе объ основныхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ, у Паульсона, какъ и у Грубе, дается съ первыхъ уроковъ, причемъ именованныя числа не отдѣляются отъ простыхъ; сначала также дается и понятіе о дробяхъ. Метода Паульсона основана на всестороннемъ изученіи отдѣльныхъ чиселъ въ послѣдовательномъ восходящемъ порядкѣ, такъ что каждое число образуетъ новую, высшую степень преподаванія, и представляетъ слѣдующій рядъ упражненій: 1) составъ и образованіе числа (напр. 6=2+2+2) 2) сравненіе числа съ предыдущими (напр. 10=8+2); 3) кратное составленіе числа (напр. 10=2×5; 25=5×5); 4) разложеніе числа (напр. 2=$^1/_4$×8; 1=$^1/_9$×9); 5) наконецъ примѣненіе такимъ образомъ выведенныхъ отношеній между числами къ частнымъ случаямъ. При каждомъ числѣ разсматриваются и соотвѣтственныя ему доли (т. е. дроби); напр. при 2-хъ вторыя доли, при 3-хъ третьи, при 4-хъ четверти, при 8-хъ восьмушки. При этомъ дѣло ведется такъ. Проходя число 8, учитель спрашиваетъ ученика: тебѣ назначено пройти восемь верстъ, ты прошелъ одну; какъ это изобразить на бумагѣ дробью, т. е. какую ты часть опредѣленнаго тебѣ маршрута прошелъ? и т. д. Упражненія производятся: а) надъ предметами видимыми (деньгами, вещами), б) надъ предметами извѣстными, но не находящимися въ виду (именованными) и в) надъ числами безъ всякаго названія (отвлеченными или простыми). При преподаваніи ариѳметики по этой методѣ нужно имѣть при школѣ: возможно большее число предметовъ мелкихъ (напр. деревянныхъ кубиковъ, шариковъ, камешковъ, зеренъ, и т. п. для сче-

та), предметовъ, которые бы можно было равнимать на 4-я 8-я, 16-я доли и т. д., мѣры линейныя и дробныя денежныя знаки. Только при этомъ условіи учитель въ состояніи объяснить значеніе всякаго числа. Упражненія производятся устно и въ тоже время письменно, такъ что ученики съ первыхъ же уроковъ пріучаются къ правильному употребленію знаковъ: вычитанія, (—) сложенія, (+) умноженія, (×) и дѣленія (:), такъ какъ самыя дѣйствія идутъ рядомъ, одновременно.

Чтобы пояснить наглядным образомъ положенія методы, возьмемъ изъ ариѳметики Паульсона упражненія надъ числами *восемь* и *сто*: мы ихъ выпишемъ здѣсь почти цѣликомъ. Послѣднее мы дѣлаемъ, съ цѣлью доставить преподавателю солдатской школы возможность примѣнить методу къ практикѣ, не запасаясь книгой Паульсона. По этимъ двумъ примѣрамъ можно составить понятіе о всемъ ходѣ преподаванія.

Число «восемь».

При изученіи «восьми» дѣлаются слѣдующіе вопросы. Сколько 7 и 1? Слѣдовательно 8 есть 8 разъ взятая 1? Если возьмемъ 6, сколько будетъ не доставать до 8? Въ такомъ порядкѣ идутъ вопросы до числа двухъ. За тѣмъ берутся видимыя величины, числомъ 8 и разлагаются по 2, по 3, по 4. Ученики сами видятъ, что 4-ре, взятыя два раза, равны 8; число 2, взятое 4-жды,=8; 3, взятое 2-жды и сложенное съ 2-мя, равно 8.

Эти отношенія между числами, составляющими *восемь*, даютъ рядъ упражненій въ сложеніи и умноженіи. Далѣе идетъ упражненіе въ дѣленіи и дается понятіе о дроби—вопросами: какъ раздѣлить листъ на 8 частей? сколько четвертей въ 8 частяхъ листа? сколько половинъ въ 8 частяхъ листа? Сравни одну восьмую листа съ одною четвертью; сравни четыре восьмыхъ съ двумя четвертями, съ половиной и т. д., сравни шесть осьмыхъ съ тремя четвертями. Выводъ изъ этихъ сравненій даетъ понятіе объ относительной величинѣ дробей: $^1/_2$ $^1/_4$ $^4/_8$ $^2/_4$ $^6/_8$ $^3/_4$. Всякій можетъ замѣтить, что при самомъ началѣ преподаванія ученикъ уже знакомится съ отношеніями и изображеніемъ дробныхъ чиселъ и знакомится самымъ наглядным образомъ;

въ ариѳметикахъ старыхъ системъ такое знакомство возможно только послѣ изученія всей 1-й части ариѳметики.

Письменныя упражненія состоятъ въ такомъ рядѣ цифръ:

$8=7+1$, $6+2$, $5+3$ и т. д.

$7=8-1$; $6=8-2$; $5=8-3$ и т. д.

$8=2\times4$; 4×2;

$1={}^1/_8\times8$; $2={}^1/_4\times8$; $4={}^1/_2\times8$.

$4=8:2$; $2=8:4$; $3=8:3+1$; $8=3+3+2$.

Упражненія въ устномъ исчисленіи продолжаются въ родѣ слѣдующихъ вопросовъ: Въ какомъ числѣ четвертая часть 8-ми содержится трижды? (въ 6-ти) Какая разница между половиной шести и половиной восьми? (3 и 4) Сколько разъ одна половина восьми больше половины четырехъ? (2-мя) Сколько нужно прибавить къ половинѣ восьми, чтобы получить 7-мь? (3)—Отъ теоріи тотчасъ дѣлается переходъ къ практикѣ. Восемь рублей дано двумя ассигнаціями, какія должны быть ассигнаціи? (3 р. и 5 р.) Восемь рублей дано четырьмя ассигнаціями, какія онѣ будутъ (3+3+1+1) Подмастерье заработалъ въ 4 дня восемь рублей; сколько онъ можетъ заработать въ одинъ день? (2 р.) Сколько заработаетъ, если проработаетъ только половину дня? (1 р.) Сколько заработаетъ въ 2 дня? (4 р.) Такимъ образомъ въ первые же уроки входятъ уже и именованныя числа, что весьма практично. Перейдемъ къ числу «сто», гдѣ ариѳметическія дѣйствія дѣлаются сложнѣе, а задачи разнообразнѣе и остроумнѣе.

Число «с т о».

Здѣсь имѣютъ мѣсто слѣдующія письменныя вычисленія:

$100=\begin{cases}50\times2;\ 33\times3+1;\ 25\times4;\ 20\times5;\ 16\times6+4;\\ 14\times7+2;\ 12\times8+4;\ 11\times9+1;\ 10\times10.\end{cases}$

$100:2=50$; $100:5=20$; $109:9=11+1$.

$100=99+1$; $98+2$; $97+3$ и т. д.

100 въ 50 разъ больше 2-хъ, въ 20 разъ больше 5, въ 25 разъ больше 4-хъ и т. д.

1-ца есть сотая часть 100;—2-ва 50-я, 5-ть 20-я и т. д.

Когда изучается число «*сто*», ученикамъ дается Пифагорова таблица умноженія, которую они уже изучили, сами того не

замѣчая, во время дѣйствій надъ числами до 100; при этомъ ученики должны быть приведены къ сознанію, что произведеніе не измѣняется, въ какомъ бы порядкѣ множители ни умножались ($5 \times 7 = 35$ и $7 \times 5 = 35$).—Послѣ нѣсколькихъ дѣйствій съ сотнями, ученикамъ показываются общіе пріемы ариѳметическихъ дѣйствій: сложенія, вычитанія и проч. надъ большими числовыми величинами на томъ основаніи, что они суть необходимые выводы науки, и достаточно уяснены самымъ ходомъ преподаванія. Дроби разсматриваются также всесторонними образомъ. Ариѳметическія правила показываются ученикамъ, какъ средства, облегчающія рѣшеніе задачъ надъ болѣе сложными числами; при этомъ предшествующее систематическое преподаваніе даетъ возможность учителю объяснить своимъ ученикамъ, почему при сложеніи единицы ставятся подъ единицами, десятки подъ десятками и т. д.; почему вычитаніе сокращается дѣленіемъ; почему при сложеніи и вычитаніи дѣйствіе начинается съ единицъ, а въ дѣленіи съ десятковъ; какъ производится исключеніе цѣлаго числа изъ дробей; въ чемъ заключается сущность приведенія дробей къ одному знаменателю. Все это по старымъ системамъ представлялось ученику какимъ-то таинствомъ науки. У Паульсона ученикъ, приступая къ изученію дробей, не можетъ затрудняться самыми сложными выкладками: онѣ болѣе или менѣе извѣстны ему изъ прежнихъ уроковъ, въ которыхъ довольно отчетливо разсматривались отношенія между крупными дробными числами.

Изъ обозрѣнія системы Грубе, изложенной Паульсономъ мы, можемъ вывести слѣдующія заключенія: 1) Паульсонъ дѣлитъ преподаваніе не на основаніи четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, какъ это дѣлалось доселѣ а по порядку чиселъ — сначала до 10, а потомъ до 100; 2) всѣ ариѳметическія дѣйствія у него начинаются разомъ: ученикъ тотчасъ же знакомится и съ вычитаніемъ, и съ дѣленіемъ, и умноженіемъ, и сложеніемъ; въ первые же уроки входитъ понятіе о дробныхъ числахъ; именованныя числа у него не составляютъ особаго отдѣла; 3) пройдя эти два курса, ученикъ знакомится строго научнымъ образомъ съ дробями простыми и десятичными.

Прежде всего способъ преподаванія ариѳметики Паульсона имѣетъ ту выгоду, что ученикъ, въ какое бы время не вышелъ изъ школы, знаетъ уже всю ариѳметику, потому что всѣ сложныя выкладки надъ большими числами дѣлаются на основаніи дѣйствій надъ первыми десятью цифрами; изучивъ эти дѣйствія надъ небольшими числами, легко научиться производить ихъ и надъ числами до 1000 и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ возраженіе противъ Грубе, что онъ уничтожаетъ логическое дѣленіе ариѳметики на 4 дѣйствія [190]), падаетъ само собою. Основы 4-хъ главныхъ ариѳметическихъ дѣйствій, какъ мы видѣли изъ примѣровъ, остаются главными точками, съ которыхъ разсматриваются числа. Наблюденіе, что ариѳметическія дѣйствія понятны намъ первоначально только надъ небольшими числами, есть наблюденіе вѣрное. Человѣчество сначала научилось обращаться съ десятками, а когда дошло до сотенъ, то первобытному человѣку онѣ показались дотого новыми способами счисленія, что онъ придумалъ для нихъ новые знаки; это мы видѣли на стр. 218. При нашемъ старинномъ школьномъ обученіи нельзя было не замѣтить, что числа выше 100 и 1000 для учениковъ представлялись іероглифами. Понятія о числѣ и пространствѣ суть понятія чисто опытныя: говоря, что верста 500 саженъ, мы очень хорошо понимаемъ это пространство, потому что часто его измѣряли и глазами, и ногами; но если мы скажемъ, что до сóлнца 21 милліонъ миль, то не можемъ сказать, что это пространство хорошо для насъ понятно, что мы не соединяемъ съ этимъ числовымъ понятіемъ самаго смутнаго представленія о чѣмъ-то очень большомъ, но не опредѣленномъ ясно. Въ этомъ случаѣ священный писатель древнихъ временъ сказалъ бы только, что это очень, очень много [191]), а русскій разкащикъ временъ Владиміра сталъ бы увѣрять, что число такъ огромно, что и «счету нѣтъ». Пространственныя отношенія суть слѣдствіе нашего мускулярнаго чувства, слѣдовательно это познаніе опытное и доступно разсудку только въ томъ случаѣ,

---

[190]) См. Ясн. Пол. 1862 г. Августъ стр. 59.

[191]) См. Быт. XLI, 49; Iезек. XXXVII, 1; 3 Цар. VI, 47.

когда можетъ быть, хотя отчасти, провѣрено опытомъ [192]). Положимъ, ученикъ, поступающій въ школу или нашъ простолюдинъ имѣютъ опытное понятіе о числахъ, данное имъ самой практикой жизни; но это понятіе слишкомъ не далеко и всякое сколько-нибудь сложное вычисленіе въ предѣлахъ первыхъ ста чиселъ обременительно для его ума и не понятно. Въ общежитіи нашъ простолюдинъ имѣетъ дѣло большею частію съ десятками и сотнями, ему извѣстны только крупныя дробныя вычисленія: половины, четверти, восьмыя. Главное возраженіе противъ Руководства Паульсона, которое автору дѣлали при выходѣ его труда, [193])—это раздѣленіе ариѳметики не по порядку четырехъ дѣйствій, а по порядку чиселъ: 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. Въ возраженіи есть своя доля правды. Дѣйствительно продѣлывать надъ каждымъ числомъ всѣ пріемы утомительно и скучно; дѣйствительно разложеніе первыхъ трехъ, четырехъ чиселъ не вноситъ въ опытъ ученика ничего новаго; но чѣмъ крупнѣе становятся числа, тѣмъ занимательнѣе дѣлаются наблюденія надъ ними и нельзя не замѣтить, что каждымъ изъ этихъ наблюденій, не смотря на его простоту, полагается твердая основа послѣдующему обученію: мы можемъ видѣть это въ выпискѣ упражненій надъ числомъ 8. Притомъ обойти совершенно первыя числа по плану Грубе нельзя: у Паульсона даются понятія о крупныхъ дробныхъ числахъ ($^1/_2$ $^1/_3$ $^1/_4$) съ первыхъ же уроковъ. Также нельзя обвинять составителя за мелочность вопросовъ, за выкладки слишкомъ обыкновенныя: задача составителя состоитъ въ томъ, чтобы исчерпать всѣ средства къ развитію методы, показать преподавателю всѣ стороны ея, дать ему средства разнообразить и осмыслить свои занятія съ учениками. При всякомъ преподаваніи ариѳметики ученику не нужно давать въ руки книгу, а только его руководить; всякая ариѳметика есть планъ преподаванія, назначенный для руководства учителя (стр. 911): Ариѳметика Паульсона есть подобный конспектъ или программа преподаванія, ко-

---

[192]) Чедов. какъ предметъ воспит. Ушинскаго. ч. I. стр. 306.

[193]) См. Яси. Пол. 1862 г. Августъ стр. 57.

торую всегда, по мѣрѣ надобности, можно разширить или сократить. Тотъ учитель мало способенъ, который не умѣетъ сдѣлать свое преподаваніе живымъ разговоромъ съ ученикомъ, а не сухимъ, близорукимъ преподаваніемъ по конспекту. Такимъ желательно было бы видѣть преподаваніе ариѳметики и въ нашихъ солдатскихъ школахъ. Съ учениками взрослыми первыя упражненія надъ 10 числами легко пройти въ болѣе короткій срокъ; но зато изученіемъ чиселъ до 100 можно заняться болѣе и тѣмъ положить основу самому практическому и основательному обученію ариѳметикѣ въ солдатской школѣ. Вообще при преподаваніи первыхъ уроковъ по Паульсону учитель долженъ помнить, что на уразумѣніи этихъ повидимому простыхъ отношеній первыхъ десяти чиселъ основываются всѣ ариѳметическія дѣйствія надъ сотнями и тысячами; этимъ положеніемъ онъ долженъ опредѣлять ненужность того или другаго пріема. Нельзя не замѣтить, что наше простолюдье часто вовсе неумѣетъ обращаться и съ этими простыми числами. Кого изъ насъ не поражала безпомощность нашего простолюдина во всѣхъ случаяхъ купли и продажи? Онъ вѣритъ въ здачѣ или при платежѣ ему денегъ совѣсти торговца, не умѣя самъ счесть денегъ. Нельзя забыть той прекрасно подмѣченной сцены, которая разыгрывается на постояломъ дворѣ, въ разсказѣ Н. Успенскаго «*Обозъ*» [194]). Бѣдные мужики, обсчитанные хозяиномъ постоялаго двора, тщетно стараются его усчитать и повѣрить; тарабарская грамота цифири рѣшительно имъ не дается: въ одномъ углу считаютъ по наломаннымъ лучинкамъ, въ другомъ силятся рѣшить мучительный вопросъ, сколько 5 да 8 и т. п., но дѣло оканчивается ничѣмъ. Особенно сбиваютъ простаго человѣка дробныя числа даже самыя небольшія: счетъ на серебро до сихъ поръ составляетъ камень претыканія для нашего сельскаго населенія потому, что въ немъ есть дроби, и потому во многихъ мѣстностяхъ до сихъ поръ считаютъ еще на ассигнаціи (напр. инородцы Казанской губерніи). Удивительно, чрезъ 20-ть лѣтъ счетъ на серебро еще не вошелъ

[194]) См. Пов. Н. Успенскаго ч. 2. стр. 144—146.

въ народное употребленіе. Плохое знакомство съ первыми числами въ нашихъ приходскихъ и уѣздныхъ школахъ во многихъ случаяхъ бываетъ причиной замедленія успѣховъ въ ариѳметикѣ, причиной непониманія болѣе сложныхъ математическихъ дѣйствій. Въ училищѣ вы иногда задаете сложить 398 и 279; почему вашъ ученикъ тотчасъ останавливается?—Потому что ему трудно вспомнить, сколько 8+9 и 9+7; по этой же причинѣ ученику также трудно вычесть 98 изъ 200. Нельзя не замѣтить, что именно на этомъ отчетливомъ изученіи первыхъ чиселъ основывается и дальнѣйшее пониманіе сущности такихъ сложныхъ ариѳметическихъ дѣйствій, каковы напримѣръ: приведеніе смѣшанныхъ дробей въ неправильныя или приведеніе дробей къ одному знаменателю, которыя долгое время представляются ученику чѣмъ-то загадочнымъ. Во всякомъ случаѣ даже и упражненія до 100 можно пройти въ болѣе короткій срокъ: изъ самихъ учениковъ много найдется такихъ, которые поймутъ курсъ скорѣе прочихъ; такимъ можно предоставить дѣйствія надъ болѣе крупными числами, раздѣливъ учениковъ по познаніямъ ариѳметическимъ на нѣсколько прогрессивныхъ кружковъ. Ариѳметика требуетъ извѣстныхъ способностей. Локкъ справедливо замѣчаетъ, что «многіе, по недостатку памяти, которая не можетъ удерживать нѣсколькихъ числовыхъ комбинацій съ ихъ особенными названіями и связи долгаго ряда числовыхъ прогрессій и ихъ взаимныхъ отношеній, на всю свою жизнь остаются неспособными къ математикѣ и не идутъ далѣе скромнаго ряда чиселъ». [195])

Въ началѣ лекцій мы заявили, что лучшимъ средствомъ къ достиженію преподавателемъ пониманія способовъ преподаванія — мы считаемъ болѣе или менѣе основательное съ его стороны знакомство съ большимъ числомъ методъ преподаванія; что чѣмъ разнообразнѣе это знакомство, тѣмъ болѣе у преподавателя подъ рукою средствъ осмыслить и сдѣлать успѣшнымъ свое преподаваніе (стр. 108). Потому мы изложимъ дру-

---

[195]) Locke's Works Of hum. Underst. B. II ch. XVI. § 1.

гой способъ преподаванія ариѳметики, по мысли Песталоцци,— это способъ, разработанный однимъ изъ его послѣдователей, Шольцемъ; у насъ онъ примѣненъ Г. Гурьевымъ и излагается въ его книгѣ: «*Практическая ариѳметика*» (Спб. 1861 г. цѣна 1 р. 75 к.). Метода, изложенная Гурьевымъ, беретъ точкой дѣленія ариѳметики, какъ предмета школьнаго преподаванія, не порядокъ чиселъ, какъ у Грубе, а числовыя величины; сначала разсматриваются числа до 10, а потомъ до 100 и т. д. Четыре ариѳметическія дѣйствія совершаются здѣсь не надъ каждой цифрой по порядку, а надъ всею совокупностью чиселъ до 10 или до 100; здѣсь имѣется въ виду не прогрессивный порядокъ счета, а извѣстныя группы чиселъ. «Вся ариѳметика, говоритъ авторъ во введеніи къ своему труду, собственно заключается въ четырехъ дѣйствіяхъ: *сложенія*, *вычитанія*, *умноженія и дѣленія*. Имъ предшествуетъ *счисленіе* или *нумерація*. Эти дѣйствія производятся надъ числами, которыя бываютъ *цѣлыя* и *дробныя*. Какъ тѣ, такъ и другія раздѣляются еще на *отвлеченныя* или *простыя* и *конкретныя* или *именованныя*. Здѣсь предѣлъ ариѳметики: все прочее, что обыкновенно входитъ въ нее, не составляетъ особой теоріи; но есть приложеніе тѣхъ же самыхъ немногихъ правилъ къ разнымъ потребностямъ жизни. Такъ называемыя—*тройныя правила* (простое, сложное, товарищества, смѣшеніе вещей, исчисленіе процентовъ) не требуютъ ни другихъ началъ, ни другихъ дѣйствій. Задачи этого рода не только рѣшаются, но и должны рѣшаться помощію тѣхъ же основныхъ дѣйствій, чрезъ приведеніе данныхъ отношеній къ единицѣ, а не посредствомъ пропорцій, которыя излишни въ ариѳметикѣ» [196]). Общій планъ ариѳметическаго преподаванія Гурьева начинается нумераціей до 10, а потомъ тотчасъ же начинаются ариѳметическія дѣйствія надъ этими первыми десятью цифрами; сюда входятъ простыя и именованныя числа, цѣлыя и дробныя. Затѣмъ ученикъ вступаетъ во *вторую* степень и разсматриваетъ съ разныхъ сторонъ числа до *ста*; здѣсь уже представляется для

[196]) См. Практ. ариѳ. Гурьева 1861 г. введ. стр. XII.

преподавателя бо́льшій просторъ: частные пріемы получаютъ опредѣленность, правила обобщаются и самые законы начинаютъ обнаруживаться яснѣе. Въ *третьей* степени трактуется о всевозможныхъ числахъ; *третья* степень *дѣлится* въ свою очередь на *два* отдѣла: 1) на подробныя дѣйствія надъ простыми числами и 2) на подробное разсмотрѣніе дробей. Къ ариѳметикѣ присоединена еще *пятая* степень, въ которой собраны болѣе или менѣе трудныя практическія задачи, которыя рѣшаются «посредствомъ пропорцій или безъ нихъ». Это дѣленіе преподаванія на 5 степеней, по мысли автора, не представляетъ собою членовъ логическаго дѣленія, а только концентрическія круги, очерчивающіе собою все бо́льшую и бо́льшую сложность дѣйствій. Знаніе ариѳметики, какъ выражается авторъ, развивается не по прямой линіи, а по радіусамъ круга, захватывая собою болѣе и болѣе познаній. Первыя двѣ степени назначаются для начинающихъ, послѣднія три для тѣхъ, кто желаетъ узнать ариѳметику научно и основательно. Такое дѣленіе курса можетъ соотвѣтствовать, при примѣненіи его къ нашимъ войсковымъ школамъ, двумъ разрядамъ солдатскихъ школъ — ротной школѣ и полковой учебной школѣ. Въ этомъ случаѣ ариѳметическія системы, составленныя какъ по Грубе, такъ и по Шольцу, представляютъ ту неоспоримую выгоду, что съ самаго начала знакомятъ учениковъ со всею системою ариѳметики. Ротная школа, въ которой люди постоянно мѣняются, будетъ въ такомъ случаѣ давать своимъ ученикамъ первыя необходимыя ариѳметическія свѣдѣнія, вполнѣ достаточныя простолюдину для жизни. Если изъ своей среды ротная школа выдѣлитъ нѣсколько личностей способныхъ, они могутъ продолжать дальнѣйшее обученіе ариѳметикѣ въ полковой школѣ: это обученіе будетъ развитіемъ тѣхъ знаній, которыя сообщитъ имъ ротная школа. Въ артиллеріи этому дѣленію могутъ соотвѣтствовать батарейныя и окружныя фейерверкерскія школы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое постепенное знакомство съ ариѳметикой можетъ быть непрочнымъ. Нельзя не замѣтить, что въ этой общей точкѣ сходятся обѣ системы Грубе и Шольца, учебники Паульсона и Гурьева — эта точка знаком-

ство съ первыхъ же уроковъ со всѣми ариѳметическими дѣйствіями, и очень понятно, что для достиженія этой цѣли нельзя было выбрать иного пути, какой выбранъ ими; само собою ясно, что всѣ ариѳметическія дѣйствія разомъ не возможно производить надъ числами болѣе крупными: тогда они лишатся всей своей *наглядности* и *ясности*.

Прослѣдимъ развитіе системы Шольца въ «Руководствѣ Гурьева». *Первая степень*. Она начинается счисленіемъ до 10-ти, сложеніемъ, вычитаніемъ, и разложеніемъ чиселъ. Г. Гурьевъ избѣгаетъ здѣсь ариѳметическихъ знаковъ, и самыхъ цифръ. Параграфъ дѣлимости чиселъ въ предѣлахъ первыхъ десяти знаковъ оканчивается такой оригинальной задачей, которая показываетъ практичность автора: «Какъ можно раздѣлить 9 вещей между двумя человѣками; положимъ, между Александромъ и Петромъ»? *Отв.* Если А. дать 2, то П. достанется 7; или 3 и 6, 4 и 5, 6 и 3, 7 и 2, 8 и 1. Съ 6-го параграфа показаны уже дробныя числа; къ пониманію дроби у автора служитъ таблица единицъ, раздѣленныхъ на 2, на 3, 4 части и такъ далѣе до 20; таблица эта приложена въ нашей книгѣ на концѣ (см. таб. II фиг. 4-я). Изъ сравненія дробныхъ величинъ по таблицѣ дѣлается рядъ слѣдующихъ выводовъ, ясныхъ до очевидности: 1) $^1/_2 >$ (болѣе) $^1/_3$, $^1/_3 > {}^1/_4$, $^1/_4 > {}^1/_5$ и т. д. 2) $^1/_{10} <$ (менѣе) $^1/_9$, $^1/_9 < {}^1/_8$ и т. д. 3) $^2/_2 > {}^2/_3$, $^2/_3 > {}^2/_4$ и т. д. 4) $^2/_{10} < {}^2/_9$, $^2/_9 < {}^2/_8$ и т. д. 5) $^3/_3 > {}^3/_4$, $^3/_4 > {}^3/_5$ и т. д. 6) $1 = {}^2/_2, {}^3/_3, {}^4/_4, {}^5/_5, {}^6/_6, {}^7/_7$ и т. д. 7) $^1/_2 = {}^2/_4$, $^3/_6$, $^4/_8$ и $^5/_{10}$. 8) $^1/_3 = {}^2/_6$, $^3/_9$. 9) $^1/_4 = {}^2/_8$. 10) $^1/_5 = {}^2/_{10}$. Упражненія 1-й степени оканчиваются изображеніемъ первыхъ десяти чиселъ цифрами также таблицами сложенія и вычитанія; сюда не входятъ умноженіе и дѣленіе, потому что они ничто иное, какъ сокращенные пріемы первыхъ двухъ ариѳметическихъ дѣйствій и такимъ образомъ должны входить въ послѣдующее преподаваніе по общему правилу: «нельзя давать двухъ правилъ заразъ». *Вторая степень* содержитъ въ себѣ дѣйствія надъ числами отъ одного до ста. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ нагладное понятіе о десяткахъ (т. е. $46 = 10 + 10 + 6$; $35 = 10 + 20 + 5$ и т. д. (пріемъ собственно дѣтскій) и изображеніе цифрами чи-

селъ до 100. Надъ числами до 100 повторяются дѣйствія сложенія и вычитанія, извѣстныя ученику изъ упражненій первой степени. Авторъ говоритъ: *для сложенія двухъ чиселъ въ умѣ, сумма которыхъ больше десяти, нужно сперва отдѣлить отъ одного числа къ другому столько, чтобы въ суммѣ вышли ровно 10, а потомъ къ 10 прибавить остальную часть того же числа.* Этотъ пріемъ отчасти извѣстенъ изъ прежнихъ лекцій (стр. 74). За изустнымъ сложеніемъ и вычитаніемъ слѣдуютъ сложеніе и вычитаніе цифровое и потомъ приложеніе къ этимъ способамъ вычисленія общеупотребительныхъ мѣръ длины, вѣса, денегъ и проч., т. е. въ преподаваніе вводятся именованныя числа. Послѣ этого ученики знакомятся съ *умноженіемъ*, которое опредѣляется авторомъ, какъ *повторительное сложеніе одинаковыхъ чиселъ* или какъ *сокращенное сложеніе* ($2+2+2+2+2=5\times2$) Таблица умноженія объясняется сначала посредствомъ умноженія чиселъ рядами (т. е. $2\times2=4$; $2\times3=6$; $2\times4=8$ и т. д.), причемъ вторыми множителями берутся числа отъ 1 до 10; потомъ ученики знакомятся съ Пифагоровой таблицей умноженія, состоящей изъ квадрата, раздѣленнаго на 100 равныхъ частей: въ первомъ продольномъ ряду таблицы помѣщены первыя 10 чиселъ, во второмъ произведенія ихъ, происшедшія отъ умноженія ихъ на 2, въ третьемъ отъ умноженія на 3 и т. д. Въ § 19 авторъ знакомитъ учениковъ съ составомъ или дѣлимостью чиселъ до 100. Такъ какъ нѣкоторыя числа не дѣлятся на другія безъ остатка (напр. 20 на 3), то это обстоятельство подаетъ автору поводъ сказать объ цифровомъ изображеніи дробей. Вслѣдъ за этой главой предлагаются авторомъ ряды упражненій, начиная съ $2:2=1$ и до $21:10=2^1/_{10}$; числа нечетныя даютъ ученику случаи пріучаться къ цифровому изображенію дробей (напр. $7:3=2^1/_3$; $9:4=2^1/_4$); рядъ подобныхъ упражненій представляетъ составителю поводъ къ другому объясненію дѣлимости чиселъ, напримѣръ, $^1/_2$ отъ $2=1$; $^1/_7$ отъ $14=2$; $^1/_9$ отъ $18=2$ и т. д. и наоборотъ: 2 составляютъ $^1/_2$ отъ 4, 2 составляютъ $^1/_4$ отъ 8 и т. д. или $^1/_2\times2=^2/_2=1$; $^1/_3\times2=^2/_3$; $^1/_3\times7=^7/_3=2^1/_3$ и т. д. Мы не выписываемъ

всѣхъ этихъ упражненій, потому что всякій преподаватель можетъ по данному образцу составить ряды подобныхъ цифровыхъ вычисленій, еслибы онъ захотѣлъ примѣнить къ солдатской школѣ пріемы преподаванія ариѳметики Гурьева. 2-я степень преподаванія ариѳметики, по Руководству г. Гурьева, оканчивается задачами, въ которыхъ повторяются всѣ предшествующія правила. Такимъ образомъ ученики упражненіями первыхъ степеней «Руководства Гурьева» достаточно ознакомлены съ ариѳметикой и если прибавить къ этому счисленіе до милліоновъ; то курсъ преподаванія достаточенъ для грамотной школы. *Третью степень* преподаванія составляютъ: цифровое исчисленіе до билліоновъ, примѣненіе четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій ко всевозможнымъ величинамъ; сюда входятъ главы: о признакахъ дѣлимости чиселъ, нахожденіе общаго большаго дѣлителя, задачи раздробленія и превращенія конкретныхъ (именованныхъ) величинъ и ариѳметическія дѣйствія надъ такими же числовыми величинами. *Четвертую степень* составляютъ дѣйствія надъ дробными простыми и дробными десятичными числами. Обѣ степени, т. е. третья и четвертая не представляютъ ничего новаго и излагаютъ ариѳметику точно въ такомъ же видѣ, какъ и ариѳметики старыхъ способовъ обученія. *Пятая* часть ариѳметики Гурьева содержитъ въ себѣ пропорціи и тройныя правила. Изложенію этой части предшествуетъ весьма справедливая замѣтка автора, въ которой онъ говоритъ, что тройныя правила могутъ всегда рѣшаться безъ пропорцій, а посредствомъ обыкновенныхъ ариѳметическихъ дѣйствій. Къ ариѳметикѣ по Грубе Паульсона также нѣтъ ни какихъ правилъ, напоминающихъ пропорціи или тройныя правила; послѣдователи Песталлоци, заботясь прежде всего объ упрощеніи и краткости ариѳметическаго курса, давно уже исключили пропорціи и тройныя правила изъ ея практики. Г. Гурьевъ, если и допускаетъ изложеніе ихъ въ 5 части своего труда, то только какъ степень, необходимую для пониманія алгебрическихъ уравненій Примѣры рѣшенія задачъ правилъ тройныхъ посредствомъ 4-хъ первыхъ ариѳметическихъ дѣйствій представляются авторомъ въ 2-мъ дополненіи къ 1-му отдѣлу

3-й степени преподаванія. Возьмемъ для примѣра два рѣшенія подобныхъ задачъ.

1) *Изъ правила тройнаго простаго. Задача*: Что стоятъ 18 ф. икры, если за 15 ф. той же икры заплачено 13 руб. 80 коп. *Рѣшеніе*: 13 руб. 80 коп. все равно, что 1380 коп. Если за 15 ф. заплачено 1380 коп., то за 1 фунтъ должно заплатить $^{1380}/_{15}$; а за 18 фунтовъ надобно дать болѣе въ 18 разъ, чѣмъ за 1 фунтъ. И такъ, для опредѣленія цѣны 18 ф. икры, надобно 1380 × 18 и раздѣлить на 15. Но умножить на 18 и раздѣлить на 15 все тоже, что умножить на 6 и раздѣлить на 5 Слѣд. 1380 × 6 = 8280 : 5 = 1656 или 16 руб. 56 коп.

2) *Изъ правила смѣшенія Задача*: Лавочникъ смѣшалъ двухъ сортовъ чай: 15 фунтовъ, стоющаго за каждый фунтъ 2 рубля съ 23 ф. другаго, въ 3 руб. 30 коп. фунтъ; онъ продаетъ фунтъ смѣшаннаго чаю по такой цѣнѣ, чтобы получить прибыли съ фунта 50 коп. Какъ велика цѣна? *Рѣшеніе*: 15 ф. × 2 р. = 30 руб. 23 ф. × 330 коп. = 75 р. 90 коп; 38 ф. ч. = 105 р. 90 коп.; 38 ф.: 10590 коп. = $278^{26}/_{38}$ т е. каждый фунтъ стоитъ 2 р. $78^{26}/_{38}$ коп.; если приложить къ нему 50 коп. то это составитъ цѣну за фунтъ—3 руб. $28^{26}/_{38}$ коп.

Такимъ образомъ метода Гурьева есть только другой способъ развитія нагляднаго преподаванія по мысли Песталоцци. Офицеръ-преподаватель можетъ избрать для преподаванія тотъ или другой способъ, по своему желанію: оба они въ своихъ существенныхъ пріемахъ одинаковы, т. е. начинаютъ обученіе съ меньшихъ числовыхъ величинъ и постепенно идутъ къ бо́льшимъ цифровымъ вычисленіямъ, и въ этомъ случаѣ слѣдуютъ основному педагогическому правилу начинать обученіе отъ простаго и переходить къ сложному, отъ частнаго къ общему, обѣ системы начинаются практическими пріемами: ученикъ сразу знакомится здѣсь и съ дробными и съ именованными числами. По обоимъ способамъ пріемы такъ просты и остроумны, что примѣнить ихъ не составитъ особыхъ затрудненій. Если ариѳметическая метода Грубе, изложенная Паульсономъ, собственно

назначена для обученія малолѣтнихъ, то она имѣетъ другую выгоду, именно—она тщательно обработана. Метода Шольца болѣе приложима къ понятіямъ взрослаго, но зато многіе отдѣлы у Гурьева мало разработаны (напр. 1-я степень.) Потому изъ ариѳметики Паульсона, при ея примѣненіи къ солдатскимъ школамъ, нужно исключить всѣ дѣтскіе пріемы преподаванія, всѣ дѣтскія задачи; первые уроки, непредставляющіе ничего новаго для взрослаго, нужно совершенно оставить. На томъ основаніи, что взрослому должна быть предоставлена большая самодѣятельность (стр. 79), многое изъ ариѳметики Грубе можно предоставить самимъ ученикамъ. Вслѣдствіе этого курсъ Грубе можетъ быть пройденъ скорѣе, чѣмъ предполагаетъ Г. Паульсонъ. Занимаясь со взрослыми, многіе пріемы можно переиначить, напримѣръ, отъ каждаго изъ первыхъ 10 чиселъ возможенъ переходъ къ соотвѣтствующимъ десяткамъ, какъ напр. отъ 8 къ 80 и т. п. Къ ариѳметикѣ Гурьева нужно при преподаваніи дополнить первую степень задачами и упражненіями.

По системѣ Гурьева составлена «Ариѳметика для начинающихъ»—это 1-й выпускъ изданія 1868 г. «Досугъ и дѣло». Ариѳметика для начинающихъ дѣлится на 3 отдѣла. 1-й отдѣлъ назначенъ для людей взрослыхъ, твердыхъ въ грамотѣ; 2-й для дѣтей и 3-й для людей, уже нѣсколько знакомыхъ съ ариѳметикою. Особенность 1-го отдѣла та, что сущность ариѳметики въ немъ излагается въ границахъ 10-ти чиселъ, по мысли составителя, «чтобы ученикъ, постепенно увеличивая числа, могъ хорошо научиться всякимъ расчетамъ. Въ этомъ отдѣлѣ послѣ изложенія понятій о величинѣ и о единицѣ счета, вѣса и измѣренія, разсматриваются способы и знаки соединенія чиселъ; между способами соединенія чиселъ показывается и на дроби и опредѣляется ихъ значеніе и свойства, а также и способы ихъ сложенія; въ слѣдъ за этимъ дѣлается переходъ къ разложенію чиселъ, при чемъ дается понятіе объ умноженіи и о раздробленіи, о приведеніи цѣлаго числа съ дробью въ одну дробь. Этотъ отдѣлъ оканчивается вычитаніемъ и дѣленіемъ цѣлыхъ и дробныхъ чиселъ. 3-е отдѣленіе ариѳметики отличается отъ 1-го тѣмъ, что въ немъ предлагаются ариѳметическія дѣйствія надъ числами всякаго рода.

Въ «Ариѳметикѣ для начинающихъ» показана таблица умноженія, такъ называемая, *ручная*. Съ нею мы познакомимъ нашихъ слушателей. На рукахъ можно умножать множителей между собою (по порядку Пиѳагоровой таблицы), начиная съ числа 5-ти. Напримѣръ, вамъ нужно знать, сколько 7×8; для этого вы пригибаете два пальца на правой рукѣ и три пальца на лѣвой, т. е. кладете на пальцы разность между 5-ю, 7-ю и 8-ю—это будутъ десятки произведенія, т. е. 50; пальцы непригнутые перемножаются, какъ сомножители, 3×2=6; слѣдовательно 7×8=50+6=56. (см. таб. II фиг. 10). Употребленіе этой таблицы основывается на томъ наблюденіи, что сколько вы единицъ убавите отъ одного множителя, столько разъ другой множитель убавится отъ произведенія; потому согнутые пальцы на рукахъ, представляющіе сумму разностей между каждымъ мпожителямъ и 5-ю, принимаются за сумму десятковъ и складываются съ произведеніемъ остатковъ, т. е. несогнутыхъ пальцевъ на каждой рукѣ. «Ариѳметика для начинающихъ» можетъ служить для офицера-преподавателя короткимъ конспектомъ преподаванія по Гурьеву, но при ней нужно подробное знакомство съ системой Гурьева, иначе многіе пріемы не будутъ понятны. Вообще краткость есть простота формы, которая можетъ быть вполнѣ доступна только зрѣлому уму. Потому-то эта ариѳметика не можетъ служить руководствомъ для самообученія. Для ученика, едва понимающаго ариѳметику, могутъ ли быть доступны опредѣленія въ родѣ слѣдующихъ: «Число есть показатель содержанія единицы въ однородной съ нею величинѣ»; или опредѣленіе числителя и знаменателя такое: «въ $^1/_2$ нижнее число показываетъ содержаніе равныхъ между собою частей въ единицѣ; а верхнее число показываетъ содержаніе такихъ частей въ измѣренной величинѣ, которая поэтому есть часть единицы»?...

Г. Золотовъ, дидактъ, извѣстный намъ по своей успѣшной попыткѣ приложить къ русскимъ школамъ звуковую методу обученія грамотѣ (стр. 169.), также пытался составить «Ариѳметику, по методѣ Грубе, для сельскихъ и начальныхъ школъ». *(изд. въ Спб. 1861 г. цѣна 20 к.)* При составленіи ариѳмети-

ческаго учебника, кажется, авторомъ руководило желаніе сдѣлать его примѣнимымъ и къ солдатскимъ школамъ, гдѣ столько времени онъ практиковался; по крайней мѣрѣ авторъ, вопервыхъ, выпустилъ въ ней все то, что говорится у Паульсона относительно первыхъ трехъ чиселъ, вовторыхъ, всѣ задачи, прямо относящіяся къ дѣтскому возрасту, въ ней также опущены. Но сравнивая систему Грубе, какъ она изложена у Паульсона, съ изложеніемъ ея у Золотова, нельзя не согласиться съ тѣми рецензентами, этой книги, которые отдаютъ преимущество ариѳметикѣ Паульсона. Замѣчаютъ, что у Золотова совершенно измѣненъ взглядъ Грубе на дѣло преподаванія, утраченъ духъ системы: Грубе тѣмъ и силенъ, что онъ нигдѣ не даетъ готовыхъ опредѣленій, а всюду заставляетъ ученика выводить ихъ собственнымъ размышленіемъ изъ числовыхъ отношеній предметовъ; онъ старается, чтобы ученикъ всестороннимъ образомъ, практически усвоилъ себѣ понятіе о числахъ и о ихъ свойствахъ. Г. Золотовъ начинаетъ съ опредѣленій о числѣ, единицѣ и т. д. такимъ образомъ предлагаетъ заранѣе ученикамъ понятія, которыя могутъ только быть извѣстны имъ изъ практики. Повторяемъ, опредѣленія въ ариѳметикѣ ни къ чему не ведутъ; числа и ихъ отношенія только тогда могутъ быть намъ понятны, когда мы узнаемъ о нихъ изъ практики. Кромѣ того ариѳметика Золотова назначается для учениковъ, что совершенно противорѣчитъ основному положенію Грубе, который вовсе не совѣтуетъ давать въ руки ученикамъ учебниковъ при преподаваніи ариѳметики. Не смотря на эти недостатки, книга Золотова, какъ книга доступная по цѣнѣ, и все-таки содержащая въ себѣ въ общихъ чертахъ планъ для класныхъ упражненій съ учениками, можетъ быть полезна учителю солдатской школы.

У одного изъ рецензентовъ книги Паульсона (Г. Толля) явилась очень счастливая мысль примѣнить къ методѣ Грубе наши купеческіе счёты. «Если наши сельскіе учителя», гово-«ритъ онъ, «хорошо познакомятся со способомъ Грубе; то долж-«ны убѣдиться, что къ нему весьма легко примѣнить и упот-«ребленіе купеческихъ счётовъ,—обстоятельство, которое спо-«собно упрочить у насъ методу Грубе, подложивъ подъ нее на-

«національное основаніе» [203]). Мысль въ высшей степени удачная!

Наши счеты, если не есть наше національное изобрѣтеніе, [204]) то покрайней мѣрѣ чрезъ насъ сдѣлавшееся извѣстнымъ Западной Европѣ, гдѣ они слывутъ подъ именемъ *Русской счетной машины* (Les bouliers russes, Russische Rechen—Maschine). На послѣдней Парижской выставкѣ наши счеты встрѣчались чаще другихъ приборовъ для ариѳметическихъ выкладокъ, хотя и видоизмѣненные для класснаго употребленія. Они были выставлены не только главными государствами Европы, но даже Италіей, Испаніей, Румынскими княжествами, Перу и Египтомъ. Въ каталогѣ выставки они пазываются именно «русской машиной для счета». Вотъ какія измѣненія сдѣланы въ этихъ счетахъ школами нѣкоторыхъ государствъ. Основной типъ такихъ классныхъ счетовъ состоитъ изъ рамки, съ десятью проволками и съ десятью шариками на каждой проволокѣ; шарики дѣлаются или всѣ одинаковаго цвѣта, или же шарики каждой проволоки имѣютъ свой цвѣтъ, что гораздо удобнѣе для объясненія нумераціи, или средніе четыре шарика имѣютъ особый цвѣтъ, какъ и на нашихъ купеческихъ счетахъ. Такой простой видъ счетовъ встрѣчался во французскомъ, англійскомъ, италіанскомъ, саксонскомъ и прусскомъ отдѣлахъ, а также въ американской народной школѣ. Въ шведской народной школѣ къ простымъ счетамъ были придѣланы на верхней перекладинѣ десять вертикальныхъ проволокъ, съ надѣвающимися на нихъ шариками, для обученія счисленію, по методѣ Грубе. Шарики надѣваются на проволоки сверху, по мѣрѣ надобности; эти пріемы употребляются при разложеніи числа на составныя его части; при изученіи нумераціи каждая вертикальная проволока считается отдѣльнымъ мѣстомъ, занимаемымъ числомъ, начиная отъ правой руки къ лѣвой (единицы, десятки и т. д.). Въ

[203]) Жур. «Учитель» за 1862 г. № 15. стр. 783.

[204]) По преданіямъ, счеты заимствованы отъ китайцевъ, и распространены въ Россіи предками Графовъ Строгоновыхъ, которые занимались разработкою металловъ въ Сибири, на землѣ, пожалованный имъ въ 1647 году.

бременскихъ школахъ употребляются счеты, очень хорошо приспособленные для класнаго употребленія. Они состоятъ изъ рамки съ двѣнадцатью парами проволокъ; на каждой парѣ проволокъ движется десять маленькихъ параллепипедовъ или валиковъ, которые удобнѣе шариковъ тѣмъ, что сдвинутые вмѣстѣ составляютъ цѣлый брусокъ, и могутъ поэтому служить для объясненія дробей На передней сторонѣ каждаго параллепипеда находится бѣлая вертикальная черта, чтобы ученики могли считать отдѣльныя единицы, даже если бруски сдвинуты. Въ иныхъ счетахъ бруски дѣлаются бѣлые, а внутренность счетовъ покрыта черной краской, что даетъ возможность видѣть ясно дѣленія каждаго параллепипеда. Къ этимъ счетамъ иногда бываетъ придѣлана съ боку черная доска такъ, что она закрываетъ половину рамки; бруски, на которыхъ не производится дѣйствія, прячутся за эту доску, что очевидно облегчаетъ учениковъ при счисленіи. Кромѣ того на черной доскѣ можно писать мѣломъ цифры и различныя ариѳметическія дѣйствія [205]). Рисунокъ подобныхъ счетовъ мы приложили въ концѣ нашей книжки (см. табл. II фиг. 7-я). Бруски или валики съ одинаковыми дѣленіями помогаютъ учителю давать ученикамъ понятіе о неправильныхъ дробяхъ.

Мысль примѣнить къ первоначальному обученію счеты, національное наше изобрѣтеніе, какъ мы видимъ, была принята давно уже въ Западной Европѣ. Наши русскіе счеты прежде всего могутъ служить для показанія состава числа, для сравненія числа съ предыдущими, для разложенія и показанія его кратности, хотя бы и по порядку ариѳметическаго курса Грубе или Шольца. Наконецъ счеты могутъ быть важнымъ пособіемъ при изученіи нумераціи: на 8-ми горизонтальныхъ проволокахъ (имѣющихъ по 10-ти шариковъ) купеческихъ счетовъ можно производить счетъ отъ единицы до десятковъ милліоновъ. Всякое число, наложенное на счетахъ, учениками будетъ списываться на доски, по порядку проволокъ—сверху внизъ, а на письмѣ

---

[205]) См. Педагогич. Сбор. 1868 г. кн. 1 стр. 63.

отъ лѣвой руки къ правой, причемъ проволоки пустыя будутъ на письмѣ замѣщаться нулями.

Примѣненіе счетовъ къ первоначальному обученію, по методѣ Грубе, сдѣлано Главинскимъ въ его 3-мъ отдѣлѣ *Руководства къ изученію Русской грамоты и счисленія (изд. 2 Спб. 1860)*. Авторъ въ предисловіи говоритъ: При составленіи Ру«ководства, предполагалось относительно счисленія изложить «необходимыя въ домашнемъ быту правила счисленія, сообраз«но съ развитіемъ понятій учащихся; для достиженія этой цѣ«ли главнымъ основаніемъ въ классномъ нашемъ преподаваніи «приняты нами обыкновенные счеты, потому что они извѣстны «всѣмъ, и ихъ можно найти по всѣмъ мѣстностямъ Россіи, «такъ и потому, что они представляютъ превосходнѣйшій сна«рядъ, не только для сложенія и вычитанія, но и вообще для «наглядnаго объясненія состава цифръ и цифирныхъ выкла«докъ.» На основаніи указаній Песталоцци, Стефани и Грубе, Г. Главинскій сначала ограничивается ариѳметическими дѣйствіями въ предѣлахъ 10-ти первыхъ чиселъ: надъ ними, при помощи счетовъ, онъ производитъ первыя два ариѳметическія дѣйствія наглядно, прежде нежели рѣчь зайдетъ о цифрахъ; ариѳметика начинается счетомъ до 10-ти, сравненіемъ и разложеніемъ этихъ первыхъ чиселъ. Ученикъ доводится постепенно до умѣнья положить на счетахъ числа до 10-ти и потомъ выучивается изображать ихъ, списывая положенныя на счетахъ числа на бумагѣ. Вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ продолженіемъ счета, ученикъ учится записывать болѣе крупныя числа на бумагу или класть ихъ на счетахъ. Послѣ изученія счета до 100, авторъ переходитъ къ сложенію и вычитанію на счетахъ же денежныхъ знаковъ, обучастъ ученика нумераціи до 1000, и предлагаетъ по обыкновенному порядку ариѳметики главы: о вычитаніи, умноженіи и дѣленіи чиселъ, наконецъ даетъ краткое понятіе о дробяхъ, и именованныхъ числахъ. Такимъ образомъ хотя ариѳметику Главинскаго нельзя назвать вполнѣ примѣненіемъ системы Грубе, а она есть только не болѣе какъ попытка примѣненія ариѳметики къ счетамъ; но независимо отъ того, книга Главинскаго можетъ дать

учителю солдатской школы подробное понятіе о примѣненіи купеческихъ счетовъ къ первоначальному преподаванію ариѳметики, равно и много готовыхъ пріемовъ этого примѣненія къ дѣлу обученія, не говоря уже объ изобиліи и практичности прилагаемыхъ въ концѣ книги задачъ, какъ нельзя больше идущихъ къ уровню солдатской школы. Умѣнье практически поставить преподаваемое ариѳметическое правило, заинтересовать рѣшеніемъ задачи учениковъ и для преподавателя солдатской школы—дѣло не послѣдней важности. Въ солдатскомъ быту есть много ходячихъ ариѳметическихъ задачъ, рѣшеніе которыхъ не мало интересуетъ нашихъ солдатъ и въ осенніе темные вечера бываетъ поводомъ къ оживленнымъ разговорамъ, спорамъ, шуткамъ (см. примѣч. 78-е) [206]). Вотъ новое доказательство того, что наше простонародье, наше солдатство вѣритъ болѣе всего въ умственное исчисленіе. Вотъ доводъ за примѣненіе къ нашимъ солдатскимъ школамъ системъ Грубе и Шольца, хотя и приспособленныхъ особымъ образомъ къ обученію взрослыхъ; эта система, посредствомъ умственной гимнастики, ближе всего ведетъ къ умственному исчисленію, не утомляетъ ученика писаньемъ безконечнаго рядами чиселъ и вывода изъ нихъ другихъ рядовъ.

Другая попытка примѣнить счеты къ первоначальному обученію была сдѣлана авторомъ книжки «*Счетный Самоучитель*»,

---

[206]) Мы подслушали нѣкоторые изъ нихъ, онѣ отличаются своимъ чисто народнымъ, неподдѣльнымъ остроуміемъ. Вотъ онѣ: «У полусемыхъ мышей много ли ногъ, да ушей? (39). Пять денегъ, да грошъ, пять копѣекъ, да денежка стара, много ли стало? (10 к.) Купить на сто рублей, сто скотинъ, платить и по десяти рублей за одну, и по пяти рублей, и по пятидесяти копѣекъ: посколько скотинъ придется на каждую цѣну? (По 50 коп. 90 скот., по 5 руб.—9 скот. по 10-ти руб.—1 скотина). Летѣло стадо птицъ на рощу, сѣли по двѣ на дерево—одно дерево осталось; сѣли по одной—одного недостало. Много ли птицъ и деревьевъ? (3 дерева, 4 птицы) Летѣло стадо гусей, на встрѣчу имъ одинъ гусь: здраствуйте, говоритъ, сто гусей! Нѣтъ, насъ не сто гусей; какъ бы еще столько, да полстолька, да четверть стольки, да ты гусь, такъ бы насъ было сто гусей. Сколько ихъ летѣло? (36) Шли двѣ матери съ дочерьми, да бабушка со внучкой; нашли полтора пирога; помногу ли достанется? (По половинѣ) Сидятъ три кошки, противъ каждой кошки двѣ кошки; много ли ихъ всѣхъ? (три).

(*изданной въ Спб. 1861 г. ц. 6 к.*) Составитель его—авторъ «Ариѳметики для начинающихъ». Въ Счетномъ Самоучителѣ, кромѣ нумераціи, особенно понятно изложено объясненіе значенія умноженія, какъ сокращеннаго сложенія и—дѣленія, какъ упрощеннаго вычитанія. То и другое объясняется рядомъ слагаемыхъ или вычитаемыхъ одинаковыхъ величинъ, и въ слѣдъ же за этимъ дѣйствіями умноженія и дѣленія тѣхъ же самыхъ чиселъ. Въ «Счетномъ Самоучителѣ» примѣненіе счетовъ сдѣлано къ обыкновенному способу обученія ариѳметикѣ довольно хорошо; потому книгу можно рекомендовать солдатской школѣ. Примѣненіе счетовъ здѣсь сдѣлано только для двухъ первыхъ ариѳметическихъ дѣйствій, т. е. для вычитанія и сложенія. На счетахъ эти дѣйствія понятны безъ всякихъ правилъ, которыя излагать мы и считаемъ лишнимъ: въ простонародномъ быту даже неграмотные умѣютъ иногда производить на счетахъ эти простыя ариѳметическія дѣйствія.

Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ производятся на счетахъ дѣйствія умноженія и дѣленія. Прежде всего нужно замѣтить, что умножать равно и дѣлить нельзя ни на 1, ни на 0. Если нужно какое-нибудь число умножить на 10, то должно положить его на десяткахъ, начиная отъ 6-й проволоки къ верху, т. е. на 7, 8 и т. д. [207]) Напр. 256 умножить на 10-ть значитъ положить на 8-й проволкѣ снизу 2-ва, на 7-й 5-ть и на 6-й—6-ть, произведеніе будетъ=2560. Если нужно данное число умножить на 100 число, начинаютъ класть съ 9-й проволоки. Основываясь на этомъ опытѣ, умноженіе производится, какъ простое сложеніе. Напр. дано умножить 378 на 213; это значитъ, что данное число нужно умножить на 2 сотни, 1 десятокъ и 3 единицы; слѣдовательно 378 мы должны положить 3-ри раза на единицахъ (т. е. на 7, 6, и 5 проволокахъ), 1-нъ разъ на десяткахъ (на 8, 7 и 6 проволокахъ) и 2-ва раза на сотняхъ (т. е. на 9, 8 и 7-й); произведеніе будетъ 80514-ть. Для того чтобы не сбиться въ числѣ сложе-

[207]) Правила можно лучше понять, просмотрѣвши табл. II. фиг. 8-ю, гдѣ сдѣланъ рисунокъ счетовъ; на рисункѣ показаны и номера проволокъ.

ній, нужно каждую цифру множителя класть внизу счетовъ и потомъ сбрасывать кости, по числу произведенныхъ сложеній.

Дѣленіе на счетахъ производится посредствомъ вычитанія. Отдѣливъ въ верхней части счетовъ (съ 5-й проволоки) столько проволокъ, сколько знаковъ въ дѣлителѣ, должно скидывать (т. е. вычитать) дѣлителя съ числа, находящагося на отдѣленныхъ проволокахъ (если дѣлитель меньше этого числа), пока не получимъ остатокъ меньше дѣлителя. Потомъ нужно скидывать съ слѣдующихъ къ низу отдѣленій проволокъ, т. е. съ сотенъ, съ десятковъ, единицъ и такъ дѣлать пока въ остаткѣ не останется ничего или останется число, меньшее дѣлителя. Число вычитаній класть на нижнихъ (1—4) проволокахъ сообразно тому, съ какихъ разрядовъ будемъ сбрасывать дѣлителя, т. е. съ сотенъ, десятковъ или единицъ. Поясникъ примѣромъ. Положимъ, требуется число 2686 раздѣлить на 12; вы сначала 12 сбрасываете два раза съ 8-й и 7-й проволокъ (останется 286) и въ тоже время на сотняхъ частнаго отмѣчаете—2; потомъ дѣлителя 12 сбрасываете съ 7-й и 6-й проволокъ два же раза (останется 46), а на десяткахъ частнаго замѣчаете—2; наконецъ изъ этихъ 46-ти, положенныхъ на 6 и 5-й проволокахъ, сбрасываете число 2 три раза. Такимъ образомъ въ частномъ у васъ оказывается 223, а въ остаткѣ 10-ть; 223 оказываются въ частномъ—на 1, 2 и 3 проволокахъ.

Касательно приложенія нашихъ русскихъ купеческихъ счётовъ къ дробнымъ исчисленіямъ и къ прочимъ сложнымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ сдѣлано у насъ было нѣсколько попытокъ. Въ тридцатыхъ годахъ былъ изданъ особый учебникъ Петромъ Тихоміровымъ подъ заглавіемъ: «*Ариѳметика на счетахъ*», по методѣ Генералъ-Маіора Свободскаго [208]); но такъ какъ способъ

---

[208]) Въ 1829 году Генералъ-Маіоръ Свободскій представилъ въ Академію Наукъ пріемы, изобрѣтенные имъ въ теченіи 10 лѣтъ, для производства на счетахъ всѣхъ ариѳметическихъ дѣйствій надъ цѣлыми и дробными числами, какъ отвлеченными, такъ и именованными, не исключая возвышенія чиселъ въ различныя степени и извлеченія изъ нихъ корней, а также вычисленія процентовъ. Академія лестно отозвалась объ этихъ способахъ и по Высочайшему повелѣнію, вызваны были преподаватели изъ всѣхъ Университетовъ, для изученія этихъ способовъ отъ академика Тарханова, которому

этотъ требовалъ большаго навыка въ производствѣ сложныхъ вычисленій (авторъ свыкался съ своей системой 10-ть лѣтъ) и какъ главная цѣль методы была скорость вычисленія, а не простота; потому эта система вычисленій не могла войти во всеобщее употребленіе. Всякая система вычисленій на счетахъ должна только помогать своею простотой тому способу вычисленія на счетахъ, который вошелъ во всеобщее употребленіе, а не переиначивать его совершенно, вводя новые, неупотребляющіеся въ общежитіи, способы вычисленія. Подобныя способы не имѣютъ мѣста и въ школѣ, которая есть приготовленіе къ жизни. Попытки ввести новые способы вычисленія, съ нѣкоторой перемѣной въ устройствѣ счетовъ, повторялись у насъ нѣсколько разъ. Это были большею частію подражанія способамъ вычисленія на счетахъ заграничнымъ: такъ въ Западной Европѣ нѣкоторыми государствами приняты, для школьнаго обученія ариѳметикѣ, такъ называемые, *вертикальные счеты*. Проволоки въ нихъ устраиваются не горизонтально, какъ въ нашихъ купеческихъ счетахъ, а вертикально; всѣхъ проволокъ 20, а косточекъ на каждой проволокѣ по 9-ти; это сдѣлано на томъ простомъ основаніи, что десятая косточка въ счетахъ не только лишняя и никогда не употребляется при счетѣ, составляя одно и то же число съ первой косточкой слѣдующей проволоки, но при счисленіи часто мѣшаетъ. Устроенные такимъ образомъ счеты проволоками своими представляютъ разряды или мѣста чиселъ: счетъ на нихъ производится, какъ и на бумагѣ, отъ правой руки къ лѣвой, а дѣйствія сложенія и вычитанія производятся точно такъ же, какъ на нашихъ купеческихъ счетахъ, если положить эти послѣдніе на правую боковую ихъ сторону. Къ счетамъ придѣлываются сверху и снизу, покрытыя черной краской, узкія доски, на которыхъ можно писать мѣломъ цифры. При умно-

---

свою методу передалъ Свободскій. Въ 1829 году адъюнктъ-профессоръ Тихомировъ читалъ публичныя лекціи о вычисленіяхъ Свободскаго; а въ 1830 г. издалъ помянутую ариѳметику, которая теперь сдѣлалась библіографическою рѣдкостью. Въ настоящемъ году Г. Коноваловъ въ своей ариѳметикѣ далъ нѣкоторое понятіе о способѣ Свободскаго.

женіи на верхней доскѣ счетовъ пишутся множимое и множитель, а получаемое отъ умноженія произведеніе кладется на проволкахъ: сначала на единицахъ, потомъ на сотняхъ и т. д. Выгода подобнаго умноженія состоитъ въ томъ, что какъ бы ни было велико произведеніе, его складывать не нужно. При дѣленіи дѣлимое и частное пишутся на доскѣ, а дѣйствіе производится на косточкахъ, какъ на бумагѣ. Выгода дѣленія на этихъ счетахъ та, что не нужно вычитать произведеніе каждаго члена частнаго, полученное отъ умноженія на дѣлителя, а также не нужно сносить знака дѣлимаго къ разности каждаго его разряда. При дѣйствіяхъ надъ именованными и дробными числами, между проволоками вставляются вертикальныя доски, для отдѣленія чиселъ разнаго наименованія; тотъ же пріемъ повторяется и при ариѳметическихъ дѣйствіяхъ надъ дробными числами. *Полная ариѳметика на вертикальныхъ счетахъ* издана Больманомъ въ 1863 г. въ 2 частяхъ. Успѣхъ приложенія этого способа исчисленія на счетахъ къ нашимъ русскимъ, особенно солдатскимъ школамъ, болѣе чѣмъ сомнителенъ, хотя подобный способъ счисленія съ успѣхомъ принятъ въ нѣкоторыхъ Европейскихъ школахъ, и точно, что многія вычисленія по этому способу поражаютъ своимъ остроуміемъ.

Изъ множества существующихъ у насъ ариѳметикъ могутъ имѣть приложеніе къ условіямъ нашей солдатской школы, по своему простому способу изложенія: «*Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ А. Путяты (Спб. 1865 г.)*. Эта книга, по своему простому и понятному способу изложенія, по своимъ логическимъ, всестороннимъ объясненіямъ предмета преподаванія, можетъ служить большимъ пособіемъ для учителя солдатской школы, нужды нѣтъ, что въ ней принята старинная система обученія. Въ этой ариѳметикѣ кромѣ того говорится объ измѣреніи шнуромъ и цѣпью, также объяснены: а) *устройство вѣсовъ и правила ихъ равновѣсія* (т. е. чтобы отъ точки, около которой движется или качается коромысло, было одинаковое разстояніе до обоихъ ею концовъ, такъ чтобы ни одно плечо коромысла не перевѣшивало другое) и положеніе стрѣлки; б) *устройство пружиннаго безмена или силомѣра*; его достоинство, какъ ма-

шинки самой простой, и тотъ недостатокъ, что пружина скоро вытягивается, отчего безменъ дѣлается невѣрнымъ; в) наконецъ сказано подробно о нашемъ *обыкновенномъ безменѣ*, находящемся въ такомъ общемъ употребленіи среди нашего простонародья. Считая полезнымъ ознакомленіе нашего солдата съ правилами устройства этаго несложнаго и удобнаго орудія вѣса, мы скажемъ объ немъ нѣсколько словъ.

Въ обыкновенныхъ вѣсахъ плеча рычага между собою равны и точка ихъ опоры на срединѣ; но если мы возьмемъ точку опоры ближе къ концу одного плеча рычага, то увидимъ, что для равновѣсія рычага, къ короткому плечу нужно будетъ привѣсить бо́льшую тяжесть, а къ длинному мéньшую, именно: если одно плечо вдвое длиннѣе другаго, то одинъ пудъ, привѣшенный къ концу длиннаго плеча, уравновѣшиваетъ два пуда, привѣшенныхъ къ короткому плечу. Если бы одинъ конецъ рычага былъ въ десять разъ длиннѣе другаго, то одинъ пудъ на длинномъ плечѣ уравновѣшивалъ бы 10 пудовъ—на короткомъ. На этомъ положеніи основывается устройство нашего безмена и *безмена Римскаго*. На нашемъ безменѣ тяжесть заключается въ металлической шишкѣ, которая придѣлывается къ одному концу палочки безмена, а на другомъ привѣшивается чашка вѣсовъ; у Римскаго тяжесть заключается въ гирькѣ, которая свободно двигается по палкѣ безмена (см. таб. II, фиг. 9-я). Въ нашемъ безменѣ точка опоры передвигается, въ римскомъ она неподвижна. Понятно, что если противовѣсомъ безмена будетъ одинъ фунтъ, то, чтобы взвѣсить 10 фунтовъ, нужно, чтобы одно плечо безмена было въ 10 разъ болѣе другаго; если 20 фунтовъ, то одно плечо по своему пространству должно относиться къ другому какъ 1-ца къ 5-ти. Безмѣнъ вывѣривается уравновѣшиваніемъ вѣсовыхъ гирь, которыя кладутся на чашку безмена,—съ противовѣсомъ. Въ ариѳметикѣ Путяты кромѣ того есть правила измѣренія площадей и объемовъ тѣлъ, что также весьма полезно примѣнить къ солдатской школѣ.

Изданныя оффиціально для полковыхъ школъ ариѳметики, а именно: *Упрощенная ариѳметика. изд. «Чтенія для сол-*

датъ» 1866 г. и *«Руководство къ преподаванію ариѳметики въ дивизіонныхъ артиллерійскихъ школахъ. Спб. 1852 г.»* —ариѳметики старой системы обученія; послѣдняя даже начинается съ опредѣленій, которыя ни къ чему не ведутъ, какъ это доказано практикой. Ихъ достоинство только состоитъ въ томъ, что къ нимъ приложены задачи изъ солдатскаго быта, что даетъ имъ снаружи видъ практичности и наглядности. «Упрощенная ариѳметика» даже неизвѣстно для кого назначена: если для учителей, то ее можно бы составить положительно практичнѣе; если для солдатъ, то она не принесетъ пользы, какъ и всякое руководство ариѳметики, въ преподаваніи. Къ числу учебниковъ ариѳметики, доступныхъ по цѣнѣ для солдатскихъ школъ, можно указать на: 1) *Ариѳметику Фогеля* (Спб. 1863 г. ц. 6 коп.); ариѳметика изложена по старинному порядку четырехъ дѣйствій, но можетъ служить руководствомъ для учителя, какъ примѣръ популярнаго изложенія первоначальной ариѳметики; 2) *Краткую ариѳметику Н. Ушакова* (Спб. 1867 г. ц. 4 коп.), 3) *Краткую ариѳметику для начальныхъ школъ М. Д.* (Кіевъ 1861 г. ц. 6 к.); 4) *Ариѳметику, составленную для сельскихъ школъ и приходскихъ училищъ А. Никулинымъ.* (Тверь. 1864 г. ц. 19 коп.) Всѣ три книги правильнымъ чистымъ языкомъ довольно практически излагаютъ первую часть ариѳметики по старой системѣ преподаванія, у Ушакова приложены, способы вычисленія на счетахъ. 5) *Счетный Самоучитель* ч. 2 (Спб. 1864 г. ц. 10 коп.) служитъ продолженіемъ первой книжки; главы, заключащіяся въ немъ, излагаютъ правила дѣлимости чиселъ и четыре дѣйствія надъ именованными числами, изложеніе довольно наглядное. Къ нему есть и часть 3-я, о дробяхъ; 6) *Бесѣды о первыхъ четырехъ ариѳметическихъ правилахъ и о счетахъ Михайлова* (Спб. 1867 г. ц. 15 коп.); руководство составлено разумно и наглядно, содержитъ 7 бесѣдъ, съ приложеніемъ въ концѣ книжки сборника ариѳметическихъ задачъ; назначается, какъ и предшествующая, для самообученія взрослыхъ; 7) *Начальную ариѳметику* (пособіе для нагляднаго преподаванія) *К. Рубисова* (Спб. 1568 г. ц. 20 коп.); книжка назначается для учителя

и содержитъ въ себѣ изложеніе ариѳметики по началамъ Песталоцци. Лучшую часть ариѳметики составляютъ: изложеніе понятій о мѣрахъ сыпучихъ тѣлъ и жидкостей, о стоимости денежныхъ знаковъ, о линейныхъ мѣрахъ, о мѣрахъ разстояній, о измѣреніи времени и о способахъ этого измѣренія—часахъ водяныхъ, солнечныхъ и колесныхъ, о мѣсяцахъ, солнечномъ и лунномъ годѣ, о числѣ дней каждаго мѣсяца и о средствахъ узнать какой мѣсяцъ состоитъ изъ 31 или 30 дней (по особой табличкѣ или по суставамъ пальцевъ). Это часть ариѳметики можетъ имѣть мѣсто въ курсѣ солдатской школы. 8) *Ариѳметика Оссовскаго* (Спб. 1859 г.) важна для солдатской школы тѣмъ, что приспособлена къ обученію взрослыхъ простолюдиновъ. Въ ней особенно замѣчательна, по мастерскому изложенію, самая существенная часть ариѳметики, не удовлетворительная во всѣхъ прочихъ, именно счисленіе.

Мы считаемъ дѣломъ офицера-преподавателя по указаннымъ нами способамъ вести солдатъ постепенно къ полному и сознательному познанію первоначальной ариѳметики, возбуждая и поддерживая ихъ самодѣятельность.

I) Въ этомъ отношеніи нами изложенныя методы Грубе и Шольца (въ руководствахъ Паульсона и Гурьева), въ общемъ своемъ планѣ, могутъ служить преподавателю примѣромъ преподаванія, путемъ, по которому должно идти первоначальное обученіе ариѳметикѣ человѣка неразвитаго. Избѣгая тѣхъ пріемовъ, которые свойственны дѣтскому пониманію, преподаватель-офицеръ долженъ все-таки сообразоваться съ малымъ запасомъ ариѳметическихъ познаній, которыми обладаетъ наше неграмотное солдатство, для котораго всякое сложное вычисленіе, даже простой счетъ до 100, представляются темной мудростью. За тѣмъ учителю солдатской школы практика укажетъ, что усвоить изъ этой системы преподаванія и приложить къ дѣлу, и что выбросить, какъ ненужное. Слѣпое слѣдованіе учебнику Паульсона или Золотова не принесетъ никакой пользы: нужно усвоить систему, а не пріемы и примѣры, напечатанные въ учебникѣ. Совокупное приложеніе къ небольшимъ числамъ всѣхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, одновре-

менное приложеніе этихъ дѣйствій къ отвлеченнымъ и именованнымъ числамъ—пусть будетъ положено въ основаніи обученія солдата ариѳметикѣ. Разностороннее изученіе чиселъ въ прогрессивномъ порядкѣ, упражненіе въ умственномъ исчисленіи, наконецъ номерація и отдѣльныя дѣйствія надъ числами крупнаго разряда, т. е. сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе надъ простыми и именованными числами должны быть продолженіемъ обученія. Дроби болѣе простыя входятъ въ обученіе съ самого его начала. Вотъ вся сущность преподаванія ариѳметики въ солдатской школѣ.

II) Хорошее ознакомленіе учениковъ солдатской школы съ купеческими счетами дастъ учителю на первый случай возможность всесторонне изучить первыя числа до 10-ти и номерацію, которая все-таки должна стоять на видномъ мѣстѣ въ солдатской школѣ, будетъ ли она простираться на первый разъ хотя до сотни, или и до тысячъ.

III) Учитель солдатской школы долженъ, при пособіи методы Грубе, развить въ ученикахъ ясное пониманіе первыхъ ариѳметическихъ дѣйствій, а постепеннымъ изученіемъ чиселъ можетъ пріучить ихъ къ всестороннимъ числовымъ комбинаціямъ. Сбивчивое знаніе отношеній первыхъ 10-ти чиселъ бываетъ причиною того, что ученикъ никогда не будетъ силенъ въ ариѳметикѣ. Мы недавно спросили одного солдата въ полковой школѣ, который быстро дѣлалъ первыя четыре ариѳметическія дѣйствія: «чѣмъ 5 меньше 2 и 9 больше 6?»—и онъ затруднился отвѣтомъ. Пройдя съ учениками первыя числа, учитель въ своей школѣ положитъ прочное основаніе ариѳметикѣ.

IV) Когда онъ сообщитъ тѣ способы, которыми облегчаются первыя ариѳметическія дѣйствія, т. е. сложеніе и вычитаніе, умноженіе и дѣленіе, тогда привыкшимъ къ умственнымъ вычисленіямъ ученикамъ они сдѣлаются понятны съ перваго же раза. Зная дѣйствія вычитанія, умноженія и сложенія надъ числами перваго десятка или первой сотни, ученикъ легко поймётъ и болѣе сложныя ариѳметическія пріемы. Дѣйствія надъ

числами, какъ не надъ чѣмъ-либо отвлеченнымъ, сдѣлаютъ понятными ученику именованныя числа и дроби.

V) Преподаваніе должно быть вполнѣ практично и главнымъ образомъ ограничиваться первыми ариѳметическими дѣйствіями. Полное ознакомленіе съ дробями—простыми и десятичными и дальнѣйшее ихъ примѣненіе нужны болѣе для науки и дальнѣйшихъ математическихъ знаній: они мало приложимы къ жизни нашего простолюдина и солдата. Они только въ томъ случаѣ могутъ быть для него предметомъ изученія, когда у него есть средства, когда онъ имѣетъ въ виду продолжить дальнѣйшее образованіе. Пусть это будетъ дѣломъ полковой унтеръ-офицерской школы; большинство же нашихъ солдатъ такъ мало развито, что было бы великимъ для нихъ благодѣяніемъ, если бы имъ разумно и толково было сообщено и то немногое изъ ариѳметики, о которомъ мы упомянули выше. Дальнѣйшія свѣдѣнія изъ ариѳметики могутъ быть сообщены немногимъ, которые желаютъ идти по своей службѣ выше ихъ обыкновеннаго уровня, но это уже исключеніе: мы говоримъ здѣсь о преподаваніи вообще.

VI) Хорошее ознакомленіе учениковъ съ русскими мѣрами и вѣсомъ и т. п. должно быть въ числѣ обязанностей учителя солдатской школы. Дѣйствія раздробленія и превращенія надъ разнородными числами весьма нужны въ нашемъ торговомъ быту: способы эти, хотя въ короткихъ словахъ, должны быть имъ показаны. Изъ числа мѣръ хорошо учителю наглядно показать правильное устройство вѣсовъ, основаніе взвѣшиванія, способы повѣрки мѣры, вѣса и наконецъ объяснить наше національное приложеніе децимальнаго римскаго вѣса—нашъ безменъ, который служитъ иногда къ крайнему плутовству торговцевъ.

VII) При задачахъ и умственныхъ исчисленіяхъ учитель долженъ руководствоваться ближе всего первыми потребностями солдата, при которыхъ приложимо для него знаніе ариѳметики, и имѣть въ виду общіе случаи обыденной жизни; знанія эти нужно излагать практически.

VIII) Наконецъ нужно преподавать ариѳметику такъ, чтобы лучшая часть учениковъ настолько ясно поняла и до того осно-

вательно усвоила ариѳметическія дѣйствія, что могла бы руководить слабыхъ своихъ товарищей. Желательно, чтобы для всѣхъ учениковъ солдатской школы ариѳметика не представлялась дѣломъ головоломнымъ, неблагодарнымъ и ненужнымъ, а напротивъ занимательнымъ и полезнымъ, что совершенно зависитъ отъ системы преподаванія.

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ

объ умственномъ развитіи солдата въ войсковой школѣ, послѣ обученія грамотѣ, посредствомъ объяснительнаго чтенія и письменныхъ работъ.

Содержаніе лекціи: Кончено ли дѣло войсковой школы, когда она сообщила своему ученику механическія знанія—читать, писать и считать; имѣетъ ли солдатская школа средства сдѣлать прочными и интересными для ученика эти познанія, можетъ ли заставить его продолжать свое самообразованіе внѣ школы и какія эти средства; какая цѣль и гдѣ предѣлы умственнаго развитія солдатъ въ войсковыхъ школахъ; заботы объ общечеловѣческомъ развитіи солдата помогаютъ или препятствуютъ его развитію въ военномъ отношеніи. Пріученіе солдатъ къ правильному, плавному чтенію или чтеніе механическое; препятствія и средства къ тому; объяснительное чтеніе, какъ начальное средство къ пониманію ученикомъ книжнаго языка и путь къ умственному его развитію; взглядъ народа на пониманіе книги; ходъ объяснительнаго чтенія и примѣры наглядnаго объясненія текста; постепенность выбора статей для объяснительнаго чтенія; книга для первоначальнаго чтенія; необходимость такой книги для солдатскихъ школъ; планъ этой книги; примѣры подобнаго рода сочиненій, изданныхъ нашими писателями или народными журналами; сужденіе о нихъ и степень ихъ приложимости къ солдатской школѣ. Обученіе правильному изложенію мыслей на бумагѣ и въ какой мѣрѣ возможно оно въ практикѣ начальной солдатской школы; препятствія, встрѣчаемыя при этомъ простолюдиномъ въ нашемъ условномъ правописаніи и искусственномъ литературномъ языкѣ; средства къ такому обученію: а) правильное складываніе словъ, б) игра въ буквы, в) записываніе подъ диктовку учителя, только-что прочитанныхъ и объясненныхъ статей изъ учебника, г) связный устный разсказъ прочитаннаго; необходимость

пріучать солдатъ излагать свои мысли на бумагѣ простымъ, но правильнымъ языкомъ; попытка въ этомъ родѣ Ясно-Полянской школы; смыслъ и цѣль подобныхъ опытовъ; возможность составленія изъ этихъ опытовъ книгъ для начальнаго чтенія въ войсковыхъ и народныхъ школахъ; попытки въ этомъ родѣ нѣкоторыхъ полковыхъ школъ и сужденіе о солдатскихъ сочиненіяхъ, прилагаемыхъ къ журналу «Чтеніе для солдатъ»; рядъ моихъ опытовъ въ теченіе трех-годичнаго курса въ будничной безплатной школѣ; способы ознакомить ученика солдатской школы съ грамматикой; въ какой мѣрѣ полезно и нужно это; пересмотръ грамматикъ, изданныхъ для войсковыхъ и народныхъ школъ и степень примѣнимости ихъ къ солдатскимъ школамъ; усвоеніе нѣкоторыхъ правилъ правописанія учениками солдатской школы, посредствомъ объясненій учителя, болѣе практическимъ путемъ и посредствомъ диктовки.

Въ предшествующихъ лекціяхъ нами указаны способы—правильно руководить ученика солдата въ пріобрѣтеніи умѣнья читать, писать и считать. Безъ всякаго сомнѣнія, правильныя методы способствуютъ къ скорѣйшему и отчетливому усвоенію учениками этихъ первоначальныхъ знаній. Но окончено ли дѣло солдатской грамотной школы, когда она успѣла добиться того, что ея ученикъ пріобрѣлъ эти знанія? Далеко не окончено, какъ и дѣло всякой школы. Въ этомъ случаѣ ограничиться сообщеніемъ ученику одного механическаго умѣнья читать и писать значитъ дать ученику орудіе и не научить его какъ владѣть имъ. Редакторъ «Ясной-Поляны» очень хорошо замѣтилъ; «Наши грамотѣи выучиваютъ по *буки-азъ-ба* грамотѣ въ три мѣсяца; по Золотовской методѣ можно выучить, говорятъ, и еще скорѣе; но ученики, выучившись по той другой или третьей методѣ, ничего не выиграютъ, ежели не будутъ выучены понимать все, что читаютъ, что и составляетъ главную задачу при обученіи грамотѣ. Объ этой же самой нужной, трудной и еще ненайденой методѣ ничего не слышно» [209]). Такого умѣнья наша первоначальная школа вполнѣ и не даетъ, если бы она даже хвалилась, что въ состояніи дать его;—опека ея надъ ученикомъ слишкомъ

([209]) Ясн. Пол 1862 г. № 2 стр. 13.

не продолжительна. Первоначальная школа можетъ указать ученику при этомъ только путь, по которому онъ можетъ продолжать свое самообразованіе. Возможно ли это самообразованіе для ученика; будетъ ли ему благопріятствовать будущая жизненная обстановка, это уже другой вопросъ. Вопросъ этотъ для нашего простонародья рѣшается иногда самымъ грустнымъ образомъ. Во время одного изъ моихъ походовъ, я помню, мы встрѣтили въ одномъ селеніи удѣльнаго вѣдомства крестьянина, который имѣлъ аттестатъ въ удовлетворительномъ окончаніи курса въ сельскомъ училищѣ и—буквально—разучился читать и писать. Мы старались открыть причину этого печальнаго явленія, и нашли ее вовсе не въ злоупотребленіи школы, которая могла давать хорошіе аттестаты неспособнымъ и неумѣлымъ ученикамъ (какое предположеніе не могло не придти сначала); напротивъ причина этого лежала частію въ томъ, что ученики-крестьяне въ школѣ не были заинтересованы грамотою, не выучились въ школѣ читать сознательно,—понимая прочитанное, а отчасти въ томъ, что крестьянинъ, возвратясь изъ школы домой, рѣшительно не находилъ подъ рукою для чтенія книгъ, доступныхъ его пониманію. Любопытно было бы провѣрить какой процентъ нашихъ безсрочно-отпускныхъ солдатъ, у которыхъ въ билетѣ прописывается: «читать и писать умѣетъ», вовсе теряютъ это знаніе и чрезъ сколько лѣтъ. Должно воспользоваться временемъ, которое пробудетъ нашъ солдатъ въ войсковой школѣ и дать ему, насколько это возможно, умѣнье понимать читаемое, пріучить его находить интересъ въ книгѣ, —съумѣть воспользоваться изъ нея знаніями, пригодными для его быта. Учитель-офицеръ чѣмъ болѣе успѣетъ въ этомъ, тѣмъ большую пользу принесетъ его желаніе умственно развить солдата, тѣмъ прочнѣе будетъ этотъ трудъ. Средства къ этому, во 1-хъ, пріученіе солдатъ къ правильному и выразительному чтенію, во 2-хъ, объяснительное чтеніе и въ 3-хъ, выборъ статей для самостоятельнаго чтенія солдатъ. Кромѣ этого солдатская школа должна дать своему ученику умѣнье толково изложить свои мысли, что достигается преимущественно письменными упражненіями учениковъ и практическими занятіями

съ ними, при которыхъ передаются имъ немудреныя правила правописанія.

Составить программу, указать границы этого развитія очень трудно. Нѣкоторые изъ тактиковъ развитіе самой грамотности въ войскахъ допускаютъ только, какъ средство сознательно научить солдата его ремеслу. Одна учебная книга тактики говоритъ: «Вопросъ о томъ, полезна ли грамотность чисто въ боевомъ отношеніи, рѣшается тактиками весьма различно; но во всякомъ случаѣ, если и допустимъ возможность такой пользы, то, конечно, для достиженія ея необходимо стараться при обученіи развивать въ людяхъ самостоятельность мышленія и находчивость, а не одну только память». Намъ кажется, что во имя прогресса человѣчества и въ виду того важнаго значенія, которое имѣетъ распространеніе грамотности въ войскахъ для общаго народнаго образованія въ Россіи, всякое разумное и возможно бо́льшее развитіе нашего солдата должно почитать дѣломъ не только достойнымъ, но и вполнѣ законнымъ. Военное Министерство въ послѣднее время, кажется, положительно высказалось въ пользу этого послѣдняго мнѣнія, допустивъ въ программу экзамена унтеръ-офицеровъ обязательнаго срока службы общеобразовательныя науки: исторію и географію. Конечно здѣсь имѣются въ виду полковыя школы—для приготовленія унтеръ-офицеровъ; но такое расширеніе программы унтеръ-офицерскихъ школъ непремѣнно должно имѣть вліяніе на развитіе массы знаній и въ ротныхъ школахъ. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что въ военной администраціи взглядъ на это дѣло не совершенно еще установился. Доказательствомъ этого могутъ служить различные взгляды на программу экзаменовъ нижнихъ чиновъ на полученіе офицерскаго чина. Взгляды эти высказались, по поводу обсужденіи этой программы педагогическими совѣтами юнкерскихъ училищъ. Нѣкоторые совѣты требованія программы слишкомъ расширяли, отнимая возможность у солдатъ приготовиться къ экзамену, другіе же ее слишкомъ сокращали. Но нашему мнѣнію, солдатская школа должна быть

---

[201]) См. Зап. такт. Бѣлинскаго. Спб. 1866 г. стр. 21.

въ нѣкоторомъ отношеніи снимкомъ съ лучшей народной школы; въ ней нужно разширить программу не количественно, а качественно. Разширеніе знанія количественное въ солдатской школѣ—дѣло не только трудное для учителя, при общей неподготовкѣ учениковъ, но не имѣетъ и опредѣленной цѣли. Вотъ что говоритъ педагогъ Куртманъ о народной школѣ «Во всякомъ случаѣ будетъ благотворно, если мы въ народной школѣ изберемъ для тщательной обработки болѣе тѣсное поле нежели будемъ безуспѣшно тратить труды надъ воздѣлываніемъ поля слишкомъ широкаго. Съ другой стороны поле не должно быть и такъ тѣсно, чтобы не находили въ немъ упражненія главныя силы человѣка. Если занятія будутъ ограничены болѣе количественно, нежели качественно, то такъ называемое общечеловѣческое образованіе будетъ достижимо и для народной школы. То, что доставляетъ счастіе и довольство каждому человѣку, именно: религія, далѣе все, что облегчаетъ работу, поддерживаетъ жизнь, подготовляетъ къ уразумѣнію новыхъ задачъ, предохраняетъ отъ опасностей,—все это составляетъ матеріальную задачу народнаго обученія» [211]) Лучшіе тактики [212]) ставятъ первымъ требованіемъ обученія солдата развитіе въ немъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ. Великіе полководцы—Суворовъ и Наполеонъ прежде всего стремились къ развитію нравственнаго элемента въ своихъ арміяхъ. Наполеонъ даже положительно высказалъ, что во всякомъ боевомъ дѣлѣ $^3/_4$ успѣха зависятъ отъ нравственной стороны и только $^1/_4$ отъ матеріальной. Нравственныя качества хорошаго солдата составляютъ: чувство долга, доведенное до самоотверженія, неустрашимость; къ умственнымъ принадлежатъ: сообразительность и находчивость. Пріобрѣтеніе этихъ качествъ не возможно безъ нравственнаго и умственнаго развитія солдата. Къ этому способствуютъ бесѣды съ солдатомъ въ школѣ, чтеніе сочиненій, возбуждающихъ подобныя чувства; чтеніе это должно быть исполняемо не однимъ только учителемъ, но и самостоя-

---

[211]) См. Чт. о воен. П. Юркевича стр. 225.

[212]) См. Курсъ тактики Драгомирова. 1867 г. Спб. стр. 68.

тельно самими учениками войсковой школы. Этимъ солдатская школа отличается отъ народной: кромѣ общаго образованія грамотность должна дать солдату особое военное воспитаніе.

Послѣ того, какъ ученики солдатской школы выучатся разбирать печатное, учитель-офицеръ долженъ научить ихъ правильно и внятно читать. На языкѣ педагогики это называется *механическимъ* чтеніемъ. Достиженіе этой цѣли, т. е. сообщеніе ученику умѣнья правильно и плавно читать требуетъ не малыхъ трудовъ со стороны преподавателя. Въ предшествующихъ лекціяхъ мы высказали наблюденіе, что солдаты, начинающіе учиться читать въ школѣ или поступающіе въ школу съ нѣкоторымъ умѣньемъ разбирать книгу, не скоро выучиваются читать правильно и плавно. Правильное, плавное чтеніе пріобрѣтается разумнымъ упражненіемъ. Нельзя не сознаться, что доля этого затрудненія лежитъ и въ самыхъ способахъ обученія чтенію. Существующій въ нашихъ солдатскихъ школахъ буквосочетательный старинный способъ обученія чтенію, съ нѣкоторыми нелѣпыми его пріемами, употребляемыми при переходѣ отъ складовъ къ чтенію по-складамъ, при которомъ называются всѣ буквы, заключающіяся въ словѣ (стр. 141), бываетъ причиной того, что ученикъ при скоромъ чтеніи произноситъ слова наобумъ, причемъ выходитъ часто не то слово, которое стоитъ въ книгѣ. Между тѣмъ буквосочетательный способъ слишкомъ вошелъ въ плоть и кровь нашего простолюдина, чтобы ждать его совершеннаго искорененія и въ солдатскихъ школахъ (стр. 126). Только разумное веденіе обученія чтенію, даже по этому старинному способу и старанье ввести въ солдатскія школы звуковой способъ обученія можетъ поправить это дѣло (стр. 179).

Къ обученію правильно читать помогаетъ, какъ мы замѣтили выше, примѣненіе тотчасъ же знанія къ дѣлу (стр. 136). Достаточно знакомства съ немногими буквами, чтобы побудить ученика къ чтенію и къ составленію изъ этихъ словъ названій предметовъ, близко знакомыхъ солдату, интересныхъ для него. Мы не думаемъ, что интересъ здѣсь можетъ поддерживаться подборомъ словъ: *бой, отбой, сборъ, битва, сабля, батарея*

и т. п., какъ дѣлаетъ большая часть составителей букварей для солдатъ (напр. Столпянскій въ «Солдатской азбукѣ» Спб. 1870 г.). Нельзя заключать, что предметы, съ которыми мы ежедневно обращаемся, непремѣнно для насъ интересны. Мы очень хорошо знаемъ по опыту, что самые отъявленные педагоги внѣ класса менѣе всего любятъ толковать о предметахъ своей профессіи. Вотъ почему въ 4-й лекціи мы рекомендовали для солдатскихъ школъ преимущественно тѣ буквари, которые, вмѣстѣ съ изученіемъ немногихъ буквъ, предлагаютъ съ первыхъ же уроковъ ученику для чтенія односложныя слова и предложенія; чѣмъ больше этихъ словъ, тѣмъ лучше. Такого рода буквари даютъ возможность солдату самостоятельно распорядиться тѣмъ немногимъ знаніемъ которымъ онъ уже обладаетъ, тѣми письменными знаками, съ которыми онъ познакомился при первыхъ урокахъ грамоты. Понятно, что практика въ чтеніи, начинающаяся съ первыхъ страницъ букваря, помогаетъ ученику правильно и постепенно изучать механизмъ чтенія. Въ частности къ правильному и плавному чтенію способствуетъ громкое, внятное чтеніе учениковъ по-очереди въ классѣ и наконецъ чтеніе прочитаннаго учениками самимъ учителемъ, при которомъ онъ даетъ замѣтить удареніе словъ и остановку на знакахъ препинанія. Въ одной солдатской школѣ былъ такой оригинальный способъ плавнаго чтенія. Ученики читали громко всѣ разомъ одну и туже книгу или же каждый особую (смотря по фантазіи учителя); шумъ былъ страшный, среди него болѣе всего выдавался голосъ учителя, онъ шумѣлъ, подобно бурѣ, и покрывалъ всѣ 34 голоса учениковъ. Что особенно казалось удивительнымъ, такъ это то, что учитель привыкъ къ своей методѣ дотого, что когда ученики шумно читали различныя книги, онъ слышалъ кто именно ошибался и тотчасъ кричалъ, какъ капитанъ корабля въ рупоръ, во время бури на морѣ: «эй Ивановъ! врешь, не «шла» а «игла»! «Петренко! неправильно читаешь; въ книгѣ стоитъ не «дубина», а «судьбина»! и т. п. Что такое преподаваніе было истиннымъ мученіемъ для преподавателя, — понятно само собою; но онъ не унывалъ, а повторялъ постоянно: «Погодите, погодите только

немного, и я добьюсь толку!» [213]) Фактъ этотъ доказываетъ, при всемъ желаніи многихъ офицеровъ, неумѣнье ихъ приняться за дѣло преподаванія.

При чтеніи учениковъ въ классѣ учитель долженъ непремѣнно добиться того, чтобы каждый отрывокъ всѣ они выучились читать скоро и правильно. Конечно, для этого нужно, чтобы у учениковъ были одинаковыя книги. Слѣдствіемъ этого пріема бываетъ что ученикъ-солдатъ и при чтеніи всякой книги внѣ класса будетъ обращать вниманіе на правильное произношеніе словъ. Съ точки зрѣнія дидактики подобный пріемъ одинъ только и можетъ выучить правильно читать. Повтореніе ученикомъ нѣсколько разъ одной статьи, подъ руководствомъ учителя, который его всегда можетъ поправить, скоро выучиваетъ солдата правильно примѣнять знаніе буквъ и складовъ къ дѣлу. Всякое первоначальное обученіе есть болѣе или менѣе подражаніе. Практика солдатской школы говоритъ намъ, что разъ прочитавши неправильно извѣстный слогъ или слово, ученикъ не будетъ повѣрять себя, а будетъ всегда его неправильно произносить, если учитель не научитъ его съ перваго же раза правильно разбирать слова; если не укажетъ его ошибки при чтеніи въ первую минуту. Особенно долженъ преслѣдовать учитель въ классномъ чтеніи желаніе учениковъ читать бѣгло. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ желаніе бѣгло читать, дѣйствительно, пріучаетъ ученика къ скорой сообразительности, къ быстрому складованію буквъ; но въ большинствѣ случаевъ ученики чрезъ это пріучаются къ неправильному чтенію. Лучшее чтеніе есть чтеніе не скорое, плавное, но правильное. На первыхъ порахъ, когда ученики еще не пріучились къ чтенію, можно даже допустить и такое чтеніе, при которомъ ученикъ раздѣляетъ каждое слово на слоги. При существующей въ школѣ системѣ буквосочетательнаго способа обученія грамотѣ, такое чтеніе въ началѣ даже есть необходимое слѣдствіе самого обученія. Въ послѣдствіи времени ученики мало по малу пріучаются читать скорѣе, но уже читаютъ совершенно правильно. При встрѣ-

[213]) Письменный разсказъ юнкера М-го полка З-чъ.

тившейся, трудной для чтенія и пониманія статьѣ, въ книгѣ для чтенія, учителю полезнѣе прочитать самому прежде учениковъ данную статью громко, выразительно и внятно, не торопясь и не растягивая. Этимъ предовращается въ данномъ случаѣ невыразительность и однообразіе ученическаго чтенія, которыя происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что ученикъ едва успѣваетъ справиться съ своими глазами и ему некогда думать о выразительной передачѣ чужихъ мыслей. Въ нѣкоторыхъ букваряхъ, которые мы указали въ предшествующихъ лекціяхъ, постепенность статей для чтенія и умственнаго развитія ученика даже простирается на то, что первоначальныя статьи печатаются особеннымъ крупнымъ шрифтомъ и содержатъ въ себѣ только односложныя слова (стр. 155). Такой пріемъ вполнѣ благоразуменъ и показываетъ педагогическую опытность составителей. Для пріобрѣтенія бѣглости въ чтеніи хорошо употреблять ланкастерскія таблицы и способъ чтенія по этой методѣ, т. е. заставлять нѣсколько учениковъ читать громко, въ слѣдъ за старшимъ ученикомъ или мониторомъ, стоя вокругъ таблицы и слѣдя глазами за указкой старшаго.

На первыхъ порахъ при чтеніи въ классѣ отъ солдатъ трудно добиться того, чтобы они вникали въ читаемое: для нихъ слишкомъ много умственной работы при постиженіи одного механизма чтенія; умъ ихъ занятъ прежде всего тѣмъ, какъ бы прочесть правильно напечатанное въ книгѣ. Забота понять то, что прочитано, предполагаетъ раздвоеніе умственной дѣятельности, двойную работу, какая не по силамъ начинающему учиться (см. стр. 54). Тѣмъ не менѣе рядомъ съ обученіемъ правильно и плавно читать должно идти и достиженіе умѣнья понимать смыслъ читаемаго. Это неиначе достигается, какъ объясненіями и руководствомъ учителя; но это также много зависитъ и отъ разумнаго, постепеннаго выбора статей для первоначальнаго чтенія, вполнѣ доступныхъ понятіямъ учащихся.

Объяснительное чтеніе должно быть первымъ средствомъ къ умственному развитію солдата. Мы довольно (стр. 86—88)

ознакомили нашихъ читателей съ *общей методикой* объяснительнаго способа преподаванія; теперь скажемъ нѣсколько словъ о его *практическомъ примѣненіи*. Объяснительное чтеніе есть толкованіе мыслей, по порядку ихъ изложенія въ книгѣ для чтенія. Объясненіе это, если статья слишкомъ серьёзнаго содержанія, должно касаться каждаго отдѣльнаго выраженія печатной книги.

Какъ ни кажутся часто намъ понятными выраженія, встрѣчающіяся въ книгахъ для чтенія, но простолюдинъ или солдатъ, не привыкшій къ книжному языку, по большей части ихъ не понимаетъ. Большею частію въ понятіяхъ, встрѣчающихся въ книгѣ, онъ не всегда можетъ отдать отчетъ, если вы его потребуете, не смотря на то, что сначала вамъ кажется, какъ будто эти понятія для него доступны. Я помню, что одинъ учитель солдатской школы пробился цѣлый часовой урокъ, объясняя солдатамъ выраженіе Солдатской Книжки: «артиллерія должна въ своихъ дѣйствіяхъ примѣняться къ мѣстности», и въ результатѣ все-таки оказалось — ничего. Камнемъ притыканія здѣсь были два слова, непонятныя для солдатъ: «мѣстность и примѣниться». Когда ихъ спрашивали повторить объясненное, то они заносили такую чушь, что офицеръ приходилъ въ полное отчаяніе. Замѣчательно то, что нашъ солдатъ, какъ и всякій простолюдинъ, сначала самъ не очень много заботится о пониманіи читаемаго; вообще среди нашего простонародья, которое воспитывается на чтеніи по старой методѣ, не рѣдкость встрѣтить грамотныхъ людей, которые пристращаются къ чтенію только ради его механизма, а прочитанное понимаютъ весьма тупо и даже вовсе не стараются добиться пониманія того, что читаютъ. Типъ этихъ людей въ Петрушкѣ—Гоголя Нашъ простолюдинъ думаетъ, что только тамъ книжная мудрость, гдѣ непонятно написано; пытаться же постигнуть всякую книжную мудрость—дѣло безполезное. Я не могу не припомнить одного случая изъ походной жизни. Стоя на квартирѣ въ крестьянской семьѣ, намъ вздумалось однажды вечеромъ прочитать нашимъ хозяевамъ одну изъ такъ называемыхъ,—народныхъ повѣстей. Повѣсть

была кончена, мы молчали и ждали самыхъ эффектныхъ результатовъ; но наша хозяйка-старуха поразила насъ замѣчаніемъ, на первый разъ страннымъ, но мѣткимъ. «Хорошо!» сказала она, «хорошо написано такъ же, какъ проповѣдь. Ничего не поймешь; а хорошо!» Слѣдовательно старухѣ повѣсть показалась хорошей потому, что мудрена, хотя она изъ нея равно непоняла ничего: тайна книжнаго чтенья для нея была непостижима и достоинство книги измѣрялось ея непонятностью. На подобную же мысль наводитъ разсказъ учителя народной школы, крестьянина Лунькова, помѣщенный въ Ясной Полянѣ [214]). Крестьянинъ этотъ выучился грамотѣ лѣтъ 25 ти, почти что самоучкой. «Читалъ я, разсказываетъ онъ объ себѣ, книгу Варвары Святой мученицы, Димитрія Ростовскаго, акаѳисты, Московскія святцы, все я понялъ въ годъ. Читалъ я два года, но разсужденія, что къ чему клонитъ, не имѣлъ: въ десять лѣтъ я потомъ разсужденіе узналъ». Разумѣніе это началось съ того времени, когда Луньковъ прочиталъ книжку Сіонскаго Вѣстника, которая ему почему-то была доступна: ее понялъ, а потомъ сталъ всѣ книги понимать. Удивительная энерія и терпѣніе не отстать отъ чтенія въ теченіи 10 лѣтъ, и читать во все это время, ничего не понимая! Ну, какъ не постараться объ томъ, чтобы такіе люди понимали, что читаютъ; какъ не постараться развить этихъ достойныхъ людей? Дорисуемъ эту картину, укажемъ на одинъ обычай темнаго простолюдья, который доказываетъ его странное пониманіе всего писаннаго, вообще всякой книги. Замѣчательно характеризуетъ наше простонародье его гаданье по псалтири и по другимъ священнымъ книгамъ. Гдѣ лежитъ причина этого? Опять въ непониманіи прочитаннаго. Когда среди длиннаго ряда непонятныхъ словъ священной книги, попадается простолюдину знакомое, понятное слово; то оно, по началу контраста, проливаетъ въ душѣ его такой внезапный и яркій свѣтъ, что простодушный читатель думаетъ видѣть въ этомъ случаѣ не дѣйствіе слова и его

---

[214]) Ясн. Пол. 1862 г. Май стр. 53—56.

обыкновеннаго значенія, но какъ-бы высшее озареніе, таинственное указаніе его будущей судьбы. Это повѣрье показываетъ желаніе простолюдина уяснить себѣ смыслъ книги. Потому при чтеніи, съ нашимъ солдатомъ, нужно считать дѣло объясненіе поконченнымъ только тогда, когда вашъ ученикъ съумѣетъ высказать все, что прочиталъ въ книгѣ, собственными словами; въ противномъ случаѣ—дѣло ясное, что онъ заучилъ только книжныя выраженія во время чтенія механически. Если ученикъ удержалъ въ памяти самое прочитанное понятіе, а не слово; то при передачѣ мыслей книги онъ можетъ легко разстаться съ заученнымъ уже выраженіемъ; но онъ не разстанется съ мыслью, которая имъ надлежащимъ образомъ понята. Отъ усвоенія однихъ словъ, безъ яснаго усвоенія самого понятія, являются въ головѣ ученика одни начатки и отрывки понятій. Ученикъ съ такимъ устройствомъ головы обманываетъ васъ словами, и вы легко вѣрите ему, потому что въ нашемъ умѣ слово есть непремѣнно представитель понятія, на дѣлѣ же онъ не понимаетъ того, что говоритъ вамъ—по заученному; едва вы измѣните порядокъ мыслей въ книгѣ, или захотите измѣнить нѣкоторыя выраженія, не измѣняя самого объема понятій, тотчасъ же ученикъ вашъ выкажетъ свою несостоятельность. У солдатъ, которые заучиваютъ слова, не понимая тѣхъ выраженій, которыя соединяются съ извѣстнымъ понятіемъ, вы часто встрѣтите подобныя выраженія при разсказѣ: «онъ опустошилъ свой умъ» (т. е. разстроилъ); «онъ произошелъ (т. е. превзошелъ) всѣхъ людей по уму»; «древніе люди покланялись идолопоклонству», что ясно показываетъ усвоеніе словъ, но не понятій. Этимъ-то недостаткомъ, происходящимъ отъ желанія употребить книжное выраженіе, не понимая его, болѣе всего страдаютъ наши солдатскіе школы[215]). Потому

[215]) Вотъ нѣсколько выраженій изъ письма на родину начетчика-солдата или писаря; «Деньги, присланныя ко мнѣ, я употребилъ на необходимыя мои размышленія... я теперь во фронтѣ и дотого игралъ на турецкомъ барабанѣ безпрекословно». «Слава Богу, я тѣлеснаго наказанія не осязаю и уязвленія предпочтенъ, всякихъ выговоровъ колкихъ лишаюсь и впредь положительности не имѣю, да и въ деньгахъ препятствія не ощущаю». «Стоимъ теперь въ Кіевѣ, гдѣ квартированіе имѣемъ разительное насчетъ дешевизны, народъ поступ-

самыя первыя объясненія, послѣ правильнаго прочтенія статьи, должны относиться къ пониманію ея языка, внѣшней формы книжныхъ выраженій; потомъ уже слѣдуетъ объясненіе главной мысли статьи и толкованіе понятій, входящихъ въ нее. Въ этомъ случаѣ всегда удобно приложить къ чтенію любой статьи методу наглядnаго преподаванія, о которой мы говорили во второй нашей лекціи (стр. 97). Чтобы показать примѣръ объясненія непонятныхъ выраженій, возьмемъ какой-либо отрывокъ изъ книги для чтенія Золотова, назначенный служить продолженіемъ занятій чтеніемъ послѣ изданныхъ имъ таблицъ. Книжка эта имѣетъ заглавіе *«Упражненіе въ чтеніи и умственномъ развитіи»* (Спб. 1863 г. цѣна 20 коп). Положимъ, ученики читаютъ на 8-й стр. статью: *О пользѣ грамоты.*

Великое дѣло грамота. Грамотный человѣкъ можетъ пользоваться совѣтами и такихъ людей, которые отъ него живутъ за тысячу верстъ и далѣе, даже въ другихъ государствахъ; онъ можетъ знать, что было до него за нѣсколько тысячъ лѣтъ,—потому что обо всемъ, какъ созданъ Божій міръ, какія когда были народы и какъ они жили напечатано въ книгахъ.

Грамотою сохранено для насъ Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа и писанія святыхъ отецъ. Неграмотный слышитъ въ церкви Слово Божіе, да многаго не понимаетъ, потому что не успѣетъ размыслить обо всемъ, что читаютъ; грамотный же самъ возьметъ книгу, прочитаетъ одно и то же мѣсто разъ, другой, добьется до смысла и сладко душѣ его. Неграмотный услышитъ что-нибудь полезное, замѣтитъ, да потомъ и забудетъ; а грамотный, узнавши что-нибудь доброе, которое можетъ ему при случаѣ пригодиться, тотчасъ запишетъ и это уже у него навсегда останется; онъ это можетъ передать и дѣтямъ своимъ.

По прочтеніи этой статьи самимъ ученикомъ, объясненіе ея, по мысли Золотова, учитель можетъ вести въ слѣдующемъ порядкѣ: **Воп.** Какая главная мысль этой статьи? что въ ней говорится? **Отв.** О пользѣ грамоты. **Воп.** Въ чѣмъ состоитъ преимущество грамотнаго предъ неграмотнымъ? **Отв.** 1) грамотный можетъ пользоваться совѣтами и умомъ всѣхъ умныхъ людей, какъ бы далеко они ни жили; 2) грамотный можетъ знать все, что было до него; 3) грамотный можетъ читать и понимать Слово Божіе; 4) грамотный все, что узнаетъ полезнаго, можетъ записать и сохранить для себя на будущее время. **Воп.** Что значитъ пользоваться совѣтами? **Отв.** Пользоваться совѣтами значитъ не пропускать мимо ушей того, чему насъ научаютъ другіе на нашу пользу. **Воп.** Какъ мы можемъ пользоваться со-

---

ковъ похвальныхъ и хорошо сформированъ». Такое писанье не можетъ не возбуждать грустной мысли объ уродливомъ пониманіи образованія и письменнаго языка нашими солдатами.

вѣтами другихъ, которые живутъ далеко отъ насъ? **Отв.** Чрезъ книги. Люди другихъ земель замѣтятъ или выдумаютъ что-либо хорошее и опишутъ въ книгахъ, эти книги грамотный можетъ прочесть и примѣнить къ своему ремеслу то, что въ книгѣ написано. Чрезъ книги русскіе узнали и научились употреблять всякіе машины, которыя облегчаютъ трудъ человѣка. **Воп.** Что такое **государство**? **Отв.** Государство есть такое общество людей, гдѣ всѣ подчинены и управляются одной высшей властью. Эта власть находится въ рукахъ одного лица Государя. **Воп.** Что называется **міромъ Божіимъ**? **Отв.** Міромъ называется все, что создалъ Господь, а именно: земля, на которой мы живемъ, солнце, звѣзды небесныя и ангели Божіи, духи невидимые. **Воп.** Какъ мы можемъ узнать, что дѣлалось до насъ? **Отв.** По книгамъ: люди, которые жили до насъ, записывали въ книги, что дѣлалось при нихъ на Божьемъ свѣтѣ; книги эти называются лѣтописями. Изъ лѣтописей мы узнали, какъ русское царство начиналось, какъ на него нападали всякіе непріятели: то половцы, то татары, то поляки и какъ наши отцы съ ними сражались и какъ они Русское государство отстояли. **Воп.** Какъ намъ **узнать, когда и какъ созданъ Божій міръ**? **Отв.** Какъ созданъ Божій Міръ, это написано въ священныхъ книгахъ, которыя называются **Библіею, иначе Священнымъ Писаніемъ и Откровеніемъ Божіимъ Воп.** Что такое **Откровеніе Божіе** и почему такъ оно называется? **Отв.** Человѣкъ своимъ умомъ не можетъ постигнуть таинъ Божіихъ, напр. какъ бы человѣкъ могъ узнать, какъ и кто создалъ міръ, если бы самъ Богъ не открылъ человѣку. Потому Священныя книги у насъ и зовутся **Откровеніемъ**, ихъ писали святые люди по внушенію Божію. Значитъ священное писаніе есть не человѣческое слово, а Слово Божіе. **Воп.** Что называется **Евангеліемъ** Господа Іисуса Христа? **Отв.** Священныя книги, которыя содержатъ жизнь, дѣла и ученіе Господа Іисуса Христа. **Воп.** Кто эти **Святые отцы**? **Отв.** Мудрые пастыри церкви, которые прославились святою христіанскою жизнію. Многіе изъ нихъ оставили свои писанія: въ нихъ содержатся поученія, какъ намъ жить, какъ вѣровать въ Бога. **Воп.** Отчего бываетъ **сладко** на душѣ, когда добьешся смысла прочитаннаго? **Отв.** Человѣкъ, кончившій всякую работу, чувствуетъ удовольствіе. Понять что-нибудь, трудиться надъ разумѣніемъ книги, и особенно книги полезной и святой, есть работа умственная; окончаніе ея непремѣнно сопровождается успокоеніемъ души.

Для образца какъ вести объясненіе статей, имѣющихъ высокую священную важность, сдѣлаемъ разборъ ежедневной молитвы предъ обѣдомъ.

Очи всѣхъ на тя, Господи, уповаютъ и Ты даеши имъ пищу во благовременіи. Отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всяко животно благоволенія Воп. Какой смыслъ всей молитвы? **Отв.** Въ молитвѣ говорится, что «отъ Господа мы получаемъ все, что нужно намъ для жизни, потому что Творецъ питаетъ всякое твореніе отъ человѣка до скота». Эта молитва учитъ насъ помнить Бога и благодарить Его за всѣ

благодѣянія и за пищу, которую Онъ намъ посылаетъ. Вотъ русскій переводъ молитвы: «Глаза всѣхъ къ Тебѣ обращены, Господи, Ты даешь всѣмъ пищу въ свое время. Вотъ ты открываешь Твою щедрую руку и всякое твореніе получаетъ пищу». **Воп.** Что значитъ слово **Очи? Отв.** По-славянски значитъ: «глаза». Славянскимъ называется тотъ языкъ, на которомъ говорили наши отцы за 1000 лѣтъ; онъ остался у насъ и до сихъ поръ въ нашихъ церковныхъ книгахъ. **Воп.** Что значитъ **очи всѣхъ уповаютъ? Отв.** Всякое твореніе обращается къ Творцу и отъ Него ожидаетъ себѣ пищи. **Воп.** Что значитъ слово: **во благовременіи? Отв.** Благовременіе состоитъ изъ двухъ словъ «благой» и «время», благовременіе можно перевести «въ надлежащее время, въ свое время». Это слово сложное, какъ и другія слова, напр. «благодѣтель» «благоволитъ» «благословеніе» и т. п. **Даеши пищу во благовременіи** значитъ, что Господь Богъ всякому изъ насъ въ свое время даетъ пищу, никого не лишаетъ средствъ поддерживать жизнь. **Воп.** Что значитъ **отверзаеши щедрую руку Свою? Отв.** Господь представляется въ человѣческомъ видѣ. Какъ человѣкъ, Онъ даетъ свои дары щедрою рукою, Онъ щедро подаетъ свои дары, рука Его отверста и всякое твореніе Божіе получаетъ отъ Своего Творца пищу въ изобиліи.

Вотъ примѣры объяснительнаго чтенія: по этимъ образцамъ учитель можетъ вести объясненіе прочитаннаго въ солдатской школѣ. Опять повторимъ, что здѣсь не должно имѣть мѣсто близорукое подражаніе образцамъ; наши примѣры могутъ служить только образцомъ, въ какомъ видѣ учитель долженъ формулировать вопросы и какихъ отвѣтовъ долженъ добиваться отъ своихъ учениковъ. Разумѣется, отвѣты эти не могутъ быть такъ стереотипны, какъ онѣ указаны въ руководствѣ Золотова. Мы съ намѣреніемъ избрали для примѣра статьи серьёзнаго содержанія; потому что замѣчали не разъ (стр. 24 и 165), что нашъ простолюдинъ любитъ статьи подобнаго рода. Во вторыхъ, только разборомъ или объяснительнымъ чтеніемъ статей серьёзнаго содержанія можно достигнуть какихъ-либо результатовъ въ отношеніи умственнаго развитія солдатъ. Всѣ анекдоты, всѣ разсказы юмористическаго содержанія должны быть читаемы въ классѣ для отдохновенія учениковъ, для освѣженія ума, напряженнаго объясненіемъ статей серьёзныхъ, даже большую часть разсказовъ учитель долженъ представлять; досугу самихъ учениковъ; въ солдатской школѣ такъ мало времени, что это время терять не слѣдуетъ, а нужно употреблять на сообщеніе однихъ полезныхъ свѣдѣній. При объя-

сненіи не нужно пускаться въ слишкомъ мелкія подробности; не нужно толковать въ статьѣ все, что только подлежитъ толкованію; а нужно болѣе обращать вниманіе на главныя мысли, показывать выводъ главной мысли и логическую связь главныхъ понятій въ статьѣ. Послѣ этого и самыя частныя понятія на половину уяснятся, такъ что послѣ такого объясненія довольно указать на смыслъ немногихъ частныхъ понятій, входящихъ въ статьи, и дѣло объясненія достигнетъ своей цѣли. Нужно вести свои объясненія такъ, чтобы ихъ не слишкомъ много группировалось на одномъ мѣстѣ: многое нужно приберегать на другой случай, на другую статью, иначе вы обремените память и умъ ученика и объясненіе будетъ не удачно [216]). Понятно само собою, что въ выписанной нами статьѣ Зслотова «О пользѣ грамотности» ученику дается о понятіяхъ, заключающихся въ текстѣ, слишкомъ небольшое объясненіе; но объясненіе это достаточно на первый разъ и имъ нужно удовольствоваться, предоставивъ дальнѣйшій анализъ тѣхъ же понятій послѣдующему объяснительному чтенію. Крайности, въ которыя можетъ при этомъ впасть учитель, указаны были нами во 2 лекціи (стр. 95), гдѣ говорится о наглядномъ преподаваніи. Отсюда слѣдуетъ, что выборъ статей для объяснительнаго чтенія долженъ быть непремѣнно постепенный. Книги для чтенія должны быть выбираемы такимъ образомъ, чтобы онѣ съ постепенностью раскрывали часто одну и ту же область познаній; статьи эти представляютъ, какъ-бы, концентрическіе круги: окружность этихъ круговъ увеличивается, точно также увеличивается и умственный кругозоръ ученика, котораго стараются чрезъ постепенный выборъ статей мало по малу ознакомить съ предметомъ.

Въ этомъ случаѣ важное мѣсто въ преподаваніи занимаетъ *первоначальная книга для чтенія*. Такой книги съ постепеннымъ чтеніемъ для солдатскихъ школъ еще нѣтъ; но что она составляетъ потребность, самую насущную, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Подъ книгой для чтенія въ солдатскихъ шко-

---

[216]) Положенія заимствованы изъ Чтен. о восп. Юркевича.

лахъ мы разумѣемъ не тѣ спеціальныя книги для солдатъ, которыя издаются съ цѣлію сообщить солдату понятіе о его обязанностяхъ и правахъ или о его ремеслѣ; таковы: — «*Солдатская книжка*» и въ послѣднее время явившаяся книжка—*Краткое наставленіе объ обязанностяхъ и правахъ нижнихъ чиновъ, для руководства при обученіи молодыхъ солдатъ въ пѣхотѣ*». (Казань 1868 г.) Назначеніе и польза подобныхъ книгъ ясна сама собою. Мы разумѣемъ подъ книгой, для первоначальнаго чтенія въ солдатской школѣ, книгу, которая бы преслѣдовала общеобразовательныя цѣли, имѣла бы въ виду умственное развитіе, безъ котораго не прочна, даже не мыслима, никакая спеціальная выучка; ближайшая ея цѣль—облегчить для ученика усвоеніе механизма чтенія и пониманіе литературнаго языка. На основаніи взгляда современныхъ педагоговъ на этомъ предметѣ, попытаемся опредѣлить составъ подобной книги, для образованія взрослаго простолюдина, каковъ нашъ солдатъ. Трудъ составить такую книгу — трудъ громадный. Пока эта книга не явилась, наши указанія могутъ служить руководствомъ по которому учитель солдатской школы можетъ дѣлать постепенный выборъ статей для чтенія. Впрочемъ попытки составить подобную книгу дѣлаются отчасти издателемъ журнала «Досугъ и Дѣло». По всей вѣроятности, изъ книжекъ этого журнала въ послѣдствіи времени можно будетъ составить сборникъ для прогрессивнаго чтенія въ солдатской школѣ. «Пересмотрѣвши много, что писано для народа», замѣчаетъ авторъ статьи, помѣщенной въ Военномъ Сборникѣ 1863 г., подъ заглавіемъ: «*Грамотность и ея развитіе между нижними чинами*, «прочитавши то, что издавалось и «издается собственно для нижнихъ чиновъ, трудно привести «даже нѣсколько названій такихъ сочиненій, которыя бы удо- «влетворяли этой цѣли (т. е. способствовали бы къ умствен- «ному развитію солдатъ) и могли быть съ полнымъ руча- «тельствомъ за ихъ полезность и занимательность употребле- «ны по назначенію. Недостатокъ хорошихъ книгъ для солдат- «скаго чтенія много затрудняетъ успѣшность умственнаго раз-

витія солдата» [217]). «На недостатокъ книгъ для первоначальнаго чтенія въ народныхъ училищахъ также нельзя не пожаловаться. Это доказываетъ, что написать подобную книгу, для первоначальнаго чтенія простолюдиновъ, дѣло вовсе не легкое: многіе наши замѣчательные писатели брались за трудъ подобнаго рода безъ успѣха. Такъ извѣстная наша учебная книга «Дѣтскій міръ», по справедливому замѣчанію проф. Юркевича [218]), не смотря на мастерской выборъ статей для первоначальнаго чтенія, имѣетъ крупный недостатокъ, именно непрактичность; она составлена по идеалу педагогики и предполагаетъ ученика, который имѣетъ въ виду не матеріальный трудъ, а только одно развитіе мыслей и познаній. Тотъ фактъ, что гдѣ-то на Дону родители взяли дѣтей изъ училища, какъ скоро учитель ввелъ въ него «Дѣтскій міръ», отчасти указываетъ на существованіе факта.

1) Книга для чтенія въ солдатской школѣ должно служить первымъ матеріаломъ для чтенія послѣ азбуки. Она должна имѣть много сходства съ тѣми букварями, на которые мы указали въ предшествующихъ лекціяхъ: въ нѣкоторыхъ букваряхъ, назначенныхъ для солдатскихъ и простонародныхъ школъ приложено въ концѣ много статей, годныхъ, по простотѣ изложенія, для перваго чтенія солдатъ. 2) Цѣль такой книги для чтенія—способствовать къ умственному развитію солдата, при чемъ на первомъ планѣ должно стоять пріученіе его понимать печатное. Мало по малу страницы ея наполняются такими статьями, которыя сообщаютъ полезныя простолюдину практическія свѣдѣнія. Въ виду того, что солдатъ настоящаго времени служитъ въ войскахъ только нѣсколько лѣтъ, весьма желательно, чтобы эта книга была для солдата справочной книгой въ его послѣдующемъ быту. 3) Изъ этого слѣдуетъ, что по содержанію своему эта книга должна быть серьёзна, даже на первый разъ нѣсколько трудна, чтобы, давая мѣсто объясненіямъ учителя, предполагала извѣстный умственный трудъ со стороны ученика. Вмѣстѣ съ статьями серьёзнаго со-

---

[217]) См. Росп. Сборн. 1863 г. кн. 2 стр. 442.

[218]) См. Чтеніе о воспит. Мс. 1865 г. стр. 186 и 187.

держанія, должны быть здѣсь статьи, для легкаго чтенія, на которыхъ могъ бы отдохнуть занятый размышленіями умъ ученика. 4) Въ книгѣ должны имѣть мѣсто и статьи религіознаго содержанія; выборъ ихъ, по изобилію матеріала, не можетъ затруднить составителя. 5) Книга должна быть написана непремѣнно языкомъ чистымъ, простымъ, слогомъ понятнымъ для простолюдина; фразы ея должны быть коротки и стереотипно вѣрны, такъ чтобы не затрудняли ни ученика, ни учителя, т. е. перваго не заставляли бы напрасно ломать голову, а втораго не затрудняли бы излишнимъ объясненіемъ. 6) Хорошо было бы, еслибы при книгѣ находился сборникъ статей для диктовки, съ цѣлью усвоенія учениками практикою грамматическихъ правилъ, касающихся правописанія. Статьи эти должны быть составлены такъ, чтобы одно и то же правило правописанія повторялось въ одной и той же статьѣ нѣсколько разъ, такъ чтобы ученикъ, записывая диктовку могъ пріобрѣсти механическій навыкъ вѣрно писать въ рѣчи извѣстныя слова, или обороты, о правильномъ изображеніи которыхъ ему только-что говорилъ учитель; при этомъ необходимо, чтобы статья содержала бо́льшее по возможности повтореніе примѣровъ на одно и тоже правило. 7) Что касается до внѣшности, то эта книга должна быть напечатана крупнымъ шрифтомъ на твердой бумагѣ и должна стоить очень недорого. Невысокая цѣна книги дастъ возможность имѣть ее въ большемъ количествѣ экземпляровъ въ солдатскихъ школахъ, что для общаго солдатскаго чтенія съ объясненіемъ весьма важно; съ другой стороны это сдѣлаетъ ее доступной солдатамъ.

Нельзя впрочемъ безъусловно сказать, чтобы не было во все попытокъ, болѣе или менѣе удачныхъ—составить книгу для первоначальнаго чтенія грамотнаго простонародья. Укажемъ на нѣкоторыя книги этого разряда.

Спѣшимъ оговориться, что въ этотъ разрядъ книгъ, доступныхъ для ученика солдатской школы, конечно, не могутъ входить книги, какъ напримѣръ «*Практическая русская грамматика, со сборникомъ статей въ прозѣ и стихахъ*» П.

Перевлесскаго (Спб. 1864 г. изд 5-е въ трехъ книгахъ), во первыхъ, потому что книга эта не доступна, по своей полнотѣ и по цѣнѣ, солдатской школѣ; во вторыхъ, сборникъ этотъ составленъ съ особою цѣлью, именно—въ теченіи трех-лѣтняго курса выучить практическимъ способомъ грамматикѣ. При выборѣ статей для чтенія здѣсь преимущественно преслѣдуется эта цѣль, потому между статьями, доступными пониманію простолюдина, попадаются статьи строго научнаго содержанія, стихотворенія, которыя имѣютъ только значеніе при изученіи литературы. Мы знаемъ два примѣра введенія въ употребленіе этой книги въ окружныя артиллерійскія школы, но результаты этой попытки не удовлетворили ожиданіямъ. Точно тѣ же спеціальныя цѣли изученія формальной стороны языка имѣетъ въ виду книжка Михайлова «*Чтенія для приготовительныхъ курсовъ*» (Спб. изд. 2-е 1860 г.), хотя она и составлена съ большимъ умѣньемъ и отчасти представляетъ рядъ статей для прогрессивной диктовки, о которой мы говорили выше; лучшую ея часть составляетъ словарь, съ точнымъ объясненіемъ непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ книгѣ (напр. горизонтъ, горная смола, индиго, моекитъ, непръ, шквалъ и т. п.). Самый словарь показываетъ, что выборъ статей не подходитъ къ умственному уровню солдатской школы; но словарь можетъ быть образцомъ объясненій для учителя солдатъ. Что касается до «*Книги для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ*» Г. Паульсона (Мс. 1868 г.), то хотя эта книжка и вполнѣ доступна для простолюдина и хотя введена въ нѣкоторыя низшія войсковыя школы, но какъ она назначена преимущественно для чтенія малолѣтнихъ, то ея польза очень сомнительна, по крайней мѣрѣ весьма ограниченна: нельзя безъ улыбки слушать, какъ усатый ученикъ вычитываетъ изъ нее такого рода сантиментальныя статейки: «Былъ одинъ маленькій мальчикъ; папенька и маменька послали его въ училище» или «Встань по утру, не лѣпись! мыломъ вымойся, утрись; зубы, десны крѣпче три и снаружи и снутри!» и т. п.

Можно указать на нѣсколько книгъ для солдатскихъ школъ, которыя могли бы служить руководствомъ къ первоначальному

чтенію, за неимѣніемъ книгъ, спеціально изданныхъ для войсковыхъ школъ. Эти книги слѣдующія:

1) *Книга для чтенія слѣпо азбуки.* (Спб. 1851 г.). Книга составлена однимъ изъ нашихъ даровитыхъ литераторовъ сороковыхъ годовъ, Ксенофонтомъ Полевымъ, съ цѣлью доставить матеріалъ для серьёзнаго и удобопонятнаго чтенія народнымъ школамъ, и взрослымъ простолюдинамъ. Составитель, самъ вышедши изъ народа, особенно живо чувствовалъ потребность подобныхъ книгъ для темнаго простолюдья: въ предисловіи онъ ярко рисуетъ картину умственнаго коснѣнія нашего низшаго класса (стр. 2 и 3). Въ самой книгѣ простымъ понятнымъ языкомъ авторъ бесѣдуетъ съ простолюдиномъ о Божьемъ мірѣ, объ устройствѣ земли или земнаго шара, о твореніяхъ, населяющихъ землю, о растеніяхъ и произведеніяхъ ископаемаго царства, о воздухѣ, и о пищѣ и питьѣ (при чемъ высказываются даже нѣкоторыя гигіеническія правила) затѣмъ дается краткое понятіе объ исторіи: этотъ отдѣлъ въ особенности замѣчателенъ многими удачно написанными страницами. Вторая часть книги составлена изъ басенъ Крылова и занимательной сказки Эджеворта «Мурадъ несчастный», переведенной съ англійскаго поэтомъ Жуковскимъ, эта сказка изъ восточнаго быта напоминаетъ остроумнымъ содержаніемъ новѣйшія сказки Лабулэ. Какъ видите, книга составлена съ большимъ тактомъ, хотя и нельзя не замѣтить, что она немного отстаетъ отъ современнаго взгляда на воспитаніе народа своими отчасти устарѣлыми пріемами объясненій (см. стр. 40, 41, 76 и др.), при которыхъ, изъ желанія сообщить человѣку непросвѣщенному большой запасъ полезныхъ свѣдѣній въ самыхъ тѣсныхъ рамкахъ, авторъ не могъ избѣжать темноты въ изложеніи и группировки фактовъ безъ послѣдовательности и безъ надлежащаго освѣщенія. Эта книжка была первымъ опытомъ простонароднаго изложенія науки; авторъ обѣщалъ въ слѣдъ за ней послѣдовательный рядъ такихъ же книжекъ, которыя могли бы служить матеріаломъ для постепеннаго развитія читателей-простолюдиновъ; смерть автора, прекративъ его труженическую жизнь, положила конецъ и этому предпріятію.

Книжка представляетъ замѣчательный образецъ попытокъ создать книгу для народа и если не можетъ быть книгою чтенія для солдата, то всегда можетъ служить образцомъ для его учителя, какъ объяснять солдатамъ вещи далеко, нелишнія, а также образцамъ выбора статей книги для чтенія.

2) «*Книга для первоначальнаго чтенія, умственнаго и нравственнаго развитія*» (Спб. 1866 г. съ 11-ю рисунками), изданіе Редакціи «Мірскаго Вѣстника». Книжка назначена для чтенія взрослыхъ простолюдиновъ и имѣетъ нѣсколько статей, примѣненныхъ къ солдатскому быту, напр. «обязанности солдата; что такое знамя; что такое присяга;—клятвенное обѣщаніе». Первую часть книжки составляютъ молитвы и разсказы изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта; между послѣдними обращаютъ на себя вниманіе главы, излагающія нагорную проповѣдь Іисуса Христа, тайную вечерю и страданія Господа; за Священной Исторіею слѣдуютъ отрывки изъ Исторіи Россіи, излагающія крупныя эпохи нашей исторической жизни, книжка оканчивается стихами народныхъ поэтовъ и разсказами Даля. Книга составлена съ большимъ умѣньемъ, какъ и большая часть изданій «Мірскаго Вѣстника»; но цѣна книги въ 80 страницъ, 25 копѣекъ, не доступна средствамъ солдатской школы, которая должна имѣть ее для первоначальнаго чтенія въ значительномъ числѣ экземпляровъ. Кажется, цѣну книги возвысили рисунки, но спрашивается: нужны ли были къ тексту рисунки, которые надерганы въ книгу на удачу изъ Священной Исторіи Свящ. Соколова и изданной Редакціею «Чтенія для солдатъ»—«Краткой русской исторіи»; рисунковъ, которые часто даютъ превратное понятіе объ исторической обстановкѣ разсказываемыхъ событій; напримѣръ, на картинѣ, представляющей крещеніе св. Владиміра, какъ самъ князь, такъ и греческое духовенство представлены въ странныхъ костюмахъ, похожихъ на тѣ облаченія, какія носятъ псевдогреческіе іерархи въ Ватиканѣ; вмѣсто купели стоитъ посреди церкви какой то плоскій сосудъ, предполагающій крещеніе обливательное, которое никогда въ греко-россійской церкви не употреблялось.

3) *Досужное чтеніе, пригодное для каждаго*, Золотова (Спб. 1866 г. цѣна 20 коп.). Это—сборникъ статей, понятныхъ простому человѣку; всѣхъ статей 17-ть, изъ нихъ лучшимъ можно считать разсказъ изъ путешествія Императрицы Екатерины II— о томъ, какъ Великая Монархиня, проѣзжая по Днѣпру и посѣтивъ случайно хату стараго малороссіянина Галайды, облагодѣтельствовала все семейство стараго казака. Здѣсь также занимательны: разсказы отставнаго солдата, имѣющіе предметомъ военный бытъ; двѣ повѣсти изъ народнаго быта «Наемщикъ» и Горбунъ; въ одной рисуются картины безобразничанья наемщика, этой недавней язвы нашего крестьянства, въ другой описываются продѣлки сельскаго колдуна, взявшаго въ руки всю деревню, благодаря суевѣрію жителей, наконецъ правоучительный разсказъ безсрочнаго о томъ, дочего доводитъ солдата лѣнь и охота жить на чужой счетъ. Въ книгѣ есть нѣсколько стихотворныхъ разсказовъ Крестовскаго, Розенгейнма и другихъ, писанныхъ тѣмъ страннымъ слогомъ, который подражаетъ складу нашихъ старинныхъ народныхъ былинъ, но на самомъ дѣлѣ уродуетъ этотъ живописный языкъ, дѣлая его страннымъ и для образованнаго слуха, да и простолюдину вовсе непонятнымъ. Къ такому роду разсказовъ принадлежатъ повѣсти: «о старцѣ Варсонофіи» и «Не любо-не слушай!» Нельзя не замѣтить, что какъ эта, такъ и предшествующая книжка приспособлены выборомъ статей для чтенія отчасти и къ солдатской школѣ. Послѣдняя книжка вовсе не имѣетъ статей религіозно-нравственнаго содержанія, но такъ какъ она служитъ дополненіемъ къ таблицамъ Золотова и книжки «Упражненіе въ чтеніи и умственномъ развитіи», то этотъ пробѣлъ дѣлается понятенъ самъ собою.

4) *Сельское чтеніе* (Спб. 1864 г. изд. XI). Это—сборникъ изъ статей журнала, издававшагося княземъ Одоевскимъ, состоитъ изъ 4-хъ, довольно объемистыхъ книжекъ, съ весьма разнообразнымъ содержаніемъ, приспособленнымъ преимущественно къ быту поселянъ. Въ составленіи книжекъ участвовали наши писатели: князь Одоевскій, Даль, Крыловъ, Вельтманъ, Соллогубъ и другіе. Не смотря на свое спеціальное на-

значеніе, книжки Сельскаго Чтенія заключаютъ въ себѣ очень много занимательныхъ разсказовъ и статей общеобразовательнаго содержанія, пригодныхъ для чтенія въ солдатской школѣ. Подборъ статей, дѣйствительно, весьма обширенъ: здѣсь есть статьи *географическія* (напр. «Что такое чертежъ земли, иначе планъ, карта, и на что все это пригодно»; «О томъ, что называется міромъ и что такое земля»; «О томъ что такое годъ и что такое мѣсяцъ, день» и т. п.), статьи изъ *естественной исторіи* (напр. «Разсказъ Дяди Иринея о томъ, что вокругъ человѣка и о человѣкѣ»; «О томъ, что такое растеніе, какъ оно живетъ и чѣмъ питается»; «О томъ, что такое животное, какъ оно живетъ, что ему здорово и что нездорово»), статьи *историческаго* содержанія (напр. «Разсказъ откуда пошло Русское Государство, какъ оно было и какія великія дѣла въ немъ сдѣлали православные государи»; продолженіе его: «Разсказъ о томъ, какіе Православные Государи царствовали въ Россіи послѣ Петра Великаго и какія дѣла сдѣлала Императрица Екатерина Великая), статьи содержанія *гигіеническаго* (напр. «Что такое чистота и къ чему она пригодна» и «Совѣты на случай повальныхъ болѣзней») Лучшую часть книжки составляютъ разсказы на пословицы (напр. »Пожалѣешь лычко, отдашь ремешокъ»; «Не положа, не ищи»; «Что у кого болитъ, тотъ о томъ говоритъ») Нельзя не замѣтить, что подобныя повѣсти, хотя и бываютъ лишены отчасти жизни, отсутствіемъ которой страдаютъ разсказы, написанныя на заданную тему, но нельзя и не согласиться съ редакторомъ Ясной-Поляны, что наши пословицы такъ полны опыта жизни [219]), что при чтеніи любой изъ нихъ живо представляются лица изъ народа и ихъ столкновенія въ смыслѣ пословицы и что лучшее поясненіе пословицы есть приложенная къ ней повѣсть. «Въ числѣ моихъ неосуществимыхъ мечтаній, пишетъ гр. Толстой, мнѣ всегда представлялся рядъ не то повѣстей, не то картинъ, написанныхъ на пословицы».

5) Общество распространенія полезныхъ книгъ издало двѣ книжки подъ заглавіемъ: *Хрестоматія, сборникъ для народ-*

[219]) Ясн. Пол 1862 г. Сент. стр. 32.

наго чтенія» (1861 г. Мс. ц. 30 коп.); но статьи, вошедшія въ составъ книги, дотого оказались несоотвѣтственными своей задачѣ, что редакторы, издавая 2-й выпускъ *Христоматіи* (1862 г. Мс.), отреклись отъ своей задачи быть просвѣтителями и учителями народа, ссылаясь на высоту этого призванія, и заявили въ довольно общихъ выраженіяхъ, что они печатаютъ свою книгу для той массы читателей, которая, нуждаясь въ здравомъ и занимательномъ чтеніи, съ трудомъ можетъ пріобрѣсть книги, соотвѣтствующія этой цѣли. Какая это масса и дѣйствительно ли она нуждается въ такихъ сборникахъ изъ книги не видно. Не смотря на это колебаніе редакторовъ, въ книжкахъ очень много хорошаго: во всѣхъ отдѣлахъ есть статьи, которыя отличаются занимательностью содержанія и могутъ быть прочтены съ пользою и интересомъ въ солдатской школѣ; этими статьями особенно изобильны отдѣлы II, III, IV и VI. Нужно указать только на одинъ недостатокъ хрестоматіи, именно на то, что статьи набраны безъ системы, составители въ ихъ выборѣ не руководились никакимъ планомъ, хотя книга и дѣлится на отдѣлы, установленные какъ-будто съ обдуманной цѣлью, напримѣръ: духовно-нравственный, біографическій, путешествій, естественный и т. д. Кромѣ того если книга назначается для самообразованія, то отчего въ ней незамѣтно постепеннаго подбора статей?.

6) До чего доходитъ не знаніе народа у нашихъ писателей для народа можетъ доказать книга, изданная, можетъ быть, и съ доброю цѣлью и по убѣжденію (потому что въ ней даются народу очень хорошія совѣты), но отличающаяся тѣмъ нестерпимымъ краснобайствомъ, тѣмъ безтолковымъ резонёрствомъ, которыя менѣе всего любитъ нашъ простолюдинъ и которыя равно роняютъ и религію и науку,—мы хотимъ указать на *Чтеніе для православнаго русскаго народа*, В. Аскоченскаго (Спб. 1862 г.). Вотъ для примѣра начало статьи подъ рубрикою: *Страхъ Божій*. Авторъ обращается къ простолюдину: «Надѣлилъ Тебя Господь Богъ дѣтками отъ честнаго, благословеннаго супружества, подростаютъ они въ холѣ, и въ волѣ, горя горькаго не знаючи, заботами не кручиня себя и т. д. и т. д. (стр. 27)

Невольно остановливаемся и задаемъ себѣ вопросъ: неужели это писано для народа? Неужели народъ нашъ способенъ этотъ сказочный тонъ употреблять въ поученіяхъ о нравственности, въ разсужденіяхъ о божественномъ? Наши народныя произведенія—былины, легенды, которыхъ красоты неоспоримы, доказываютъ; что нашему народу присуще не только глубокое поэтическое и нравственное чувство, но онъ высказываетъ чувство изящнаго и тамъ, гдѣ касается дѣло внѣшней художественной формы словеснаго произведенія. Потому положительно можно сказать, что нашему простолюдину такая приторно-сладенькая рѣчь никогда не придется по вкусу. Попробуйте заговорить такимъ языкомъ въ солдатской школѣ, и ваши простодушные слушатели долго не будутъ въ состояніи понять: смѣяться имъ или слушать васъ серьезно? Книга Г. Аскочинскаго стоитъ 50 копѣекъ; слѣдовательно простолюдинъ или солдатъ долженъ заплатить свою трудовую деньги за книгу, половина которой наполнена «ласками и хорошимъ обхожденіемъ съ ними автора», слѣдовательно могла быть, безъ особаго ущерба содержанія, вовсе выброшена. Между тѣмъ изъ нѣкоторыхъ разсказовъ, напр. «Георгъ Стефенсонъ» (стр. 47), «Судъ Божій» «Клятва отцовская» (стр. 108), «Обращеніе съ животными» (122) видно, что сочинитель, еслибы не увлекался ложнымъ стараніемъ поддѣлаться подъ народный языкъ, то могъ бы разсказывать живо и остроумно.

Есть еще одно литературное мнѣніе, которое высказывается людьми далеко недюжинными: мнѣніе это гласитъ, что простонародье, въ томъ числѣ и нашего солдата, нужно стараться знакомить съ произеденіями нашихъ отечественныхъ писателей. Попытки подобнаго рода дѣлались, какъ мы это замѣтили во 2-й лекціи (стр. 92), и давали удовлетворительные результаты. Дѣйствительно, нельзя считать невозможнымъ сдѣлать выборъ изъ болѣе доступныхъ произведеній нашей литературы, для постепеннаго чтенія и вмѣстѣ ознакомленія народа съ нашими отечественными писателями, хотя мы и должны признаться, что между народнымъ языкомъ и современнымъ литературнымъ—бездна, которую трудно напомнить: нужна искусная рука, ко-

торая могла бы соединить эта двѣ крайности, перебросить мостъ чрезъ этотъ перерывъ. Предъ нами четыре книжки изданія Г. Ситенскаго-Селявина подъ названіемъ «*Христоматіи*» № 1, 2, 3 и 4-й: изданіе преслѣдуетъ именно ту цѣль, о которой мы сказали, но должно сознаться, довольно неудачно, между тѣмъ изъ замѣтки автора въ концѣ 4-й книжки видно, что составитель этого изданія имѣетъ въ виду народъ, онъ огорчается тѣмъ, что драгоцѣнныя для народа произведенія Пушкина, Гоголя и другихъ похоронены для народа въ многотомныхъ, дорогихъ изданіяхъ. При такомъ прекрасномъ желаніи все-таки сомнительно, чтобы народъ понялъ что-нибудь изъ отрывковъ комедій «Горе отъ ума» и «Недоросля», какъ ее непоняли бы и мы съ вами, еслибы, кромѣ этихъ отрывковъ, вовсе не читали великихъ произведеній цѣликомъ. Что пойметъ народъ изъ біографіи Ломоносова, которая почти вся состоитъ изъ скучной докладной записки, поданной Ломоносовымъ Шувалову о томъ, какими учеными трудами онъ занимался съ 1751 по 1757 годъ? Нельзя не согласиться съ авторомъ фельетонной статейки «*Книги для народныхъ школъ и для народа*», помѣщенный въ газетѣ «Голосъ» [220]), что большая часть составителей книжекъ, для народнаго чтенія, не съ надлежащимъ уваженіемъ относятся къ великой своей задачѣ. «Эти книги должны обработываться съ величайшимъ вниманіемъ, съ крайнею осмотрительностію первѣйшими знатоками этого дѣла и, если возможно, талантливыми людьми. На что же дѣлать? На нѣтъ и суда нѣтъ!» Совершенно справедливо.

Перейдемъ къ способамъ обученія солдатъ правильно излагать свои мысли на бумагѣ. Въ какой мѣрѣ возможно это въ солдатской школѣ? Большая часть нашихъ военныхъ писателей, которые въ послѣднее время занимались разработкой вопроса о грамотности въ войскахъ, не пытались рѣшить, насколько возможно усвоеніе солдатами письменнаго языка. Примѣръ фейерверкеровъ школъ артиллерійскаго вѣдомства показываетъ намъ, что подобнаго рода попытки могутъ имѣть соотвѣт-

[220]) См. «Голосъ» за 1869 г. № 328, стр. 3.

ствующій успѣхъ: и въ нашихъ солдатскихъ школахъ можно ученика выучить писать до извѣстной степени правильно и толково. Ясно-Полянская школа, въ которой ученики выучивались писать довольно правильно простымъ народнымъ языкомъ, и мой недолгій (1861—1865) опытъ въ такомъ же родѣ, въ началѣ 60-тыхъ годовъ, въ школѣ при Казанскомъ Пороховомъ заводѣ увѣряютъ меня, что и нашимъ простолюдиномъ или солдатомъ могутъ быть усвоены и умѣнье толково изложить свои мысли на бумагѣ и болѣе важныя правила правописанія, не смотря на всю разность между нашимъ книжнымъ и разговорнымъ или народнымъ языкомъ, между нашимъ произношеніемъ словъ и искусственнымъ правописаніемъ. Наше правописаніе болѣе всего основано на произвольныхъ иногда ничѣмъ необъяснимыхъ законахъ (напр. правописаніе слова *песокъ*, а не *пьсокъ*) часто содержитъ въ себѣ формы устарѣлыя, вошедшія изъ искусственнаго церковно-славянскаго письменнаго языка (напр. *дѣлаемый*, *будучи присланъ*), наконецъ въ немъ есть правила новыя и обороты, изобрѣтенные нашими грамматиками (напр. я говорю *что* я пришелъ; подай ему, *ибо* онъ бѣденъ; ты бѣденъ, *слѣдовательно* тебѣ нужно терпѣть, фунтъ анису и запахъ аниса, хорошіе кони, и хорошія лошади). Въ нашъ письменный языкъ постоянно вторгается приливъ иностранныхъ словъ; не смотря на всѣ усилія нашихъ писателей очистить языкъ, эти слова въ языкѣ все болѣе умножаются и укореняются. Правописаніе этихъ словъ, которыя не подчиняются законамъ русской фонетики, есть также не послѣднее затрудненіе въ правописаніи [221]). Немалой помѣхой въ обученіи правописанію служитъ употребленіе буквы *ъ*, для правильнаго употребленія которой больше нужно знать исключеній, чѣмъ правилъ, равно наши искусственныя, чуждыя простонародному языку, причастныя и дѣепричастныя формы и т. д. Народъ не говоритъ такъ, какъ пишутъ книги, потому и не понимаетъ книжнаго языка; между тѣмъ самый здравый смыслъ требуетъ, чтобы письменныя знаки и правила усвоивались ученп-

[221]) См. Чт. о восп. Юркевича Ме 1865 г. стр. 264

комъ солдатской школы въ томъ видѣ, въ какомъ они употребляются всѣми, а не такъ, какъ они могли бы или должны бы употребляться. Нововведенія въ правописаніи не входятъ не только въ кругъ школы, но и въ общее употребленіе. Попытки нашихъ журналовъ въ томъ числѣ и «Учителя», а равно и нѣкоторыхъ писателей остались единичными попытками. Обученіе правописанію для ученика есть по большой части воспроизведеніе видѣнныхъ имъ начертаній словъ, слѣдовательно здѣсь все дѣло основывается на законахъ памяти. Въ практикѣ мы часто встрѣчаемся съ такимъ фактомъ: ученикъ, отлично знающій всѣ правила правописанія, пишетъ совершенно неправильно; и я объясняю это не разсѣянностью, а образовавшеюся привычкой: правила онъ заучилъ и привычки преодолѣть не можетъ, потому что это дѣло не легкое.

Первое средство къ усвоенію умѣнья правильно писать есть правильное складываніе словъ, которыя мы хотимъ записать. Мы знаемъ людей, которые и читаютъ толково, и даже могутъ прочитать и рукописное, и обладаютъ сноснымъ почеркомъ; но не могутъ двухъ словъ написать *изъ головы*: ихъ никогда никто не упражнялъ въ умѣньи *собирать слова въ головѣ*, т. е. въ умѣньи написать безъ пропуска буквъ что бы ни было безъ образца. Потому то одною изъ степеней въ обученіи чтенію должно непремѣнно быть складываніе словъ—устное или механическое на доскѣ—изъ подвижныхъ буквъ. Въ предшествующей лекціи мы имѣли случай замѣтить, что обучающіеся чтенію по звуковому способу очень часто затрудняются при правописаніи, не зная какую употребить букву, для выраженія требуемаго звука; потому при обученіи чтенію и по звуковой системѣ иногда бываетъ необходимо послѣ изученія звуковаго алфавита переходить къ заучиванію названія буквъ и складыванію слова по буквосочетальному способу (стр. 151.) Во всякомъ случаѣ послѣ начатія объяснительнаго чтенія нужно отъ времени до времени разлагать, по этому способу, встрѣчающіяся въ статьѣ труднѣйшія слова на составляющіе ихъ слоги и буквы.

Говорятъ, что при этомъ удивительно помогаетъ, такъ называемая, *игра въ буквы*. Въ каждой школѣ должны быть печатныя буквы, наклеенныя на кортонъ (стр. 171), одинъ ученикъ задумываетъ какое-нибудь слово, и затѣмъ подобравъ изъ ящика на него буквы, смѣшиваетъ ихъ въ кучу, которую кладетъ передъ товарищемъ, указывая только на первую букву задуманнаго слова; товарищъ долженъ въ свою очередь отгадать слово, раскладывая положенную предъ нимъ кучу буквъ и дѣлая всевозможныя перестановки, пока не угадаетъ. Очевидно, что при такой игрѣ первый ученикъ пишетъ, а второй читаетъ.

На ряду и одновременно съ этимъ пріемомъ должно упражнять ученика въ списываніи съ печатнаго или съ рукописи. Когда ученикъ списалъ предложеніе или связь изъ нѣсколькихъ предложеній, учитель можетъ заставить его написать тѣже самыя предложенія подъ диктовку или на память. Это есть самая низшій и почти механическій пріемъ изложенія мыслей на бумагѣ.

При дальнѣйшемъ объяснительномъ чтеніи нужно стараться пріучать учениковъ къ правильному разсказыванію прочитаннаго, къ связному устному изложенію мыслей. Это можно дѣлать послѣ окончательнаго объясненія статьи (стр. 89), катихизація же пріучаетъ къ изложенію мыслей отрывочному. Можно для пріученія учениковъ къ связному изложенію избирать для класснаго разсказа небольшія повѣсти изъ народнаго быта, отрывки изъ исторіи и т. п. Послѣднею цѣлью этого пріема должна быть попытка изложить свои мысли на бумагѣ. При изложеніи подобныхъ разсказовъ на бумагѣ учитель долженъ допускать, если не требовать, чтобы ученикъ излагалъ свои мысли не книжнымъ языкомъ, который ему трудно усвоить, а обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ класснаго разсказа, который есть что-то среднее между языкомъ искусственнымъ или книжнымъ и простонароднымъ. Языкъ этотъ отличается отъ письменнаго простотою построенія предложеній; искусственно же построенныя предложенія, съ предложеніями вводными, вносными и нѣсколькими придаточными, устно-

му языку вовсе не свойственны. Въ этомъ отношеніи замѣчательны наблюденія, которыя сдѣланы нѣкоторыми педагогами надъ способомъ непонятнаго для насъ усвоенія въ иныхъ случаяхъ простолюдинами правильныхъ грамматическихъ предложеній. «Какъ только простолюдинъ, замѣчаетъ профессоръ Юркевичъ, принимается писать, онъ всегда испытываетъ нужду образовать грамматическія предложенія, болѣе или менѣе искусственныя, и понятно почему: читатель его письма не будетъ имѣть предъ собой живой личности, которая тонами голоса и всѣми движеніями выражала бы настоящій смыслъ рѣчи, невполнѣ означаемый безъискуственными, краткими предложеніями» [222]). Тоже замѣчаетъ и гр. Толстой. «Какимъ путемъ, говоритъ онъ, являлись въ сочиненіяхъ учениковъ Ясно-Полянской школы, хотя и рѣдко, причастія и вводныя предложенія,—остается для меня таинствомъ, въ которое лучше не пытаться проникать» [223]). Прибавимъ къ этому, что въ Ясно-Полянской школѣ преподаванія грамматики введено не было. Если вы достигнете того, что ученикъ вашъ будетъ правильно писать простымъ языкомъ, то вы уже достигли весьма многаго, сдѣлали болѣе, чѣмъ отъ васъ требуется. Желательно, чтобы такимъ языкомъ писались наши книги для чтенія въ народныхъ школахъ, простонародныя брошюры и книги для народа, авторы которыхъ никакъ немогутъ отрѣшиться отъ слишкомъ искусственнаго построенія рѣчи, что народному смыслу чуждо, такъ же чуждо, какъ витіеватая проповѣдь и наша подражательная литература. Примѣръ простаго чисто простонароднаго слога представилъ намъ въ первый разъ журналъ Ясная Поляна въ своихъ приложеніяхъ, о которыхъ мы упомянули выше (стр. 183); въ эти приложенія входили историческія и религіозные статьи, составленныя самими учениками школы, съ разсказа и толкованій учителя, а иногда ими самими написанныя на заданную тему. Многія изъ этихъ сочиненій носятъ на себѣ признакъ дѣйствительнаго таланта; правда—таланта еще въ зародышѣ, но

---

[222]) См. Чт. о восп. Н. Юркевича стр. 266.
[223]) См. Ясн Пол. 1862 г. № 1. стр. 74.

проблески котораго тѣмъ для насъ яснѣе и своеобразнѣе, что талантъ не затронутъ никакимъ литературнымъ вліяніемъ. Наши критики замѣчаютъ, что Кольцовъ только тамъ проявилъ свой оригинальный талантъ, гдѣ онъ не испытывалъ вліянія искусственной литературы. Вотъ замѣтка объ этомъ Водовозова [224]). «Грубая красота народной пѣсни сильно влекла Кольцова къ себѣ, и въ то же время сильно его смущала изящная гладкость стиха и звучность рифмы въ модной поэзіи. Мы знаемъ, что, напримѣръ, разсказъ «Хуторокъ» Кольцову очень хотѣлось разорвать. Можетъ быть, онъ не написалъ многихъ подобныхъ разсказовъ изъ одной недовѣрчивости къ своему таланту. Такъ тогдашнія узкія понятія о поэзіи сковывали свободное развитіе творчества Кольцова». Можетъ быть, такимъ точно образомъ и до сихъ поръ въ средѣ народа гибнетъ множество талантовъ, развитіе которыхъ задерживается условнымъ искусственнымъ языкомъ нашей литературы. Не могу не выписать изъ статьи талантливаго редактора Ясной-Поляны одного разсказа, какъ ему удалось невзначай открыть присутствіе неоспоримаго таланта въ одномъ крестьянскомъ мальчикѣ. Въ Ясно-Полянской школѣ обучались крестьянскіе мальчики; однажды автору «Дѣтства и Отрочества» пришла мысль задать ученикамъ сочиненіе на какую-нибудь пословицу; выбрали пословицу: «лошкой кормитъ, стеблемъ глаза колетъ», и предполагали написать разсказъ, какъ мужикъ взялъ къ себѣ какого-то нищаго, а потомъ за свое добро его же попрекаетъ. Никто изъ крестьянскихъ мальчиковъ не рѣшался начать писать, всѣмъ это казалось мудренымъ; учитель началъ повѣсть самъ и потомъ прочелъ въ слухъ начало повѣсти «Повѣсть положительно имъ не понравилась, никто не похвалилъ; но всѣ были заинтересованы: всѣхъ увлекала мысль присутствовать при сочиненіи повѣсти и участвовать въ немъ; начались сужденія о планѣ повѣсти. Эти сужденія учениковъ были большею частію одинаковы и вѣрны, какъ въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ, такъ и въ характеристикахъ главныхъ лицъ раз-

[224]) См. Новая Рус. литер. В. Водовозова Спб. 1867 г. стр. 314.

сказа; но въ частности нельзя было не замѣтить, что при составленіи повѣсти одинъ изъ мальчиковъ отличался художественностью описанія, другой вѣрностью поэтическихъ представленій и т. п.» Требованія крестьянскихъ мальчиковъ измѣнить въ повѣсти то или другое положеніе были до такой степени не случайны и опредѣленны, что автору не разъ приходилось разубѣждаться въ своемъ взглядѣ на предметъ, и онъ долженъ былъ сознаться, что онъ при составленіи повѣсти имѣлъ въ виду требованія правильной постройки и вѣрности отношенія мысли пословицы къ содержанію повѣсти, т. е. нѣчто искусственное; у нихъ напротивъ были только требованія художественной правды. Между крестьянскими мальчиками отличался правильностью взгляда и художественнымъ инстинктомъ особенно одинъ; «онъ диктовалъ повѣсть скоро, порывисто, видимо съ увлеченіемъ таланта; ему хотѣлось не говорить, какъ разсказываютъ, а говорить, какъ пишутъ» Такимъ образомъ повѣсть была доведена до середины и ученики разошлись по домамъ. Я долго, пишетъ авторъ «Войны и мира», не могъ дать себѣ отчета въ томъ впечатлѣніи, которое я испытывалъ. Мнѣ казалось страннымъ, что крестьянскій полуграмотный мальчикъ проявляетъ такую сознательную силу художника, что я не только не могу указать или помочь 11-лѣтнему Ѳедькѣ, и что едва-едва, и то только въ счастливую минуту раздраженія, въ состояніи слѣдить за нимъ и понимать его». Мы не беремся рѣшить, насколько справедливо замѣчаніе автора, насколько въ немъ того поэтическаго увлеченія, за которое обвиняютъ наши журналы автора «Мира и Войны». Повѣсть, сочиненная мальчикомъ, напечатана въ Апрѣльской книжкѣ приложеній къ Ясной-Полянѣ; въ приложеніяхъ помѣщена другая повѣсть мальчика «Солдаткино житье». Въ № 9 Ясной Поляны сдѣлано редакторомъ мастерская, полная художественности оцѣнка обѣихъ повѣстей (примѣч. 164). Дѣйствительно обѣ повѣсти отличаются весьма замѣтными достоинствами, вѣрностью, художественной правдой и наблюдательностью. Такихъ повѣстей мы не найдемъ въ нашихъ народныхъ журналахъ.

Дайте прочесть который-нибудь изъ этихъ разсказовъ нашему солдату и, безъ всякихъ съ вашей стороны нравоученій, онъ пойметъ его смыслъ; разсказъ заставитъ его задуматься, скажу болѣе, онъ сдѣлаетъ простаго человѣка нравственнѣе, лучше. Съ другой стороны нельзя не сознаться, что въ повѣсти все понятно для простолюдина; потому нельзя не назвать весьма оригинальной мысль автора Ясной Поляны—заставить народъ самого писать для себя книги. Примѣру Ясной-Поляны началъ-было подражать журналъ «Чтеніе для Солдатъ». При книжкахъ этого солдатскаго журнала открытъ былъ отдѣлъ приложеній, подъ названіемъ «*Солдатскихъ сочиненій*»; но этотъ отдѣлъ вышелъ крайне неудовлетворителенъ. Эти сочиненія, писанныя по одной мѣркѣ, оффиціальнымъ (даже не писарскимъ) языкомъ, лишены занимательности, все въ нихъ вяло, натянуто и далеко отъ жизни и отъ понятій нашего простолюдина-солдата, напротивъ изъ-за каждой строки виднѣется тотъ уродливый типъ недоучившагося резонёра, который мы указали выше (стр. 35) или—перо редактора, ревниво вычеркивающаго изъ повѣсти все, что не подходитъ подъ разъ-опредѣленную норму литературнаго журнала, задавшаго себѣ тему—поучать солдата. Возьмемъ безъ выбора и прочтемъ приложенное къ 1-й книжкѣ «Чтенія для Солдатъ» за 1868-й годъ, солдатское сочиненіе: «*Разговоръ на имянинахъ*». Прежде всего въ повѣсти васъ поражаютъ идеальныя фигуры полковаго дьячка и унтера такъ далекія отъ дѣйствительности, что вы невольно спрашиваете себя, откуда взяты подобныя личности. Они выражаются такимъ страннымъ языкомъ, что можно подумать, будто они всю жизнь только и читали книжки съ московскаго толкучаго рынка, и иного занятія не имѣли. Хозяинъ начинаетъ разговоръ съ объясненій предъ пришедшими къ нему на имянины солдатами, почему онъ всегда мраченъ и словно озабоченъ чѣмъ то. Причина этой озабоченности заключается—дескать въ томъ, что его снѣдаетъ «мысль, принесутъ ли его дѣти пользу обществу, а не вредъ; если вредъ, то ему будетъ стыдно противъ людей и грѣшно противъ Бога». Кумъ унтеръ на это отвѣчаетъ не менѣе серьёзно. «Сущая правда! Значитъ, ты же-

лаешь, чтобы я далъ тебѣ полезный совѣтъ? Но прошу тебя, выскажи прежде свое мнѣніе». Хозяинъ сначала придерживается того разсужденія, что «приличнѣе пріучить дѣтей къ хлѣбопашеству»; но кумъ стоитъ на томъ, что «Государству полезнѣе, если кто служитъ ему лично». Во имя этого принципа друзья рѣшаютъ—дѣтей дьячка отдать въ училище военнаго вѣдомства; «ибо-де солдатскій сынъ, при помощи хорошихъ наставниковъ и при собственномъ стараніи, можетъ дослужиться въ военной службѣ до высшихъ чиновъ и принести обществу значительную пользу». Споръ рѣшаетъ хозяйка, одаренная разумомъ восточнаго мудреца и даромъ краснорѣчія, не менѣе замѣчательнымъ: она «возражаетъ, что въ деревнѣ жить несравненно лучше: тамъ можно жениться, имѣть дѣтей, ходить въ церковь, соблюдать посты и т. п.» Собутыльники тщетно возражаютъ ей, «извѣстно-де, какъ солдаты строго соблюдаютъ посты и развѣ только въ походѣ приходится имъ нарушать оные». Но хозяйка разрушаетъ ихъ силлогизмы однимъ ударомъ, какъ паутину: «Въ деревнѣ, трудятся больше; а Богъ человѣка создалъ для труда!» Наконецъ послѣ всей скучной процедуры, общій совѣтъ друзей рѣшаетъ: «одного сына дьячка отправить въ деревню, а другаго оставить на службѣ. Одинъ сынъ будетъ трудиться и заботиться о доставленіи всего нужнаго для своихъ родителей, а другой будетъ защищать родину отъ нападенія вражескаго». Мы нарочно выписали почти всю повѣсть, чтобы вы, Гг! могли познакомиться вполнѣ съ солдатскими сочиненіями, печатаемыми въ журналѣ. Вы сами замѣчаете, что въ нихъ все ложно—и планъ, и содержаніе, и языкъ. Кого хочетъ обмануть разсказъ; кто не знаетъ что полковые церковники изъ солдатъ люди, далеко неразвитые, что они не пользуются уваженіемъ солдатъ, которые ихъ считаютъ людьми праздными; если они бываютъ и женаты, то къ нимъ ходятъ товарищи вовсе не для поученій. Самый разговоръ напоминаетъ тѣ диспуты, которые когда-то существовали въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ученики публично другъ друга оспоривали и все самымъ ученымъ языкомъ, имѣя въ виду доказать или «что трудъ полезенъ», или «что весна есть

самое пріятное время года», или «что пить вино вредно». Съ какой цѣлью напечатана подобная повѣсть? Для солдатъ? Но солдаты ее не поймутъ и читать не станутъ. Для того чтобы показать, что солдаты въ арміи пишутъ правильно и даже краснорѣчиво? Но это было бы тоже, какъ еслибы кто сталъ утверждать, что большая часть нашихъ крестьянъ, когда пашутъ въ полѣ, то непремѣнно читаютъ приэтомъ газету. Мы читали всѣ книжки Сборника солдатскихъ сочиненій, по мѣрѣ ихъ выхода но всѣ эти сочиненія поразили насъ безукоризненно чистымъ литературнымъ языкомъ и выраженіями всегда одинаковыми, такъ что еслибы внизу сочиненій не стояло солдатскихъ фамилій, мы рѣшительно усумнились бы приписать ихъ перу учениковъ войсковыхъ школъ. Напримѣръ, въ одной повѣсти солдаты «спрашиваютъ совѣтовъ, какъ должно вести себя лучше, чтобы начальники не могли ихъ замѣтить ни въ чемъ-либо противномъ закону службы»; въ другой такой-то солдатъ «слишкомъ увлеченъ дурными склонностями и товарищами, такъ что не обращаетъ вниманія на отеческія попеченія ротнаго командира» или: «въ палаткѣ помѣщался капральный унтеръ-офицеръ, который ограничился только выговоромъ Иванову» и т. п. Развѣ это простонародный языкъ? Развѣ подобныя выраженія могутъ появляться въ тетрадкахъ, учениковъ войсковой школы?

Правда для того, чтобы получать такія сочиненія, какія представляетъ намъ Ясная Поляна, нужно, прямое, задушевное отношеніе преподавателя къ ученикамъ, свобода школы, нестѣсняемой формализмомъ и любовь къ своему дѣлу въ самомъ преподавателѣ. Между тѣмъ какой бы прекрасный матеріалъ для народнаго чтенія составили историческія разсказы, написанныя простымъ языкомъ Приложеній къ Ясной-Полянѣ; какой бы прекрасный переходъ составили они отъ простонароднаго языка къ языку литературному, къ чтенію и пониманію произведеній нашихъ великихъ писателей? [225]) Замѣчаніе Ясной

[225]) Возьмемъ отрывокъ изъ біографіи Никона. «Пришелъ Никита (Никонъ) къ Бѣлому морю, сѣлъ на барказъ и приплылъ къ Соловецкому острову. На этомъ островѣ есть Соловецкій монастырь. Никита побывалъ въ этомъ монастырѣ и поглядѣлъ на житье монаховъ. Увидалъ, у нихъ всего много; и

Поляны, что часть объясненій учителя неразвитымъ ученикамъ не достигаетъ своего назначенія; что объясненіе многихъ словъ и смысла рѣчи совершенно невозможны и для самаго талантливаго учителя; что, объясняя ученикамъ какое-нибудь литературное выраженіе, мы вставляемъ на его мѣсто или другое слово или цѣлый рядъ словъ, связь которыхъ столь же непонятна ученику, какъ и самое слово, потому что ученику непонятно не самое слово, а у него нѣтъ понятія, которое выражаетъ слово,—мысль совершенно вѣрная, опытная. Я нѣсколько уроковъ бьюсь надъ объясненіемъ ученикамъ одной солдатской школы словъ молитвы Господней: «пусть святится имя твое», и сознаюсь, что я ничего не сдѣлалъ и не надѣюсь сдѣлать: ученики повторяютъ съ стереотипною вѣрностью мои фразы, но безъ всякаго пониманія. «Давайте, замѣчаетъ гр. Толстой, ученику случаи пріобрѣтать новыя понятія и слова изъ общаго смысла рѣчи. Разъ онъ услышитъ или прочтетъ непонятное слово въ понятной фразѣ, ему смутно начнетъ представляться новое понятіе, и онъ почувствуетъ наконецъ случайно необходимость употребить это слово, — употребитъ разъ, и слово и понятіе дѣлаются его собственностію» [226]). Къ такому пониманію можетъ вести постепенное чтеніе сочиненій, написанныхъ въ разныя эпохи развитія самими учениками: мы выше замѣтили, что книжныя выраженія мало по малу входятъ въ сочиненіе ученика какимъ-то необъяснимымъ для насъ способомъ, но входятъ во фразахъ ему понятныхъ. По-

---

молока и масла и всякой рыбы и крѣпкій медъ есть, и жить имъ очень хорошо. Никита, когда узналъ, какъ монахи живутъ, подумалъ про себя: живутъ здѣсь монахи не по божьему,—больше о плоти радѣютъ, а не о душѣ, и пошелъ въ Анзерскій островъ, въ скитъ. Онъ шелъ туда верстъ тридцать все лѣсомъ по Соловецкому острову, потомъ плылъ версты четыре моремъ до самаго скита. Въ этомъ скитѣ монахи жили очень бѣдно и было ихъ всего 12 человѣкъ: кельи у нихъ стояли одна отъ другой такъ далеко, что монахи по цѣлой недѣлѣ не видались другъ съ другомъ. Тутъ Никита постригся и назвался Никономъ».....Ясн. Пол. книжка 1862 г. Авг. Мс. стр. 9 и 10.

[226]) Ясная Поляна 1862 г. № 1 стр. 74

добныя сочиненія представляютъ примѣры того, какъ простолюдинъ усвоиваетъ себѣ книжный языкъ.

Я никогда бы не рѣшился говорить обо всемъ этомъ, если бы не испыталъ нѣчто подобное самъ. При выходѣ книжекъ Ясной Поляны меня заинтересовалъ взглядъ редактора на сочиненія учениковъ, журналъ представлялъ такъ много новаго и дотолѣ неслыханнаго, въ журналахъ раздавалось противъ автора столько часто несообразныхъ криковъ, что безъ опыта трудно было судить о правильности или неправильности многихъ его взглядовъ. Мнѣ пришло на мысль провѣрить взглядъ Ясной Поляны на ученическія сочиненія и на ихъ пользу въ открытой мною школѣ. [227]) Въ мою школу поступило довольно много мальчиковъ, порядочно читавшихъ, но неправильно кропотливо писавшихъ: нужно было занять ихъ и заставить съ охотой приналечь на письмо. Вотъ въ послѣобѣденное время я началъ заниматься съ ними объяснительнымъ чтеніемъ, читалъ имъ повѣсти, сообщалъ немудреныя научныя свѣдѣнія, потомъ они мало по малу пріучились записывать басни, разсказы, дѣлать извлеченія изъ прочитанныхъ мною популярно-научныхъ статей. Какъ и водится, дѣло сначала не клеилось, но потомъ успѣхамъ и общему удовольствію не было мѣръ; лучшія сочиненія мы вписывали въ книгу и она служила любимымъ чтеніемъ для новичковъ. Книга эта сохранилась у меня; читая ее, я повѣрю мысли Ясной Поляны и дѣйствительно не могу объяснить, какимъ образомъ въ сочиненія учениковъ постепенно входятъ и причастія, и вводныя предложенія, и періодическая рѣчь; а я ничему этому—признаюсь откровенно—ихъ не училъ; потому что поставилъ себѣ правиломъ: 1) сообщать ученикамъ только одни немудреныя правила правописанія, но не дѣлать до времени никакихъ замѣчаній ни о постройкѣ предложеній, ни о логикѣ, ни о слогѣ. 2) Выборъ сочиненія предоставлялъ самимъ ученикамъ, не навязывая имъ своей темы. 3) Выборъ выраженій предоставилъ также ученикамъ, а слѣдилъ только за тѣмъ, чтобы одни и тѣ же

[227]) Запят. Комит. Грам. 1863 г. вып. VIII. стр. 337.

мысли ученикъ не повторялъ и чтобы не писалъ сначала то, что въ порядкѣ разсказа слѣдовало послѣ. Вотъ для примѣра отрывки изъ трехъ сочиненій одного и того же 13-ти лѣтняго мальчика, писанныхъ имъ въ теченіе полутора-годичнаго срока.

1) Содержаніе басни Крылова (написано 1862, Декабря 21-го).

У одной барыни были двѣ горничныхъ, барыня этихъ горничныхъ съ утра до ночи морила за пряжей. Барыня та была старая, ей ночью мало спалось; вотъ она будила служанокъ каждый день рано и заставляла ихъ, работать. Какъ только пѣтухъ запоетъ, такъ она и встанетъ, разбудитъ ихъ засадитъ прясть и прядутъ они бѣдныя день-деньской. Служанки и думаютъ: вотъ всему причина—пѣтухъ; какъ бы пѣтухъ не пѣлъ, барыня бы такъ рано не вставала. Вотъ они взяли да и свернули пѣтуху голову. Думали дѣвушки, имъ лучше будетъ безъ пѣтуха; а оно вышло вовсе не такъ: барыня стала раньше вставать, да по старому за работу ихъ сажать.

2) Изъ географическаго разсказа о морѣ, (1863 г. Мая 13-го).

Глубина въ океанѣ такъ велика, что ее индѣ и измѣрить нельзя. Въ иномъ мѣстѣ море бываетъ глубиною верстъ 14-ть. Моряки придумали такой инструментъ для промѣра морской глубины, называется онъ лотъ. Лотъ просто-на-просто чугунное ядро, чѣмъ изъ пушекъ палятъ; середина его просверлена, а въ дыру палка вколочена крѣпко и къ палкѣ бичевка привязана. Въ средину той бичевки проволока завита: это для того, какъ ядро до дна морскаго дойдетъ, да объ него стукнется, проволока та затрясется по этому знаютъ матросы, ядро до дна дошло. Матросы бросятъ ядро съ бичевкой въ море; какъ дойдетъ ядро до дна, и бичевку и ядро назадъ вытянутъ, а веревку сколько ее въ воду опустили смѣряютъ и узнаютъ: далеко ли въ этомъ мѣстѣ, гдѣ корабль остановился, до дна морскаго.

Во всякомъ морѣ вода вкусомъ горькая и соленая, поэтому ее нельзя пить. Моряки по морю плывутъ, а если не захватятъ съ собой воды на корабль, отъ жажды мрутъ. Цвѣтомъ морская вода изтемна-голубая. Въ нѣкоторыхъ моряхъ цвѣтъ морской воды бѣлесоватый, въ другихъ красный. Въ святой библіи говорится, что евреи черезъ море перешли, какъ по суху, когда ихъ Св. Моисей изъ Египта велъ. То море, гдѣ они шли, и теперь называется краснымъ: вода въ немъ искрасна, какъ кровь. Такой цвѣтъ воды бываетъ отъ маленькихъ мошекъ бѣлыхъ или красныхъ. Эти мошечки такъ малы, что ихъ глазомъ никакъ не увидишь; а ученые люди смотрятъ въ увеличительныя стекла; ихъ въ одной каплѣ воды до ста тысячъ кишитъ. Онѣ то морской водѣ и даютъ разный цвѣтъ и проч.

3) Притча о богатомъ и Лазарѣ, написанная послѣ прочтенія Евангельскаго разсказа. (1864 г. Октября 12-го.)

Одинъ человѣкъ жилъ богато, всегда надѣвалъ на себя дорогую одежду, каждый день у него шелъ пиръ. Рядомъ съ нимъ жилъ одинъ нищій, его звали Лазарь; онъ лежалъ у воротъ богатаго весь въ рапахъ и думалъ, какъ бы ему насытиться кусочками, которые слуги богача выбрасывали послѣ его обѣда. Собаки къ нему только однѣ ласкались и лизали ему раны. Вотъ умеръ нищій и ангели Божіи отнесли его душу въ царство небесное; умеръ тоже и богачъ и похоронили его очень богато, а душа его пошла въ адъ на вѣчную муку зато, что богачъ при жизни никому не дѣлалъ добра. Вотъ во адѣ, въ мукахъ богатый глядитъ вверхъ и видитъ Лазаря въ раю вмѣстѣ съ святымъ Авраамомъ. Когда богачъ увидалъ Авраама, онъ закричалъ: «Отецъ мой Авраамъ! сдѣлай такую милость пошли Лазаря, чтобы онъ обмочилъ палецъ въ водѣ и провелъ хоть разъ по языку моему; мнѣ жарко, я сильно мучусь въ огнѣ.» Авраамъ ему отвѣчаетъ: Опомнись! все хорошее ты получилъ на томъ свѣтѣ, а Лазарь видѣлъ одно только худо; за то онъ веселится въ раю, а ты въ аду страдаешь; между тобой и между нами теперь большая пропасть; оттуда къ намъ не приходятъ и отсюда никто туда не выходитъ. «Такъ пошли въ домъ моего отца, говоритъ богачъ, у меня тамъ пять братьевъ, вели имъ сказать, какъ-бы они въ такое мученіе не попали.» Тогда сказалъ Авраамъ: «у нихъ есть Моисей и пророки, пусть ихъ читаютъ и слушаются» «Ахъ! если изъ мертвыхъ кто къ нимъ придетъ, то они на вѣрно раскаются» сказалъ богатый; но Авраамъ далъ ему такой отвѣтъ:- «Если ужъ Закона Божія не послушаютъ, и изъ мертвыхъ кто бы воскресъ— не повѣрятъ!»

Нельзя не видѣть въ этомъ рядѣ сочиненій одного и того же ученика постепенной выработки слога, который шагъ за шагомъ приближается къ литературному, видна постепенная привычка къ выбору точныхъ словъ и вѣрныхъ выраженій для своихъ мыслей, обороты дѣлаются все выразительнѣе, между тѣмъ вы чувствуете, что ученикъ пишетъ такъ понятно, такъ народно, какъ ни вы, ни я не напишете, при всемъ стараніи. Связь мыслей въ послѣднихъ опытахъ вѣрна, въ сочиненіе даже входятъ чисто грамматическіе обороты, но они облечены въ такую форму, что понятны всякому. Послѣднее сочиненіе далеко отличается отъ перваго, тѣмъ болѣе что знаки препинанія, встрѣчающіяся въ послѣдней статьѣ, почти всѣ выставлены самимъ мальчикомъ. Кромѣ того это сочиненіе носитъ на

себѣ слѣды серьезнаго взгляда, представляетъ собою примѣръ вѣрнаго изложенія притчи. Замѣтимъ, что мальчикъ писалъ это подъ вліяніемъ только-что прочитанной мною Евангельской притчи: у него не было никакого руководства. Второй примѣръ, представленный нами, можетъ служить доказательствомъ того, что понятный разсказъ о предметахъ, повидимому мало доступныхъ простолюдину, если онъ понятъ ученикомъ; можетъ быть имъ записанъ простымъ, понятнымъ народу языкомъ.

Какими способами можно ознакомить учениковъ съ правилами грамматики и въ какой мѣрѣ возможно и нужно познаніе грамматики для учениковъ солдатской школы? Предъ нами нѣсколько попытокъ изложить популярно грамматику; опыты эти назначаются и для полковыхъ и для простонародныхъ школъ, а именно: 1) *Упрощенная русская грамматика для полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ* (Спб. 1858 г. изд. ред. «Чтеніе для Солдатъ») 2) *Руководство для преподаванія въ артиллерійскихъ школахъ главныхъ практическихъ правилъ русскаго языка* (Подпор. Рязанцева Спб. 1863 г.) 3) *Уроки русской грамматики* (Спб. 2 книжки 1866 г. изд. ред. «Мірск. Вѣстн.») 4) *Русская грамматика въ разсказахъ для простолюдиновъ* (Новаковскаго Спб. 1867 г.) 5) *Краткое изложеніе элементарныхъ наукъ въ разсказахъ для простолюдиновъ*. Часть III. *Русская грамматика въ разсказахъ*. (Лапина Спб. изд. 2 1858 г.) Всѣ эти грамматики, повидимому, изложены популярно, составители ихъ стараются, какъ-будто одинъ предъ другимъ, упростить грамматику для своихъ учениковъ. Авторъ »Упрощенной Грамматики» ни одного слова не скажетъ, ни одному правилу не научитъ безъ того, чтобы предусмотрительно не сравнить предметъ съ чѣмъ-нибудь изъ солдатскаго быта. Напримѣръ, грамматикѣ онъ совѣтуетъ солдатамъ учиться на томъ основаніи, что «нужно же выучиться заряжать ружье или пушку»; приступая къ правописанію буквъ, онъ говоритъ не иначе, какъ: «я хочу произвести одиночное ученье буквамъ»; при указаніи частой рѣчи слова, онъ намѣренъ «посмотрѣть ихъ выправку»; для отличія частей рѣчи, онѣ «строятся въ шеренги»; примѣры существительнаго у него непремѣнно

ружье, офицеръ, пушка, ефрейторъ, прилагательное: *цѣльная стрѣльба*, глаголъ: *маршировать*. Чтобы дать понятіе о гласныхъ, авторъ выводитъ на сцену всѣхъ ротныхъ нѣсельниковъ и называетъ А—не иначе, какъ *Агаѳоновъ*, Ю—*Юдинъ*, У—*Ухов*ъ и т. д. Онъ даже не называетъ части рѣчи обыкновенными названіями: напримѣръ причастіе у него слыветъ за *прикладное дѣйствующее, дѣепричастіе за прикладное содѣйствующее*, мѣстоименіе называется *замѣнительнымъ*, прилагательное—*приложительнымъ*. Г. Новаковскій напротивъ примѣняется въ своей грамматикѣ исключительно къ крестьянскому быту, потому части рѣчи у него идутъ за *закромы*, въ которые сыплютъ различнаго рода хлѣбъ. «Въ языкѣ, бесѣдуетъ онъ, всѣ слова точно зерна въ амбарѣ, а какъ зерно зерну рознь, такъ и слово слову рознь; разсыплемъ же ихъ по закромамъ». За тѣмъ начинается это разсыпаніе; ясно что «волкъ», «воробей» и «карась» должны попасть въ закромъ № 1, т. е. *въ закромъ именъ существительныхъ*. Изложеніе всѣхъ пяти грамматикъ послѣдовательно и нужно полагать, что, еслибы ученики поняли ихъ и усвоили сущность дѣла, то они далеко подвинулись бы въ правописаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ рукахъ понимающаго дѣло преподавателл эти грамматики могутъ принести относительную пользу унтеръ-офицерскимъ школамъ; но только ихъ нельзя давать въ руки учениковъ, или—заставлять изучать ихъ: это не принесетъ никакой пользы. Къ употребленію же въ низшей войсковой школѣ онѣ не примѣнимы: преподаваніе здѣсь должно быть самое практическое, слѣдовательно подобныя грамматики могутъ здѣсь только руководить учителя къ объясненію правилъ правописанія, безъ изученія или указанія самихъ грамматическихъ правилъ. Для человѣка мало знакомаго съ дѣломъ кажется чего легче грамматики и притомъ популярной. Ну, разсыпалъ слова по закромамъ, какъ дѣлаетъ Г. Новаковскій, или скомандовалъ словамъ выстроиться по шеренгамъ или повзводно, и дѣло съ концемъ. Но дѣло въ томъ, что эти несносныя слова какъ-то плохо слушаются команды, плохо сами ложатся по закромамъ или встаютъ въ шеренги, ихъ нужно класть или ставить; а это дѣло слишкомъ

мудреное и для этого нужно все-таки поболѣе поучиться, сколько учится нашъ солдатъ. Сказать, что мѣстоименіе есть слово замѣнительное, значитъ не только ничего не объяснить, а напротивъ затемнить дѣло; сказать, что имя прилагательное есть признакъ предмета, какъ дѣлаетъ Новаковскій (стр. 23) или названіе признаковъ предметовъ, какъ это у Рязанцева (стр. 13), значитъ не сказать ровно ничего; потому что понятіе признака есть чисто логическое, научное понятіе, болѣе отвлеченное, которое уму простолюдина не доступно: для него точно такъ же признакъ предмета *борода длинная* или *черная* Новак. стр. 23), какъ и *борода-клиномъ* или *лопатой* и *борода въ снѣгу*, *въ мукѣ* и т. п. Значитъ пытаться проходить грамматику научно съ солдатомъ—это толочь воду. Грамматика, не смотря на ея популярную форму, все останется грамматикой. Если представленныя нами грамматики малы на видъ, то тѣмъ хуже: онѣ содержатъ всю систему на 40 или 70 страничкахъ, слѣдовательно самая краткость здѣсь и служитъ помѣхой ихъ практичности, потому что краткость, какъ мы сказали выше (стр. 241), доступна только вполнѣ развитому уму. Предложенныя грамматики между тѣмъ содержатъ въ себѣ много правилъ мелочныхъ, таковы, напримѣръ: правила сложенія предлоговъ *воз*, *раз*, *из* съ гласными, причемъ они иногда измѣняютъ букву *з* на *с* (Новак. стр. 19 и 20); правила узнавать родъ именъ существительныхъ, употребляющихся въ одномъ множественномъ числѣ (Рязанцева стр. 13); различіе окончанія мужескаго и женскаго рода въ именительномъ падежѣ множественнаго числа именъ прилагательныхъ (Новак. стр. 36) и т. п. Наша бѣда въ томъ, что если мы задумаемъ что-либо полезное передать народу, то стараемся сразу передать и все мелочное, все частное; принимаясь за преподаваніе языка, мы не слѣдимъ за правильнымъ изложеніемъ ученикомъ мыслей, отъ котораго зависитъ правильное разставливаніе знаковъ препинанія; а съ перваго же раза наводняемъ умъ ученика всякими мелочами. Развѣ это не преслѣдованіе грамматическихъ тонкостей—стараться объ томъ, чтобы солдатъ не написалъ вмѣсто *бѣговыя дрожки—бѣговые дрожки*; вмѣсто *исчерпать—из-*

черпать, вмѣсто *восходить—возходить*? Какая напримѣръ, польза изъ того, если ученикъ будетъ знать, что слово *лѣсъ* есть имя существительное, вещественное и вдобавокъ собирательное (Урок. грам. изд. Мір. Вѣст. стр. 16); что слово «*урожай*» въ звательномъ падежѣ не измѣняется (стр. 23); что имена прилагательныя раздѣляются на качественныя, притяжательныя и обстоятельственныя? Спрашивается: неужели это принесетъ хоть малѣйшую пользу правописанію солдата? Между тѣмъ задача эта должна стоять на первомъ планѣ. Приложеніе правилъ грамматики всегда служило и служитъ камнемъ претыканія не только для простолюдина, но и для людей довольно развитыхъ. Нѣтъ ничего труднѣе для ума нашего, какъ приложеніе обобщеннаго, теоретическаго правила къ практическому случаю. Для нашего простолюдина далеко не легкая вещь выучиться и читать складно, плавно и внятно. Еще къ этому труду заставлять нашего солдата долбить склоненія, спряженія, формы сказуемыхъ или примѣры распространенныхъ, слитныхъ, сокращенныхъ предложеній и т. п., какъ это дѣлаютъ: Г. Новаковскій, Рязанцевъ, Составитель грамматики «Мірскаго Вѣстника», наконецъ Г. Золотовъ въ «Упражненіяхъ въ чтеніи и умственномъ развитіи» (на стр. 30 и 21)—есть дѣло въ высшей степени не практичное. Въ склоненіяхъ и спряженіяхъ и простой человѣкъ никогда не ошибается: грамматика языка не есть что-либо искусственное или изобрѣтенное, законы ея присущи нашему уму, суть слѣдствія способности нашей выражать внутренній нашъ міръ во внѣшнихъ формахъ (стр. 114). Солдатъ не скажетъ: *я шла, принеси мнѣ книгъ* и т. п. Правда онъ скажетъ *въ лѣсѣ* вмѣсто *въ лѣсу*, *на берегѣ* вмѣсто *на берегу*; но на этотъ разъ и грамматика не имѣетъ правилъ положительныхъ. Зато однимъ употребленіемъ, а не изученіемъ склоненій, онъ можетъ выучиться писать: *много дѣлъ*, а *не много дѣловъ*; и употребленіе же познакомитъ его съ среднимъ родомъ, котораго положительно не существуетъ въ нѣкоторыхъ нашихъ нарѣчіяхъ: грамматика не научитъ говорить *большое ружье*, вмѣсто, *большая ружье*. Правила грамматики, сколько ихъ ни зубри, не дадутъ подобнаго знанія Мы совер-

шенно согласны съ отзывомъ Редакціи журнала «Учитель» за 1861 годъ, которая при разборѣ грамматики Лапина, высказывается такимъ образомъ. «Прежде всего раждается вопросъ: «нужно ли грамматика для нашего простолюдина? Всякій, кто «вникаетъ въ потребности простаго человѣка и въ цѣль грам- «матики, отвѣтитъ отрицательно. Практическая цѣль изученія «грамматики состоитъ въ усвоеніи правилъ безошибочнаго «письма, а научить простолюдина безошибочно писать можно и «безъ грамматики, посредствомъ одного переписыванья и пись- «мѣ подъ диктовку». Мы прибавимъ и *посредствомъ указанія при диктовкѣ немудреныхъ правилъ.* Переписыванье съ печатной книги и диктовка не могутъ быть единственными средствами выучить провописанію въ школахъ, правильно организованныхъ, гдѣ ученики учатся грамматикѣ и языку въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; мы готовы сознаться съ современными педагогами [228]), что эти средства слишкомъ слабы, для того чтобы ученикъ сознательно усвоилъ правила грамматики, хотя въ нашей педагогической литературѣ и начинаютъ являться мысли, что изученіе грамматика въ нашихъ училищахъ идетъ само-по-себѣ а правописаніе само-по-себѣ [229]), но для народной школы, для школы первоначальной, солдатской считаемъ ихъ вполнѣ достаточными, въ виду тѣхъ многихъ требованій, которымъ эта школа должна наскоро удовлетворить. Пусть въ полковой унтеръ-офицерской школѣ вводятъ преподаваніе грамматики въ болѣе обширной и правильной системѣ; конспектомъ для него могутъ служить указанныя нами грамматики, особенно грамматики Гг. Новаковскаго и Рязанцева, какъ болѣе простыя. Размѣръ преподаванія грамматики въ полковой школѣ укажется рѣшеніемъ вопроса объ экзаменахъ нижнихъ чиновъ на первый офицерскій чинъ. Въ низшей солдатской школѣ диктовка, съ изъясненіемъ немудреныхъ правилъ грамматики, путемъ практическимъ, должна быть однимъ изъ средствъ къ усвоенію учениками правильнаго письменнаго языка. «Посред-

---

[228]) См. Отеч. Зап. 1868 г. № 6 Новыя книги стр. 216.

[229]) См. Чт. о восп. Юркевича. стр. 265.

«ствомъ упражненій въ письмѣ, говоритъ проф. Юркевичъ [230]), «слагается въ душѣ привычка говорить и писать безъ знанія «правилъ, а единственно потому, что иначе говорить и писать «не пріятно намъ. Это именно тотъ естественный методъ, кото- «рый долженъ господствовать въ начальной школѣ. Чтеніе раз- «личныхъ статей изъ школьной книги, частое повторенье и «ихъ прочное усвоеніе, упражненіе въ правильномъ выговорѣ «словъ и цѣлыхъ предложеній, записыванье, списыванье, дик- «товка должны развить въ ученикахъ привычки, которыя за- «мѣнили бы имъ изученіе грамматики.»

Замѣчательно что при систематическомъ изученіи грамматики всѣ приложенія грамматики къ письму отпадаютъ сами собою, какъ нѣчто мертвое и отжитое, какъ скоро ученикъ тѣмъ или другимъ путемъ завладѣлъ языкомъ. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать выписку изъ Ясной Поляны. Гр. Толстой самъ пытался ввести грамматику въ свою школу и результаты высказалъ въ одной изъ статей Ясной Поляны [231]); выпишемъ кое-что изъ этой статьи. «Мы дѣлали различныя попытки преподаванія грамматики въ нашей сельской школѣ, говоритъ онъ, и должны сознаться, что ни одно изъ нихъ не достигло цѣли—сдѣлать это преподаваніе занимательнымъ. Приложеній къ вѣрному письму никакихъ не было; а ссли и были, то болѣе ошибочныя, чѣмъ вѣрныя. Страннѣе и замѣчательнѣе всего, что грамматика скучна, не смотря на то, что нѣтъ ея легче. Единственное объясненіе необходимости грамматики въ низшей школѣ, кромѣ требованія на экзаменахъ, можетъ быть найдено въ приложеніи ея къ правильному изложенію мыслей. Въ своемъ личномъ опытѣ я не нашелъ этого приложенія, не нахожу его въ примѣрахъ жизни

[230]) См. Педагогич. Сбор. 1869 г. кн. XI. стр. 105 «Нѣсколько словъ о правописаніи».

[231]) См. Ясн. Полян. 1862 г. № 1. стр. 77 и 82. Противъ замѣчаній графа не можетъ не возстать русскій грамматикъ, но нельзя не согласиться, что въ нихъ много оригинальности. Эти мысли непремѣнно придутъ вамъ, когда вы будете сами преподавать русскій языкъ особенно въ низшей школѣ. Замѣчательно, что и авторъ статьи Педагог. Сборника отчасти выражаетъ тоже (примѣч. 230.)

людей, незнающихъ грамматики и пишущихъ правильно и кандидатовъ филологіи, пишущихъ неправильно; не нахожу почти ни одного намека на то, чтобы знаніе грамматики моими учениками прилагалось къ какому-либо употребленію. Мнѣ кажется, что грамматика идетъ сама собою, а языкъ—умѣнье писать, читать и понимать идетъ самъ-собою. Мы лично не можемъ еще вполнѣ отрѣшиться отъ преданія, что грамматика, въ смыслѣ законовъ языка, необходима для правильнаго изложенія мыслей; намъ даже кажется, что есть потребность грамматики въ учащихся, что въ нихъ безсознательно лежатъ законы грамматики, но мы убѣждены, что грамматика, которую мы знаемъ, совсѣмъ не та, какая нужна учащимся, и что въ этомъ случаѣ въ преподаваніи грамматики есть какое-то большое историческое недоразумѣніе. Ученикъ узнаетъ, что надо писать *ѣ* въ словѣ *себѣ* не потому, что оно въ дательномъ падежѣ, сколько бы разъ вы ему не говорили, и не потому только, что онъ слѣпо подражаетъ тому, что видѣлъ написаннымъ нѣсколько разъ, — онъ обобщаетъ эти примѣры, но только не въ формѣ дательнаго, а какъ-то иначе. Мы, точно такъ же, какъ въ обученіи грамотѣ, признаемъ и въ обученіи языку *всѣ извѣстные способы преподаванія грамматики не безполезными и употребляемъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они принимаются учениками, вмѣстѣ съ тѣмъ мы не признаемъ ни одного изъ этихъ пріемовъ исключительнымъ и пытаемся отыскивать новые пріемы.*» Послѣдняя замѣтка, я думаю, должна служить руководствомъ, для учителя солдатской школы: не нужно увлекаться въ обученіи языку никакимъ учебникомъ грамматики, а стараться научить учениковъ правильно излагать свои мысли самымъ практическимъ путемъ, путемъ возможно большаго указанія примѣровъ. Чѣмъ больше представляете вы вашему ученику случаевъ узнать употребленіе слова или приложеніе грамматическаго правила, тѣмъ лучше. Всякое правило, выведенное самимъ ученикомъ изъ данныхъ случаевъ, есть знаніе самостоятельное, слѣдовательно знаніе прочное. (стр. 78) Только не помогайте ему слишкомъ много въ этихъ выводахъ, не давайте ему нѣсколь-

кихъ правилъ заразъ. Въ правописаніи есть множество правилъ (кромѣ вышеприведенныхъ) которыя можно усвоить чисто механически, напр. постановка запятой предъ союзами: *что*, *чтобы*, *какъ*, *потому что* и др., такъ какъ этими союзами начинаются вводныя предложенія; употребленіе въ предложномъ на концѣ *ѣ* по вопросу «*гдѣ*» (въ полѣ) и въ винительномъ *е* по вопросу «*куда*» (въ поле); отличіе неопредѣленнаго наклоненія отъ 3 лица въ возвратныхъ глаголахъ—чрезъ прибавленіе вспомогательнаго «*будетъ*» (напр. учиться—будетъ учиться); узнаніе той или другой плавной буквы въ серединѣ слова чрезъ измѣненіе слова (*лавка*—*лавокъ*, *губка*—*губокъ* *желѣетъ*-*жаль*, *шолъ*—*вышелъ*).

Путемъ практики, по моему мнѣнію, можно научить учениковъ солдатской школы болѣе или менѣе правильной остановкѣ знаковъ препинанія. Сначала пусть ученики пишутъ болѣе отрывочнымъ слогомъ, предложеніями короткими такъ, какъ говоритъ наше простонародье. Эти короткія предложенія можно научить ихъ отдѣлять точкой или точкой съ запятой. Примѣръ такого языка представляетъ намъ «Путешествіе въ Арзерумъ» и «Полтава» Пушкина. Въ послѣдствіи времени очень не трудно пріучить ихъ эти короткія предложенія соединять чисто внѣшнимъ образомъ, посредствомъ союзовъ (уступительныхъ, условныхъ, раздѣлительныхъ и т. п.); такимъ образомъ мало по малу вы пріучите ихъ къ связной, періодической рѣчи, къ языку болѣе или менѣе литературному. Примѣръ такой постепенности можно видѣть въ представленныхъ мною примѣрахъ (стр. 295).

Также практикой ученики солдатской школы могутъ выучится: 1) употреблять прописныя буквы въ именахъ собственныхъ, безъ всякихъ раздѣленій существительныхъ по ихъ значенію, а единственно изъ примѣровъ; 2) употреблять *і* осмеричное по обыкновенному грамматическому правилу (понятіе о гласныхъ и согласныхъ звукахъ ученики усвоиваютъ въ началѣ обученія по звуковой методѣ; 3) употреблять *ъ* въ дательномъ и предложенномъ падежахъ нѣкоторыхъ именъ существительныхъ и мѣстоименій—также изъ примѣровъ; 4) раз-

личать окончаніе прилагательныхъ на *ой* и *ый*—по ударенію; 5) писать въ сравнительной степени *ѣ* (синѣе), а въ среднемъ родѣ *е* (синее)—по ударенію; 6) употреблять гдѣ нужно въ срединѣ слова букву *ъ*, списывая нѣсколько разъ тѣ слова, гдѣ употребляется эта буква въ корняхъ словъ (такихъ словъ не болѣе 80 или 100); 7) употреблять *ъ* въ неопредѣленномъ наклоненіи среднихъ глаголовъ и въ прошедшемъ времени нѣкоторыхъ глаголовъ—изъ примѣровъ; 8) различать, гдѣ писать предлоги отдѣльно и слитно—по смыслу; *дѣйствіе* и *названіе*, т. е. глаголъ, при которомъ пишутся предлоги слитно, и имена существительныя, при которыхъ предлоги пишутся отдѣльно — объяснить возможно; 9) правильно писать союзы, предлоги и нарѣчія—по примѣрамъ.

Сообщеніе правилъ правописанія возможно болѣе всего при диктовкѣ. Относительно приложенія диктовки къ грамматикѣ и къ обученію правильно писать нужно ограничиться слѣдующими правилами.

Диктовка начинается сначала статьями, которыя только-что прочитаны и объяснены ученикамъ, съ предупрежденіемъ ошибокъ, которыя они могли бы сдѣлать. Диктовать должно ясно, раздѣльно, чтобы до ученика ясно доходили всѣ тѣ звуки, которые онъ долженъ изобразить. Лучше диктовать меньше; но подробнѣе и нагляднѣе объяснять тѣ ошибки, которыя сдѣлали ученики. Выборъ статей для диктовки долженъ быть послѣдователенъ, чтобы ученикъ отъ менѣе труднаго переходилъ къ болѣе трудному. Статьи должны выбираться преимущественно такія, которыя содержатъ въ себѣ болѣе одинаковыхъ формъ, такъ чтобы ученикъ, пиша диктовку, могъ примѣнить замѣчаніе учителя нѣсколько разъ. Такимъ выборомъ статей отличается упомянутая нами христоматія Михайлова.

ЛЕКЦІЯ ВОСЬМАЯ

о составѣ солдатскихъ библіотекъ изъ книгъ преимущественно простонароднаго содержанія, чтеніе которыхъ можетъ способствовать къ умственному развитію солдата и къ его военному воспитанію.

Содержаніе лекціи. Важность выбора книгъ для чтенія солдатъ въ нашей войсковой школѣ; затруднительность, при настоящемъ состояніи нашей литературы, выбора книгъ для первоначальнаго чтенія въ солдатской школѣ, которыя бы могли служить для простолюдина-солдата постепеннымъ переходомъ отъ народнаго языка къ языку литературному; предвидится ли рѣшеніе этого вопроса; можно ли сдѣлать положительный выводъ изъ наблюденій надъ тѣми книгами, которыя особенно любитъ читать нашъ народъ, и можно ли сдѣлать какое-нибудь полезное приложеніе въ этомъ случаѣ къ народной школѣ; роль, которую могли бы имѣть въ образованіи народа и въ снабженіи его понятными книгами наши простонародныя и солдатскіе журналы; чѣмъ должны быть подобные журналы для народа и даютъ ли они именно тѣ результаты, какихъ отъ нихъ должно ожидать; степень пользы въ развитіи солдатъ, доставляемая нашими солдатскими журналами; отзывы о нихъ самихъ солдатъ; солдатскій журналъ: «Чтеніе для Солдатъ», его составъ, степень пригодности для солдатъ статей, помѣщаемыхъ въ немъ; возможность дѣлать изъ этихъ статей выборъ для объяснительнаго чтенія въ солдатской школѣ и для бесѣдъ преподавателя съ солдатами; будущее журнала; замѣтка о другихъ солдатскихъ журналахъ. Обзоръ и указаніе для солдатскихъ школъ книгъ а) духовно-нравственнаго содержанія, б) историческаго, в) повѣстей и разсказовъ и г) отдѣла географіи и естествознанія. I) книги духовно-нравственнаго содержанія. О чтеніи Библіи въ солдатскихъ школахъ; указаніе руководствъ по священной исторіи для солдатъ,—житій святыхъ; книги, объясняющія Православное Богослуженіе; книги для назидательнаго чтенія; важность религіознаго чтенія и собесѣдованія съ солдатами, имѣющаго цѣлью возбудить въ солдатахъ высокія чувства Христіанскаго самоотверженія, любви къ отечеству, къ вѣрѣ отцовъ, преданности и вѣрности Власти и человѣколюбія. II) Книги историчекаго содержанія: образовательное значеніе исторіи; возможно ли и нужно ли ознакомленіе солдата съ болѣе характерными отрывками изъ всеобщей исторіи; значеніе для войсковой школы русской исторіи; возбужденіе историческими разсказами и чтеніями патріотическаго чувства; указаніе книгъ подобнаго содержанія какъ-то: исторій, монографій, историческихъ повѣстей и т. п. III) Отдѣлъ повѣстей и разсказовъ: образовательное значеніе чтенія книгъ подобнаго рода для простолюдина или солдата; значеніе повѣстей изъ военнаго быта Погоскаго; нравственный элементъ въ повѣстяхъ; выборъ книгъ этого отдѣла. IV) От-

дѣлъ географіи и естествознанія; нужны ли свѣдѣнія, сообщаемыя этими книгами для нашего простолюдья или солдатства; планъ, которому долженъ слѣдовать преподаватель при передачѣ этихъ свѣденій; указаніе по этому отдѣлу книгъ, для чтенія солдатъ и для собесѣдованія съ ними преподавателя. Заключеніе лекцій.

Въ послѣдней лекціи мы указали только на ближайшія средства развить учениковъ солдатской школы. Объяснительное чтеніе, изложеніе мыслей на бумагѣ, диктовка, списываніе съ печатной книги и усвоеніе практикой немудреныхъ грамматическихъ правилъ, при условіяхъ солдатской жизни, не могутъ дать благопріятныхъ результатовъ, если не будутъ сопровождаться сознательнымъ чтеніемъ, которое, при постепенномъ своемъ ходѣ, знакомя простолюдина съ литературой и наукой, содѣйствуетъ развитію его. Говорятъ, какъ бы ни была хороша народная школа, она даетъ только средства къ развитію; но развить человѣка она не можетъ: у первоначальной школы народной или солдатской для этого слишкомъ мало средствъ [232]). Въ Западной Европѣ народная школа точно также не особенно сильно вліяетъ на развитіе народныхъ массъ: ихъ тамъ развиваетъ иная отъ нашей обстановка жизни, чтеніе простонародныхъ книгъ, дешевыхъ газетъ, народные театры и т. п. Но народная школа слишкомъ много отличается отъ нашей солдатской. Въ солдатской школѣ ученики взрослые, интересъ къ наукѣ возбудить въ нихъ всегда возможно Можно сказать положительно, что преподаватель солдатской школы въ этомъ случаѣ поставленъ въ несравненно лучшія условія, чѣмъ преподаватель народной школы (стр. 69 и 70). Учитель-офицеръ можетъ и бесѣдами своими и выборомъ книгъ для чтенія способствовать развитію солдатъ. Мы видимъ не рѣдко, что всѣ

[232]) Эта мысль была высказана нами въ началѣ VII-й лекціи что касается до нашихъ солдатскихъ школъ то мысль эту проводятъ и сами офицеры, которымъ эти школы поручены. Воен. Сбор. 1867 г. № 3 отд. неоф. стр. 50

удобопонятныя, доступныя книги солдаты читаютъ съ охотой, а иногда покупаютъ эти книги сами на свои скудные гроши.

Что касается до важнаго общеобразовательнаго значенія чтенія лучшихъ произведеній литературы по тѣмъ или другимъ отдѣламъ, то вліяніе ихъ на развитіе человѣка не сомнѣнно. Ходячее мнѣніе, по которому начитанность считается однимъ изъ существенныхъ признаковъ хорошаго образованія и наоборотъ недостаточное знакомство съ произведеніями литературы—признакомъ плохаго образованія, имѣетъ за собой самыя солидныя основанія. Мы будемъ имѣть случай въ срединѣ лекціи выяснить эти основанія. Потому рѣшеніе вопроса: какія книги дать въ руки нашему солдату, когда вы его выучили грамотѣ весьма важно. Мы замѣтили прежде, что нашъ солдатъ первоначально ограничивается только механическимъ чтеніемъ; въ одно время читать и понимать для него вещь трудная и немыслимая, сначала ему впору только совладѣть съ сочетаніемъ буквъ, оставя въ сторонѣ сочетаніе мыслей. Пусть будутъ первымъ матеріаломъ для этого чтенія статьи легкія и ему знакомыя, напр. молитвы, которыя онъ знаетъ, поговорки, которыя употребляетъ, нѣкоторыя обороты простонародной рѣчи и т. п. Какъ расположить далѣе самостоятельное, постепенное чтеніе для солдатъ, чтобы оно служило незамѣтнымъ переходомъ отъ механическаго чтенія къ разумному пониманію литературнаго языка?

Нечего говорить, что первоначальными книгами для самостоятельнаго чтенія нашего солдата должны быть такія книги, надъ которыми ему не приходилось бы много ломать головы; которыя бы были написаны языкомъ вполнѣ для него понятнымъ. Положимъ, такимъ матеріаломъ могутъ быть отрывки изъ библіи (хотя въ русскомъ переводѣ), книги, взятыя изъ народа же,—къ числу ихъ принадлежатъ: былины, духовныя народныя стихотворенія, историческія пѣсни, сказки и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что эти книги на первый разъ могутъ сосредоточить на себѣ вниманіе учениковъ солдатской школы. Языкъ ихъ для пониманія простолюдина легокъ, обороты рѣчи имъ отчасти знакомы, отчасти совершенно доступны, по своей про-

стотѣ. Но что же далѣе? Далѣе цѣпь обрывается: между нашимъ литературнымъ языкомъ и языкомъ простонароднымъ существуетъ бездна, которую наполнить трудно. Гдѣ найти матеріалъ, чтобы пополнить эту бездну—вопросъ трудно рѣшимый. Въ прошлой лекціи мы воспользовались мыслью автора Ясной Поляны—заставить составлять самихъ учениковъ народной школы понятныя книги для народа, и старались, отчасти на основаніи собственнаго опыта, отчасти на основаніи опытовъ другихъ, провести эту мысль; но прежде чѣмъ мы составимъ подобнымъ образомъ книги для простонародья, потребность учить народъ, учить нашего солдата все болѣе будетъ возрастать. Въ нашей литературѣ есть много книгъ, которыя бы съ удовольствіемъ и пользой прочелъ нашъ простолюдинъ, но чтобы простолюдинъ понялъ эти образцовыя творенія, ему много нужно читать. Чтобы съ пользой и охотно читать, нужно понимать что читаешь; здѣсь опять неисходный логическій кругъ. Какимъ образомъ нашъ простой народъ выйдетъ изъ этого круга—вопросъ пока неразрѣшимый. Вопроса этого никогда не рѣшить нашимъ образователямъ народа; его можетъ только разрѣшить время. По всей вѣроятности, причиной того, что народъ нашъ не понимаетъ литературнаго языка, оторванность наша отъ народа. При будущемъ сближеніи сословій, которому положено уже начало въ настоящее время, эта оторванность, эта двойственность должна рано-ли, поздно-ли изчезнуть. Можетъ быть, время создаетъ цѣлую переходную литературу и она сама собою составитъ матеріалъ для постепеннаго народнаго чтенія. Очень можетъ быть, что самъ народъ создастъ свой особый литературный языкъ, но что, при своихъ настоящихъ потребностяхъ, ему покамѣстъ нѣтъ нужды до нашего литературнаго языка. Это тѣмъ возможнѣе, что народный элементъ входитъ въ нашу литературу болѣе и болѣе. Есть уже и теперь немногіе отдѣлы нашей литературы, которые можетъ читать нашъ простолюдинъ безъ всякаго затрудненія. Или можетъ быть, прогрессъ особыми невидимыми, непостижимыми путями подѣйствуетъ и на нашу необразованную народную массу и знаніе литературнаго язы-

ка простолюдину дастся такъ же, какъ дается оно всѣмъ тѣмъ, кто начинаетъ чтеніе долбленіемъ букварей и чтеніемъ безтолковыхъ повѣстей московской фабрикаціи и мало по малу доходитъ до пониманія литературнаго языка. По этому же закону нашъ горожанинъ, начиная употреблять слова въ родѣ: «анбиція», «апекитъ», «центра», «тигра» сначала въ уродливомъ видѣ, постепенно пріучается выговаривать ихъ привильно и соединять съ ними надлежащія понятія. Всѣ эти мысли могутъ быть только предположеніемъ, которое въ свою очередь можетъ оправдаться и не оправдаться.

Говорятъ, чтобы составить курсъ постепеннаго чтенія для народа, нужно наблюдать за народомъ, подсмотрѣть что читаетъ болѣе всего народъ. Но для этого прежде всего нужно хорошихъ наблюдателей, которые бы понимали народъ и къ которымъ народъ относился бы съ полною откровенностію. Съ другой стороны наблюденія эти не всегда будутъ имѣть непремѣнно тотъ результатъ, котораго мы отъ нихъ ожидаемъ. Народъ читаетъ иногда много такихъ книгъ, которыя, дѣйствительно, безобразны и пошлы, въ родѣ Гуака или Францыля Венціана, которыя и раскупаются на Руси тысячами. Давать этимъ книгамъ какое-нибудь значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія и возлагать на нихъ надежду въ этомъ важномъ дѣлѣ было бы, конечно, крайнею нелѣпостью. Народъ читаетъ иногда всякую книгу безъ разбора; по крайней мѣрѣ во всякой книгѣ онъ чувствуетъ какое-то мистическое уваженіе: простолюдинъ, найдя книгу на дорогѣ не заботиться, какая она— русская, или иностранная, но прячетъ и хранитъ ее бережно. О книгѣ простолюдинъ не скоро выскажетъ свое мнѣніе положительно, какъ бы пусто и безъинтересно ни было ея содержаніе. Путевыя замѣтки Максимова и Якушкина доказываютъ [233]), что узнать въ этомъ случаѣ мнѣніе народа чрезвычайно трудно. Ко всѣмъ литературнымъ соглядатаямъ народъ относится крайне недовѣрчиво. Развѣ эти наблюденія могутъ привести къ весьма немногимъ выводамъ, которыя касаются

[233]) См. примѣч. 84-е и Пут. письм. И. Якушкина Спб 1860 г., стр. 41.

болѣе языка книгъ, читаемыхъ народомъ, нежели ихъ содержанія. Напримѣръ, можно изъ этихъ наблюденій вывести, что книги, читаемыя простонародьемъ, составляютъ что-то среднее между литературой, созданной самимъ народомъ, и литературой образованнаго общества. По содержанію, на первомъ планѣ въ числѣ книгъ, обращающихся въ народѣ, стоятъ книги духовнаго содержанія. Критики такихъ книгъ народъ не допускаетъ, хотя бы книга была и не понятна. И не понимая содержанія религіозной книги, простолюдинъ съ удовольствіемъ прислушивается къ ея святымъ звукамъ. На солдатъ, которые долго стоятъ въ средѣ иновѣрцевъ, производитъ потрясающее дѣйствіе родное церковное чтеніе и пѣніе, хотя бы богослуженіе совершалось въ какой-нибудь хатѣ. За книгами духовными слѣдуютъ книги самаго разнообразнаго содержанія: повѣсти, анекдоты, разсказы, путешествія и сказки. Изъ книгъ послѣдняго отдѣла простолюдину нравятся болѣе всего тѣ книги, гдѣ заключаются разсказы простонародные, также пословицы, былины, народныя пѣсни: ему любо видѣть отраженіе собственныхъ взглядовъ и мыслей въ печати. Но къ этимъ книгамъ народъ относится безъ особаго уваженія, считая ихъ чтеніе *баловствомъ* не болѣе. Мнѣніе нашихъ солдатъ о книгахъ то же самое, хотя они и не высказываютъ его явно. Наконецъ простолюдину нравятся книги, написанныя витіеватымъ языкомъ, въ родѣ «Битвы русскихъ съ Кабардинцами» и имъ подобнымъ. Почему ему нравятся эти именно книги? — это вопросъ. Въ Ясной Полянѣ разсказывается, что когда учитель Я—ской школы М. Б. вздумалъ прочитать сельскому старшинѣ отрывокъ изъ «Мертвыхъ душъ» и разсказъ попался о Плюшкинѣ, «онъ слушалъ,—потомъ посмѣялся надъ Плюшкинымъ и заключилъ, что ужинать пора,—наскучило видно ему чтеніе»[234]). Замѣтка эта очень краснорѣчива. Многіе повѣсти нашихъ великихъ писателей захватываютъ ту область русскаго быта, которая простолюдину вовсе не знакома и далеко для него не интересна. Сѣтованіе нашего поэта Некрасова, въ послѣднемъ

[234]) См. Журн. Ясн. Пол. 1862 г. № 1. стр. 92.

его произведеніи: «*Кому на Руси жить хорошо?*», на необразованность простонародья и желаніе, чтобы мужикъ несъ съ базара не портретъ Блюхера, а Бѣлинскаго и Гоголя, едва ли не одно изъ тѣхъ напрасно разточаемыхъ хорошихъ словъ, къ которымъ принадлежатъ попытки и нашихъ офицеровъ-преподавателей читать въ солдатскихъ школахъ статьи изъ современныхъ русскихъ журналовъ, просвѣщать солдата въ значеніи Пушкина, Тургенева и др. Послѣдній фактъ засвидѣтельствованъ въ одной изъ статей Военнаго Сборника [235]).

Объ устройствѣ перехода отъ народнаго къ литературному языку съ давняго времени заботятся наши, такъ называемые, народные журналы, спеціально—журналы для солдатъ. Съ давнихъ поръ на Руси ведутся эти журналы; [236]) нѣтъ спору, что задача ихъ почтенная, но долю пользы ихъ для народа опредѣлить весьма трудно. Журналы эти печатаются почти исключительно въ Петербургѣ; статьи въ нихъ пишутся тѣмъ разрядомъ педагоговъ, которые, живя въ столицахъ, знаютъ русскій народъ болѣе по теоріи, смотрятъ на него *изъ прекраснаго далека*, точно такъ же, какъ мы смотримъ на малолѣтнихъ учениковъ, которыхъ нужно учить не тому, чему они бы хотѣли выучиться, а что учители и родители признаютъ полезнымъ. Значительная часть статей въ этихъ журналахъ по большой части составляется назаказъ *спеціалистами народнаго образованія*; потому очень понятно, что эти статьи не всегда выходятъ удачны. Самые журналы держаться обыкновенно недолго, если имъ не помогаютъ какія-нибудь административныя учрежденія, дѣлая обязательнымъ ихъ выписываніе для всѣхъ школъ извѣстнаго вѣдомства. Въ слѣдствіе этого книжки журнала высылаются въ народныя школы (иногда даже далеко не своевременно, напр. книжки «Грамотѣя») и большею

---

[235]) См. Воен. Сбор. 1867 г. № 3 статью «Полковыя, унтеръ-офицерскія школы» стр. 313.

[236]) Таковы журналы: Сельское Чтеніе, Народное Чтеніе, Грамотѣй, Другъ народа, Мірской Вѣстникъ. Досугъ и Дѣло; три первые прекратили свое существованіе.

частію лежатъ тамъ неразрѣзанныя въ шкапахъ, назначенныхъ для помѣщенія библіотекъ, развѣ когда прочитаетъ ихъ сельскій учитель; простой же народъ этихъ журналовъ не знаетъ, ученики ихъ читать не могутъ, потому что плохо разбираютъ и понимаютъ. Большая часть подобныхъ журналовъ вскорѣ оканчиваетъ свое существованіе, если журналъ не соединится съ какимъ-либо другимъ изданіемъ. Примѣръ послѣдняго мы видимъ въ недавнемъ сліяніи «Мірскаго Вѣстника» съ «Чтеніемъ для Солдатъ», что даетъ возможность редактору однѣ и тѣ же статьи помѣщать разомъ въ обоихъ журналахъ. Примѣръ того, какъ плохо понимаются статьи народныхъ журналовъ крестьянами, можно видѣть въ отчетахъ нѣкоторыхъ сельскихъ учителей, помѣщенныхъ въ Ясной-Полянѣ [237]).

Въ войсковыхъ частяхъ нѣкоторыя статьи изъ солдатскихъ журналовъ, болѣе доступныя, читаются солдатами и ротными властями, т. е. твердо грамотнымъ унтеръ-офицерствомъ, а иногда и ротными офицерами, особенно когда рота стоитъ въ страшной глуши. Офицеры изъ унтеръ-офицеровъ обязательныхъ сроковъ службы или изъ бѣдныхъ дворянъ, прослужившіе долго въ нижнемъ званіи, читаютъ книжки солдатскихъ журналовъ съ удовольствіемъ, не торопясь. Дѣйствительно статьи солдатскихъ журналовъ писаны такимъ языкомъ, который доступенъ человѣку который что-нибудь почиталъ, но никакъ не солдату, только что выучившемуся читать, который не слышитъ и не слыхалъ другаго языка кромѣ языка простонароднаго [238]) Даже солдаты, болѣе развитые, чѣмъ большинство нижнихъ чиновъ нашихъ полковъ, (напримѣръ, въ артиллеріи

---

[237]) См. Ясн. Пол. 1862 г. Май стр. 43—45. Февр. стр. 73—76.

[238]) Не будемъ приводить выписокъ, для доказательства нашей мысли выписки эти сдѣланы отчасти на стр. 289-й; поставимъ рядомъ выписку изъ чисто народной книги и изъ Чтенія для солдатъ. «Жилъ былъ Царь у него были сынъ да дочь. Въ сосѣднемъ государствѣ случалась бѣда не малая, вымеръ весь народъ. Вотъ и проснтся старшій у Царя....» Это—выписка изъ народной сказки Сборника Аѳанасьева Мс. 1862 г. вып. № I, стр. 244; сдѣлаемъ выписку на удачу изъ первой попавшейся книжки Чтенія для Солдатъ, напр. изъ разсказа «Запѣвало Ефимовъ» (№ 11-й 1868 г) „Жизнь какого

о книжкахъ солдатскихъ журналовъ дѣлаютъ очень оригинальный, но вмѣстѣ строго справедливый отзывъ. «Въ Чтеніи для Солдатъ» замѣтилъ мнѣ недавно одинъ фейерверкеръ по поводу моего вопроса, «есть много, что читаешь съ понятіемъ, а есть много очень хитрыхъ статей, которыхъ, пожалуй, вовсе не поймешь. Бываетъ и такъ что солдатъ всю книжку зачитаетъ, а смыслу все не добьется». Когда учитель одной сельской школы прочиталъ мужикамъ статью изъ «Народнаго Чтенія» и потомъ спросилъ. «Чтоже, поняли, ребята?»—Знаемъ, отвѣчали слушатели, знаемъ какъ эту слову назвать, да не знаемъ къ чему она клонитъ». Отзывъ равносильный отзыву солдатъ о журналѣ, издаваемомъ для нихъ [239]).

Эти *хитрыя* статьи, въ которыхъ слушатели не понимаютъ *что къ чему клонитъ*, большею частію составляются такимъ способомъ. Положимъ, выходитъ въ свѣтъ сочиненіе Вамбери «Путешествіе въ Среднюю Азію» *литературный либорантъ* удаляется съ этой книгой въ свою мастерскую, и чрезъ нѣсколько дней является въ журналѣ, напримѣръ — Чтенія для Солдатъ, сокращенное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «*Кочующее племя Туркменовъ*»; двѣ, три картинки для статьи заимствуются изъ журнала «Voleur или Illustrirtewelt». Съ самого же начала этой статьи предлагаются читателю свѣдѣнія, что на *южномъ берегу Каспійскаго моря, въ степяхъ, кочуютъ Туркмены*, что *они препятствуютъ нашимъ торговымъ сношеніямъ съ Астрабадомъ*; что *это вынудило русское правительство учредить близъ Ашуръ-аде морскую станцію, для наблюденія за хищными Туркменами*; что *нравы и обычаи этого племени описаны* французскимъ путешественникомъ *Блоквилемъ* и т. п.

бы то ни было, хотя и самаго незначительнаго человѣка всегда почти бываетъ чѣмъ-либо замѣчательна, а особливо жизнь нашего брата солдата и т. д. Разскрываемъ 5 № Ч. д. С. 1867 г. статью: Севастополь и его доблестные защитники". Французы и Англичане убѣдились окончательно, что прежде чѣмъ начать новый штурмъ Севастополя, необходимо какъ можно ближе подвинуться къ нашимъ укрѣпленіямъ траншеями. Въ это время къ общей горести всѣхъ защитниковъ Севастополя раненъ былъ и проч. Нельзя не согласиться, что языкъ того и другаго отрывка далеко различенъ.

[239]) См. Яснп. Пол. 1862 г. Май стр. 45.

Все это хорошо; но дѣло въ томъ, что эти свѣдѣнія интересны для насъ съ Вами, Гг! которые немного знаемъ и географію, изрѣдка почитываемъ газеты; ясно, что мы прочтемъ эту статью охотно, если до насъ не дойдетъ переводное сочиненіе Бамбери; но будутъ ли понятны эти свѣдѣнія солдату—это дѣло, которое еще нужно рѣшить. Знаетъ ли солдатъ, гдѣ Каспійское море, гдѣ Астрабадъ, гдѣ Персія; какая нужда солдату до Блоквиля,—это вопросы, которые не мѣшало бы автору предъусмотрѣть прежде, чѣмъ обзадачивать своего немудренаго читателя-солдата градомъ словъ, для него совершенно непонятныхъ. Вотъ другой примѣръ составленія статей для солдатскаго журнала. Англичанинъ Диксонъ издаетъ свое *Путешествіе въ Св. землю*; путешествіе переводится на русскій языкъ; иллюстрированный журналъ «Всемірный путешественникъ», 1869 г. въ 5 т. на стр. 338, дѣлаетъ выборъ изъ этого путешествія, пополняя его отчасти Норовымъ, Муравьевымъ и другими путешественниками въ Палестину. Въ № 21 «Чт. д. Сол» 1869 г. является статья: «*Разсказы странника о Св. землѣ*» Что же выходитъ? Путешествіе Диксона на англійскомъ языкѣ отличается особою оригинальностью наблюденій, мастерскимъ разсказомъ и художественностью описаній (религіознаго взгляда мы не касаемся); въ русскомъ переводѣ эта оригинальность Диксона отчасти еще сохраняется; во Всемірномъ Путешественникѣ разсказы о Палестинѣ превращаются въ обыкновенный текстъ къ картинкамъ; а въ солдатскомъ журналѣ статья о Св. Землѣ состоитъ изъ сухихъ перечисленій мѣстностей, безъ всякой жизни и плана, и занимаетъ не болѣе 13-ти страничекъ. Иногда составители статей журнала пробавляются стариной: рядъ статей въ Чт. д. Сол. 1868 г. «*Русскій матросъ въ Китаѣ*», есть компиляція, сдѣланная изъ Цитенова «Ліу-Пайо или разсказовъ изъ китайской жизни» (Спб. 1860 г.) «*Славная оборона Троицко-Сергіевской Лавры*», помѣщенная въ Чт. д. Сол. за 1868 г. (№ 3), заимствована изъ разсказовъ и повѣстей Разина, назначенныхъ для взрослыхъ дѣтей. Помѣщенная въ № 7 Чт. д. Сол. 1866 г. повѣсть «*Нашла коса на камень*» есть передѣлка извѣстнаго разсказа Погоскаго

«*Солдатское пиво*„. "*Разсказъ про былое*» (1868 г. въ № 15. стр. 78) есть перепечатка повѣсти "*Иванъ Сусанинъ*„, помѣщенной въ томъ же журналѣ 1866 г. № 11. Понятно, что такой способъ пополнять матеріаломъ для чтенія книжки солдатскаго журнала исключаетъ всякую мысль о какомъ бы то ни было планѣ и не можетъ имѣть въ виду какой либо образовательной цѣли для нашего солдата. Мы не говоримъ о томъ, что всякая передѣлка сочиненія отнимаетъ у него жизнь и его оригинальность. Если авторы статей "Чт. д. Сол.„ не могутъ пополнять страницъ журнала статьями оригинальными; то что же препятствуетъ имъ заимствовать статьи изъ популярныхъ заграничныхъ журналовъ: во всякомъ случаѣ статьи всегда выходили бы лучше и богаче содержаніемъ настоящихъ. Въ этомъ отношеніи французы особенно мастера популяризовать самыя строгія научныя факты и выводы. Таково популярное изложеніе отрывковъ изъ исторіи и естественныхъ наукъ напримѣръ въ Magazin pilloresque, книгѣ, по справедливому замѣчанію Лабулэ [240]) положившей начало народному воспитанію во Франціи. Оно находило и у насъ много подражаній въ нашихъ журналахъ,—Живописномъ Обозрѣніи и Живописномъ Сборникѣ. Эти журналы, какъ энциклопедія и въ настоящее время имѣютъ свою цѣну для людей, занимающихся воспитаніемъ. Наконецъ если Г. Редакторъ при составленіи статей солдатскаго журнала имѣетъ въ виду то обстоятельство, что многія хорошія книги не доступны средствамъ солдатской школы, то почему въ журналѣ не перепечатывать отрывки изъ такихъ сочиненій, какъ напримѣръ, Майнъ-Ридъ, Ліу-Пайо, Кенъ Вамбери. Эти сочиненія если не цѣликомъ, то большая часть изъ нихъ можетъ быть доступна пониманію болѣе развитыхъ нижнихъ чиновъ, для которыхъ и въ настоящее время собственно приходятся пригодными книжки Чт. д. Сол. Дѣйствительно нельзя не сознаться, что статьи Чт. д. Сол. въ своемъ большинствѣ могутъ быть доступны ученикамъ только полковой унтеръ-офицерской школы. Но какъ не грустно, что журналъ не позаботиться о

[240]) См. Публ. Чт. Эд. Лабулэ о народ. образ. Спб. 1867 г. стр. 53.

развитіи большинства нашихъ солдатъ, а имѣетъ въ виду одного изъ десяти, да и того меньше? Почему не перепечатывать въ журналѣ цѣликомъ разсказы въ родѣ разсказа Разина *Осада Троицко-Сергіевой Лавры*, а непремѣнно стараться переиначить его; пусть передѣлка касается слишкомъ книжныхъ выраженій, не трогая цѣлаго направленія книги, не дѣлая исключеній изъ отрывковъ нашихъ лѣтописцевъ, которые здѣсь приводятся иногда цѣликомъ. Впрочемъ примѣры подобнаго заимствованія мы видимъ въ № 7 этого журнала за 1863 годъ, въ № 7-мъ 1862 года, въ № 3-мъ 1863 года, гдѣ перепечатаны "Бирюкъ,, Тургенева, "Святославъ князь Лядскій,, Разина "Постоялый дворъ, Тургенева.

Лучшій отдѣлъ журнала Чт. д. Солд.—это повѣсти изъ народнаго быта и историческіе разсказы, хотя послѣдніе часто напоминаютъ своимъ слогомъ и содержаніемъ тотъ ложный сантиментальный тонъ, съ которымъ мы знакомы по первоначальнымъ опытамъ историческаго романа въ Россіи, по повѣстямъ Булгарина, Загоскина и друг. и начало котораго мы находимъ въ Карамзинской Маѳѣ Посадницѣ "Раздался звукъ набатнаго колокола и вздрогнули сердца въ Новгородѣ и т. д. Въ солдатскомъ журналѣ читаемъ: "Ровно за 186 лѣтъ до нашего времени въ Москвѣ золотоглавой совершилось великое событіе.,, и т. д. Беллетристическій отдѣлъ Чт. д. Солд. далъ и за прежніе годы много хорошихъ повѣстей, принадлежащихъ перу нашихъ талантливыхъ разскащиковъ—Погосскаго, Даля, Аѳанасьева-Чужбинскаго и друг. Что касается до отдѣла естественнаго, то не смотря на то, что по этому отдѣлу издано журналомъ много статей въ родѣ учебниковъ для солдатскихъ школъ, онъ страдаетъ тѣмъ же отсутствіемъ системы и плана. Статьи являются случайно: въ одной книжкѣ говорится о дикихъ животныхъ южныхъ жаркихъ странъ; въ слѣдующей авторъ желаетъ разсказать всю ботанику на 10-ти страницахъ; а въ слѣдующихъ книжкахъ разсуждаетъ о морѣ, объ атмосферѣ—и все это излагаетъ коротко, отрывочно, такъ что полуграмотный читатель не вынесетъ изъ чтенія статьи ничего опредѣленнаго. Возьмемъ для примѣра одинъ изъ недавнихъ раз-

сказовъ этого журнала въ отдѣлѣ: «О замѣчательныхъ явленіяхъ природы» — *Вихри и Бури*. Г. Марковъ на 7-ми страничкахъ пытается дать своему читателю понятіе объ атмосферѣ, о ея высотѣ, о вѣтрѣ и его быстротѣ, о буряхъ, ураганахъ, о штормѣ, оканѣ, бѣломъ шквалѣ, борѣ, буранѣ, самумѣ, сирокко; о пользѣ вѣтра, о полосахъ безвѣтрія. Статья по необходимости вышла до послѣдней возможности короткая, сухая, состоитъ изъ однихъ географическихъ опредѣленій и номенклатуры, а описаніе самыхъ явленій не даетъ объ нихъ никакого понятія. Спрашивается, что же вынесетъ изъ ея чтенія нашъ солдатъ? Вообще не оспаривая той доли пользы, которую приносятъ статьи подобнаго рода и самое существованіе Чт. д. Солд., мы должны замѣтить, что статьи подобнаго рода могутъ быть усвоены нашими солдатами только въ томъ случаѣ, когда онѣ будутъ служить матеріаломъ для классныхъ бесѣдъ офицера преподавателя съ своими учениками. Въ такомъ случаѣ подобнаго рода статьи будутъ программой для преподавателя, а для учениковъ конспектомъ, по которому они могутъ повторить разсказъ учителя. Не можемъ еще не замѣтить, что этотъ солдатскій журналъ будетъ только тогда соотвѣтствовать своей цѣли, когда войдетъ въ тѣсную связь съ нашей арміей и съ нашей солдатской школой; когда въ немъ будутъ помѣщаться доступныя статьи, принадлежащія перу нашихъ преподавателей солдатскихъ школъ, которые видятъ на опытѣ необходимость усвоенія солдатами того или другаго знанія и степень пониманія того или другаго научнаго пріобрѣтенія, даже книжнаго выраженія.

Лучшимъ журналомъ для солдатъ былъ въ свое время «Солдатская бесѣда», издававшаяся Погоскимъ благодаря преизобилію въ ней статей самого издателя. Но какъ скоро этотъ журналъ, превратившись въ Досугъ и Дѣло, взялъ на себя болѣе обширную программу, то стало замѣтно тотчасъ же, что тѣ задачи, которыя онъ взялъ на себя разработывать, рѣшаются имъ иногда весьма слабо и неудовлетворительно. Только тѣ книжки Досуга и Дѣло, въ которыхъ помѣщаетъ свои сочиненія талантливый Редакторъ, отличается своей занима-

тельностью и прочитываются солдатами съ живымъ интересомъ. Какъ яркіе проблески его таланта, явились въ послѣднее время двѣ повѣсти автора: «*Неспособный человѣкъ*» и «*Сорочьи гнѣзда*» Что касается до «Солдатской Бесѣды» Погоскаго (не Дерикера) 1861—63 годовъ, то всѣ книжки ея читались солдатами съ живымъ удовольствіемъ.

Для состава солдатской библіотеки можно выписывать изъ Редакціи Чт. д. Солд. тѣ статьи, о продажѣ которыхъ публикуется, какъ объ отдѣльныхъ книжкахъ или выпускахъ.—Выборъ этихъ книжекъ Редакціею по большой части удаченъ, по крайней мѣрѣ она публикуетъ и выдаетъ отдѣльные оттиски только статей и повѣстей, дѣйствительно очень хорошихъ и для солдатской школы полезныхъ. Если редакція выдала книжки, въ родѣ упрощенныхъ грамматикъ, ариѳметикъ и т. п; то это дѣло минувшихъ дней,—того прошлаго, когда, подъ вліяніемъ новыхъ идей, у насъ всѣ принялись учить народъ и солдатъ, не справляясь съ пріемами никакихъ дидактикъ, а по одному крайнему разумѣнію; когда составленіе учебниковъ для солдатъ измѣрялось не опытностью составителя, а быстротою его въ приготовленіи книгъ подобнаго рода, какъ будто, нужда была, нетерпящая отлагательства. Выборъ статей изъ журнала, для чтенія солдатамъ или для бесѣды съ солдатами въ школѣ, учитель солдатской школы долженъ дѣлать непремѣнно, самъ, прочитывая предварительно выходящія книжки.

Отъ періодическихъ изданій въ народномъ духѣ перейдемъ къ указанію отдѣльныхъ книгъ, пригодныхъ для солдатскихъ школъ. Книги эти дѣлятся на два разряда: 1) на книги для чтенія самихъ солдатъ и 2) на книги, для бесѣды преподавателя съ учениками, послѣ которой книга выдается на руки желающимъ. Къ первому отдѣлу должны принадлежать почти всѣ книги религіознаго содержанія, а также народные повѣсти и разсказы, къ второму—большая часть книгъ историческихъ, географическихъ и относящихся къ естественнымъ наукамъ.

1.

а) Первое мѣсто въ библіотекѣ солдатской школы должны занимать книги религіознаго содержанія, и между ними первое

должно принадлежать Библіи. При настоящей возможности, данной такъ недавно русскому простонародью,—читать Священное Писаніе на живомъ, современномъ языкѣ или, по крайней мѣрѣ, при чтеніи и по церковно-славянски,—находить смыслъ текста въ русскомъ переводѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что историческія книги Ветхаго и Новаго Завѣта сдѣлаются любимымъ чтеніемъ нашихъ простолюдиновъ и солдатъ. Это подтверждаетъ быстрая распродажа одного въ слѣдъ за другимъ изданій Евангелія на русскомъ языкѣ, предпринятыхъ въ огромныхъ размѣрахъ. Я ежепедѣльно имѣю случаи наблюдать, съ какимъ вниманіемъ и живымъ увлеченіемъ наши солдаты слушаютъ чтеніе простаго библейскаго разсказа. Если вѣра есть та *живая струя въ сердцѣ человѣка,* отъ которой въ жизни его *проистекаетъ* столько великаго и святаго [241]); то библія, эта несравненная лѣтопись Св. Вѣры, исторія Царства Божія на землѣ, есть исторія всего человѣчества. Для христіанскаго взгляда на міръ исторія человѣчества не мыслима безъ свѣта Откровенія. Христіанское міросозерцаніе такъ обширно, такъ возвышенно, что знакомство съ нимъ есть познаніе разума и свѣта. Всякій ученикъ-простолюдинъ, поступающій въ школу, будетъ ли онъ мальчикъ, или человѣкъ взрослый, какъ нашъ солдатъ, если онъ нигдѣ до тѣхъ поръ не учился, вноситъ съ собой въ школу свой особый, любимый имъ взглядъ на вещи; взглядъ этотъ вынесенъ изъ жизни и, само собою разумѣется, очень часто бываетъ не вѣренъ. Цѣль школы—образованіе ученика; слѣдовательно школа прежде всего должна позаботиться, чтобы ея ученикъ созналъ ошибочность взгляда, имъ вынесеннаго изъ жизни, чтобы онъ почувствовалъ прелесть того новаго міросозерцанія, которое ему откроетъ наука. Какъ поднять для взоровъ вашего необразованнаго ученика ту таинственную завѣсу великаго міра знанія, чтобы онъ понялъ все обаяніе знанія, чтобы онъ возвысился надъ тѣмъ узкимъ міросозерцаніемъ, которымъ надѣлила его бѣдная разнообразіемъ и духовнымъ просвѣщеніемъ, его будничная жизнь

---

[241]) Іон. XI, 38.

У первоначальной школы нѣтъ другихъ средствъ на это, кромѣ Библіи, великой Книги Откровенія. «Всѣ вопросы, говоритъ одинъ писатель, изъ явленій природы объяснены этой книгой, всѣ первоначальныя отношенія людей между собою, семьи, государства въ первый разъ познаются по этой книгѣ. Божественная мудрость въ простой формѣ захватываетъ своимъ обаяніемъ умъ ученика.» Говорятъ, что у грековъ не мыслимо было образованіе безъ Гомера, у христіанъ, можно сказать положительно, не можетъ быть образованія безъ знанія Библіи.

Вспомнимъ нашъ дѣтскій возрастъ, когда предъ нами въ первый разъ раскрыли эту святую книгу. Какой бездной добра, сколькими счастливыми минутами въ своемъ несравненномъ дѣтствѣ мы обязаны святымъ Ея страницамъ. Кого изъ насъ не поражала величественная доброта и простая вѣра Отца вѣрующихъ Авраама; кто не сочувствовалъ бѣдствіямъ прекраснаго сына Израиля—Іосифа или праведнаго Іова? Какимъ героемъ представлялся намъ весь народъ еврейскій, подъ предводительствомъ вѣрнаго слуги своего Господа, Моисея! Какимъ свѣтлымъ и святымъ возставалъ въ нашимъ дѣтскихъ мечтахъ великій образъ этого Пророка—Вождя; сколько потрясающаго производили на насъ слова Второзаконія, которыми оканчиваетъ священный писатель описаніе его жизни: *И умеръ Моисей, рабъ Господень въ землѣ Моава, по слову Господню. Не бывало еще у Израиля пророка такого, какъ Моисей!*» [242]) Гдѣ мы найдемъ столько прекрасныхъ примѣровъ патріотизма, любви къ своему народу и вѣрѣ своихъ отцевъ, какъ не въ Священной Исторіи? Довольно вспомнить изъ Исторіи Судей тотъ цѣльный типъ еврейскаго героя, незнающаго покоя и предѣловъ въ своей враждѣ къ непріятелю, угнѣтающему избранный Богомъ народъ, котораго образъ такъ полонъ въ его предсмертный молитвѣ: *Іегова! Вспомни меня и укрѣпи меня хоть на этотъ разъ. О Боже: чтобы отмстить врагамъ*, который выразился весь въ восторженномъ

[242]) Второз. XXXIV, 5, 10.

восклицаніи, предшествующемъ его гибели вмѣстѣ съ врагами: *умри душа моя съ Филистимлянами!* [243]) Таковы, вѣроятно, были предсмертныя размышленія и нашихъ героевъ солдатъ, которые жертвовали жизнью для погибели враговъ, когда они твердой рукой поджигали фитилемъ пороховыя погреба въ крѣпостяхъ, взятыхъ непріятелемъ, истребившимъ весь нашъ гарнизонъ.

Развѣ возможно хладнокровно читать исторію пророковъ Израиля, этихъ бойцовъ за святое дѣло вѣры, за жизнь, за честь своихъ единоплеменныхъ; этихъ людей, которые, по замѣчаніи Апостола, *были замучены, не принявъ освобожденія, дабы получить лучшее воскресеніе, которые скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли, а между тѣмъ ихъ весь міръ не былъ достоинъ.* [244]) Между ними рѣзко выдѣляется образъ громоноснаго пророка Иліи, строгаго пустынника, неподкупно правдиваго, всегдашняго защитника угнѣтенныхъ и обличителя притѣснителей, падавшаго къ нимъ, какъ снѣгъ на голову, строгаго ревнителя правой вѣры, котораго такъ характеризуютъ его собственныя слова на Хоривѣ: *ревнуя поревновалъ о Господѣ Богѣ Савао̀тѣ* [245]) или слова Ахава, когда онъ осматривалъ невинной кровью пріобрѣтенное имѣніе: «*Нашелъ ты меня непріятель мой!*» [246]).

Всѣ эти разсказы въ томъ видѣ, какъ они находятся въ Библіи, слушаются солдатами съ неподдѣльнымъ вниманіемъ; они благодарятъ васъ, когда вы имъ ихъ прочитаете. Самыя повѣствованія дѣйствуютъ на нихъ несравненно лучше многихъ нравоученій, что и понятно послѣ соображенія тѣхъ выводовъ, которые мы дѣлали въ прежнихъ нашихъ лекціяхъ (стр. 82). Всякій самостоятельный выводъ, всякое познаніе, пріобрѣтенное самимъ ученикомъ, лучше имъ цѣнится и крѣпче усвоивается, если получается имъ не въ готовомъ видѣ, а въ формѣ вывода (стр. 78 и 79). Изъ библейскаго разсказа выводъ не труденъ, онъ всегда положителенъ: въ немъ не ошибется и самый простой умъ. Что касается до Евангелія, то здѣсь еще менѣе

[243]) Суд. Изр. XVII, 28—39. [244]) Евр. XI, 35 и 38. [245]) 3 цар. XIX, 10.
[246]) Тамъ же XXI, 20.

нужно выводовъ, здѣсь еще менѣе нужно объясненій. Простой разсказъ о томъ, *что Іисусъ Христосъ дѣлалъ и чему училъ отъ начала до того дня, когда вознесся* [247]), прямо дѣйствуетъ на сердце и *сердцемъ вѣруется* [248]) и понимается. Когда читается въ солдатской школѣ нагорная проповѣдь Спасителя, ученики заучиваютъ сами ея слова, безъ всякаго требованія учителя, такъ она ихъ поражаетъ своею простотою и несравненнымъ величіемъ.

Вообще нужно замѣтить, что какъ бы ни хороша была Священная Исторія, написанная для народной или солдатской школы, она рѣдко можетъ дать тѣ результаты, которые даетъ чтеніе библейскаго разсказа или чтенія Евангелія. Нашимъ законоучителямъ народныхъ школъ давно бы пора сознать, что лучшими руководствами, для преподаванія Закона Божія въ низшихъ школахъ, могутъ быть только сборники изъ отрывковъ священныхъ книгъ библейскихъ. Задача вся въ удачномъ выборѣ этихъ отрывковъ. Священная Исторія, весьма близкая къ библейскому разсказу Прот. Базарова выдержала такое множество изданій и такъ распространилась всюду, благодаря именно своей формѣ. Примѣръ такого сборника отрывковъ изъ Св. Писанія представляетъ книга, употребляющаяся въ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: *Чтеніе изъ книгъ Ветхаго Завѣта* (Москва 1843 г. и Кіевъ 1866). Продолженіе книги составляетъ извѣстное изданіе Министерства Народ. Просвѣщ. *«Чтеніе изъ четырехъ Евангелистовъ»*. Сборники эти составлены очень давно и отличаются своею неполнотою; при настоящемъ переводѣ почти всѣхъ книгъ Свящ. Писанія на русскій языкъ, сборникъ такой можетъ быть составленъ полнѣе.

Кромѣ его могутъ быть указаны для библіотекъ солдатской школы извѣстныя у насъ Священныя Исторіи: 1) *Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, Свящ. Попова* (Спб. 1868 г. двѣ книжки 60 к.); книга можетъ быть пріобрѣтена положительно только для чтенія солдатъ; потому что многія подробности историческихъ объясненій къ солдатской школѣ не

[247]) Дѣян. I, 1. [248]) Рим. X, 10.

идутъ. 2) *Начальное наставленіе въ Православной Христіанской вѣрѣ, Протоіер. Соколова* (Спб. 1868 г. изд ред. Досугъ и Дѣло») 3) *Краткая Священная Исторія*, Н. Ушакова (Спб. 1864 г. ц. 4 коп.) Первая книга можетъ служить для чтенія солдатамъ, а вторая для обученія ихъ Закону Божію; особенность изложенія Новозавѣтной исторіи въ послѣдней та, что исторія разсказывается по порядку 12-ти годовыхъ праздниковъ. Языкъ ея простъ и понятенъ, изложеніе краткое. 4) *Избранныя мѣста изъ Св. Евангелистовъ*, А. Невскаго (Мос. 1863 г. ц 8 коп.) Этотъ сборникъ вполнѣ народный, короткій, но весьма удачный, въ который вошли главныя и болѣе пространныя бесѣды І. Христа. Продолженіемъ книжки служитъ книга Невскаго: *Избранныя мѣста изъ Дѣяній и Посланій Св. Апостоловъ* (Спб. 1863 г.). 5) *Краткія повѣствованія изъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта*; (изд. Ред. Чтен. д. Солд. 1868 г. двѣ книги, цѣна 60 коп.) содержаніе книги большею частію вошло въ Книгу для Чтенія, о которой мы говорили на страницѣ 277-й. Изданіе Золотова: *54 разсказа изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта* (Спб. 1861 г. ц. 15 коп.), которое служитъ текстомъ къ картинамъ нашего художника Сапожникова, составлено очень неудачно и написано тѣмъ высокопарнымъ, витіеватымъ языкомъ, котораго не понимаютъ наши простолюдины; картины, въ 4-ю долю листа, великолѣпны (ихъ цѣна 2 р. 50 к.). Къ числу книгъ библейскаго содержанія относятся: 6) *Притчи Христовы*, изданныя редакціею «Странника», съ 20 рисунками (Спб. 1864 г. ц. 20 к.); книга содержитъ текстъ притчей І. Христа, съ короткимъ объясненіемъ и 7) *Притчи Христовы*, въ 7-ми выпускахъ, изданіе Мірскаго Вѣстн. (Спб. 1865 г. цѣна за каждый выпускъ 5 к.); всѣ притчи здѣсь пространно разъясняются, хотя изложеніе и не вездѣ понятно для простаго человѣка.

б) Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ народныхъ книжекъ духовно-нравственнаго содержанія, представляющихъ собою: назидательное чтеніе, разсказы изъ жизни святыхъ и отрывки изъ писаній Св. Отцевъ. О всѣхъ этихъ книгахъ, изданныхъ для народа, нашъ опытъ преподаванія въ солдатскихъ школахъ заставляетъ отнестись такъ.

Весьма малая часть ихъ доступна пониманію нашего простолюдья; потому пониманіе ихъ обусловливается для большинства учениковъ солдатской школы объясненіями законоучителя и начитанностью читателя. Большая часть этихъ сочиненій написана тѣмъ полуславянскимъ, тяжелымъ языкомъ [249]), который мы не рѣдко встрѣчаемъ въ нашей духовной литературѣ. Наше церковное проповѣдничество и литература исключительно образовывалась по древнимъ и высоко обработаннымъ греческимъ образцамъ, которымъ чуждъ еще простой невыработанный синтаксисъ нашей простонародной рѣчи. Потому понятно, что въ то время, какъ наша духовная литература изобилуетъ самыми разнообразными сочиненіями, потребность религіознаго чтенія въ народѣ не поддерживается книгами, ему доступными. Гдѣ понять нашему едва выучившемуся грамотѣ солдату книги въ родѣ тѣхъ, которыя пишутся для его духовно-нравственнаго просвѣщенія. Раскрываемъ одно сочиненіе и читаемъ: «По своей дѣятельности апостольской Св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ являетъ великое свѣтило въ Церкви Христовой.» (Жизнь Св. Іоанна Богослова, стр. 1-я) Раскрываемъ другое: «Съ паденіемъ человѣка, отъ зловреднаго вліянія грѣха супружеское состояніе подверглось многимъ безпорядкамъ». (Изъ книги о таинствѣ брака, лист. 14-й). Я пробовалъ прочитать эти отрывки въ солдатской школѣ, ученики не поняли ничего. Между тѣмъ нашъ солдатъ, какъ и всякій простолюдинъ, религіозенъ; потребность въ немъ нравственнаго чтенія иногда довольно жива. Мнѣ однажды привелось видѣть въ солдатской школѣ такой случай, что солдатъ именно потому не хотѣлъ выучиться грамотѣ и пріучиться порядочно читать, что ему давали для чтенія то басни, то сказки; когда же ему попалась доступная книга духовнаго содержанія, то онъ очень скоро

---

[249]) Издатель одного духовнаго журнала во всѣхъ статьяхъ, поступавшихъ въ редакцію, ревниво вычеркивалъ слова въ родѣ: угождать, милостыня, важный, бодро и замѣнялъ ихъ всегда словами: благоугождать, благостыня, благознаменитый, благодушно; слово—дисциплина въ войскахъ онъ замѣнилъ однажды словомъ: благоустройство, въ другой разъ: благопокорность.

выучился читать, и съ тѣхъ поръ книги такого рода сдѣлались для него любимымъ чтеніемъ. Мысль нѣкоторыхъ изъ корифеевъ нашей литературы, будто нашъ народъ холоденъ къ религіи, есть одна изъ самыхъ возмутительныхъ клеветъ на нашъ народъ: нелѣпость ея ясна для всѣхъ тѣхъ, кто близко обращается съ народомъ.

Лучшими изъ существующихъ у насъ книгъ духовнаго содержанія, послѣ священныхъ исторій, можно считать жизнеописанія святыхъ. Историческій разсказъ всегда доступенъ простолюдину болѣе, чѣмъ догматическія сочиненія (стр. 81). Я прочитывалъ эти сочиненія [280]) въ низшихъ солдатскихъ школахъ, измѣняя нѣкоторыя выраженія въ болѣе трудныхъ мѣстахъ, при самомъ чтеніи, и дѣйствіе на слушателей было замѣтно: они, какъ и каждый изъ насъ, увлекались высокими идеалами христіанства, послѣдовательной, строгой дѣятельностью нашихъ отшельниковъ; разсказъ былъ для нихъ большею частью понятенъ, по крайней мѣрѣ всѣ ученики пересказывали то, что прослушали. Къ числу этихъ книгъ, полезныхъ для солдатской школы, можно отнести изданія «Мірскаго Вѣстника». Житій Святыхъ издано до сихъ поръ имъ 33 книжки; цѣна каждой отдѣльно, состоящей изъ 6—20 страницъ, отъ 7 до 10 к. Цѣна чрезвычайно дешевая, если взять въ расчетъ опрятное, почти изящное изданіе каждой книжки и прекрасные рисунки, приложенные чуть не къ каждой книжкѣ, такъ что нельзя не благодарить Редакцію за ту жертву, которую она сдѣлала изданіемъ этихъ книжекъ отдѣльно отъ журнала, тѣмъ болѣе, что иногородные книгопродавцы, привыкшіе къ большимъ процентамъ на книги, не охотно берутъ на коммисію книжки подобнаго рода, стоющія такихъ незначительныхъ денегъ.

За жизнеописаніями святыхъ, изданія «Мірскаго Вѣстника», слѣдуютъ изданія Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ. Общество издало: 1) *Жизнь Св. Ап. Іоанна Богослова* (1864 г. ц. 20 к.), 2) *Жизнеописаніе Царя Давида* (25 к.), 3) *Жизнь пр.*

---

[280]) Въ библіотекѣ Казанскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища находится полный выборъ книгъ простонароднаго содержанія.

Θеодосія Печерскаго (1865 г. ц. 10 к.), 4) *Жизнеописаніе Московскихъ Первосвятителей* (1863 г. ц. 15 к.), 5) *Жизнь св. Димитрія Ростовскаго* (1866 г. ц. 20 к.), 6) *Сказаніе о подвигахъ Александра Невскаго* Ремезова (1862 г. 10 к.), 7) *Благовѣрная Евдокія Вел. кн. Моск.* (Мс. 1866 г. ц. 12 к.). Сюда же необходимо отнести прекрасный сборникъ изъ житій святыхъ подъ заглавіемъ: *Примѣры благочестія изъ жизни святыхъ* (Спб. 1862 г.). Авторъ собралъ здѣсь всѣ поразительные подвиги вѣры и христіанской любви, которыми такъ богаты наши Четьи-Минеи и изложилъ языкомъ простымъ и понятнымъ. Въ числѣ народныхъ книгъ есть также житія святыхъ, писанныя стихами, таковы: *Преп. Іоаннъ Дамаскинъ*, Гр. Толстаго (1866 г. ц. 10 коп.) и *Разсказы изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ*, Алмазова (1865 г. ц. 25 коп.)

в) Наконецъ между простонародными книгами религіознаго содержанія есть отдѣлъ книгъ, въ которыхъ объясняются церковныя обряды, излагается значеніе христіанскихъ праздниковъ, обсуживается нелѣпость или добрый смыслъ того или другаго народнаго повѣрья. Таковы книги: 1) *О праздникахъ Православной Греко-россійской церкви* (Мс. 1865 г.) 2) *Главнѣйшія праздники православной церкви* (изд. Мірскаго Вѣстника 1865 г. ц. 25 к.) 3) *Воскресеніе Христово и двунадесять праздниковъ* (1866 г. изд. Общ. Рос пол. кн. ц. 10 к.) 4) *Объясненіе литургіи* (изд. Чт. д. Сол 1867 г. ц. 25 к.) 5) *О таинствѣ св. крещенія* 1869 г. (ц. 7 к.) 6) *О таинствѣ причащенія* (1869 г. ц. 5 к.) 7) *О таинствѣ брака* (1866 г. ц. 10 коп.) 8) *О присягѣ* (1869 г. ц. 5 к.) 9) *О таинствѣ св. покаянія* (1867 г. ц. 5 к.) 10) *Вечерніе разсказы странника на родинѣ о томъ, какимъ путемъ и какъ добраться до г. Іерусалима* (Спб. 1859 г.) 11) *Разсказы о св. мѣстахъ Палестины* (1867 ц. 15 к. 12) *Святыни древняго и великаго града Кіева* (1867 г.) 13) *Странники и странницы* (св. Соколова 1862 г. ц. 10 к.) 14) *Разговоръ священника съ прихожаниномъ противу леченія заговорами* (1862 г. ц. 15 к.) 15) *О таинствахъ* (III-я кн. изд. Невскаго. Мс. 1862 г. ц. 8 к.) 16) *Книга для духовно-нравственнаго чтенія и первоначальнаго наставленія*

въ законѣ Божіемъ, С. Аѳинскаго (Мс. 1862 г. изд. 7-е) 17) *Назидательное чтеніе*, 2 выпуска, изданныя редакціей Чт. д. Сол. (Спб. 1869 г. ц. 60 к.) и заключающія въ себѣ собраніе поученій и бесѣдъ сельскихъ пастырей съ своими прихожанами.

Нельзя не быть благодарнымъ Г. Невскому за изданіе 8-ми книжекъ, подъ общимъ названіемъ: *Духовно-нравственнаго чтенія для народа* (изд. 1862—63 г.), въ которыхъ собраны отрывки изъ твореній св. отцевъ православной церкви, начиная отъ св. Кирилла Іерусалимскаго и оканчивая нашимъ отечественнымъ святителемъ Тихономъ. Изъ твореній отеческихъ выбраны мѣста самыя понятныя, по содержанію и языку, излагающія нравственность христіанскую; но вмѣстѣ съ тѣмъ эти избранные отрывки носятъ на себѣ признакъ той глубокой истины и благодати, которыя невольно покоряютъ сердце читателя. Для людей хорошо грамотныхъ и для всѣхъ благочестивыхъ натуръ изъ народа это чтеніе пріятное и полезное. Изъ твореній св. Кирилла (кн. II) здѣсь помѣщены лучшія изъ его огласительныхъ поученій: о распятіи Христовомъ, о воскресеніи мертвыхъ и о послѣднемъ судѣ. Изъ твореній І. Златоуста и Василія Великаго (кн. IV и V) помѣщены тѣ мѣста, въ которыхъ содержится прямой отвѣтъ на тѣ вопросы о природѣ и мірѣ, рѣшеніе которыхъ народъ издавна ищетъ въ Откровеніи, равно и рѣшеніе тѣхъ вопросовъ совѣсти, которые неотразимо предлагаетъ самая обыденная жизнь, на каждомъ шагу, но отвѣтъ на которые можно найти только въ недоступныхъ простолюдину твореніяхъ свято-отеческихъ. Изъ твореній Димитрія Ростовскаго точно также избраны (кн. VII, VIII) именно тѣ мѣста, гдѣ мудрый Святитель рѣшаетъ такіе вопросы, которые и въ его время, съ одинаковой пытливостью, какъ и теперь, занимали наше простонародье, именно—вопросы о правой вѣрѣ, по поводу заблужденій раскольническихъ, или же—преслѣдуетъ наши народные пороки (пьянство, безцѣльную, нелѣпую брапчивость, веденіе всѣхъ дѣлъ на авось и лѣность). Не менѣе трогательны случаи изъ жизни Святаго, разсказываемые имъ самимъ: въ этихъ разсказахъ высказывается вся

симпатическая, благочестивая натура писателя. Изъ твореній св. Тихона выбраны тѣ мѣста, гдѣ св. писатель, съ свойственнымъ ему умѣньемъ, высказываетъ благочестивыя мысли, по поводу всего видимаго. Изданіе предпринято, «съ желаніемъ распространить въ народѣ самыя нужныя, спасительныя истины вѣры православной» (введ. къ 1-й кн. стр. 1-я). Цѣль благородная и она достигнута этимъ изданіемъ вполнѣ.

На выборъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія солдатская школа должна обращать особое вниманіе. Мы еще выше сказали о религіозности нашего солдата (лекц. 1 стр. 23 и 24). Двадцати-лѣтній опытъ убѣждаетъ меня, что источникомъ той доблести, которую выказываютъ наши войска именно нужно считать религіозность русскаго человѣка, которую въ теченіи столькихъ вѣковъ не могли поколебать никакія невзгоды, никакое невѣжество; она служитъ въ нашихъ войскахъ источникомъ того самоотверженія и той необыкновенной стойкости, которой удивляются иностранцы, не понимая ея источника [251]). Религіознымъ воспитаніемъ войска нужно просвѣтить мысль солдата,—научить его цѣнить и защищать вѣру своихъ отцовъ, въ слѣдствіе разумнаго сознанія ея святости, и находитъ высокія примѣры самоотверженія и героизма въ разсказахъ св. писанія о тѣхъ великихъ герояхъ, которые *вѣрою побѣждали царства, избѣгли острія меча, были крѣпки въ войнѣ, прогоняли полки чужихъ* [252]). Евангеліе должно утвердить солдата въ рѣшимости не выдавать своего товарища въ минуту опасности, быть человѣколюбивымъ и къ врагамъ и т. п. Эти требованія, необходимыя для боя, не дастъ солдату никакая тактика, никакое мудреное воспитаніе войска. Наша военная администрація, постановивъ однимъ изъ основныхъ законовъ—имѣть особыхъ полковыхъ священниковъ, которые, постоянно находясь при войскахъ, сживаются съ бытомъ солдата, пріобрѣтаютъ умѣнье обращаться къ нему въ минуты опасности, съ полнымъ знаніемъ его характера и наклонностей,

---

[251]) См. Воен. Сбор. 1869 г. Ноябрь стр. 101.

[252]) Евр. XI. 33—34.

поступаетъ весьма благоразумно. Наши военныя лѣтописи представляютъ множество примѣровъ того, какъ наши войска шли, по призыву своего пастыря, на явную опасность, высказывая при этомъ восторженную храбрость и полное довѣріе къ его словамъ. Желательно было бы распространеніе въ средѣ войскъ, хотя бы чрезъ посредство военнаго духовенства, книгъ въ родѣ: «*Духовнаго подарка рекрутамъ*», прот. Прокоповича, «*Краткаго начертанія обязанностей христіанскаго воина*» (Спб. 1854 г.), прот. Трояновскаго, *Христіанскій воинъ* В. Б. (Спб. 1861 г.) и прекрасной, но вышедшей изъ продажи книги «*Писемъ къ воинамъ*» прот. Малова (Спб. 1831 г. 2 ч.). Нельзя не указать ряда прекрасныхъ разсказовъ, помѣщаемыхъ въ 1-мъ отдѣлѣ книжекъ Чт. для Солдатъ; содержаніе ихъ большею частію поучительно, оно показываетъ въ нашей жизни тѣ незримые пути, которыми дѣйствуетъ на насъ Провидѣніе. Къ такимъ разсказамъ безспорно принадлежатъ: *Сила молитвы* (1862 г. № 1), *Вязъ обличитель* (№ 18), *Видимая помощь Божія, и Судъ Божій* (1867 г. № 13 и 21), *Гнѣвъ Божій за нарушеніе присяги* (№ 9), *Судъ совѣсти* (1869 г. № 72), *За Богомъ и святыми молитва не пропадаетъ* (№ 13).

2.

Второй, не менѣе важный отдѣлъ книгъ для чтенія въ солдатской школѣ, есть отдѣлъ *историческій*. *Исторія* слово не наше: слово это, какъ и понятіе, выражаемое имъ, принадлежитъ древнимъ Грекамъ; слѣдовательно принадлежитъ такому народу, который предупредилъ прочіе народы развитіемъ въ средѣ своей гражданственности, и обнаружилъ сознаніе своей исторической жизни. У народа, какъ отдѣльнаго человѣка, есть извѣстные періоды возраста. Народъ не помнитъ своего *младенчества*, какъ не помнимъ этой поры возраста и мы съ вами. Въ періодъ младенчества народа у него существуетъ только исторія отдѣльныхъ семей и родовъ; его преданія обнимаютъ собою слишкомъ немного времени и лицъ и не дѣлаются всеобщимъ достояніемъ народа; исторія начинается съ того времени,

когда народъ получитъ осѣдлость и какое-нибудь гражданское устройство, когда у него образуются политическіе центры, къ которымъ тяготитъ населеніе извѣстной территоріи. До этой поры исторія каждаго народа, какъ выражаются наши историческіе учебники, *темна* и *баснословна*. Съ народомъ повторяются то же, что и съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ: мы запонимаемъ лучше то, что у насъ въ памяти обозначено какимъ,-нибудь вещественнымъ знакомъ; народъ увѣковѣчиваетъ свои историческія воспоминанія историческими памятниками: курганами, урочищами, городами и зданіями; по нимъ онъ начинаетъ въ первый разъ запоминать и разказывать свое прошлое точно такъ же, какъ нашъ ученикъ заучиваетъ исторію по географической картѣ. Отсюда важность въ исторіяхъ для простонародья географическихъ описаній мѣстностей, знаменитыхъ древнихъ русскихъ городовъ, историческихъ картинъ и т. п. Но и при этомъ первомъ опытѣ историческаго разсказа дѣтскій возрастъ народа сильно сказывается въ самомъ его содержаніи. Какъ въ душѣ отрока преобладаетъ фантазія, такъ и воображеніе первобытнаго народа описываетъ его прошлое съ украшеніями, въ ущербъ исторической правдѣ; здѣсь въ безпорядкѣ иногда смѣшиваются событія и лица, историческимъ личностямъ и ихъ дѣйствіямъ придаются небывалые размѣры. Отъ этого періода не далеко и наше народное пониманіе исторіи. Въ Псковѣ до сихъ поръ старожилы разсказываютъ исторію великой княгини Ольги совершенно такъ, какъ она записана преп. Несторомъ. На озерѣ Ильменѣ народъ съ простымъ верстовымъ столбомъ соединяетъ воспоминаніе о мѣстѣ божницы идола Перуна, представляя его зміемъ, а скитъ Юрьевскаго монастыря, здѣсь стоящій, называетъ и доселѣ *Перуньскимъ* [253]). Но въ то же время среди нашего народа существуютъ историческія пѣсни, къ которымъ историкъ Россіи не можетъ не отнестись съ уваженіемъ. Первое дословное значеніе, которое придается слову *исторія* въ то время, какъ у народа появляется потребность знать свое

---

[253]) Пут. письм. по Новгородской и Псковской губ. Якушкина. Спб. 1860 г. стр. 118 и 119-я.

прошлое, это—*разсказъ очевидца о какомъ-либо событіи*; слѣдовательно разсказъ болѣе или менѣе достовѣрный. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ народа, понимается подъ словомъ *исторія* разсказъ не о всякомъ, не о какомъ бы то ни было произшествіи, а только о происшествіяхъ важныхъ, и разсказъ, составленный не очевидцемъ, но собранный изъ различныхъ провѣренныхъ сказаній. Въ такомъ смыслѣ употребляется слово *исторія* и въ настоящее время. Отъ такого разнообразнаго пониманія исторіи тѣ различные виды и формы историческихъ сочиненій, которые мы встрѣчаемъ въ литературѣ народной и ученой, начиная отъ былины и лѣтописи и оканчивая исторіей критической.

Исторія, какъ повѣсть о послѣдовательномъ рядѣ всемірныхъ событій, какъ разсказъ о постепенномъ развитіи гражданской и умственной жизни человѣчества, имѣетъ неоспоримое значеніе въ общемъ образованіи человѣка. Исторія сообщаетъ ему то просвѣщеніе, безъ котораго не мыслимо пониманіе общественныхъ условій и—событій современныхъ. Потому-то справедливо говоритъ, что большая часть общественныхъ вопросовъ, не исключая и вопросовъ, касающихся вѣры, [254]) рѣшается очень понятно и удовлетворительно только историческимъ путемъ, только перенесеніемъ вопроса на историческую почву. Изученіе *всеобщей* исторіи кромѣ того образуетъ въ насъ тотъ взглядъ на отношенія наши къ другимъ людямъ, который составляетъ истинное достоинство человѣка образованнаго: исторія способствуетъ къ усвоенію нами *человѣческаго взгляда*. Всякій согласится съ этимъ, когда вспомнитъ то настроеніе, которое остается у него въ мысляхъ, по прочтеніи связныхъ историческихъ произведеній, каковы напр. исторія Шлоссера, Вебера и другихъ.

Какъ ни высока подобная цѣль, но нельзя не признаться, что для народной школы такая задача не по силамъ. Курсъ исторіи тогда только достигаетъ своей цѣли, когда онъ изла-

---

[254]) Напримѣръ: рѣшеніе многихъ вопросовъ по русскому расколу и недавній вопросъ о преподаваніи свящ. исторіи и объ начальномъ обученіи инородцевъ на ихъ собственномъ языкѣ молитвамъ.

гается съ надлежащею полнотою, что для программы народной школы не возможно. Если знакомить простолюдина съ исторіею въ видѣ *очерковъ*, то должно сознаться, что пользы отъ этого быть не можетъ; потому что всякая отрывочная передача историческихъ фактовъ не можетъ имѣть смысла. Потому-то историческіе очерки, подобные очеркамъ Грубе, могутъ служить только подготовленіемъ къ изученію всеобщей исторіи, а не матеріалами для чтенія въ простонародной школѣ, гдѣ они будутъ поняты за сказку, но никакъ не болѣе.

Но этого нельзя сказать объ исторіи *народной* или *отечественой*. Значеніе исторіи всеобщей далеко не то, каково значеніе исторіи народа. Изученіе послѣдней не имѣетъ въ виду тѣхъ отдаленныхъ цѣлей, хотя, можетъ быть, и высокихъ, какія имѣетъ своей задачей преподаваніе всеобщей исторіи: ея кругъ несравненно тѣснѣе.—Слѣдствіемъ преподаванія исторіи отечественной можетъ быть только частное пониманіе интересовъ народныхъ, но зато изученіе это возбуждаетъ не менѣе благородныя и живыя чувства, каковы: патріотизмъ, народность. Въ исторіи народной положенія и условія дѣятельности различныхъ историческихъ лицъ понятны болѣе для простолюдина, чѣмъ описаніе жизни народовъ отдаленныхъ, съ которыми мы не имѣемъ никакого соотношенія. Важность для солдатской школы возбужденія патріотизма и любви къ своему прошлому и доказывать нечего.

Здѣсь неминуемо раждается прямой вопросъ: *Знаетъ ли нашъ народъ, изъ котораго выходитъ нашъ солдатъ, свое прошлое.* Если онъ его знаетъ, то знаетъ очень сбивчиво. Но было время, когда онъ интересовался имъ больше, чѣмъ теперь. Старинныя историческія пѣсни служатъ тому живымъ доказательствомъ. Историческія личности въ этихъ пѣсняхъ характеризуются мѣтко; въ этихъ пѣсняхъ есть много личностей, къ которымъ народъ относится съ накопившейся вѣками горечью (таковы: пѣсни о татарахъ, пѣсни о ляхахъ); но и есть много личностей, любимыхъ народомъ, къ которымъ народная поэзія относится съ крайнимъ сочувствіемъ и нѣжностью (таковы: Скопинъ—Шуйскій, Ксенія Борисовна и др.)

Но въ послѣдній вѣкъ народъ началъ забывать свою исторію. О Петрѣ Великомъ дошедшія до насъ народныя преданія очень скудны, хотя замѣтно, что народъ съ любовью относится къ къ этому великому историческому образу. Послѣ Петра народная поэзія чахнетъ болѣе и болѣе, между тѣмъ нельзя сказать, чтобы жизнь народа представляла въ послѣдніе два вѣка мало интереса, нельзя также сказать, чтобы впечатлительность въ народѣ нашемъ притупилась: онъ по прежнему чутко относится ко всѣмъ событіямъ, совершающимся предъ его очами; творчество его не оставило; память его не коротка (въ Изборскѣ народъ помнитъ Рюрика [255]). Лучшимъ доказательствомъ, что творчество есть въ народѣ, служатъ наши старые боевые полки, въ которыхъ на каждый походъ, на каждую битву складываются особыя пѣсни, которыя съ увеличеніемъ подхватываются и поются всѣмъ дѣйствующимъ отрядомъ, а иногда переходятъ во всѣ части войскъ и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.—Не мѣсто рѣшать здѣсь вопросъ о причинахъ этого явленія. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь значительную роль играло наше закрѣпленіе крестьянъ, заставившее народъ почти сойти съ исторической сцены. Это ненормальное состояніе народныхъ массъ, благодаря послѣднимъ просвѣщеннымъ мѣрамъ настоящаго царствованія, прекратилось; но не всегда можно сказать, что съ удаленіемъ причины прекращается и ея дѣйствіе. Когда нашъ народъ вступилъ въ новую жизнь, для него насущный вопросъ знать свое прошлое. Въ этомъ отношеніи близость историческаго интереса одинакова и для нашего солдата.

Историческій разсказъ для простонародья особенно о событіяхъ древнихъ чѣмъ ближе стоитъ къ воззрѣнію самого народа на свою исторію, тѣмъ легче имъ усвоется, тѣмъ охотнѣе слушается; это-прямой выводъ изъ сказаннаго нами. Чѣмъ вашъ историческій разсказъ ближе, по своему духу, стоитъ къ народному чувству, которое возбудило то или другое историческое событіе, тѣмъ лучше ваше преподаваніе исторіи въ на-

---

[255]) Пут. письма изъ Новгород. и Псков губ. Якушкина. Спб. 1860 г. стр. 169.

родной или солдатской школѣ. То же самое нужно сказать и объ книгахъ историческаго содержанія, назначенныхъ для чтенія простонародья или солдатъ. Что это такъ,—доказывается тѣмъ, что книги съ подобнымъ направленіемъ въ войсковыхъ школахъ читаются солдатами съ удовольствіемъ. Во 2-й лекціи мы упомянули о недавно вышедшей книгѣ Петрушевскаго: *Разсказы про старое время на Руси съ начала Русской земли до Петра Великаго* (изд. 2. 1867 г. Спб. ц. 50). Книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія преподавателя солдатской школы именно потому, что написана въ этомъ направленіи; именно потому, что читается солдатами съ пользой и охотою. Народу нашему еще свойственно почти дѣтское и немного поэтическое пониманіе нашихъ древнихъ историческихъ событій, ему еще нѣтъ дѣла пока до законовъ, которыхъ выраженіемъ служатъ историческіе факты, до причинъ и связи историческихъ событій. Впрочемъ въ народномъ взглядѣ на свою исторію нѣтъ ничего дурнаго; напротивъ въ этомъ взглядѣ просвѣчиваетъ столько того теплаго человѣческаго чувства, которое такъ свойственно одному русскому человѣку, въ слѣдствіе котораго онъ не можетъ не высказать при случаѣ своего соболѣзнованія и сочувствія даже къ недругу. Наши солдаты, подъ Севастополемъ и въ Венгерскую компанію, при каждомъ перемиріи добродушно относились къ непріятелямъ и дружелюбно, по-своему, разговаривали съ непріятельскими солдатами. Къ великой тѣни Покорителя Казани, не смотря на ея темныя стороны, народное преданіе относится, какъ только къ Грозному владыкѣ. Умѣть понять и усвоить народные взгляды на историческія личности есть одна изъ заслугъ составителя народной исторіи. Затѣмъ изъ всѣхъ историческихъ формъ ближе всего къ пониманію простолюдина стоитъ безъискуственная лѣтописная форма. Народъ нашъ любитъ чтеніе Чети-Миней, а языкъ лѣтописи и по складу своему очень близокъ къ нимъ. За всѣмъ тѣмъ изданіе отрывковъ изъ нашихъ лѣтописей, съ ихъ языкомъ, наполненнымъ множествомъ словъ, употребляющихся только въ южныхъ нарѣчіяхъ, но неупотребительныхъ въ великорусскомъ языкѣ, не имѣетъ значенія. Такова была судьба недавно изданной книжки

для народа, подъ заглавіемъ: *Преп. Нестора Россійскій Лѣтописецъ* (Спб. 1863 г. ц. 10 к.), которая не была принята народными школами. Скорѣе можно признать болѣе разумнымъ планъ *Краткой исторіи Россіи, для народнаго и солдатскаго чтенія*, Арс. Столыпина (изд. Дое. и Дѣл. 1869 г. ц. 50 к.), наполненной многими отрывками, взятыми цѣликомъ изъ лѣтописей; здѣсь вразумительный языкъ лѣтописца становится понятнымъ простолюдину, по своей связи съ историческимъ разсказомъ. Также нельзя не отдать справедливости. Г. Золотову въ прекрасномъ примѣненіи простаго, безъискуственнаго тона лѣтописныхъ сказаній къ историческимъ разсказамъ, которыхъ текстъ напечатанъ при *Картинахъ изъ Русской Исторіи*, имъ изданныхъ. Замѣчательна въ этихъ разсказахъ постепенная выработка слога автора: тяжелый, напыщенный языкъ, которымъ написанъ текстъ къ первымъ 2-мъ картинамъ [256]), съ 3-й начинаетъ замѣтно измѣняться, наконецъ доходитъ до той простоты, съ какой написаны: (таб. 22) «Смерть Боголюбскаго» или (24 и 25) «Битва при Калкѣ». Картины чрезвычайно изящны и почти всѣ вѣрны дѣйствительности, по выраженію лицъ, по обстановкѣ и по костюмировкѣ. Моменты для картинъ выбраны самыя впечатлительныя.

Для солдатской школы важны разсказы о подвигахъ нашихъ солдатъ, о ратной доблести цѣлаго русскаго народа въ годины народныхъ бѣдствій. Въ этомъ случаѣ болѣе всего дѣйствуетъ живой устный разсказъ преподавателя, о достоинствѣ и недостаткахъ котораго мы сказали (на стр. 81, 82). У Петрушевскаго описаніе подобныхъ великихъ народныхъ эпохъ очень рельефно и понятно. Есть много прекрасныхъ историческихъ разсказовъ въ этомъ духѣ въ Чт. д. Сол. Таковы напр. разсказы о походахъ Суворова, подъ заглавіемъ: *Князь Италійскій Графъ Суворовъ Рымникскій* (Спб. 1868 г. ц. 25 к.); но такіе разсказы, каковъ недавно помѣщенный въ томъ

---

[256]) На 1-й таблицѣ читаемъ: На значительной части мѣстности занимаемой теперь Россіей, жили различные народы: Славяне, вышедшіе съ незапамятныхъ временъ изъ Азіи, которые сперва, поселившись на Дунаѣ, а потомъ мало по малу раскинувшись отъ озера Ильмень и т. д. Этотъ языкъ вовсе не простонародный.

же журналѣ «*Разсказъ очевидца о Бородинскомъ боѣ*» (1868 г. № 6. стр. 13), состоящій изъ однихъ сухихъ подробностей и перечисленій, писанный отрывочно, нисколько не уясняетъ всей великости этого событія и, разумѣется, не можетъ быть съ пользою прочтенъ солдатомъ. Къ такимъ же разсказамъ относится: «*Генералъ-Маіоръ Смѣпцовъ*» (тамъ же стр. 26)—некрологъ, состоящій изъ воспроизведенія въ печати послужнаго списка знаменитаго героя Кавказа. Къ лучшимъ изданіямъ этого журнала относятся *Севастополь и его доблестные защитники* (Спб. 1867 г ц. 25 к.), и статьи, помѣщенныя въ семъ журналѣ: *Князь Кутузовъ Смоленскій* (1867 г. № 2), *Очерки восточной войны* (1869 г. №№ 2, 3, 10, 14), *Битва при Аустерлицѣ* (№ 2), *Битва при Байлешти* (1868 г. № 22), *Покореніе Казани* (1869 г. № 14), *Татарскій погромъ* 1867—68 №№ 3 и 18), *Осада Пскова* (1868 г. № 19). Всѣ эти статьи могутъ быть преподавателемъ солдатской школы съ пользой прочитаны солдатамъ.

Изъ разсказовъ историческихъ, пригодныхъ для солдатской школы, можно указать на

1) *О томъ какъ росло Московское Княжество и сдѣлалось русскимъ царствомъ*, К. Бестужева-Рюмина (Спб 1866 г); 2) *О злыхъ временахъ татарщины*, его же 3) *Начало Руси*, Щебальскаго (Моск. 1865) 4) *Крещеніе Руси*, его же 5) *Разказы изъ Русской исторіи*, Водовозова (Спб. 1860 г). и 6) *Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ въ 1812 г.* Н. Костомарова (Спб. 1856 г). Всѣ 6-ть книгъ написаны простымъ языкомъ съ большимъ знаніемъ дѣла. 7) *Бесѣды изъ Русской исторіи* Ореста Миллера (Спб. 1864 г), 8) *Старина Русской земли* (Моск. 1866 г. ц. 10 к.); объ этихъ книгахъ можно бы сказать, что между историческими розысканіями и преподаваніемъ исторіи большая разница, еслибы другія качества, между которыми первое—удобопонятность, а во второй и изобиліе рисунковъ не искупали немного страннаго направленія книжекъ. 8) *Краткая Русская Исторія* (Спб. изд. Мірск. Вѣст. 2 книж. 1865 г).

Къ простонародныхъ историческимъ монографіямъ относятся: 1) *Русскіе замѣчательные люди*, Суворина (Спб. 1866 г. ц. 25 к.) 2) *Полтавская битва* (изд. 1869 г. Спб. ц. 7 коп.) 3) *Боярин Матвеевъ* (1866 г. 20 к.) 4) *Князь Меньшиковъ* (1864 г. 29 к.) и другія изданія Чт. д. солд. и Мір. Вѣст., а также журнала «Досугъ и Дѣло»; напр. 5) *Куликово поле*, Турбина 6) *Нарва и Полтава*, 7) *Сказаніе о Царьградѣ* (1867 г.) 8) *Слово о полку Игоревѣ* (1867 г.). Къ этому же отдѣлу историческихъ разсказовъ относятся: 9) *Повѣсти изъ русской исторіи*, Разина, выходящія отдѣльными книжками а) *Гетманъ Степанъ Остряница* (Спб. 1868 г. ц. 40 коп.) б) *Дѣдушка Гостомыслъ* 862 г. (Спб. 1868 г. ц. 40 к.) в) *Разсоренный годъ* (Спб. 1869 г. ц. 40 к.) и отдѣльный оттискъ историческихъ разсказовъ, изданныхъ Редакціей Чт. д Солд., подъ заглавіемъ: *Сборникъ историческихъ повѣстей и разсказовъ* (1864 г. изд. 3-е ц. 31 коп.)

3.

Къ третьему отдѣлу простонародныхъ книгъ мы отнесли *повѣсти* и *разсказы*. Въ предшествующихъ лекціяхъ мы высказали образовательное значеніе аналогіи примѣра (стр. 63). На этомъ психологическомъ законѣ и основывается способъ, по которому на нашу нравственность вліяетъ чтеніе повѣстей. Говорятъ, что романъ, болѣе прочихъ видовъ литературы, современенъ. Было время, когда люди любили поучаться: въ формѣ притчи, въ формѣ разговора, въ формѣ письма и т. п.; современный человѣкъ рѣшаетъ большую часть своихъ общественныхъ вопросовъ въ повѣсти (романѣ). Повѣсть доступна всякому, ее читаетъ невольно и самый скучливый читатель; но главная выгода ея та, что мысль, проводимая повѣстью, вырабатывается здѣсь практически, идея воплощается въ рядѣ лицъ и явленій.

Какое вліяніе на простолюдина можетъ имѣть выборъ повѣстей для чтенія и дѣйствительно ли прочно это вліяніе? Какое имѣетъ значеніе въ образованіи народа нравственная повѣсть? Говорятъ, ничто такъ не противно нашему просто-

людину какъ то, если ему удастся замѣтить ваше желаніе поучать его посредствомъ сказки, чѣмъ онъ считаетъ повѣсть: къ сказкѣ онъ вообще питаетъ мало уваженія. Нельзя не сознаться, что дѣйствительно ничто такъ не надоѣдаетъ, какъ скучная однообразная мораль, какъ до пошлости неправдоподобная повѣсть, а болѣе всего это-то ничѣмъ нескрываемое желаніе автора—поучать своею бездарностью. Наши военные арестанты скучаютъ однообразіемъ ежедневной морали, не смотря на то, что ее слышатъ изъ устъ уважаемаго ими священника. Напротивъ чтеніе Евангелія, съ указаніемъ и примѣненіемъ къ нимъ нравственныхъ правилъ, прямо вытекающихъ изъ божественныхъ словъ и дѣйствій Спасителя, равно чтеніе жизнеописаній святыхъ производитъ на нихъ хорошее дѣйствіе. Въ этомъ отношеніи нельзя не сказать о правдивости разсказовъ, въ родѣ *Христіанскій подвигъ солдата* (изд. Чт. д. Сол. 1861 г. ц. 10 к.), гдѣ описанъ случай, доказывающій сколько добра можетъ принести чтеніе Евангелія. Народъ нашъ самъ ищетъ этой прочной морали, вытекающей изъ содержанія самой повѣсти, и вѣритъ въ незыблемость истины, что добро всегда награждается. Это доказываютъ наши бытовыя сказки, произведеніе чисто народное, гдѣ эта мораль выходитъ естественно, сама собою. Это именно замѣтно въ тѣхъ сказкахъ, которыя профес. Буслаевъ такъ удачно сравниваетъ *съ новеллами* [257]). По той же причинѣ не могутъ имѣть особаго нравственнаго вліянія такія неестественные разсказы, каковъ, напримѣръ, недавно помѣщенный въ Чт. д. Сол. *Христіанская помощь* (1863 г. № 7-й) или *Не изпьдавъ горя, не узнаешь счастья* (1860 г. № 3); въ первомъ солдатъ отдаетъ мужику, который спасъ ему жизнь 300 рублей; во второмъ герой, услышавъ отъ пьянаго односельца о выходѣ замужъ своей невѣсты, не повѣривъ справедливости слуха, тотчасъ нанимается въ солдаты, какъ-будто съ тѣмъ, чтобы отличиться на Кавказѣ и чтобы слухъ этотъ оказался ложнымъ.

Потому-то живой разсказъ даровитаго автора, въ кото-

---

[257]) Ист. очер. Русск. нар. слов и иск. Ѳ. Буслаева т 1 статья XII.

ромъ невольно выливаются его благородныя мысли и гуманныя чувства и, безъ вывода морали, въ высшей степени поучителенъ. О воспитательномъ значеніи подробной повѣсти, кажется, нечего и говорить. Пояснимъ это психологически. Во 2-й лекціи (стр. 53—55) мы сказали, что всѣ наши представленія ложатся въ нашей душѣ извѣстными рядами или ассоціаціями. Извѣстные ряды представленій могутъ соединяться въ свою очередь съ нашими желаніями и чувствами, особенно если чтеніе затрогиваетъ наше сердце. Изъ этой связи представленій или слѣдовъ, повидимому минутныхъ, изъ этихъ забытыхъ, какъ казалось, чувствъ и желаній образуются страсти нравственныя и безнравственныя. Вотъ почему далеко не безразлично то, что мы читаемъ. Нѣтъ такого сердца, котораго не затрогивала бы та или другая книга. Всякая же черта, всякій слѣдъ сердечнаго чувства остается у насъ въ душѣ и служитъ причиною того или другаго дѣйствія нравственнаго или безнравственнаго, того или другаго убѣжденія. Въ этомъ смыслѣ Спаситель говоритъ о закваскѣ фарисейской [258]). Мы часто удивляемся, что дѣти наши инстиктивно чувствуютъ боязнь въ темнотѣ и нисколько не подозрѣваемъ, что это есть слѣдствіе фантастическихъ арабскихъ и другихъ сказокъ, на которыхъ мы ихъ воспитываемъ. Сказка сдѣлала свое дѣло, не смотря на наши разубѣжденія маленькихъ читателей, что все, что они прочитали, вздоръ, вымыселъ [259]). На этомъ же психологическомъ фактѣ основывается вліяніе разсказовъ о подвигахъ мужества на нашихъ солдатъ. Смѣлость, какъ замѣчаютъ психологи, [260]) есть не прирожденное чувство, а напротивъ свойственное всякому и есть необходимое слѣдствіе страха (его реакція). Какъ скоро чувство страха дойдетъ до такой степени, что его подавляющее вліяніе дѣлается невыносимымъ, человѣкъ высказываетъ тотчасъ смѣлость, это—*храбрость отчаянія*. Съ другой стороны если страхъ продолжится настолько, что дастъ

---

[258]) См. Матѳ. XVI, 6.

[259]) Челов. к. пред. восп. Ушинскаго ч. 1. стр. 307.

[260]) Бэнъ The Emotion. p. 85.

возможность всмотрѣться въ опасность, у человѣка раждается неминуемо чувство смѣлости и человѣкъ непремѣнно пойдетъ къ нему на встрѣчу; потому что чувство смѣлости само по себѣ есть чувство отрадное, воскрешающее. Солдатъ ободряется, когда замѣчаетъ, что не всякое ядро бьетъ. Отсюда привычка подавлять страхъ у боевыхъ полковъ; отсюда значеніе перваго успѣшнаго дѣла съ непріятелемъ для духа всей арміи. Если солдатъ заранѣе убѣжденъ, что русское войско не побѣдимо, что такіе же, какъ и онъ, солдаты побѣждали непріятеля, то его смѣлость увеличивается.

Сердечныя чувства всегда живѣе у человѣка малообразованнаго. Съ какимъ увлеченіемъ въ солдатской школѣ слушается разсказъ, если онъ увлекателенъ и почувствованъ самимъ преподавателемъ. Но эти чувства возбуждаются только естественнымъ путемъ и никакъ не искусственно. Назначенный для чтенія простолюдина разсказъ долженъ быть или правдивъ или съ умѣньемъ составленъ. Въ противномъ случаѣ повѣсть принимается, какъ сказка, и дѣйствіе ея на душу слушателя не продолжительно. Второе необходимое условіе такой повѣсти должно состоять въ томъ, чтобы она изображала ту область, которая знакома простолюдину или солдату не по разсказамъ, а по опыту. Нѣкоторая идеальность солдатскому разсказу, какъ и простонародному, тоже не мѣшаетъ. Вотъ почему повѣсти Погоскаго, не смотря на возгласы многихъ литературныхъ критиковъ, что онѣ слишкомъ *идеальны*, тѣмъ не менѣе читаются солдатами съ увлеченіемъ. Значеніе подобнаго рода повѣстей изъ военнаго быта для нашей солдатской школы весьма важно. Значеніе такихъ повѣстей мы прослѣдили выше: онѣ воспитываютъ въ солдатѣ чувство патріотическое и христіанское. Роль писателей подобныхъ повѣстей очень почтенна, особенно если въ ихъ твореніяхъ просвѣчиваетъ та любовь и уваженіе къ солдату, какъ въ сочиненіяхъ Погоскаго. Легко замѣтить, что Погоскій не навязываетъ въ повѣстяхъ своихъ морали; если эта мораль иногда входитъ въ его повѣсти, то высказывается мимоходомъ и, какъ увидимъ ниже, необыкновенно художнически. Но каж-

дая изъ его повѣстей *глубоко поучительна*: изъ нея вытекаетъ всегда ясная, какъ свѣтъ, и не скоро забываемая мораль.

Давно я наблюдаю надъ этимъ вліяніемъ Погоскаго на нашихъ солдатъ. Въ моемъ виду читались эти повѣсти солдатами при лагерномъ кострѣ, въ тѣ времена, когда еще въ ротѣ приходилось по 30-ти неграмотныхъ на одного грамотнаго; при мнѣ читались эти повѣсти и въ новыхъ войсковыхъ школахъ, и всегда дѣйствіе разсказа на слушателей было глубоко и одинаково. Мнѣ живо помнится тотъ первый отзывъ, который дали о повѣстяхъ Погоскаго нѣкоторые наши военные журналы (Русскій Инвалидъ); отзывъ этотъ былъ правдивъ. Съ годъ тому назадъ мнѣ захотѣлось провѣрить мои прежнія наблюденія въ этомъ случаѣ и я разговорился съ учениками одной солдатской школы о повѣстяхъ Погоскаго. Между учителями солдатъ нашлось нѣсколько унтеровъ прежнихъ сроковъ службы: они помнили, когда Погоскій печаталъ въ первый разъ свои повѣсти въ Солдатской Бесѣдѣ [261]), и сознавались, что бывало ждутъ не дождутся, скоро ли получится въ роту продолженіе какой-нибудь повѣсти Погоскаго; съ высылкой книжки былъ въ ротѣ настоящій праздникъ: большая часть солдатъ не спала и прослушивала книжку далеко за полночь. Я думаю ничего не можетъ быть лестнѣе этой замѣтки простаго унтера для автора: она дороже отзывовъ многихъ изъ нашихъ журналовъ, которые о какой-нибудь книгѣ отзываются нынѣ—хорошо, а завтра —худо, гдѣ бранятъ книгу только потому, что она не сходится съ направленіемъ журнала, которое, пожалуй, и не безукоризненно.

Что же особенно нравится солдатамъ въ повѣстяхъ Погоскаго? Это мы рѣшимъ, когда укажемъ на ихъ содержаніе. Содержаніемъ этимъ нельзя не залюбоваться, нельзя не увлечься. Напримѣръ, какое глубокое, гуманное чувство просвѣчиваетъ въ повѣстяхъ, въ родѣ: «*Посестра Танька*» или «*Под-*

---

[261]) Сначала Г. Погосскій издавалъ въ 1861—1864 годахъ журналъ этотъ по программѣ, сходной съ Чт. д. Сол.; объ этомъ-то изданіи мы сдѣлали замѣтку на стр. 317. Потомъ журналъ перешелъ подъ редакцію Дершкера и является уже изданіемъ не всегда удачнымъ.

осиновки». Говорятъ, эти повѣсти идеальны: съ перваго раза представляется какъ-бы не сроднымъ народу это чувство прощенія падшихъ, которое развивается въ обѣихъ повѣстяхъ. Но въ большинствѣ случаевъ нашъ добрый народъ остается вѣренъ и въ этомъ самому себѣ. Наше образованное общество казнитъ немилосердо падшую женщину, и указываетъ ей одинъ самый безотрадный путь. Русскій простой человѣкъ, безъ всякихъ наставленій, собственнымъ умомъ додумался до всей великости словъ Христовыхъ, поставленныхъ въ началѣ первой повѣсти: «если кто безъ грѣха, пусть броситъ въ нее первый камень!» Не менѣе глубокое чувство правды высказывается даже въ такихъ мелкихъ разсказахъ (на бивуакахъ), какъ «*Два кольца*», гдѣ раскрывается та свѣтлая народная мудрость, которая намъ слышится въ родныхъ вѣковѣчныхъ пословицахъ: «Богъ тому даетъ, кто правдой живетъ»; «Воръ воруетъ не для прибыли, а для гибели»; «Праведное на огнѣ не горитъ, на водѣ не тонетъ». Содержаніе повѣсти коротко. Два солдата идутъ въ цѣпи застрѣльщиковъ на непріятельское селеніе; одинъ изъ нихъ, привыкшій грабить, бросается въ первый пылающій домъ и снимаетъ съ руки полумертвой женщины драгоцѣнное кольцо; другой его товарищъ въ это время спасаетъ малютку, среди разгара перестрѣлки потерянаго матерью; когда онъ передаетъ дитя матери, та даетъ ему простое серебряное кольцо. Роковыя кольца составляютъ—для перваго несчастіе всей его жизни, напротивъ кольцо, полученное другимъ, послужило ему къ счастливой и спокойной старости. Умѣнье сопоставить эти два обстоятельства, нарисовать картину счастія и несчастія того и другаго, обрисовать ихъ характеры, составляетъ все несравненное изящество повѣсти. Повѣсть основана на происшествіи обыкновенномъ, которое повторяется не разъ, не два при тѣхъ кровавыхъ штурмахъ, при которыхъ разжигаются такъ страшно грубые инстинкты человѣка необразованнаго; но на этомъ темномъ фонѣ еще ярче свѣтитъ чувство милосердія, выказываемое честною душою солдата. Есть повѣсти у Погоскаго, гдѣ завязка еще проще; напримѣръ, въ разсказѣ «*Сибирлетка*», гдѣ всѣ грандіозныя картины Севастопольской осады, всѣ симпа-

тичныя личности изъ солдатскаго быта группируются вокругъ неважнаго героя повѣсти, даже вовсе и не героя, а простонапросто полковой собаки, какихъ много кормится изъ солдатскаго котла у насъ, точно такъ же какъ и въ арміяхъ другихъ націй [262]). Но какой теплый колоритъ съумѣлъ придать авторъ всей повѣсти; какъ въ ней живо высказывается любящее чувство солдата, оторваннаго отъ родины, отъ семьи, подверженнаго всѣмъ случайностямъ боевой жизни и которое находитъ удовлетвореніе иногда въ привязанности къ товарищамъ, къ своему полку, къ доброму командиру, а иногда къ животнымъ, друзьямъ человѣка. «Скотъ есть другъ человѣку, поучаетъ Калистратычъ сапожникъ, у Бога всѣ сильны, всѣ богаты; всякая тварь и всякая былинка отвѣтитъ за себя человѣку, только обходись съ ней дружески. Приласкай послѣднюю животину, она тебѣ такъ отслужитъ, что и не думаешь.» [263]) Въ повѣстяхъ: «*Господинъ-Колодникъ*» и «*Дѣдушка-Назарычъ*» рельефно выставленъ тотъ рѣдкій въ другихъ націяхъ, но такъ свойственный русскому, благородный порывъ, противъ котораго не можетъ устоять даже самое черствое сердце, по которому иной русскій человѣкъ, повидимому нелюдимъ и человѣкъ не особенно мягкой натуры, поражаетъ васъ вдругъ такимъ высокимъ дѣломъ милосердія и самоотверженія, на которое и записной благодѣтель не способенъ, которому и примѣра нѣтъ. По одному изъ такихъ порывовъ, Дѣдушка Назарычъ, всю жизнь сколачивавшій деньги по грошамъ, на старость, при одномъ видѣ людскаго несчастія, отдаетъ все, что накопилъ, а самъ остается ни съ чѣмъ. Какъ это дѣлается въ душѣ простаго человѣка, какъ зрѣетъ это сѣмя, по глубокому замѣчанію Христа, знаетъ одинъ Господь, но это не суждено знать человѣку (смотр. примѣч. 23). Точно также нерѣдко въ душѣ простой зазвучитъ такая струна, о существованіи которой мы и не подозрѣвали. Наши критики осуждали Островскаго за подобныя же развязки нѣкоторыхъ его комедій, напр. «Бѣдность не порокъ»: они не могли

---

[262]) См. Le Voleur 1869 г. № 654 стр. 297 Après la bataille.

[263]) Пов. и раз. Погоскаго 1866 г. ч. I. кн. 2 стр. 44.

понять, что въ томъ народѣ, гдѣ могли возникать такія личности, которыя оставляли все свое богатство, услышавъ въ церкви слово Евангельское о послѣдованіи Христу, и шли въ монастырь, гдѣ остальную жизнь удивляли всѣхъ монашескими подвигами (Св. Антоній Печерскій), въ которомъ могутъ быть такіе богачи, которые, услышавъ въ задушевную рѣчь, отдавали въ пользу бѣдныхъ милліонное состояніе и оканчивали жизнь въ старости на чердакѣ, въ бѣдности, нисколько не сожалѣя о потерянномъ состояніи (Походяшинъ),—тамъ могутъ быть натуры, способныя къ безграничному великодушію, и что авторъ, такъ окончивши свое драматическое произведеніе, вовсе не навязываетъ своему герою ни неумѣстнаго великодушничанья, ни искусственнаго благородства. Добролюбовъ даже объясняетъ эту ненормальность тѣмъ же самодурствомъ, т. е. непослѣдовательностію, безрасчетливостію дѣйствій [264]) Богъ съ ней съ этой расчетливостію. Одинъ офицеръ, взятый въ плѣнъ въ 1813 году, разсказываетъ, что онъ всю германскую землю прошелъ безъ сапогъ, нѣмцы ему сильно всѣ соболѣзновали, но ни одинъ ему не подалъ сапогъ, даже дырявыхъ; а во Франціи ему въ первомъ домѣ выбросили довольно годную обувь, въ которой онъ и дошелъ до Парижа.

И какими средствами располагаютъ эти герои благодѣтели повѣстей Погоскаго, чтобы распространять вокругъ себя довольство и счастіе? Очень небольшими—нѣсколькими грошами и больше своими могучими руками, которымъ по силамъ всякая работа, а иногда просто однимъ привѣтнымъ словомъ. Въ повѣсти «*Всѣмъ шилья́мъ—шило*» артиллеристы помогаютъ дѣтямъ бѣдной вдовы тѣмъ, что одинъ учитъ старшаго сына грамотѣ, другой отдаетъ выслужившій срокъ мундиръ, третій выношенную шинель, шапку, а всѣ сообща кормятъ бѣдныхъ ребятъ солдатскимъ хлѣбомъ, но этого уже довольно—семья не пропала, дѣти вдовы выходятъ въ люди. «Попадется, говоритъ Погоскій, добрый человѣкъ въ горемычную семью и оставитъ по себѣ *слѣдъ*. Это тотъ чудный слѣдъ, который всякая простая душа увидитъ ясно: въ улыбкѣ дѣтей, въ тихомъ вздохѣ стра-

[264]) Сочиненія Добролюбова. Спб. 1862 г. т. III ст. 91 я.

дальца, въ пробуждennомъ стыдѣ и въ тревогѣ разврата!... Безслѣдно добрые люди не ходятъ». [265])

Кромѣ глубины анализа солдатскаго быта, кромѣ того теплаго чувства, которымъ проникнуты повѣсти Погоскаго, картины, которыя рисуетъ предъ вами авторъ—картины съ натуры: вы чувствуете это по той струѣ жизни, которая бьетъ изъ этихъ картинъ. Правда вы не можете не замѣтить, что большая часть повѣстей захватываетъ нашу старую армію, нашего солдата до послѣднихъ военныхъ реформъ; многое въ этомъ солдатѣ обусловливалось именно случайностію его прошлаго быта. Большая часть зла, которымъ страдаетъ солдатъ Погоскаго невозвратимо кинула въ прошедшее; но образъ мыслей русскаго солдата, его геройство, его добродушіе тѣ же и могутъ служить примѣромъ и послѣдующимъ поколѣніямъ. Впрочемъ событія идутъ такъ быстро въ нашемъ отечествѣ, что Погоскій тѣмъ не менѣе скоро будетъ писателемъ былаго, не смотря на его желаніе (понятное всякому истино образованному) привязать свой талантъ къ послѣднимъ великимъ событіямъ, напримѣръ, къ уничтоженію крѣпостнаго права, на чемъ основалъ его разсказъ «*Суходольщина*». Можетъ быть явится другой современный писатель нашего солдатства, но это не уменьшитъ значенія нашего Погоскаго. «Какъ сонъ, говоритъ онъ, блѣднѣютъ и стираются съ памяти лица, происшествія и картины, которымъ дивился когда-то и думалъ, что вѣкъ будешь ихъ помнить. Зато же есть на свѣтѣ и такія картины, такія положенія людей, что если хоть мелькомъ взглянулъ на нихъ, никогда ихъ не забудешь. Есть звуки, взгляды и движенія такія, что какъ выстрѣлъ мѣткій—такъ и засядутъ тебѣ подъ сердце и уже ничѣмъ не вырвешь ихъ оттуда. Взгрустнешь иногда безпричинно, забудешься: летятъ въ памяти вольныя думы и вдругъ, ни съ того ни съ сего причудится тебѣ, Богъ знаетъ, когда и гдѣ слышанныя мысли и предметы, давно встрѣченный мелькомъ и позабытый бѣднякъ—и отчетливо

---

[265]) Повѣст. и разск. Погоск. Спб. 1866 года ч. II. кн. 1-я, стр. 94.

стоитъ, какъ живой, предъ тобой забытый образъ. Память забыла, а сердце помнитъ». [266])

Другой писатель изъ народнаго, отчасти изъ солдатскаго быта—Даль (псевдонимъ «Казакъ Луганскій») Въ умѣньи изображать сцены изъ народнаго быта (напр. «Хмѣль, сонъ и явь» «Свѣтлый праздникъ») и изъ солдатскаго («Деньщикъ, Грѣхъ на совѣсти, что шило въ мѣшкѣ»), онъ не уступаетъ Погоскому. Еще Бѣлинскій подмѣтилъ въ его повѣстяхъ умѣнье мыслить головою простолюдина, видѣть его глазами, говорить его языкомъ, способность понимать и добрыя и дурныя свойства простолюдина, горе и радости его жизни, болѣзни и лекарства его быта [267]). Въ былое время Даль помѣщалъ свои разсказы въ различныхъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ Чт. для Сол. (здѣсь его разсказы: «*Прадѣдовскіе ветлы*» 1861 года № 15 *Вѣщій сонъ* 1863 г. № 9-й *Правый судъ* 1863, № 7) Впослѣдствіи Даль свои народныя повѣсти издалъ особой книжкой подъ названіемъ: «*Два сорока бывальщинокъ*» (2 час. Спб. 1862, цѣна 80 к.) Повѣсти назначены для крестьянъ, но половина ихъ изъ солдатскаго быта, слѣдовательно пригодны для чтенія солдатъ. Часть этихъ повѣстей не менѣе нравственна, какъ и повѣсти Погоскаго; но къ сожалѣнію въ это собраніе вошли и тѣ повѣсти, въ которыхъ приводятся тѣ старые взгляды на нашъ народъ, которые образовались подъ вліяніемъ грустнаго изъ всѣхъ общественныхъ золъ—крѣпостнаго права. Таковъ рядъ повѣстей подъ заглавіемъ: «*Глупость наша*», гдѣ разсказывается, что крестьяне вовсе не хотятъ знать работъ на барщинѣ, ни съ того ни съ сего хотятъ перейти съ барщины на оброкъ, такъ что требуютъ вразумленія со стороны исправника и т. п. Картины эти грустны, но еще страннѣе разсказы о разныхъ продѣлкахъ съ жидами, напоминающіе польщизну и которые, какъ писали наши газеты, возбудили такое единодушное отвращеніе Московской публики, при попыткѣ одной Дирекціи поставить подобный

---

[266]) Тамъ же стр. 101.

[267]) Соч. Бѣлинск. т. II, Мск. 1861 года. ст. 111.

фарсъ на сцену, кажется, подъ названіемъ «Жидъ за печатью» [268]).

Къ этому отдѣлу повѣстей принадлежатъ разсказы, помѣщаемые въ журналѣ Чт. д. Сол. Мы еще выше замѣтили о достоинствѣ этихъ разсказовъ (стр. 316). Часть ихъ содержитъ въ себѣ случаи изъ простонароднаго быта, изъ нихъ лучшіе: «*Позднее раскаяніе*» (1862 г. № 1) «*Авдотья Лихончиха*» (№ 11) «*Никита*» (1861 г. № 15) «*Свекровь*» (1866 г. № 3) «*Честная расплата*» (1868 г. № 3) «*Разсказъ изъ крестьянскаго быта*» (1868 г. № 7) «*Случаи изъ крестьянской жизни*» (1862 г. № 21) «*Деревенская простота*» (1869 г. № 15) «*Княжеская милость*» (1868 г. № 7) «*Мѣшокъ съ золотомъ*» (1868 г. № 10) «*Фабричный*» (1862 № 11); но большая часть относится къ солдатскому быту, таковы повѣсти: (въ № 5 1863 г.) «*Архистратигъ*», «*Добрая служба лучшій кладъ*» (№ 23, 1869) «*Позднее раскаяніе*» (№ 19, 1869 года) «*Степанъ Новикъ*» (1869 № 7) «*Ратники*» (№ 3) «*Подвигъ Евтушенко*» (1867 № 11) «*Неожиданный набѣгъ*» (№ 15) «*Дядька Семенычъ*» (№ 15) «*Морская чайка*» (1868 № 19) «*Разсказъ стараго солдата*» (1867 г. № 18) «*Вахмистръ Алексѣевъ*» (1861 г. № 7). Нѣкоторыя изъ своихъ разсказовъ Редакція Чт. д. Сол. издала особыми книжками, между ними лучшіе: 1) *Курганъ Матвѣевъ*, Флоренсова (Спб. 1860, 50 к.), напечатанная въ Чт. д. Сол. за 1861 г., подъ заглавіемъ «Разсказъ о приключеніяхъ Матвѣя», въ ней занимательно описывается бытъ, нравы, промыслы рыбаковъ Азовскаго прибрежья. 2) Два разсказа: 1) *Добровольное признаніе* и 2) *Гдѣ тишь да гладь, тамъ и Божья благодать* (Спб. 1860 года 10 к.)

Сюда же должно отнести простонародные разсказы въ этомъ же родѣ: 3) *Что весной посѣешь, то осенью пожнешь* (Спб. 1862 г. ц. 5 к.) 4) *Полѣсовщикъ*, Погоскаго (1860 ц. 7 к.) 5) *Судъ людской и Божій* (Спб. 1862 г. ц. 5 к.) *Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ* (Спб. 1866 г. ц. 5 к.), 7) *О двухъ*

[268]) Соврем. Лѣт. 1870 года № 3, стр. 13.

Иванахъ (Спб. 1863 г. ц. 5 к.) *О трехъ братьяхъ* (Спб. 1863 ц. 5 к.) 9) *Дѣдушка-разскащикъ* (Спб. 1861—62 г. ц. 65 к.) *6-ть разсказовъ дѣд. Василья*, написанныхъ языкомъ понятнымъ для простолюдина, занимательнаго содержанія. 10) *Жизнь и приключенія Морозова* (Спб. 1865 г.)—автобіографія солдата, обильная приключеніями. 11) *Мельница близъ села Ворошилова, разсказъ дяди Аѳанасія* (Спб. 1862 г. ц. 25 к.) 12) Три разсказа: 1, *Надёжа*, 2, *Солдатъ Захаровъ* и 3, *Разсказъ за чаемъ* (изд. Народ. Чт. 1859 года ц. 10 к.) 13) *Темникъ, изъ записокъ проѣзжаго*, Погоскаго (Спб. 1861) и 15) *Воскресныя посидѣлки* (Спб. 1845 г.) Изданіе изъ 10 книжекъ, которыя составлены изъ разсказовъ, взятыхъ изъ простонароднаго быта, изъ отечественной исторіи, изъ географіи и физіологіи и т. п. Въ книжкахъ много добраго, но изданіе давнишнее, впрочемъ еще существующее въ книжной продажѣ у букинистовъ. 16) *Наши родные богатыри саперы въ Севастополѣ* (Спб. 1863 г.), Орды; въ книжкѣ разсказаны храбрые подвиги нижнихъ чиновъ саперныхъ баталіоновъ во время Севастопольской осады.

Журналъ «Досугъ и Дѣло» также издалъ рядъ разсказовъ, пригодныхъ для чтенія въ солдатской школѣ, между ними замѣчательны вышедшіе отдѣльными книжками: 17) *Сорочьи гнѣзда* 18) *Неспособный человѣкъ* 19) *Старики*, разсказъ изъ крымской войны 20) *Донской казакъ Витиченко*, 21) *Крестьянскій бытъ прежде и теперь*, 22) *Солдатскій бытъ прежде и теперь*.

Не безполезны для солдатской школы книжки разнообразнаго содержанія, изданныя для народа, а именно: 23) *Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова, съ примѣненіями смысла каждой басни къ быту простаго народа*, Золотова (Спб. 1866 г. ц. 20 к.) 23) *Басни, избранныя изъ Крылова и друг. съ объясненіемъ смысла каждой басни примѣромъ изъ быта простаго народа* (Мс. 1868 г. ц. 15 к.) 25) *20 басенъ русскихъ баснописцевъ* (Спб. 1868 ц. 7 к.) 26) *Сказки Пушкина*: а) *о царѣ Салтанѣ* (1861 г. 15 к.) б) *О рыбакѣ и рыбкѣ* (1860 г. ц. 5 к.) в) *О мертвой царевнѣ*

(1861 г. 15 к.) 27) *И. А. Крыловъ* (Спб. 1856 г. 10 к.) 28) *Крестьянинъ—стихотворецъ Ф. И. Слѣпушкинъ* (Спб. 1866 г. ц. 10 к.) 29) *Механикъ-самоучка Кулибинъ* (Спб. 1864 г. 10 к.) 30) *М. В. Ломоносовъ* (Мс. 1865 г. ц. 20 к.) 31) *Русская Лира*, изъ 90 стихотвореній новѣйшихъ поэтовъ, болѣе доступныхъ народу, съ приложеніемъ русскихъ старинныхъ пѣсенъ (Спб. 1860 г. ц. 20 к.) 32) *Сборникъ русскихъ стихотвореній* П. А—а (Спб. 1862 г. ц. 40 к.) 33) *Сборникъ стихотвореній извѣстныхъ русскихъ писателей* (изд. Чт. д. Сол. 1865 г. ц. 40 к.) 34) *Сѣрое горе*, преданіе, разсказанное Ваненко (3 част. Мск. 1863 г. ц. 50 к.).

Мы выставили здѣсь заглавія отдѣльныхъ сочиненій или сборниковъ повѣстей, которые доступны простонародью и нашему солдату. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ не подойдутъ подъ тѣ требованія, которыя мы высказали въ началѣ этого отдѣла; но все-таки, при бѣдности въ этомъ случаѣ нашей простонародной литературы, и эти сочиненія, не смотря на неправильность слога, иногда неопредѣленность направленія (Русская Лира) и даже странность содержанія (Сѣрое горе) нѣкоторыхъ изъ нихъ, могутъ быть прочтены съ бо́льшей пользой солдатами, чѣмъ безобразныя произведенія, въ родѣ Англійскаго Милорда и т. п.

Комитетъ Грамотности въ числѣ книгъ, одобренныхъ имъ для народныхъ учителей и школъ, и для народнаго чтенія [269]) указалъ на нѣкоторыя изъ повѣстей Марко-Вовчка (настоящая фамилія писательницы Г-жа Маркевичъ), вышедшія сначала на малороссійскомъ нарѣчіи, подъ заглавіемъ: *Повістки народні оповідання* (Спб. 1861 г. изд. 2-е) и впослѣдствіи переведенныя на русскій языкъ. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей были разосланы Комитетомъ въ отдѣльныхъ оттискахъ въ тѣ школы, которыя состояли подъ его попеченіемъ. Журналъ Чт. д. сол. перепечаталъ нѣкоторые изъ этихъ повѣстей на своихъ страницахъ (1862 г. № 23 стр. 20. Свекровь 1861 г. въ № 23 Максимъ Гримачъ 1859 г. № 12 «Саша»). Тѣмъ же авторомъ

[269]) Прилож. къ Зан. Комит. Грамот. 1863. № 1.

написанъ былъ рядъ подобныхъ же повѣстей подъ заглавіемъ: *Разсказовъ изъ народнаго русскаго быта.* (1859 года Спб.) Нельзя не согласиться съ критиками [270]), что знаніе народа, умѣнье подмѣтить въ немъ тѣ худыя и хорошія стороны, которыя ускользаютъ отъ насъ при нашемъ поверхностномъ наблюденіи народа, наконецъ описывать случаи изъ быта простонародья чистымъ, понятнымъ всякому языкомъ, *безъ увлеченія, безъ горечи и гнѣва*—вполнѣ принадлежатъ нашей даровитой писательницѣ. Повѣсти по большой части коротки, но содержаніе ихъ занимательно и трогательно; мораль ихъ проста: авторъ рисуетъ картины того безотраднаго положенія, въ которое часто ставило простолюдина наше изчезнувшее навсегда крѣпостное право (напр. «Горпина», «Отецъ Андрей» и «Игрушечка») или ставятъ собственные его предразсудки (напр. «Свекруха», «Чумакъ») или же—непонятныя черты грубости, жестокости и дикаго произвола отдѣльныхъ личностей изъ простонародья (напр. «Данило Гурчъ», «Ефимъ»). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ повѣстяхъ высказывается и то обиліе нѣжности, чувствительности и гуманности, которыхъ мы въ народѣ и не подозрѣваемъ (повѣсти: «Надежа», «Катерина»). Разсказы захватываютъ чисто простонародный бытъ, тѣ же самыя ненормальности простонародной жизни, которыя высказываются въ повѣстяхъ изъ народнаго быта, появившихся въ послѣднее время на страницахъ Чт д Сол. (стр. 347.) Разсказы Марко-Вовчка могутъ быть съ интересомъ прочтены и въ солдатской школѣ, особенно если они будутъ сопровождаться короткимъ, но умнымъ объясненіемъ учителя. Нельзя не замѣтить, что попиманіе многихъ повѣстей обусловливается знаніемъ прошлаго быта нашего народа и психологическими соображеніями; нужно, чтобы читатели подобныхъ повѣстей слишкомъ хорошо были развиты, чтобы имъ были понятны личности, въ родѣ Ефима или Гурча. Подобныя картины писаны для людей образованныхъ и предполагаютъ своимъ содержаніемъ слишкомъ ученый, слишкомъ тонкій анализъ народнаго быта. Интересъ этихъ повѣстей на-

---

[270]) Соч. Добролюбова т. III, ст. 370.

ходитъ начало и исходъ въ томъ естественномъ чувствѣ участія и симпатіи, которое побуждаетъ мыслящихъ людей нашего общества тѣснѣе вникать въ условія той, такъ долго и несправедливо забытой жизни, которою жило наше крестьянство. Крестьянская реформа дала сильный толчекъ нашему интересу къ народной жизни. Какъ описаны картины изъ народнаго быта у Марко-Вовчка, такъ народъ себя не описываетъ. Припомнимъ сочиненія крестьянскихъ дѣтей въ Ясной-Полянѣ (стр. 293).

4.

Къ послѣднему отдѣлу книгъ для народнаго чтенія мы отнесли книги *географическія* и книги, популяризующія свѣдѣнія о природѣ, напримѣръ: *по физикѣ, естественной исторіи, народной гигіенѣ, ботаникѣ* и т. п. Всѣ вообще образовательныя науки такъ тѣсно связаны между собою, что если дѣлаются полезнымъ достояніемъ человѣка образованнаго, то именно только потому, что взаимно пополняютъ и объясняютъ одна другую. Такъ исторія имѣетъ тѣсную связь съ географіей, естественныя науки съ физикой, географія въ свою очередь съ многими другими науками. Существенная польза отъ этихъ наукъ возможна только при ихъ правильномъ изученіи, а не поверхностномъ. Отсюда понятно, почему люди образованные, какъ напр. Щаповъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, доходятъ до такихъ утопій, въ родѣ посылки крестьянскихъ дѣтей въ реальныя гимназіи, или — развитія среди народа преимущественно естественныхъ наукъ, помимо другихъ познаній. [271]) Первыя начала математической географіи не могутъ быть вполнѣ понятны ученику, незнакомому съ физикой. Напримѣръ, понятіе объ обращеніи земли вокругъ солнца никогда не выяснится для вашего ученика и онъ до тѣхъ поръ будетъ принимать это на вѣру, безъ разсужденій, пока ему не будетъ хорошо извѣстенъ физическій законъ тяжести. Въ нашихъ народныхъ

[271]) См. Спеціально-педагогич. условія умств. разв. рус. народа. Ав. Щапова. Спб. 1870 г. и Вѣст. Европ. 1870 г. № 1 стр. 368—370.

школахъ ученики довольно скоро заучиваютъ доказательства обращенія земли около солнца, но на самомъ дѣлѣ только выучиваются вѣрить, что земля ходитъ, а не солнце, болѣе всего за тѣмъ, чтобы похвалиться дома своимъ новымъ знаніемъ, вовсе противоположнымъ народному мнѣнію, будто земля на трехъ китахъ поставлена. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что ученики ваши непремѣнно въ первый же классъ, послѣ изученія доказательствъ обращенія земли вокругъ солнца, спросятъ васъ: отчего же домà вмѣстѣ съ землею не ходятъ, а стоятъ? Я не говорю о худшемъ, что они вамъ вовсе не повѣрятъ, хотя видимо и согласятся съ вами, какъ всегда соглашается и нашъ мужикъ, когда вы ему будете доказывать, что колдуновъ и огненныхъ змѣй нѣтъ. Все это очень понятно и вовсе не должно приводить насъ въ негодованіе; напротивъ виноваты мы сами, что излагаемъ имъ положеніе объ обращеніи земли бездоказательно, какъ, строго говоря, бездоказательны и всѣ наши географическія доказательства обращенія земли. Обращеніе земли вокругъ солнца истина положительная, но она нарушаетъ всѣ старинныя воззрѣнія простолюдина на міръ. Для этого нужны доказательства посерьёзнѣе тѣхъ, которыя мы предлагаемъ. Вотъ почему такъ неестественны всѣ разсказы о томъ, какъ дѣдушка Наумъ или отставной солдатъ Макаровъ учили мужиковъ географіи, или читали въ своемъ селѣ чуть не публичные лекціи изъ естественной исторіи,—пріемъ популяризаціи, такъ любимый нашими народными и солдатскими журналами. Вспомнимъ, что и у насъ самихъ послѣ школы, не смотря на всевозможные теллуріи, остается объ обращеніи земли вокругъ солнца и происхожденіи отъ этого обращенія дня, ночи и временъ года самое неясное понятіе. Я не говорю уже о лунныхъ фазисахъ и многомъ другомъ, что учится и непремѣнно забывается; все это кажется понятнымъ намъ, но попробуй кто-нибудь спросить насъ объ томъ, что мы считаемъ понятнымъ, и мы никакъ не объяснимъ, если только давно не заглядывали въ географію или физику. Потому нельзя не признать достоинства такихъ популярныхъ сочиненій, авторы которыхъ не придерживаются отжившей рутины, по которой всѣ

непосвященные въ науку люди считаются чуть-ли не за пищихъ, которымъ можно удѣлить кое-какія крохи отъ богатой трапезы науки. Проф. Бекетовъ, въ популярныхъ *Бесѣдахъ о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ*, изложеніе физической географіи начинаетъ съ объясненія геометрическихъ пріемовъ измѣренія, посредствомъ треугольниковъ, высотъ и разстояній; потому что только этимъ объясненіемъ можно сдѣлать понятнымъ вашему ученику тотъ способъ, которымъ люди дошли до предположенія о громадной величинѣ солнца и объ огромныхъ разстояніяхъ между небесными тѣлами. Только при понятіи объ относительной величинѣ земли и солнца, возможно пониманіе закона тяготѣнія. Г. Бекетовъ не затрудняется даже разсказать въ своей книгѣ, какъ одинъ ученый человѣкъ задумалъ доказывать по движенію маятника обращеніе земли. Въ этомъ случаѣ дѣйствительно историческій путь, иначе, указаніе способъ, какъ люди дошли до понятія объ обращеніи земли, есть единственно прямой и вѣрный путь, для популяризаціи науки въ простонародной школѣ (стр. 81).

Обратимся за тѣмъ къ вопросу: *по какому плану возможна передача географическихъ и другихъ свѣдѣній о природѣ въ солдатской школѣ?* Изученіе географіи, какъ науки, конечно, здѣсь не мыслимо. По недостатку времени, такое преподаваніе превратилось бы въ простое, затруднительное изученіе названій, безъ пониманія ихъ. Здѣсь еще можно допустить чтеніе путешествій и описаній различныхъ странъ и ихъ жителей, но пойдетъ ли оно въ такомъ случаѣ далѣе удовлетворенія пустаго любопытства—это еще вопросъ. Начните вы читать какія-нибудь географическіе разсказы въ солдатской школѣ, въ родѣ *Очерковъ Грубе*, въ родѣ *Разсказовъ Американца Парлея*, онѣ будутъ слушаться учениками съ живымъ интересомъ; но все въ этомъ разсказѣ будетъ приниматься и запомниваться, какъ сказка, а не какъ дѣло. Поговорятъ о книгѣ солдаты и забудутъ. «Въ нихъ запомнится, какъ замѣчаетъ одинъ писатель, все то, что въ нихъ менѣе всего географическаго, а именно все географическое-то здѣсь и забудется. Каждый ученикъ невольно спроситъ себя:

къ чему все это? Дѣйствительно, гдѣ та связь понятій, къ которой могъ бы примкнуть читаемый разсказъ, въ головѣ вашего ученика; гдѣ тѣ звѣнья цѣпи представленій, куда бы можно было вставить тѣ ассоціаціи представленій, которыя вы передаете своему ученику? Вотъ почему такъ трудно написать для простонародья разсказы изъ географіи и изъ естественныхъ наукъ. Вотъ почему только тѣ полезныя свѣдѣнія могутъ имѣть приложеніе въ солдатской школѣ, которыя передаются солдату наглядно, въ живой бесѣдѣ офицера-преподавателя съ своими учениками. Если вы при историческомъ разсказѣ или въ разсказѣ о сраженіи, ознакомите вашего слушателя съ мѣстностію, гдѣ происходитъ разсказъ,—ясно, что интересъ къ географіи тогда можно возбудить и въ солдатѣ. Вы будете имѣть возможность къ этому разсказу привязать физическую характеристику данной мѣстности, этнографію и т. п. Если вы съумѣете объяснить причину грома и молніи, по поводу прочитанной въ солдатской школѣ статьи (напримѣръ *о пожарахъ* Погоскаго),—вы можете много пользы сдѣлать простолюдину, разрушивъ его вѣковой предразсудокъ, будто бы зажженное громомъ тушить безполезно и даже грѣшно. Даже если вашъ слушатель послѣ вашего объясненія, можетъ быть, и останется при своемъ мнѣніи, то вы уже много сдѣлали, затронувъ этотъ вопросъ въ его умѣ, показавъ нелѣпость его вреднаго повѣрья. Вотъ почему во 2-й лекціи мы придали такое значеніе для солдатской школы методамъ: повѣствовательной, описательной и наглядной. Въ этомъ случаѣ интересъ къ преподаванію, возбужденный въ ученикахъ солдатской школы къ бесѣдамъ учителя, будетъ служить мѣрою примѣнимости сообщаемыхъ имъ полезныхъ физическихъ свѣдѣній къ ихъ быту, будетъ опредѣлять планъ и направленіе самыхъ бесѣдъ.

При этомъ необходимо долженъ явиться вопросъ: *ищетъ-ли нашъ народъ рѣшенія космическимъ, географическихъ и физическихъ вопросовъ, и чувствуетъ ли необходимость ихъ рѣшенія?* На это всякій, кто вдумывается въ проявленія нашей народной русской жизни, не усумнится отвѣтить самымъ положительнымъ образомъ. У всякаго народа, на какой-бы низ-

кой степени цивилизаціи онъ ни стоялъ, прежде всего является пытливость, желаніе узнать окружающую его природу. Пытливость эта въ свою очередь обусловливается надеждой подчинить себѣ природу, сдѣлать вліяніе ея силъ менѣе для себя вреднымъ. Слѣды такихъ попытокъ мы видимъ въ первобытныхъ повѣрьяхъ, обрядахъ, даже въ языкѣ. Періодъ славянскаго миѳическаго эпоса особенно богатъ проявленіями подобныхъ народныхъ стремленій. Шаманство на сѣверѣ Россіи, кудесничество среди племенъ славянскихъ, о которомъ уже даетъ нѣкоторое понятіе лѣтопись Нестора, суть ничто иное, какъ проявленіе инстиктивнаго стремленія темной народной массы знать тайны или законы природы, судьбы или законы жизни. Благодаря гласности, недавно обнаруженныя во всей ихъ наготѣ секты, тайно развившіяся у насъ въ теченіе послѣднихъ столѣтій (напр. скопцы, люди божіи, немоляки, хлысты), выражаютъ эти же стремленія, достигшія своего крайняго напряженія. Это то же кудесничество, въ которомъ отцы наши искали рѣшенія занимавшихъ ихъ мировыхъ вопросовъ. Темный людъ, тѣсно связанный съ негостепріимной природой нашего сѣвера, дрожа за свою будущность, у представителя секты, даже у простаго знахаря ищетъ разъясненія патологическихъ и метеорологическихъ явленій, каковы: здоровье и болѣзнь, морозъ и тепло, засуха и дождь, урожай и неурожай, изобиліе и недостатокъ звѣрей, рыбы и т. п. Къ сожалѣнію народъ нашъ мало довѣряетъ свѣту истинной науки: у него слишкомъ много приверженности къ старинным суевѣріямъ, къ своимъ травникамъ, громовикамъ, словомъ—къ тѣмъ дѣтскимъ воззрѣніямъ на міръ, которыя вынесъ онъ съ собой въ Европу съ дальняго востока. Но и здѣсь нельзя не замѣтить одинъ весьма замѣчательный фактъ, что иной разъ умъ простолюдина самъ собою пускается въ самостоятельныя умствованія о природѣ. Щаповъ въ одной изъ послѣднихъ статей: *Умственныя направленія русскаго раскола* разсказываетъ объ умствованіяхъ одного турухтанскаго скопца, который создалъ свою космогонію. По его мнѣнію, земля есть огромная, овальная равнина, которая двигается отъ нажима волесно-слопстыхъ массъ

воздуха въ годъ разъ по кругу, горизонтально, дѣлая въ это время малыхъ оборотовъ дневныхъ 385-ть. «Такъ я думаю, прибавляетъ онъ, безъ всякихъ книгъ.» [272]) Изъ всего этого слѣдуетъ, что мысль народа работаетъ и ждетъ, пока она просвѣтится свѣтомъ науки. Тоже самое мы должны сказать и примѣнить и къ солдатской быту и школѣ; солдатъ тотъ же простолюдинъ, это мы сказали еще въ началѣ лекцій, и онъ возвращается въ ту же народную массу по прошествіи пяти лѣтъ, которыя онъ проведетъ въ полку. При этомъ нельзя не замѣтить, что это школьное ознакомленіе простолюдина съ естествознаніемъ должно слѣдовать постепеннымъ и непремѣнно практическимъ путемъ. Замѣчанія нашихъ писателей, что въ нашихъ народныхъ массахъ до сихъ поръ преобладаетъ практическое мышленіе надъ теоретическимъ; что въ теченіе многихъ вѣковъ высшія способности ума—логическое отвлеченіе, сравненіе, обобщеніе въ народѣ плохо развивались и народъ, не смотря на тѣсную связь своего труда съ областію природы, несмотря на необходимость изученія свойствъ и вліяній этой природы, остался недолго, а въ массѣ и до сихъ поръ, на самой низшей ступени пониманія природы, на чисто чувственной, реальной наглядности,—это замѣчаніе можетъ дать намъ указаніе, что съ научными взглядами на природу нужно знакомить ученика-простолюдина слишкомъ осторожно и путемъ очевидности, что несравненно прочнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ всякое преподаваніе голословное. Нужно много наглядности и очевидности въ популяризаціи естественныхъ наукъ, чтобы человѣкъ разстался съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которымъ надѣлили его жизнь и преданія семьи. Всякій, кто преподавалъ въ народной школѣ, это знаетъ хорошо; примѣры того, что дѣтей берутъ изъ сельской школы, какъ скоро учитель скажетъ, что земля вертится, далеко не рѣдки и не между однимъ раскольническимъ населеніемъ.

Есть ли попытки у насъ въ литературѣ въ этомъ родѣ; есть ли стремленіе у нашихъ простонародныхъ журналовъ, или

---

[272]) Дѣло за 1867 г. № 12 стр. 194.

издателей простонародныхъ книгъ ознакомить народъ съ міровѣдѣніемъ? Попытки эти есть, но они далеко не удовлетворительны. Относительно статей этого разряда, помѣщаемыхъ въ нашихъ журналахъ, мы высказали свое мнѣніе выше (стр. 316); здѣсь ограничимся указаніемъ для солдатскихъ школъ книгъ и брошюръ по этому отдѣлу.

Первое мѣсто между подобными книгами безспорно принадлежитъ указанной нами выше книгѣ Г. Бекетова, подъ заглавіемъ: *Бесѣды о земли и тварях, на ней живущихъ* (2-вѣ книж. изд. 2-е 1865 г. ц. 50 к.) Бесѣды эти печатались сначала въ «Солдатской Бесѣдѣ» 1862 и 1863 годовъ и собственно назначались для чтенія нижнихъ чиновъ, съ тою цѣлію чтобы эти послѣдніе «могли быть приспособлена къ занятію, по увольненіи изъ службы, должностей учителей и помощниковъ учителей сельскихъ школъ, подъ руководствомъ священниковъ и распорядителей школъ». Въ 1862 году такое предположеніе Редакціи этого журнала, изложенное въ запискѣ Редактора, представленной, чрезъ Г. Военнаго Министра, Государю Императору, удостоилось Высочайшаго одобренія [373]). Въ послѣдствіи времени направленіе это перешло въ журналъ «Досугъ и Дѣло», гдѣ и доселѣ продолжается. Въ числѣ отдѣльно изданныхъ этими журналами книгъ и учебниковъ, о пользѣ которыхъ мы говорили (прежде стр. 164 и 318), выпущены редакціею Сол. Бес. и *Бесѣды* Г. Бекетова. Эта книга представляетъ единственный у насъ опытъ дѣльнаго и совершенно популярнаго изложенія главнѣйшихъ вопросовъ изъ многихъ отраслей естествознанія: изъ астропомической, географіи, геологіи, физики, метеорологіи, физіологіи, насколько ихъ можно коснуться въ тѣсномъ объемѣ 155 стр., довольно убористой печати. Въ первой бесѣдѣ говорится объ обращеніи земли около солнца. Не смотря на свою привычку свободно обращаться и объяснять другимъ трудные научные вопросы; не смотря на указанные выше разумные пріемы географическихъ выводовъ, авторъ не могъ избѣжать неточностей и сбивчивости въ изло-

[373]) См. Сол. Бес. кн. 5 за 1862 г. объявленіе.

женіи, таковы: сравненіе земли, обращающейся на своей оси, съ колесомъ, сравненіе обращенія земли вокругъ солнца съ человѣкомъ, который двигается вокругъ другаго. Слѣдующія бесѣды даютъ понятіе о пластахъ, осѣдлющихъ изъ воды (при чемъ указывается на полосатые берега рѣкъ, на образованіе горъ и враговъ), о дѣйствіяхъ подземнаго огня (тутъ прекрасно описаны землетрясенія), объ образованіи камней и земныхъ пластовъ (гранитъ, глина, песчаникъ, известнякъ, мраморъ, каменная соль, черноземъ), о теплѣ и холодѣ (гдѣ описанъ и термометръ) о моряхъ, источникахъ, рѣкахъ и озерахъ, о тяжести воздуха, о туманахъ и облакахъ, о громѣ и молніи, о вѣтрахъ, о составѣ воздуха, о томъ какъ высчитывать количество тепла, дождя и т. п. Все это авторъ примѣняетъ къ Россіи и говоритъ подробно «о погодѣ на Руси», представляя таблицы средняго тепла, дождевыхъ и снѣжныхъ дней по мѣсяцамъ и количества падающей воды въ теченіе всего года. Въ своихъ объясненіяхъ онъ всегда искусно обращается къ видимымъ всюду предметамъ. Во второй части, которая посвящена существамъ органическимъ, авторъ сначала обращаетъ вниманіе читателя на вещества, какія растеніе заимствуетъ изъ почвы и изъ воздуха, на самый способъ его питанія и на что при обработкѣ почвы и посѣвѣ долженъ обращать вниманіе земледѣлецъ (основныя правила сельскаго хозяйства). Во второй половинѣ послѣдней книги слѣдуютъ бесѣды: о сходствѣ всѣхъ живыхъ тварей между собою, объ устройствѣ тѣла коровы, животнаго, занимающаго первое мѣсто въ нашемъ хозяйствѣ, о кровообращеніи и питаніи человѣческаго тѣла. Такимъ образомъ книжка Г. Бекетова есть популярная и въ высшей степени полезная энциклопедія. Мы съ намѣреніемъ долѣе другихъ книгъ остановились на ея обзорѣ, чтобы показать, какимъ прекраснымъ руководствомъ можетъ быть книжка эта, для бесѣдъ преподавателя солдатской школы съ учениками.

Точно такого же содержанія, какъ книга Г. Бекетова, книжка, изданная на премію Комитета Грамотности 1868 года, Зобовымъ: 2) *Бесѣды о природѣ, книга для чтенія въ селахъ и деревняхъ* (Спб. ц. 40 к.). Первое, что вамъ представится, по про-

чтеніи этой книги, это то, что въ назначеніи ея вышло какое-нибудь недоразумѣніе. Все—и содержаніе, и языкъ, и способъ доказательствъ говоритъ вамъ, что книга назначена для дѣтей образованнаго общества, а не для скромныхъ обитателей селъ и деревень. Мы не будемъ заходить далеко: возьмемъ только первыя 10-ть страницъ книги. Авторъ сравниваетъ землю съ *апельсиномъ* и на немъ показываетъ экваторъ, полюсы, отношеніе горъ къ земной массѣ и т. п. Видите, авторъ беретъ такой предметъ, который *чаще всего пдятъ наши крестьяне*, и который они всегда найдутъ подъ рукой. Такимъ способомъ на 262-хъ страничкахъ толкуется о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и явленіяхъ, начиная съ кометъ, *витающихъ* въ *неизвѣстныхъ* намъ небесныхъ *пространствахъ* (стр. 41), до папоротника, который *попираютъ* ногами ученики Г. Зобова, *разгуливающіе по полямъ и лугамъ* (стр. 153), попираютъ, вмѣстѣ съ гнѣздящимися на нихъ науками и червями (257 стр.) Прибавьте къ этому почти совершенное отсутствіе рисунковъ, что напоминаетъ избитый пріемъ нашихъ учебниковъ—при всѣхъ объясненіяхъ наглядныхъ начинать ихъ, за отсутствіемъ предметовъ преподаванія, словами: *вообразимъ себѣ!* Ученики *воображаютъ*, и все-таки ничего не понимаютъ. Между тѣмъ книга Бекетова избѣгаетъ всего этого и ведетъ свои объясненія тѣмъ раціональнымъ путемъ популяризаціи, который выработала западно-европейская наука и примѣръ которой мы видимъ даже въ гимназическихъ учебникахъ Германіи, напримѣръ, въ *Первыхъ урокахъ минерологіи*, Герда (Спб. 1869 г.).

По такому же плану, но далеко не съ такимъ искусствомъ, какъ книжка Бекетова, составлены книги: 3) *Есть ли гдѣ конецъ свѣту?* Соч. Данилевскаго и Оссовскаго (Спб. изд. 4-е 1868 г. 35). Лучшую часть книги составляетъ описаніе міра растеній и животныхъ, составляющее болѣе двухъ третей книжки; но при этомъ нельзя не пожалѣть, что къ описанію не приложено рисунковъ, безъ которыхъ не можетъ быть понятно самое подробное описаніе особей изъ міра растительнаго или животнаго. 4) *Міровѣдѣніе. Отд. I о тѣлахъ небесныхъ.* Соч. Золотова (Спб. из. 2 1862 г. ц. 40 коп.). Это—перепечатка *Бесѣдъ*

въ учебномъ фехтовально-гимнастическомъ кадрѣ, того же автора (1859 г. ц. 6 к.), изъ которыхъ выкинута большая часть обращеній къ народу (напр. «Здраствуйте добрые люди! Называю васъ добрыми, потому что вы» и т. п.), самыя бесѣды снабжены рисунками, взятыми изъ географіи и технологіи. Книжка состоитъ изъ шести бесѣдъ, изъ которыхъ особенно занимательны: 2-я «о солнышкѣ», 4-я «о лунѣ», 5-я «о затмѣніяхъ лунныхъ и солнечныхъ» и 6-я «о кометахъ». Нельзя не замѣтить, что, не смотря на простоту изложенія, многое изложено здѣсь не съ полною ясностью, а на многое, о чемъ трактуетъ книга, читатель, безъ объясненій учителя, не найдетъ себѣ объясненія. Напримѣръ, (стр. 28—31) на вопросъ, какъ люди узнали, что звѣзды отъ нихъ далеко? авторъ отвѣчаетъ—посредствомъ телескоповъ, и за тѣмъ начинаетъ ихъ описывать. Вопросъ этотъ, какъ мы видѣли изъ книги Бекетова, возможно рѣшить и прямѣе. Одинаково неполны: объясненіе облаковъ (58 стр.) или (на стр. 77) объясненіе движенія земнаго шара; въ книгѣ даже попадаются такія вещи, которыя давнымъ-давно изъ курсовъ географическихъ выброшены (напр. на 102 стр. понятіе объ эклиптикѣ). 5) *Начальная книжка. Первыя понятія о міровъдѣніи.* (изд. 1868 г. Дос. и Дѣл. ц. 15 к.). 6) *Книга Наума о великомъ Божьемъ мірѣ*, Максимовича. (Мс. изд. 8-е 1859 г.) Объ книги одинаковаго содержанія съ показанными выше; достоинство послѣдней, благодаря которому, книга выдержала нѣсколько изданій, объективность ея содержанія: большую часть выводовъ авторъ предоставляетъ читателю, избѣгая тѣхъ мнимо научныхъ пріемовъ доказательствъ, которые такъ обыкновенны географическимъ учебникамъ. Въ простонародномъ учебникѣ одно—или авторъ прямо долженъ знакомить ученика съ послѣдовательнымъ процессомъ вывода, или же передавать одни факты, добытые наукой; среднихъ компромиссовъ быть не должно. 7) *Разсказы о землѣ и о небѣ Алек. Иванова* (Спб. 1865 г. ц. 15 к.) Разсказы ведутся отъ лица крестьянскаго мальчика, который, чрезъ самообразованіе и чрезъ распросы добрыхъ людей, выучился географіи; пріемъ довольно избитый, изложеніе курьёзное. 8) *Бе-*

сѣды въ досужное время, Золотова. (1861 г. ц. 6 к.) Книга трактуетъ объ измѣреніи тепла посредствомъ термометра и о барометрѣ, но эти и подобныя объясненія не могутъ быть понятны безъ показыванія самихъ инструментовъ, слѣдовательно книга не вполнѣ полезна.

Редакціей Чт. д. Сол. издано нѣсколько брошюръ изъ физической и математической географій; брошюры эти хороши, своею краткостію и отсутствіемъ непужныхъ умствованій, въ нихъ прямо предлагается добытыя наукой данныя. Въ полковыхъ солдатскихъ школахъ, гдѣ преподаваніе географіи можетъ быть ведено систематически, я полагаю, можно бы слѣдовать въ выборѣ этихъ брошюръ слѣдующему порядку. Сначала ученики должны читать съ объясненіемъ учителя брошюру: 9) *Земля и что на ней есть* (Спб. 1862 г. изд. Сеньковскаго ц. 6 коп.) Въ книжкѣ содержатся первыя понятія о земномъ шарѣ, о размѣщеніи на земномъ шарѣ морей и материковъ, о распредѣленіи на землѣ тепла и холода и о томъ, какія растенія свойственны извѣстнымъ поясамъ. Достоинство книжки состоитъ въ наглядномъ изложеніи или историческомъ способѣ изложенія географическихъ доказательствъ. За этой книгой я далъ бы ученикамъ для руководства двѣ брошюры: 10) *О землѣ, лунѣ, солнцѣ и звѣздахъ* (Спб. 1865 г. Мірск. Вѣстн. ц. 10 коп.) и 11) *О землѣ, водѣ и воздухѣ* (Спб. 1859 г. из. Чт. д. Сол.) Въ первой книжкѣ довольно подробно изложена математическая, а во второй—физическая географія; объ эти книжки въ полковой школѣ могутъ служить дальнѣйшимъ развитіемъ географическихъ знаній, первое начало которыхъ положено чтеніемъ предшествующей брошюры. Недостатокъ второй книжки тотъ, что она изложена въ видѣ разговора учителя съ солдатами, слѣдовательно большая ея часть наполнена никуда непригоднымъ матеріаломъ или *хорошимъ схожденіемъ*, какъ весьма удачно выражается гр. Толстой. Я помню самъ, какъ выводитъ изъ терпѣнія, при преподаваніи географіи по брошюрамъ въ видѣ разговоровъ, это постоянное исканье по книгѣ научныхъ положеній, на которыхъ хотѣлось бы остановиться и указать на нихъ ученикамъ при объясненіи урока, чтобы они могли для нихъ служить руководствомъ при

повтореніи преподаннаго. Вопросы эти большею частію или такъ пространны, что содержатъ въ себѣ и отвѣтъ, или же отличаются такою загадочностью, что ученикъ на нихъ не можетъ отвѣчать иначе, какъ прежде спѣвшись съ учителемъ (напримѣръ: что еще нужно замѣтить объ экваторѣ)? [274]). Но зато въ ней есть короткое перечисленіе странъ, съ ихъ горами и водяными путями, морей, съ ихъ проливами и заливами. При 2-й книжкѣ есть карта обоихъ полушарій. Послѣ этихъ книгъ можно перейти къ ознакомленію учениковъ полковой школы съ *картой Россіи*. Такая *Карта* отпечатана Редакціею Чт. д. Сол. на двухъ листахъ большаго формата нѣсколькими красками въ 1860 году. (стоитъ 1 руб.) Для объясненія и изученія ея можетъ служить брошюра: 12) *Краткое поясненіе карты Европейской Россіи* (Спб. 1862 г. изд. Чт. д. Сол. ц. 10 коп.)

Матеріаломъ для практическихъ бесѣдъ при обученіи географіи могутъ служить, кромѣ показанныхъ выше, слѣдующія книги и брошюры: по всеобщей географіи 13) *Разсказъ изъ естественной исторіи о землетрясеніяхъ* (Мс. 1864 г. ц. 15 к.) 14) *Изъ природы. Вода во всѣхъ ея видахъ.* (Спб. 1861 г. изд. Сол. Бес. ц. 12 к.) Три брошюры П. Горбунова 15) *О томъ что происходитъ въ воздухѣ.* (Спб. 1863 г. ц. 10 к.) 16) *Какъ узнать почву.* (ц. 10 к.) 17) *Какъ и чѣмъ пахать и проч.* (ц. 10 к.) 17) *Разсказы грамотѣя*, три отдѣльныхъ брошюрки Волокитина (Спб. 1861—63 г.) Шесть послѣднихъ брошюръ предназначены для распространенія въ народѣ правильныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній и, не смотря на свой малый объемъ, содержатъ много хорошаго. По географіи Россіи можно указать на рядъ брошюръ, подъ заглавіемъ *Разсказы странствователя* (изд. Чт. д. Сол.) 17) *С. Петербургская губернія.* (Спб. 1861 г. съ 13 рис. ц. 25 к.) 18) *Московская и Тульская губерніи.* (Спб. 1860 г. съ 4-мя рис. 10 к.) 19) *Воронежская губернія.* (Спб. 1862 г. съ 4 рис. ц. 15 к.) 20) *Сѣверный край.* (Спб. 1850 г. ц. 10 к.) 21) *Очерки*

[274]) Снес. стр. 95.

Малороссіи (Спб. 1865 г. ц. 15 к.) Первыя четыре брошюры содержатъ опытъ описанія этихъ губерній въ географико-этнографическомъ отношеніяхъ, а послѣдняя есть опытъ соединенія исторіи съ этнографіей. Журналъ Дос. и Дѣл. издалъ рядъ статей въ томъ же родѣ, это—опыты землеописанія Россіи по живымъ урочищамъ, вышли въ 1868 году. 22) *Волга и Приволжье.* 23) *Ока, Сура и Кама, притоки Волги.* Обѣ книжки заключаютъ въ себѣ довольно живое и складное описаніе губерній Волжскаго бассейна. Авторъ съумѣлъ избѣжать однообразнаго описанія нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, которыя такъ надоѣдаютъ намъ въ учебникахъ Русской географіи. Съ описаніемъ тѣхъ городовъ, которые имѣютъ не одно значеніе административнаго центра, авторъ соединяетъ историческія воспоминанія и тѣ характерныя присловья, которыми въ двухъ, трехъ словахъ русскій человѣкъ умѣетъ характеризовать мѣстность и жителей, и неистощимый матеріалъ для изслѣдованія которыхъ мы имѣемъ въ сборникѣ пословицъ Даля. Нельзя здѣсь не указать на прекрасные очерки Россіи Максимова, назначаемые для простонароднаго чтенія; такихъ очерковъ пять: 24) *О Русской землѣ* (Спб. 1864 г. ц. 15 к.) 25) *О Русскихъ людяхъ* (Спб. 1865 г. ц. 15 к.); въ первой книжкѣ содержится общее физическое понятіе о Россіи, во второй—о племенахъ населяющихъ русскую землю. Продолженіемъ ихъ служатъ четыре брошюры, подъ заглавіемъ: *Край крещенаго свѣта*—28) I. *Мерзлая пустыня* (Спб. 1865 г.), описаніе природы и народовъ дальняго сѣвера; 29) II. *Дремучіе лѣса* (Спб. 1866 г.), описаніе быта народовъ финскаго и тюркскаго племенъ, обитающихъ въ сѣверной и средней полосѣ Россіи; 28) III. *Степи*, (Спб. 1866 г.), описаніе природы и быта кочевыхъ народовъ южныхъ и приволжскихъ степей. и 29) IV. *Русскія горы и Кавказскіе горцы.* Всѣ разсказы Г. Максимова писаны простымъ, понятнымъ языкомъ и имѣютъ то достоинство, какое имѣютъ разсказы Майнъ-Рида, т. е. что авторъ ихъ видѣлъ то, что описываетъ, по большей части своими глазами: это придаетъ имъ колоритъ правдиваго, живаго разсказа.

Простонародныхъ книгъ, въ которыхъ бы популяризовались статьи изъ естественныхъ наукъ и медицины и которыя бы годны были для солдатской школы, кромѣ книжки Бекетова, у насъ положительно нѣтъ, если мы не отнесемъ къ нимъ брошюръ: Н. С-каго—22) *Книжки для первоначальнаго чтенія* (Спб. 1865 г.), въ которой излагается естественная исторія домашнихъ и полезныхъ животныхъ; всѣхъ книжекъ четыре (по 10 к.) 23) *Лечебникъ домашняго скота* (10 к.) 24) *Краткое наставленіе объ охраненіи полезныхъ животныхъ* (Спб. 1861 г. изд. Мин. Гос. Им. ц. 15 к.) 25) *Ручная книга для грамотнаго простонародья*) Спб. (1862 г. ц. 50 к.) 26) *Бесѣды для народнаго чтенія*, Трусова (Спб. 1859 г. ц. 1 р.) 27) *Сельскій лечебникъ*, Маркуса (Спб. 1856 г. ц. 1 р.) и 28) *Опытъ книги для простонароднаго чтенія*, Зеленаго (Спб. 1860 г. ц. 30 коп.).

Настоящей лекціей оканчивается рядъ моихъ чтеній о грамотности въ войскахъ. Принявъ на себя этотъ трудъ, изъ желанія принести возможную пользу сообщеніемъ вамъ, Гг! тѣхъ педагогическихъ правилъ, которыя мнѣ удалось узнать изъ книгъ [275]) и примѣнить къ дѣлу, я буду считать себя вполнѣ вознагражденнымъ если желаніе сбудется, хоть отчасти, т. е. если вы воспользуетесь далеко тѣхъ совѣтовъ, которые предложилъ я вамъ, въ будущемъ вашемъ преподаваніи въ солдатскихъ школахъ. Изложенныя мною мысли не вездѣ могутъ быть безошибочны, въ частномъ ихъ развитіи могло вкрасться пристрастіе, отъ котораго никто не свободенъ даже самый безпристрастный и опытный практикъ. Вѣрнѣйшій судья въ педагогикѣ опытъ: повторенный при различныхъ условіяхъ, онъ одинъ можетъ опредѣлять нормальное правило. Тѣмъ не менѣе большая часть обыкновенныхъ или чѣмъ-либо замѣчатель-

[275]) Матеріаломъ для составленія лекцій служили книги: по педагогикѣ Юркевича, Ушинскаго и Модзалевскаго, изъ иностранныхъ — Немейеръ Шварцъ, Дистервегъ и др.

ныхъ методъ нашла мѣсто и оцѣнку въ нашихъ лекціяхъ. Но наука длинна точно такъ же, какъ коротка наша жизнь. Съ теченіемъ времени могутъ явиться новыя методы преподаванія элементарныхъ наукъ, но для оцѣнки и повѣрки ихъ у васъ есть данныя: эти данныя, во-первыхъ, знакомство съ психологіей, а во-вторыхъ, наше изслѣдованіе методъ, при которомъ мы имѣли въ виду показать, какимъ образомъ та или другая метода дѣйствуетъ на наши умственныя способности. Вамъ представится тысяча случаевъ примѣнить психологическія наши выводы къ практикѣ, какъ эти случаи представляются мнѣ и всякому другому, кто занимается профессіей преподаванія. Съ другой стороны близкое знакомство съ теоріей преподаванія убѣдило васъ, что преподаваніе въ начальной школѣ не такъ мудрено, какимъ оно представляется съ перваго раза, и только тогда не успѣшно, когда учитель не понимаетъ смысла того или другаго пріема преподаванія; что главное дѣло въ преподаваніи—терпѣніе и трудъ; что гдѣ трудъ принимается къ сердцу, тамъ онъ только даетъ благотворныя результаты, а безъ него не помогутъ никакія новѣйшія методы и руководства. Этимъ трудомъ надъ умственнымъ развитіемъ солдата вамъ слѣдуетъ отблагодарить за то образованіе, которое дается вамъ здѣсь. «Лучшая помощь ближнимъ, говоритъ одинъ новѣйшій писатель (Ауэрбахъ), не въ томъ, что мы сдѣлаемъ человѣка богатымъ, а въ томъ, что мы дадимъ ему средства къ образованію, вложимъ ему въ душу честныя правила и тѣмъ дадимъ возможность самому заработывать хлѣбъ». Мы замѣтили въ одной изъ послѣднихъ лекцій, что лежащее на васъ дѣло развитія солдата не должно ограничиваться однимъ обученіемъ его читать и писать, на васъ же должна лежать забота о его дальнѣйшемъ развитіи. Развитіе это главнѣйшимъ образомъ состоитъ въ вашихъ бесѣдахъ съ солдатомъ. Важность этихъ бесѣдъ сознаетъ не одинъ практикъ войсковыхъ школъ [276]). Всякій изъ васъ настолько знакомъ съ предметами общаго образованія, что можетъ бесѣдовать съ солдатами о предметахъ научныхъ. Вторымъ сред-

[276]) См. Воен Сбор 1867 г. № 3 стр. 41.

ствомъ развитія солдата мы считаемъ его самостоятельное чтеніе. Мы сознались, что книгъ, написанныхъ популярно, у насъ мало; но большая часть сочиненій, указанныхъ нами въ 8-й лекціи, могутъ быть предметомъ полезнаго, развивающаго чтенія въ войсковой школѣ. Потому учрежденіе въ войскахъ *солдатскихъ библіотекъ*, какъ справедливо выражается одинъ преподаватель солдатской школы,[277]) «одно только можетъ поставить насъ на прямую дорогу къ достиженію цѣли, которую предполагаетъ распространеніе грамотности въ войскахъ. Дѣло учрежденія этихъ библіотекъ лежитъ всецѣло на васъ, будущихъ дѣятеляхъ войсковыхъ школъ. Если бы каждая солдатская библіотека обладала хотя половиной того, что мы указали, тогда грамотность въ войскахъ подвинулись бы впередъ. Ни въ одной ротѣ, ни въ одной батареѣ я почти не встрѣчалъ нашихъ замѣчательныхъ популярныхъ книгъ, изданіе которыхъ приноситъ честь нашимъ народнымъ и солдатскимъ журналамъ или обществамъ распространенія подобныхъ книгъ въ народѣ, тѣмъ болѣе что оно не обходится безъ пожертвованій. Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе Г. Погоскаго, «что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ распространена грамотность въ народѣ, тамъ рѣдко можно встрѣтить малограмотнаго или полуграмотнаго, какіе сплошь, да рядомъ встрѣчаются въ нашихъ войскахъ» [278]).

Но скажутъ: гдѣ средства для этихъ библіотекъ? На это можно отвѣтить однимъ разсказомъ изъ американской жизни. Простой наборщикъ въ одной филадельфійской типографіи, Франклинъ однажды сказалъ своимъ товарищамъ: «насъ 12-ть человѣкъ, у каждаго изъ насъ найдется какая-нибудь книга; если мы соберемъ эти книги вмѣстѣ для общаго пользованія, то каждый изъ насъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи 12-ть книгъ. Если насъ соединится сто, то каждый изъ насъ будетъ пользоваться сотней». Начало дѣлу было положено, и теперь эта библіотека имѣетъ до 800,000 томовъ книгъ. Я не буду много пояснять смысла этого разсказа, мораль его проста: изъ

---

[277]) См. Воен. Сбор. 1866 г. № 2 стр. 324.

[278]) См. Воен. Сбор. № 6 стр. 253.

усилій меньшинства образуется умственное богатство общества. Книги, указанныя нами, не стоятъ рублей, а нѣсколькихъ копѣекъ, между тѣмъ пріобрѣтеніе на эти копѣйки нѣсколько лѣтъ сряду популярныхъ сочиненій можетъ образовать очень солидную библіотеку. Если и эти копѣйки составляютъ счетъ, при нашемъ скудномъ ротномъ хозяйствѣ; то у насъ есть Комитетъ Грамотности, который, на частныя пожертвованія, снабжаетъ книгами солдатскія библіотеки, и навѣрно будетъ всегда имѣть возможность удовлетворить ваши скромныя требованія. Другой вопросъ—храненіе и перевозка книгъ. Но если вы сдѣлаете это дѣло артельнымъ; если ваши солдаты сознаютъ пользу и потребность чтенія; то повѣрьте, что солдаты на себѣ перенесутъ вашу библіотеку въ походѣ и она будетъ сохраннѣе вашихъ шкафовъ съ красивыми надписями: *библіотека такой-то роты*, и съ громко-звучащими ключами.

Кромѣ библіотекъ не могу не указать еще на одинъ путь къ развитію солдата, это—*публичныя чтенія въ войскахъ*. Въ нашей гвардіи это уже введено съ прошлаго года. Что касается до иностранныхъ армій, то они существуютъ тамъ очень давно. Англійскіе офицеры пользуются всякимъ досугомъ и отдыхомъ солдатъ, чтобы наполнить праздное время своими публичными лекціями, которыя всегда занимательны и разнообразны. Происходитъ ли перевозка войскъ водою въ колоніи, или войскамъ приходится занимать крѣпости и форты въ непріятельской странѣ, досугъ войска занятъ публичными чтеніями и опытами. Какъ интересны подобныя лекціи, можно видѣть по заглавію нѣкоторыхъ подобныхъ лекцій, поименованныхъ въ отчетѣ за 1865 годъ, составленномъ инспекторами учебной части англійскихъ войскъ. Вотъ онѣ: Ватерлоо. Смерть Нельсона. Электрическій телеграфъ. Гальванизмъ. Свойство составныхъ частей воздуха. Сифонъ или перемежающійся ключъ. Наркотическія снадобья, которыя мы употребляемъ и которыми злоупотребляемъ. Наши домашніе фавориты изъ міра животныхъ. Хладнокровіе. Воздержаніе и слѣдствія невоздержности. Здоровье и счастье. Умъ и юморъ разныхъ народовъ [279]). Вы можете по-

[279]) См. Педаг. Сборн. 1868 г. № VII стр. 756—758.

думать, что чтеніе подобныхъ лекцій можетъ имѣть смыслъ только среди англійскихъ войскъ; но нужно замѣтить то, что французскія и англійскія войска не составляютъ особаго сборища людей просвѣщенныхъ. Пролетаріатъ, изъ котораго вербуются англійскія войска, не стоитъ въ умственномъ развитіи выше нашего простонародья, далеко оставляя его за собою своею безнравственностью. Правда, мы не можемъ стать на ряду съ англійскими войсками въ другихъ отношеніяхъ, и прежде всего въ отношеніи удобствъ ихъ расквартированія. Только небольшое число нашихъ войскъ пользуется казарменнымъ помѣщеніемъ, которое болѣе всего способствуетъ распространенію грамотности и просвѣщенія между солдатами, потому что при немъ только возможны твердая грамотность солдатъ и подобныя бесѣды или чтенія въ средѣ войскъ. Войска наши, расположенныя въ густонаселенныхъ губерніяхъ, могутъ еще кое-какъ справиться съ грамотностію; но войска, стоящіе на зимнихъ квартирахъ среди малонаселенныхъ мѣстностей, вовсе лишены подобныхъ удобствъ. Какъ видно изъ современныхъ газетныхъ статей, наше Военное Министерство въ настоящее время занято разсмотрѣніемъ проэкта одной частной компаніи, которая, съ извѣстными гарантіями Правительства, беретъ на себя устройство подобнаго рода казарменныхъ помѣщеній по мѣстностямъ, которыя будутъ опредѣлены стратегическими соображеніями.

Не менѣе интересны свѣдѣнія современной прессы объ обсужденіи одною коммисіею [280]) вопроса о *народномъ* театрѣ, которому литература приписываетъ образовательное значеніе въ средѣ нашего простолюдья. Коммисія при первыхъ своихъ работахъ высказалась, что мы имѣемъ въ нашей литературѣ нѣсколько (до 120-ти) такихъ поучительныхъ драмматическихъ произведеній, которыхъ пониманіе было бы доступно нашему народу. Большинство же произведеній нашей драмматической новѣйшей литературы народу положительно не понятно; потому что изображая жизнь, какъ она есть, сильны только своею отрицательною стороною, а для простолюдина трудно понять эту отрицатель-

[280]) Сын. Отеч 1870 г. № 35 стр 2.

ную сторону; онъ скорѣе способенъ понимать факты, представляемые комедіей, въ прямомъ ихъ смыслѣ, т. е. будто литература и образованные люди относятся съ похвальной стороны къ многимъ безобразіямъ нашей народной жизни. Отсюда понятно, почему, напримѣръ, произведенія Островскаго объяснялись критиками двухъ противоположныхъ лагерей каждымъ въ свою пользу. Если театръ послужитъ разсадникомъ образованія среди народа, то народный театръ принесетъ и свою долю пользы, чрезъ солдатскіе театры, и нашимъ войскамъ. Дѣйствительно, начало театра въ Россіи было глубоко-нравственное и поучительное: началомъ нашему театру послужили тѣ же мистеріи, какъ и на Западѣ, только безъ странныхъ интермедій, которыя такъ безобразили тамъ серьезной характеръ самого представленія. Безспорно, что представленія на сюжеты изъ русской исторіи и изъ жизни нашихъ великихъ людей и патріотовъ (въ родѣ «Иголкинъ купецъ Новгородскій», «Костромскія лѣса») могутъ имѣть глубокое, нравственное вліяніе на наше простонародье. Но если народный театръ не пойдетъ далѣе Филатокъ и Мирошекъ или балаганныхъ фарсовъ, то эта надежда на театръ должна исчезнуть.

1870 года, Февр. 20.

КОНЕЦЪ.

Важнѣйшія опечатки, которыя необходимо исправить прежде прочтенія книги:

стран.	строк.	напечатано:	исправить:
16.	34.	Ура-Уюбе	Ура-Тюбе
41.	1.	трактикующая	трактующая
42.	14.	задушевно: называется,	задушевно, называется:
52.	14.	чѣмъ	тѣмъ
58.	20.	уменьшенность	уменьшаетъ
68.	19.	не развитымъ	неразвитымъ
106.	15.	намъ	нашъ
136.	27.	привглядываться	приглядываться

стран.	строк.	напечатано:	исправить:
151.	36.	утора	учора.
157.	28.	Швеченко	Шевченко
171.	20.	(cours a' adultes).	(cours d' adultes.)
176.	9.	9-ть слоговъ	9-ть словъ
197.	35.	глазамѣрѣ	глазомѣрѣ
215.	11.	правильно	правильной
217.	26.	(1+5)	(1—5)
219.	2.	математека	математика
232.	20.	здача	сдача
261.	33.	словъ	буквъ
263.	27.	не скорое	не скорое, а
267.	35.	лплаюсь	лишаюсь
274.	28.	во все	вовсе
275.	20.	моекитъ, ненръ,	москитъ, негръ,
276.	3.	слѣпо	послѣ
277.	5.	образцамъ	образцомъ
288.	31.	сдѣлано	сдѣлана
293.	33.	возражаній	возраженій
303.	14.	остановкѣ	постановкѣ
303.	35.	предложенномъ	предложномъ
305.	26.	книги	Книги
307.	5.	не сомнѣнно	несомнѣнно
307.	12.	громотѣ	грамотѣ
311.	4.	разточасмыхъ	расточаемыхъ
313.	16.	либорантъ	лаборантъ
313.	22.	Illustrirtewelt.	Illustrirte Welt.
315.	17.	Magazin pilloresque	Magazin pittoresque
321.	20.	о Господь Богъ	о Господѣ Богѣ
322.	19.	шлола	школа
330.	6.	запонимаемъ	запомниваемъ
337.	4.	Матвеевъ	Матвѣевъ
337.	18.	выказали	указали
345.	20.	основалъ	основанъ
351.	13.	боташкъ	ботаникѣ
353.	16.	способъ	способа
353.	30.	онѣ	они
356.	2.	385-ть	365-ть
356.	19.	недолго	надолго
357.	13.	приспособлена	приспособлены
360.	5.	рисункаш	рисунками
363.	35.	клоритъ	колоритъ
364.	21.	далеко	долею

225—234 „ повторены по ошибкѣ №№ цитатъ отъ 188 до 196.

ОГЛАВЛЕНІЕ. *)

Вступленіе ..... 1.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ

О томъ, какое значеніе имѣетъ развитіе грамотности въ войскахъ и что требуется со стороны офицера, преподавателя солдатской школы, чтобы эта школа имѣла успѣхъ ..... 7.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ

О томъ, на чемъ основываются пріемы первоначальнаго обученія и о способахъ преподаванія вообще ..... 38.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ

Объ обученіи грамотѣ и преимущественно по методамъ буквосочетательной и силлабической ..... 106.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ

О звуковой методѣ обученія грамотѣ, съ указаніемъ на лучшіе буквари для солдатскихъ школъ ..... 147.

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ

О методахъ обученія письму и примѣненіи ихъ къ солдатскимъ школамъ ..... 180.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ

О способахъ обученія ариѳметикѣ въ солдатскихъ школахъ ..... 216.

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ

Объ умственномъ развитіи солдата въ войсковой школѣ, послѣ обученія грамотѣ, посредствомъ объяснительнаго чтенія и письменныхъ работъ ..... 256.

ЛЕКЦІЯ ВОСЬМАЯ

О составѣ солдатскихъ библіотекъ изъ книгъ преимущественно простонароднаго содержанія, чтеніе которыхъ можетъ способствовать къ умственному развитію солдата и къ его военному воспитанію ... 305.

*) Въ текстѣ, при началѣ каждой лекціи напечатано подробное содержаніе ея.

Таб. I

Фиг. 1.

ДЛДМ_ЖЧЖК_ЦНПЦ_ОСЕОѲЭ

Ѣ ГВРЗФЪЬБ. (изъ Азб. Гутта.)

Фиг. 2.

АБКГДЖИКН.ЧСФ18ЬѲЗ

Фиг. 3. (изъ Азб. П. Григорьева.)

I отд.

Фиг. 4.

Фиг. 5.

Фиг. 6.

Фиг. 7.

Фиг. 8.

Фиг. 9.

Фиг. 10.

Фиг. 11.

II отд.

Фиг. 12.

Фиг. 13.

Фиг. 14.

III отд.

Фиг. 15.

Фиг. 16.

Фиг. 17.

Фиг. 18.

Фиг. 19.

Фиг. 20.

Фиг. 21.

Фиг. 22.

Фиг. 23.

Фиг. 24

Фиг. 25

Фиг. 26.

Фиг. 27

Фиг. 28.

Печ. Дозв. Ценз. 1870 г. Февр. 4 Для ценз. готовлю ...

Таб. II.

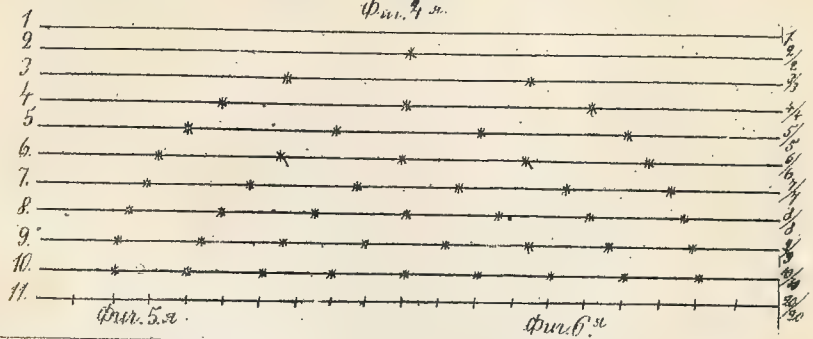
Фиг. 1-я

Фиг. 2-я

Раз! Два! Раз! Два! три! Раз! Два! три! четыре

Фиг. 3-я

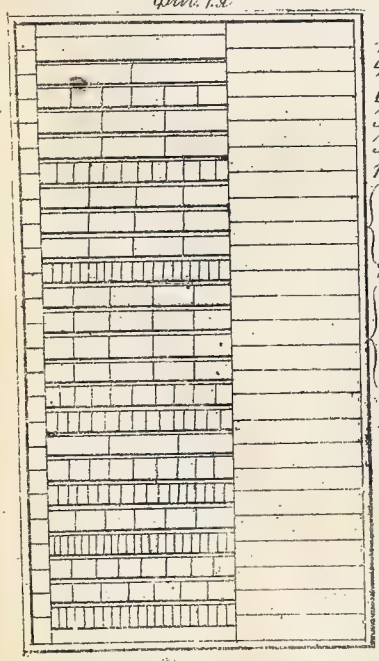
Фиг. 4-я.



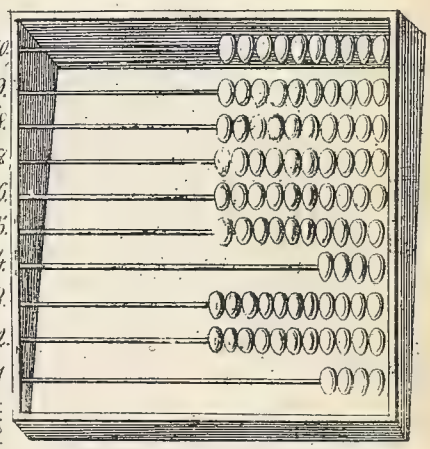
Фиг. 5-я

Фиг. 6-я

Фиг. 7-я



1-цѣлая
2-половины
6-я доли
3-трети
3-трети
12-я доли
4-четверти
20-я доли
5-я доли
10-я доли
15-я доли
3-трети
9-я доли
18-я доли
6-я доли
24-я доли
8-я доли
7-я доли
21-я доли



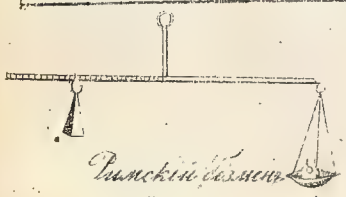
Счеты прежде.

Фиг. 8-я

Купеческие счеты

Фиг. 10-я

Ручная таблица умножения



Римский безмен

Фиг. 9-я

$8 \times 8 = 60 + 2 \times 2 = 64.$

Печ. Моск. Канал. 1870 г. Авен. 4 д. Отдел. Ценз. Готвальдъ. Лит. Коскобойникова.

Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 рубль.

Продается въ Казанскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ.